

КНИГА 3 «ПОД ВОДОЙ»

Оглавление

Оглавление.....	2
«МИР ВДОХНОВЕНИЯ	3
«ВРЕМЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ДЛЯ ЛОВЦОВ ЛАМИНАРИИ И МОРСКИХ ЕЖЕЙ».....	70
ДАРЫ МОРЯ	127
«УСТРИЦЫ»	130
«ГРЕБЕШОК»	136
«МИДИИ».....	145
«МОРСКОЕ БЛЮДЕЧКО».....	150
«ГАЛИОТИС»	155
«НАТИКА»	159
«БУКЦИНИИ И НЕПТУНИИ»	162
«ХИТОН СТЕЛЛЕРА»	166
«РАК-ОТШЕЛЬНИК»	172
«ЗВЁЗДЫ»	178
«АСЦИДИИ И АКТИНИИ»	185
«КРАБЫ»	190
«МЕДУЗЫ».....	206
«ГУБКИ».....	217
«ОСЬМИНОГ»	223
«ЗУБАТКА».....	242
«БЫЧОК».....	246
«МАСЛЮК»	252
«МОРСКОЙ КОНЁК»	255
«КАМБАЛА».....	259

«МИР ВДОХНОВЕНИЯ»

Почему и для кого пишешь книги? Конечно, не из любви к себе, и не для себя. Для людей? И «да», и «нет». Но это не главное. Что-то глубинное понуждает тебя братья за перо, причём, не только радость восприятия этого удивительного мира, а нечто ещё более значимое, исходящее через тебя из неведомого, бесконечно мудрого Источника...

Конечно, своим творчеством ты способен доставлять незабываемое волнение кому-то, пробуждая в нём чудесные искорки озарения, помогающие открыть и свой внутренний мир, и ты делишься с людьми искренними поисками истины, более всего желая разобраться в ней сам. В письме ты мыслишь и выражаешь своё исконное «я», тебе, почему-то, непременно требуется достичь его, нестерпимо хочется добиться этого, и ты не можешь не делиться своими поисками с кем-то ещё, ощущая близость устремлений с тем, кому также необходимо жить осознанно, понимая смысл собственного существования. Или ты вдруг постигаешь, что одному тебе осуществить подобное не под силу?

А может быть, ты просто радуешься восприятию этого удивительного бытия, когда невозможно этого не делать? Так пленительна эта жизнеутверждающая сила, так заразительна её созидательная мощь, тем более, если дело касается отображения морской стихии, её таинственных глубин. Как мне не писать, не выстраивать поэтично свои мысли, когда что-то неудержимое внутри меня просится на бумагу, как будто ты обязан донести его до мира, несмотря ни на что, развив в себе способность и потребность совершать это, совершая с удовольствием, но и не без великого напряжения?!

Несомненно, кто-то Великий движет моей рукой, и я сам не могу не открывать свою подлинную душу, у меня хватает на это духу, посвятив созидательному труду всю жизнь, и все ответы я ищу в собственной душе, в самом себе. Только тогда открывается правда, ибо и искусство, и жизнь есть истинное всё, и если ты осознал в себе Бога, ты никогда не отойдёшь от неё, неся в себе божественное, а значит – истинно правдивое, и без сомнения – радостное.

Именно неведомое, но близкое всем нам Божество наделяет каждого человека частицей своей энергии, чтобы поведение его было исполнено понимания этого, и он бы поступал соответственно заложенной в себе божественности, то есть – рос, изменяясь к лучшему, а это, конечно, невозможно без совершения над собой душевных усилий. Ощущать в себе Бога – это значит постоянно работать над собой, ничего не прося у Него, и тогда благословение придёт к вам заслуженно, и вы будете готовы принять его.

Разве не должен человек взростеть в постоянно изменяющейся Вселенной, развивая своё сознание и душу? Конечно, должен, а во имя этого ему необходимо знать как можно больше, решаться на самые высокие

задачи, не боясь отправиться даже к недостижимым морским и небесным рубежам. Если люди готовы что-то по-настоящему ценить в своей жизни, то это – именно рост, приобретение божественных качеств, свойственных Существованию, и на этом пути человеку не обойтись без стремления к постижению.

Да, писатель, как никто, расположен к познанию окружающего мира, и он не может не писать. Однажды я обрёл в себе это знание, как своё главное дело жизни. Но если и существовало на свете что-нибудь, чем бы я занялся кроме желания проникать в суть вещей и явлений, максимально приближаясь к истине с помощью письма, то этим, без сомнения, оказалась бы работа в море, под водой.

Все те, кому посчастливилось хотя бы раз погрузиться на глубину, должны быть благодарны одному человеку по имени Жак Ив Кусто, изобретшему чудесный аппарат – акваланг, своеобразные «лёгкие», с помощью которых можно длительное время находиться под водой. В год моего рождения Кусто, в сообществе своих друзей с «Калипсо», только начинали свои подводные изыскания, ведя у острова Гран-Конглуэ раскопки греческого корабля, погибшего около 205 года до нашей эры. Профессор Пикар в это время строил в Италии свой батискаф «Триест», в котором с сыном Жаком, чуть позже, опустился на три тысячи сто метров. А Жорж Уо с инженером Пьером Вильмом достигли в Атлантике ещё большей глубины – 4тысячи 50 метров... Освоение подводных глубин шло полным ходом, притягивая исследователей своей неизведанностью, необъятностью открывающихся задач, и я с раннего детства, благодаря попавшим мне в руки книгам о море, уже грезил захватывающими дух погружениями под воду, мысленно паря в голубой тишине... Как сладостны были эти мечты-наваждения, как я верил в то, что когда-нибудь обязательно их осуществлю.

Увлёкшись в 12 лет подводным плаванием, я, конечно, не мог себе представить, что в один прекрасный день мои нереальные тогда фантазии о необыкновенных островах станут реальностью, и я собственными глазами увижу подводный мир у берегов Сахалина и Курил! И почему-то, как бы ни приукрашивали в многочисленных фильмах и книгах красоты тропических вод, я был предан именно нашим северным морям – Японскому, Охотскому и Беринговому. Эти названия несли в себе то, что было связано с историей России, в них присутствовали отмеченные летописцами и совсем безымянные судьбы первооткрывателей дальних морей, какая-то неизведанная тайна, которая бесконечно копилась в их глубинах, а однажды, в силу заслуженно сложившихся обстоятельств, была ухвачена кем-то, и выражена ясно и просто: «Беринговое» - в честь великого капитана, исследователя северных земель Витуса Беринга, «Охотское» - благодаря неисчислимым дружинам охотников за неисчерпаемыми дарами этого моря, «Японское» - отображающее близкое к российским границам присутствие известного всем своим своеобразием архипелага...

Именно здесь, неподалёку от берегов таинственной и манящей Японии, я и осуществил своё первое в жизни погружение. Точнее – в лагуне Буссе, на юге Сахалина, где мы тогда добывали трепанг. Я помню, как мною овладело ощущение необыкновенной приподнятости, когда я оказался во власти двоякого чувства. С одной стороны, меня манило проникновение в тайны подводного мира, с другой, скрывало незнание того, что меня там ждёт. Море слегка волновалось, упругий ветерок устраивал на поверхности воды небольшую толчею, и это волнение моря ещё более усиливало моё возбуждение.

Я проверил давление воздуха в баллонах – сто восемьдесят атмосфер. Стараясь ни о чём не думать, поплевал на стекло маски, сполоснув её в воде для того, чтобы стекло не запотевало при погружении, затем осторожно приладил маску на лице, заложил в рот мундштук, отдающий тальком, и прыгнул солдатиком с борта. Мириады серебристых пузырьков охватили тело со всех сторон, восторженно сопровождая меня в свободном парении ко дну, и на мгновение показалось, что барабанные перепонки не выдержат этого первого напряжения. Тело почти не воспринимало возросшего давления, но болезненные ощущения в ушах не покидали, и я, зажав рукой нос, совершил несколько продуваний, как это обычно делаем мы в самолёте, когда он набирает высоту. Боль быстро исчезла...

Что меня сразу поразило под водой, так это то, что я не испытывал никаких страхов, переживая лишь удивительную свободу. Правда, не покидало ощущение, что ты здесь посторонний, нарушивший чьи-то владения, но впечатление это быстро исчезло, а когда я опустился на песчаное дно и осмотрелся, необъяснимая тревога и вовсе куда-то улетучилась. Было легко, радостно, и еле улавливаемое на слух журчание пузырьков, которое совсем недавно вызывало смешанные чувства и чуточку пугало, теперь удивительно успокаивало.

Я летел над островками тёмно-зелёных водорослей, а на белом песке стали попадаться чудесные яркие звёзды и – о, счастье! – их можно было взять в руки. Изредка встречались чёрные ежи, тёмно-коричневые, почти фиолетовые трепанги и ещё какая-то белая травка, перекатывающаяся по дну. Тут же сновали мелкие краснопёрки, и, проплывая по инерции рядом с ними, почему-то подумалось, что я чем-то схож с ними. От этой мысли стало ещё более радостно: акваланг автоматически подавал чистый, свежий воздух, уравновешивая наружное давление, и я совершенно успокоился, ощущая себя под водой как в родной стихии. Не верилось, что несколько минут назад неведомый подводный мир лишь настораживал, вызывая сильное душевное смятение. Я ощутил огромное, просто не передаваемое счастье!

Глянув вверх, я опять увидел стайку краснопёрок. Поверхность моря светилась мутноватым зеркалом, и здесь, под водой, никакого волнения не ощущалось. Посмотрев же под собой, туда, где песчаное дно убегало вниз, теряясь в сгущающейся тьме глубины, я вдруг почувствовал к ней

неимоверную, совершенно неопишемую тягу... Переживаемые с детства грёзы наконец-то обретали восхитительную реальность.

Долго ещё, после этого погружения, каждый новый спуск под воду воспринимался мною как самый первый, и приносил свои особые ощущения. Всякий раз почему-то не покидало волнение, и даже наработав со временем тысячи часов погружения, я не переставал переживать внутренний трепет перед очередным спуском. Уж слишком необычен был подводный мир, всегда оставаясь неповторимым, а то, что ты в нём переживал, оказывалось ни с чем несравнимо.

Тот, кто не парил среди подводных скал, покрытых сказочной растительностью, не опускался в глубокие каньоны между ними, не заглядывал под нависающие утёсы и в мрачные гроты, не чувствовал себя при этом настоящим подводным обитателем, - не ощутил всю полноту жизни. Но погрузиться на дно и в один вдох сделать открывшийся мир своим – дано далеко не каждому. Именно родившегося под знаком воды, сразу после погружения не охватывает острое желание устремиться обратно, на поверхность, а только вглубь моря, увлекаясь настолько, что почти забываешь о необходимости скорого возвращения на землю. Родиться в согласии с водной стихией – значит выбрать её для себя как самую дорогую и удобную, способную открыть то, что никогда не подарит земля.

И всё-таки, рано или поздно, чувство одиночества под водой начинает постепенно угнетать вас, и как ни прекрасен окружающий мир, приходится подниматься на поверхность. Радость возвращения тоже ни с чем несравнима, поскольку оказавшись в привычном, дорогом для вас мире, вы ещё переживаете то, что только что случилось с вами под водой, и радуетесь этой замечательной возможности жить на прекрасной земле, оставляя её иногда ради необыкновенного подводного царства.

Не сразу отходишь от всего того, что в этом царстве увидел, когда забираешься на бот или выходишь на песок, к прибрежным скалам. Хочется посидеть какое-то время одному, отрешённо наблюдая за всем, что происходит вокруг, но внутренне при этом оставаясь ещё там, под водой, в плену поразительных красок, звуков и ощущений.

С удовольствием вспоминаешь проплывающих мимо рыб, будто не замечающих тебя, отчего начинаешь более ответственно вглядываться в себя: кто ты и зачем здесь находишься? Постоянно наблюдать за миром подводных обитателей с точки зрения человеческих возможностей невозможно, и не вооружись ты определёнными техническими средствами – гибель твоя была бы неизбежна. Но чужой для подводного мира, ты всё же не чувствуешь страха, вернее – его преодолеваешь, и, наверное, на короткое время превращаешься в какое-то подводное существо, пытаешься максимально слиться с окружающей жизнью. Только так ли уж ты далёк от воды, большей частью составляющей твой организм и причащающий тебя к одной из четырёх загадочных и мощных стихий?!

Мысль о том, что плавно продвигаясь в толще синей воды, над белым песчаным дном, ты вполне естественно начинаешь ощущать себя морским животным, не покидает тебя. По какой-то причине ты просто долгое время отсутствовал в родной стихии, но вот вернулся и всё вспомнил: нигде на земле не встречал ты такого покоя и тишины. Может быть именно здесь, в этом самом месте, до тебя из людей никого и не бывало, но при этом - ты не чувствуешь себя в одиночестве. При полной тишине всё вокруг дышит чьим-то незримым присутствием, скрытой жизнью, которая не сразу становится заметной, и ты понимаешь, что больше тебе не обойтись без этого подводного пространства, и тебя будет неизменно тянуть в морскую глубину.

Джеймс Олдридж в своей книге «Подводная охота» очень точно подметил, что когда подводный пловец всматривается в глубину – значит, он смотрит скорее в неволю, нежели на свободу, и это совсем не то, что смотреть в воздушное пространство или в небо. Следует только уточнить: в неволю эту он всматривается, устремляясь в неё по собственному желанию, и это – удивительное состояние, которое возможно переживать лишь под водой.

Когда вы попадаете под воду, глубина и плотность окружающей вас среды мгновенно создаёт впечатление свободы, несравнимое даже с полётом в вышине, и, тем не менее, вы не вольны, как на суше, но необыкновенно желаете этой обволакивающей вас, таинственной несвободы. Попав в неё, у вас будто вырастают крылья, которые невозможны на земле, стихия, вроде бы, подчинена вам и ничто не может в ней помешать этому парению, а между тем быть околдованным полётом под водой – губительно, если полностью отдаться этому ощущению. Следует ясно отдавать себе отчёт в том, что углубляясь в подводную темноту – вы закабаляете себя всё больше и больше, рискуя однажды потерять верное восприятие действительности. Ощущая себя под водой созданием с невидимыми крыльями, хорошо было бы научиться не терять головы, постоянно чувствуя своё тело и душу.

Придав себе, в начале погружения, сильное ускорение ногами, в последующем вы почти освобождаете своё тело от этой функции, лишь чуть подрабатывая ластами и, вновь на какое-то время отрешённо замирая, наслаждаетесь переживанием ненавязчивой сопричастности со всем окружающим. Избавление тела от надоевшей обременённости находится постоянно в вертикальном положении – поразительно, и вы должны с благодарностью впитывать эту дарованную вам Богом радость, не сожалея, что рано или поздно придётся возвратиться на землю. Поднявшись на поверхность после двух-трёх часов пребывания под водой, лучше будет не сожалеть о том, что вам пришлось оставить удивительный подводный мир, а радоваться возвращению на прекрасную сушу, находящуюся по соседству с такой же прекрасной водой. Прелесть от этой неразделимости двух стихий – одно из самых захватывающих в жизни наслаждений.

Только пузырьки воздуха соединяют вас с землёй, когда вы находитесь в водном мире. Ниточка их, будто пуповина, неразрывно тянется из

таинственной глубины к поверхности, и словно поддерживает тебя в твоей радостной невесомости. Без этого ускользающего воздуха тебе не увидеть подводных красот, и следует терпеливо его экономить, несмотря на охватывающую восторженность чувств. Радость от первого глубокого вдоха наверху, после всплытия из глубины, станет намного дороже, если к воздуху, что поступал в ваши лёгкие из баллонов акваланга, вы относились бережно. Вокруг необъятное царство притягивающей тайны, куда хочется безоглядно броситься и окунуться целиком, а нужно неспешно и размеренно вдыхать и выдыхать, вдыхать и выдыхать, и не терять над собой контроля.

Размеренность подводного дыхания, в особенности – при добыче морепродуктов, когда воздух следовало просто беречь, удивительным образом приучила меня к обыкновенному терпению. Ведь чем меньше сжатого воздуха, находящегося в баллонах, ты потреблял, тем больше мог собрать ежа или трепанга: именно это обстоятельство вынуждало дышать размеренно. Мало того, что размеренное дыхание закалило мою сердечно-сосудистую систему, так оно ещё незаметно поставило вдумчивое отношение к жизни, основу верного осознания и своего существования, и окружающего мира.

Сжатый воздух, которым дышат аквалангисты, содержит в два раза больше кислорода, и эта особенность дарит более приподнятое, лёгкое восприятие действительности, если, конечно, твоё пребывание под водой не сопряжено с выполнением каких-либо серьёзных работ. Но нередко за удивительное нахождение под водой и проникновение в её глубины приходится платить собственным здоровьем, а о том, что там существуют разного рода неудобства - не стоит и говорить. Ну, если только упомянуть необходимость справлять естественную потребность организма, что под водой сопряжено с массой хлопот. Хорошо, если вы облечены в мокрый неопреновый костюм, можно помочиться прямо в него – морская вода всё промоет, но вот с костюмом сухого типа случается сушая морока: всякий раз приходится подниматься на поверхность, чего обычно не позволяет работа, и остаётся только терпеть.

Часто под водой, это касалось напряжённых дней, когда мы работали на добыче морепродуктов и «съедали» за день по 3-4 акваланга, действительно возникала острая проблема с необходимостью подниматься на поверхность, чтобы справить естественную нужду. Организм, страдая от переохлаждения и серьёзного напряжения, требовал этого значительно больше, чем на поверхности, но поскольку приостановить добычу, по многим причинам, было невозможно – мы приспособились мочиться прямо в гидрокостюмы. Неопреновые костюмы были мокрого типа и свободно позволяли это, поскольку одевались на голое тело. Скоро морская вода, циркулируя между костюмом и телом, вымывала остатки мочи, к тому же, моча на какое-то время производила обогревающий эффект. Вечером, после завершения погружений, костюм тщательно прополаскивался, просушивался и никаких следов не оставалось.

После длительной работы в течение двух-трёх месяцев у многих ребят нередко возникали сложности с воспалением половых органов, сопровождающимся раздражением и зудом, и лучше всего в этом случае помогало ... тёплое молоко высокой жирности: необходимо было только какое-то время подержать член в нём, долго потом не смывая. Образовавшаяся сыворотка стягивала кожу, очень надёжно и быстро очищая её, и сыпь постепенно исчезала. Но молоко не всегда присутствовало в походных условиях, и вот здесь на выручку опять приходила ... моча, которая использовалась точно так же, как и молоко: нужно было только подержать в ней воспалённый орган, какое-то время, опять же, не промывая его. Естественное лекарство давал сам организм, и оставалось лишь умело воспользоваться им, причём, никто не видел в этом ничего зазорного.

Однажды судьба забросила меня на западное побережье Чукотского полуострова, в Беринговое море, где мы выполняли работу от ТИНРО, и во время одного из выходов на берег я узнал, что чукчи время от времени поят своих оленей человеческой мочой для возбуждения в них бодрости и силы. Оказывается, сия влага действует на животных подобно тому, как валерьяновые капли на кошек, олени жадны до неё, и по ночам не дают людям покою, бродя вокруг их жилища в ожидании любимого питья, а когда мочу наконец-то выплёскивают из какой-нибудь юрты на снег, производят между собой драку. Каждый чукча хранит мочу в отдельной посуде, из которой постоянно поит оленей, и когда ему нужно собрать их, то он выставляет этот сосуд и призывает животных протяжным голосом, после чего животные быстро прибегают.

Неудобства при выполнении подводных работ возникают во множестве, и некоторые из них даже способны вывести пловца из душевного равновесия. Что же вызывает под водой страх или, по крайней мере, раздражение и тревогу?

В одной из книг о море я как-то прочитал, что автора, подводника-океанографа, пугало под водой всё большое: рифовые банки, скалы, островки водорослей или затонувшие корабли. Это большое и пугающее, всегда неожиданно, выплывало откуда-то, и в ограниченной видимости вызывало неприятные ощущения. Как будто что-то неведомое наступало из неведомых глубинных недр, готовое вот-вот раздавить, расправиться с тобой...

Но по собственному опыту я знал, что пугает всегда неизведанное. Как только ты преодолеваешь барьер неизвестности – страх пропадает. Может остаться волнение, рабочий зуд, но страха уже не переживаешь.

Опасность под водой может подстергать неожиданно в самой безобидной ситуации. Внешне ваше подводное оборудование, вроде бы, исправно: костюм без порезов, швы хорошо проклеены, грузовой пояс отрегулирован на необходимую вам плавучесть, маска подогнана, акваланг забит сжатым воздухом под завязку и работает хорошо. Нет никаких поводов для беспокойства. Но причина неполадки акваланга может быть любая, самая

незначительная, на которую сразу не обратишь внимания, пока она не даёт о себе знать.

Например, вы работаете на грунте, глубина 20-30 метров, и вдруг сильная струя воздуха выбивает у вас изо рта загубник. Хорошо, если вы привыкли держать загубник во рту плотно, а не мягко, и удар воздуха поймал вас в момент, когда в лёгких ещё осталось его достаточная порция, в этом случае есть вероятность, что сориентировавшись и не поддавшись растерянности, вы всплывёте на выдохе и всё обойдётся... Но что же произошло, ведь вы тщательно проверяли аппарат перед погружением, и он был в полном порядке?!

Лишь разобрав на поверхности лёгочный автомат, вы выясните причину его неисправности: это вырвало в дыхательном автомате диафрагму, и воздух под давлением пошёл в камеру вдоха. Поломка произошла из-за сетчатого фильтра, который стоит перед клапаном редуктора, предназначенного для понижения давления воздуха, поступающего из баллона в дыхательные пути. Край сетки фильтра немножко отошёл в теле прокладки, и он утратил своё назначение. Под клапан редуктора попала окалина, клапан стал неплотно прижиматься к седлу, и режим работы лёгочного автомата был нарушен: воздух под высоким давлением начал свободно проникать в камеру редуктора, отчего и вырвало диафрагму. А ведь какая мелочь, которую легко не заметить!

Несмотря на защищённость тела достаточно плотным и прочным неопреновым костюмом, не исключена под водой и опасность ожогов от медуз, порой образующих в море значительные скопления. Ты продвигаешься в толще воды, увлечённо выполняя конкретную рабочую задачу, и не всегда обратишь внимание на медуз-крестовичков, незаметно облепивших тело. Эти крестовички, несмотря на свои крохотные размеры, способны доставить большие неприятности. Ожоги от их прикосновений страшно губительны, и могут даже привести к летальному исходу, если вовремя не оказать потерпевшему помощь.

Вероятны и случаи нападения зубатки... Эта метровая рыбина, с зубами, способными раздробить лодочное весло, всегда скрывается в водорослях, и первой реакцией на вмешательство в её обитель, обычно, оказывается молниеносный бросок к вашей руке, которую уже не спасёт неопреновая перчатка, и скорее всего вам придётся обращаться к врачу с рваной раной, как это произошло однажды со мной. Шрам на левой руке до сих пор напоминает мне о том счастливом времени, когда я ничего не боялся, и, несмотря на все перипетии нелёгкой подводной работы, был здоров и счастлив.

А вот такие достаточно крупные животные, как котики и нерпы вреда причинить не могут, но играя, способны укусить вас за ласту, случается даже – за лодыжку, и тем изрядно напугать, если вы ещё недостаточно опытный подводный пловец...

Если вы решили поохотиться на осьминога или тоже затеяли с ним игру, он способен прицепиться к вашей руке, незаметно обвив всё туловище, а другими щупальцами ухватиться за камни, что может вызвать, опять же – у неопытного пловца, панику. Не лучше, когда осьминог сорвёт с вас маску или даже выдернет изо рта лёгочный автомат, что он, кстати, проделывает без злого умысла... Пройдёт немало времени, пока вы разберётесь со своими страхами и научитесь понимать поведение этих милых подводных отшельников.

Ещё велика вероятность запутаться в водорослях, когда они колыхнутся под воздействием подводного течения либо штормового волнения. Спешка при этом – плохой союзник, и лишь неторопливое продвижение в переплетающихся зарослях и уравновешенный внутренний настрой способны будут избавить вас от ненужных недоразумений. Морская трава, в особенности – ламинария, может быть так коварна, что в борьбе с ней не мудрено лишиться самообладания, а надо-то всего лишь замереть, успокоиться, и тогда её стебли сами ослабят свои сковывающие путы.

Нельзя забывать и о мировосприятии человека под водой, когда оно, значительно, сужено в сравнении с нахождением на суше. Человек не сразу привыкает к переменам, что происходят рядом с ним под водой. Ведь дальность видения ограничивается здесь максимум – двадцатью, а то и несколькими метрами, и кроме того, по мере удаления от поверхности падает освещённость. Начинает проявляться такое свойство, как проприорецепция, не замечаемое на земле. Под водой вы скоро теряете информацию о понятиях «низ-верх» и «слева-справа», поступающие на суше постоянно от контакта с окружающими вас предметами, и вы вынуждены сами определять для себя их, испытывая значительные неудобства от постоянной опасности потерять ориентировку.

К этому надо добавить, что под водой для ныряльщика теряет значение такой важный информационный канал, как акустика, поскольку строение органа слуха человека исключает или затрудняет определение направления на источник звука. Касатки и дельфины обладают эхолокационным аппаратом, с помощью которого они великолепно ориентируются при любой освещённости и прозрачности воды. Человеку же без применения техники под водой никак не обойтись, ну, а если следует выдержать определённый курс, то он и вовсе может легко потеряться. Под водой пловца сбивают с толку разного рода звуки, отсутствие каких-либо ориентиров, и помочь ему способен только огромный опыт общения с подводным миром.

Ориентирование под водой равноценно поиску дороги слепым, у которого, к тому же, отсутствует спасительная палочка. Психологи проводили опыт на площади перед собором Св. Марка в Риме. Испытуемым завязывали глаза и направляли к фасаду собора, имеющего в длину порядка восьмидесяти метров. В лучшем случае требовалось войти в двери собора, на худой конец – хотя бы угадать сам фасад, но из ста привлечённых к эксперименту человек, большинство, вообще, промахнулось, не поверив в

себя и, в результате, сильно отклонились в сторону. Ориентирование под водой сродни попыткам человека, пытающегося с завязанными глазами двигаться в заданном направлении. Нужен многолетний опыт работы и уверенность в себе, чтобы выдерживать под водой верный курс.

Во-первых, вода сокращает расстояние, и то, что представляется тебе почти рядом, на самом деле - значительно от тебя удалено. Во-вторых, хорошо, если под тобой видно дно, относительно которого можно по разным предметам на нём фиксировать правильное направление, но если дна не видно и ты вынужден плыть в толще воды, задача твоя усложняется. В-третьих, различные шумы, очень ощутимо воспринимаемые под водой, тоже отвлекают тебя, способствуют твоему излишнему волнению, да и само пребывание на глубине неординарно: нужно иметь изрядное хладнокровие, чтобы не отвлекаться на несущественные детали, которые для новичка кажутся чем-то из ряда вон выходящими.

Временами после работы под водой побаливают уши и лобные пазухи: это значит, что ты недостаточно хорошо продулся, погружаясь на глубину. Бывает, поторопишься, не дождавшись улучшения самочувствия после продувки, и с лёгкими неприятными ощущениями, всё же, продолжаешь погружаться... То ли работа заела, то ли ты уже совершал подобное и это как-то сходило тебе с рук, отчего и появляется опасная успокоенность, будто облегчение всё равно наступит, и ты не реагируешь должным образом на тревожные симптомы, а в результате получаешь впоследствии боль, в худшем случае – лопнувшие кровеносные сосуды или даже ушные перепонки, что грозит воспалением. Тогда ты отлучаешься на время от спусков, но вот восстанавливаешь себя опять с помощью моря: чудодейственны ингаляции подогретой морской водой!

При каждом погружении следует учитывать, что наши уши и лобные пазухи представляют собой полости с жёсткими костными стенками, отчего они не могут сохранить равновесие с внешним давлением и сильно мешали бы ныряльщику, если не были связаны с дыхательными путями при помощи каналов – так называемых евстахиевых труб. Благодаря этим каналам в полостях с жёсткими стенками необходимое противодавление создаётся воздухом, который поступает сюда из эластичных лёгких, но евстахиевы трубы поддерживают эту необходимую связь с некоторыми перерывами, что можно облегчить, с силой сглатывая слюну, либо же - время от времени совершая резкие выдохи носом под маску, плотно прижатую к лицу.

После такого продувания устья евстахиевых труб в ушных раковинах обычно открываются и давление выравнивается. Правда, не всегда это удаётся сделать сразу, иногда приходится выдувать воздух несколько раз, и если необходимого результата добиться не получается, лучше от погружения временно отказаться, подняться к поверхности и попробовать нырнуть ещё раз. В случае очередной неудачи целесообразно, вообще, на сегодняшний день больше не пытаться совершать подводные спуски, перенеся их на следующий день.

Когда открытие евстахиевых труб запаздывает или совсем не происходит, что случается часто при насморке, барабанные перепонки уступают давлению окружающей среды на их внешнюю поверхность и стремятся вдавиться. Это неминуемо вызывает резкую боль и является верным признаком того, что пока глубина не пускает тебя к себе и к этому нужно обязательно прислушаться. Если же, несмотря на боль, ты продолжаешь погружаться, то на глубине около 12-15 метров барабанная перепонка с шумом лопаётся, словно при взрыве, причиняя при этом острую боль.

Правда, барабанные перепонки потом очень хорошо срastaются, так что несчастный случай такого рода не особенно серьёзен. Боли, предшествующие разрыву, опасны тем, что нарушают равновесие очень нежного механизма среднего уха, к которому приливает кровь. В результате получается длительное повреждение, по крайней мере, у водолазов, которые не обращают внимания на полученное предупреждение и не всплывают. Острота слуха при этом может быть серьёзно нарушена, отчего некоторые старые водолазы нередко становятся глухими.

Лобные пазухи обычно менее болезненны, так как у здоровых людей сообщение между ними и дыхательными путями значительно лучше. Впрочем, лица, страдающие синуситом или подверженные простуде, чаще всего не могут нырять на глубину более трёх метров, так как у них начинаются боли, особенно острые уже с глубины двух метров. У любого подводника, в течение многих лет погружающегося на глубину, хотя бы с полдюжины раз происходят несчастные случаи с лобными пазухами, которые не очень серьёзны и наблюдаются значительно реже, чем с ушами. При этом статистика показывает, что после таких повреждений 9 человек из 10 могут вновь погружаться в воду. Следует лишь не поддаваться беспечности, не забывая, что мелочей в подводном деле не существует.

На большой глубине потребление воздуха повышается во много раз по сравнению с объёмом воздуха, поглощаемым пловцом в поверхностных слоях, и это, конечно, тоже следует учитывать. Ведь на определённой глубине наступает глубинное опьянение, или как его ещё называют подводники – «эйфория», когда пловца охватывает неопиcуемый восторг от всего происходящего, и он способен забыть, потеряв над собой контроль. Воссоздать ощущения человека, находящегося в подобном, необычном для него волшебном состоянии сложно, нужно побывать в нём самом, сумев взять себя в руки и вернуться к здоровому восприятию действительности, что удаётся далеко не каждому. Радоваться необыкновенным переживаниям, приходящим к тебе на глубине, и в тоже время не терять при этом головы – великое умение, приходящее заслуженно, со временем.

Но что действительно страшно под водой, так это холод. Чтобы не замёрзнуть, тебя спасает толстый неопреновый, либо сухой костюм, в котором можно опускаться и под лёд. Что же касается оборудования, тем более, старых «АВМ-ов» и «Украины», с которыми нам приходилось

работать, то от низкой температуры воды всегда существовала опасность замерзания лепестковых клапанов в лёгочном автомате, что влекло за собой приостановку поступления сжатого воздуха из баллонов акваланга. Если пловец находился на значительной глубине, происходящее было чревато его гибелью. Трудно предугадать, как поведёт себя подводное оборудование, которое раньше в подобных ситуациях никогда не подводило, но в один прекрасный момент, всё же, даёт сбой... Любой человек не всегда окажется к этому готов.

Холод... Воздействие его на ныряльщика может оказаться губительным. Даже если вы облачены в тёплый неопреновый костюм, и вас спасает от внешнего неблагоприятного воздействия погоды напряжённая подводная работа, организм ваш всё же подвержен переохлаждению. Хорошо, если сразу после выхода на поверхность у вас имеется возможность перебраться на какое-нибудь плавсредство с тёплой каютой. Или, скажем, вы работаете вдалеке от судна, на боте, совершающем стационарные разрезы на предмет обнаружения на разных глубинах донных обитателей, и ваши товарищи приготовили сухую одежду, в которую можно тотчас переодеться и попить горячего чая. Но вот когда нет ни того ни другого – лучше всего пристать к берегу, развести два костра и обогреться между ними.

Несмотря на постоянную подачу воздуха из баллонов акваланга, от тяжёлой работы под водой запас его в лёгких быстро истощается, и как только концентрация углекислого газа в организме достигает определённой величины, ныряльщик оказывается во власти безусловного рефлекса выдоха-вдоха. Новую порцию спасительного кислорода хочется вдыхать всё чаще и чаще, и это не может, в конечном итоге, не сбивать дыхание. Жаждающие воздуха тело и мозг, в считанные секунды, вынуждают тебя сорвать маску, рвануться к поверхности, чтобы вдохнуть полной грудью желанного воздуха, и перебороть себя в эти минуты невероятно сложно. Вырваться на поверхность, всё бросить, каким бы ответственным не являлось задание: эта единственная мысль неотступно пронизывает всё твоё существо. Избавить человека от этого рефлекса может только увлечённость работой или какое-нибудь неожиданное событие, полностью овладевающее его вниманием. Только при этих условиях человек не ощущает аноксии – недостатка кислорода в тканях тела, и не чувствует непреодолимого желания повторить вдох.

Но обычно воспалённый мозг терзает лишь одно устремление – спастись, отказаться от борьбы, поскорее избавиться от своего подводного одиночества. В душе царит невообразимый сумбур. И вот здесь необходимо взять себя в руки, на пике отчаяния не отдаться страху, а обуздать его и нормализовать дыхание. Как это тяжело – способен осознать только оказавшийся в подобном положении, но именно так возможно сохранить контроль над собой и выжить.

Победить слепой панический порыв, подавить приступ ужаса, не поддавшись его парализующему действию, значит, овладеть ситуацией. Если

тебе удалось преодолеть себя, хотя бы раз, в следующей переделке ты, несомненно, окажешься сильнее. Так, постепенно, приходит недостающий опыт и слагается характер, без которого невозможно занятие подводным делом. Либо ты растёшь и укрепляешь знания, либо терпишь поражение, нередко – ценою в жизнь. Иного в общении с морем, тем более, при работе под водой, не дано!

«Кессонка», то есть – кессонная болезнь... Пожалуй, это – основная опасность и болезнь ныряльщиков, и связана она с тем, что человек, находящийся под давлением, вдыхает азот, который не выделяется целиком обратно при выдохе, а растворяется в крови и тканях. Когда ныряльщик переходит в область пониженного давления, то есть – начинает подниматься на поверхность, растворимость азота понижается, и он собирается в пузырьки. Если вы слишком быстро осуществляете подъём, пузырьки азота не успевают раствориться и закупоривают кровеносные сосуды, что может вызвать паралич конечностей или даже смерть. В лучшем случае человек отделяется ломотой в суставах.

В отличие от аквалангистов, киты, скажем, не только могут стремительно погружаться на глубину порядка километра, где перепад давления составляет около 100 атмосфер, но и безостановочно подниматься на поверхность. Китам позволяет это делать то, что они совершают вдох при атмосферном давлении, поэтому в их крови и тканях растворяется лишь незначительное количество азота. Аквалангисты же дышат газовой смесью, находящейся под давлением, соответствующим глубине погружения, и вынуждены всплывать постепенно, с небольшими задержками, чтобы пузырьки азота успевали раствориться и не закупорить кровеносные сосуды.

Многие считают, что ныряльщику, уходящему под воду без акваланга или мягкого скафандра со шлемом, кессонная болезнь не грозит. Он мало времени проводит на дне, сжатого воздуха, как и киты, не вдыхает, и остатки воздуха в его лёгких выжимаются в бронхи, откуда газ в кровь не поступает. Всё это верно, если говорить об однократном погружении, но, когда ныряльщик уходит под воду несколько раз подряд, в его крови постепенно накапливается избыточное количество азота. И в конце серии погружений, ныряльщик должен ощутить хоть какие-то признаки кессонной болезни. Есть только один путь для того, чтобы избежать накопления избыточного количества азота в крови: надо нырять с большими интервалами, в течение которых полностью восстанавливается нормальная концентрация азота в организме.

Коварное действие сжатого азота, как уже говорилось выше, именуется в среде подводников ещё азотным отравлением или опьянением. С водолазами на глубине начинается что-то невообразимое: совершенно забывая о работе, они вдруг принимаются играть с подводными обитателями. Некоторые водолазы ощущают непреодолимое желание вынуть изо рта лёгочник, избавиться от «обременительного» акваланга, а кое-кто

даже перерезали собственной рукой шланги, подающие воздух в шлем. Жак-Ив Кусто назвал это явление «звон бездны...»

Азотное отравление подстерегает аквалангиста или водолаза в скафандре со шлемом, если он дышит атмосферным воздухом на глубине свыше 30 метров. Восприимчивость к отравлению носит индивидуальный характер, так что некоторые водолазы спокойно работают на глубине 60 метров, а кое-кто не слышит «звон бездны» даже на глубине 90 метров. Избавить человека от опасностей азотного отравления может только переход на дыхательные смеси, не содержащие азота, например, гелиево-кислородные. Сейчас принято считать, что сжатый азот, растворяясь в крови, действует подобно алкоголю или слабым анестезирующим и наркотическим средствам. Чем выше давление, тем сильнее проявляется это действие, всё более напоминая действие «веселящего газа» - закиси азота.

Простым ныряльщикам, не имеющим ни аквалангов, ни мягких скафандров со шлемами, азотное отравление, видимо, не грозит. На большие глубины, туда, где существует опасность такого отравления, они попадают очень редко, бывают там недолго, кроме того, запас воздуха у них в крови и лёгких очень ограничен. Но не исключено, что, сумей кто-то из них задержать дыхание на несколько минут и погрузиться на глубину свыше 60 метров, как это делают морские млекопитающие, такой смельчак рисковал бы услышать «звон бездны».

Ещё одна особенность нахождения под водой – неестественно большие размеры того, что тебя там окружает. Аквалангистам, пользующимся маской с плоским стеклом, подводные объекты кажутся увеличенными примерно на 30 %. Это вызвано различием коэффициентов преломления света в воде и в воздухе, заключённом в маске. Впрочем, аквалангист к этому быстро привыкает и бессознательно вводит соответствующую поправку, однако при подводной фотографии всё же возникают серьёзные трудности. Для того, чтобы устранить искажение объекта, стёкла в подводных фотобоксах делают изогнутыми. Путём подбора кривизны можно добиться того, что искажения будут минимальными.

А вот если обитателей морских глубин касается пучок электрического света, то перед глазами водолаза оживает целый мир ярких красок, которые без этой искусственной подсветки выглядят отнюдь не такими привлекательными, чаще даже и вовсе неприметными. Свет мощной электрической лампы или прожектора мгновенно превращает монотонный синевато-зелёный пейзаж в палитру художника, содержащую самые разнообразные краски.

Невольно при этом задаёшь вопрос – к чему под водой яркая раскраска медуз, кораллов, асцидий, рыбок и прочих морских животных? При естественном свете человек её не видит. Но, может быть, её видят глаза обитателей подводного царства, устроенные иначе, чем у человека? И именно для них она предназначается?

Общепринятое мнение таково, что у рыб зрение слабое, однако они дальнорезки, и глаза их способны увеличивать контрастность плохо освещённых предметов. Впрочем, может быть, за яркой окраской морских организмов кроются более важные причины, не имеющие отношения к тому, любуются ими кто-нибудь или нет? Вероятно, красящий пигмент в коже морских животных отражает одни лучи и поглощает другие только потому, что они необходимы для жизненных процессов?

А почему организмы, скрытые от наших глаз и понимания на дне, становятся бесцветными с глубины 2000 метров? И наоборот, некоторые виды креветок, бесцветные в верхних слоях океана, на глубине нескольких тысяч метров окрашены в красный и фиолетовый цвета? И разве помогает нам знание того, что цвет предмета определяется отражаемыми, а не поглощаемыми им лучами?!

Несомненно, что в некоторых случаях окраска носит защитный характер. Так, у большинства рыб, живущих в верхних слоях океана, спинки тёмные с синим, зелёным или серым отливом; такая окраска сливается с поверхностью моря, если смотреть сверху. Зато брюшки у них светлые, даже белые; если глядеть на такую рыбу снизу, она сливается с поверхностью моря, которая из глубины представляется светлым сверкающим потолком. Медузы, ярко окрашенные в верхних слоях океана, часто имеют однообразный коричневый цвет, если живут на глубине 300-400 метров. Глубоководные рыбы, бесцветные или окрашенные в чёрный, тёмно-фиолетовый и красный цвета, вероятно, трудно различимы в тёмных глубинах океана. Некоторые морские животные обладают способностью, подобно хамелеону на суше, менять окраску тела, приспособившись к окружающей среде. Например, если палтуса или камбалу положить на шахматную доску, их спинки покрываются рисунком, сходным с шахматной доской, а у ослеплённых рыб этого не происходит. Значит, изменение окраски у них управляется нервно-гормональной системой.

Секрет окраски животных и даже человека был раскрыт совсем недавно при изучении эндокринной системы скромной серой морской креветки. Оказалось, что любая окраска наружных покровов животного – результат той или иной плотности содержащегося в них особого вещества меланина, выделяемого специальными пигментными клетками. Чем плотнее решётка из зёрен меланина, тем темнее окраска, а сам цвет, какой бы он ни был, результат отражения света в преломленной решётке меланина.

И всё же, отчего глубоководная креветка, остающаяся невидимой под водой, у поверхности моря обретает свой истинный цвет – ярко-красный? Там, где, казалось бы, и должна оставаться незаметной? Неужели только за тем, чтобы очаровывать воображение рыбаков, наблюдающих за выборкой трала ночью, при свете прожекторов?

Так или иначе, но подводный мир таит в себе невероятное количество необъяснимых загадок. Он – кладёшь совершенно особого знания, возможно, способного когда-нибудь объяснить нам природу собственного прошлого.

В связи с погружением под воду существует множество самых необычных секретов, включающее и нахождение в водной среде, и подготовку к спускам. Например, общение под водой подразумевает хорошо отработанную систему знаков, передаваемую аквалангистами с помощью рук: если показать двумя пальцами себе на глаза – значит, смотрите на меня, а покачивание ладонью – проблема. Но вот если вы погружаетесь в водолазном скафандре, то переговорить со своим товарищем можно прижавшись, друг к другу, котелками шлемов. Лишь тогда, к вашему немалому удивлению, все подводные шумы, включая стравливаемый воздух, куда-то отходят, и будто в собственном шлеме слышится гулко-дребезжащий голос приятеля. На мгновение вы даже потеряете ощущение действительности, поскольку отчётливо покажется, что вас ничто не разделяет, а водная среда – ваша родная стихия.

Что-то подобное происходит и перед погружением под воду. Есть магическое средство, не дающее запотевать стеклу в подводной маске. Оно было открыто одним из пионеров подводного спорта, Тайе, который поделился своим секретом с Кусто и Дюма: перед тем как надеть маску, надо окунуть её в воду, затем вылить из неё воду, плюнуть на внутреннюю сторону стекла и размазать слюну пальцем. После этого остаётся сполоснуть маску в воде ещё раз, и стекло будет сохранять полную прозрачность. Неоднократное количество раз проделывал я эту процедуру во время подводных спусков, и она не только не срабатывала, но ещё и успокаивала, действительно являя собой какое-то магическое действие: забыл его совершить – может случиться какой-нибудь казус, исполнил – всё лучшим образом устроится.

Тем, кто работал под водой, хорошо известно, что и время здесь течёт по своим законам. Иногда, кажется, что проплавал всего несколько минут, а выйдя на поверхность, к удивлению своему обнаруживаешь – прошло около часа. Случается и наоборот: минуты ползут удивительно медленно, и ты успеваешь много увидеть и сделать. Начинаешь даже беспокоиться – отчего воздух не перестаёт поступать так легко, как будто ты ещё не работал и только что спустился под воду, то и дело поглядываешь на манометр, поднявшись же на поверхность, убеждаешься – отсутствовал ты всего лишь пятнадцать-двадцать минут. Про себя отчего-то радуешься этому необычному истечению времени, и уже с нетерпением ждёшь следующего погружения, сознательно желая ещё раз забыться в удивительном подводном мире.

Вот и разные вещи под водой ведут себя по-разному. Среди водолазов хорошо известна история гибели на Чёрном море судна «Днепр», разорванного набухшим горохом... Вроде бы, обычное зерно, пустяк, а какую силу в себе имеет в соединении с водой!

Водолазы знают, что лучше всего сохраняются под водой металлы и мука. Мука не превращается в тесто, как можно было бы думать, а покрывается тонкой коркой и может пролежать в воде десятки лет. На одном

судне в северной экспедиции пекли хлеб из муки, пролежавшей в затопленных трюмах ледокола около трёх лет.

Такая же корка, как на муке, образуется на тёртых в порошок красках. Они не растворяются и не окрашивают морскую воду во все цвета радуги, а лежат в трюме совершенно сухими много лет.

Железо покрывается тонкой ржавчиной – не больше миллиметра. Её очень легко отбить и счистить. Громадные судовые машины, например, ничуть не разрушаются за десятилетия. После подъёма их просушивают, смазывают, и они ещё долгое время служат людям.

Стекло, фарфор, дуб, красное дерево – всё это тоже сохраняется прекрасно. Только чугун как бы раскисает от воды: первые несколько часов после подъёма он очень мягок, не твёрже свинца, но потом снова твердеет. Да ещё цинк в морской воде превращается в порошок...

Бывает, с самого утра, с первого за день погружения, почему-то всё идёт наперекосяк: уши не продуваются, что-либо не ладится со снаряжением, холодный колючий ветер настёрно гонит серую неприятную волну, которая, что было сил, колотит ей о пластиковый борт бота, не переставая раскачивать его и, тем, мешая подготовке к погружению. На душу ложится какая-то неизъяснимая, подобно этой непроглядной серой пелене над морем, хмарь: всё, за что ни возьмёшься, валится из рук, создаёт лишнее раздражение и проблемы. Неоднократно приходит в голову мысль, что в пору бы бросить сегодня работу, а то ещё вдруг толкнётся в сердце ледяное дыхание неуверенности и страха... Как тут быть?

Но через минуту этот же страх диктует не сдаваться ни в коем случае, взять себя в руки, успокоиться... И вот, ты присаживаешься на комингс, щуришься от взлетающих над бортом солёных брызг, пытаешься урезонить разбушевавшееся в груди сердце. Не сразу, но постепенно это удаётся, и тогда уже серые волны начинают восприниматься не такими дикими, а в волнении моря ты замечаешь некую его игру, пытающегося тебя не на шутку раззадорить, чтобы ты себя позабыл и, может быть, обрёл в душе какое-то важное знание, скорее даже – уверенность. И в этот миг в низком небе послышится вдруг проникновенный крик чайки, который покажется тебе жизнеутверждающим и родным.

Взглянув на небо, ты поначалу даже не поверишь глазам: там, сквозь кромешное ненастье, неожиданно проглянет узкая полоска света, а затем, мутноватым пятнышком, засветится еле пробивающееся солнце. Впрочем, оно тотчас погаснет, но настроение несомненно улучшится. Что-то перевернётся в твоей душе и утвердится в уже непоколебимой уверенности: всё будет хорошо, нужно идти на погружение.

Конечно, не тебе одному решать – погружаться сегодня или перенести спуски на другой день, когда погода, может быть, успокоится... И всё же, в первую очередь, учитывается внутреннее состояние и мнение именно

погружающегося под воду, того, кто уже облечён в водолазный костюм и кто достаточно ясно представляет для себя подводную обстановку, непосредственно столкнувшись с ней, чувствуя её по-другому, в отличие от своих товарищей, находящихся хоть и рядом, но не в воде, которая дарит свои знаки. Тот, кто готов их воспринимать, обращают к морю всю свою душу...

Я не сразу понял, что самое обременительное при подводных погружениях, как ни странно, не работа под водой, а подготовка к ней. Когда же опускаешься под воду после длительного переодевания, иногда просто изматывающего своей тщательной монотонностью, какой-то отрешённой сосредоточенностью, то молниеносно наступает умиротворение. Прохладная вода приятно остужает твоё разгорячённое настроение, тело словно лишается тяжёлых, сдавливающих оков, а рой устремляющихся к поверхности пузырьков – успокаивает и настраивает на неспешное восприятие всего окружающего. Напряжение, которое, казалось, продлится и под водой, наконец-то, спадает, и ты забываешь обо всех треволнениях, что совсем недавно досаждали наверху. Нахождение под водой переносит тебя в иной мир восприятий и дарит то, чего бы ты никогда не ощутил при достаточно тягостном порой земном притяжении: переживание полёта!

Ну, а вечные ссадины, сопутствующие нелёгкой подводной работе, если честно, вообще не воспринимаются серьёзно, ибо знаешь: любые мелкие травмы заживают в море мгновенно. Поцарапаешь ли ты руку о створки раковины и острые каменные полипы, уколешься о иголки бычка или длинноиглого ежа нудуса, – всё залечивает благодатное морское пространство, призванное природой, наверное, именно к этому. Но если ты после полученного повреждения долгое время находишься на поверхности, не погружаясь, то ранки, по причине большой влажности воздуха, затягиваются крайне медленно, вызывая длительные болевые ощущения. К тому же, после месяца подводных работ от перенасыщения суставов азотом начинается, как правило, ломать суставы рук, особенно – от локтя до кончиков пальцев, кожа на ладонях постепенно шелушится и сходит целыми струпами. И всё же ты переживаешь огромную радость от того, что связан с морем, эту неразрывную связь ты ощущаешь в себе постоянно, а на все те неудобства, что несёт общение с ним, просто не обращаешь внимания: море – твоя судьба.

Работу под водой описать сложно, если сам её не попробовал, и даже когда хорошо представляешь себе – о чём хочешь рассказать, неизменно теряешься при наличии совершенно простого факта: как найти для своего рассказа нужные слова? Ведь дело касается подводного мира, и лучше, наверное, опуститься под воду самому... Собрать, хотя бы, две-три питомцы трепанга на один акваланг, освободить пилкой по металлу судовой винт от намотанного на него троса, завести на полученную судном пробойну пластырь, разобрать старую трубу подводной части мареографа и собрать новую, размыть от ила и песка, с помощью помпы, оголовок этой трубы, и

ещё осуществить множество самых разнообразных операций по ремонту и подъёму из-под воды пострадавшего в шторм судна, а также – по обслуживанию научно-исследовательских экспедиций с океанологами, биологами, гидрометеорологами и вулканологами... Всего не перечислишь, и если ты однажды всё это испытал, объяснять тебе ничего не придётся.

И всё-таки, как рассказать о своеобразии водолазных работ тому, кто никогда ничего такого не видел, и вряд ли намеревается в чём-либо подобном участвовать, но ему было бы небезынтересно обо всём этом послушать, представляя себя на месте человека, бесстрашно опускающегося под воду? Предоставим ему эту возможность?!

Вот, скажем, следует судно проливом, в тумане, а судоводитель поторопился и не учёл присутствие сильного течения, так что оно рыскнуло, да распорол днище о камень... Стоит теперь, как вкопанное, а долго стоять некогда: прилив, как на грех, двинулся, вода быстро отсеки затопляет, в них – груз, что ждут люди, и времени на раздумья – кот наплакал. Всё, что плохо и не годится – тут как тут!

Необходимо срочно заводить пластырь, откачивать воду и цементировать пробоину... Вроде бы, не таким уж сложным делом предстоит заняться, а какой характер и терпение со знанием нужно проявить, чтобы всю эту «простую» работу надлежащим образом выполнить!

На суше всё всегда представляется гораздо проще, даже самое незаурядное задание, но вот под водой сложность исполнения его удваивается, если не утраивается, и уходя под воду, у водолаза уже не должно возникать никаких вопросов или сомнений по осуществлению этого порученного ему дела. Всё в тебе должно быть сконцентрировано на предстоящей работе, опыт тебя не подведёт, ты это твёрдо знаешь, и череда всех предстоящих операций чётко стоит перед глазами. Необходимо лишь твоё спокойствие и выдержка, а их тебе не занимать, и потому ничего тебе не страшно, когда ты уходишь под воду, и вырывающиеся из скафандра воздушные пузырьки будто приветствуют твоё появление в родном для тебя мире...

Нет ничего прекрасней этих первых минут напряжения, и что может быть лучше для мужчины, когда он делает трудную и опасную работу! Всё это всегда было приятно мне, но каковы размеры и характер пробоины? Нужно поскорее это выяснить...

Хорошо, если края пробоины ровные, или, ещё лучше, вмяты ударом о камни вглубь трюмного отсека, тогда на неё наскоро можно наложить мягкий парусиновый пластырь, если время и положение днища судна под водой терпят. Главное – увести его с опасной каменной мели, от которой лучше десять раз поворотить, чем один раз на неё сесть. Но вот когда края листов обшивки разорваны так, что заусенцы торчат наружу, мягкий пластырь не годится, он скоро порвётся об эти самые рваные выступы, и нужно срезать все неровности автогенном, что, естественно, долго, и приходится заводить жёсткий пластырь, что состоит из двух слоёв досок с прокладкой из

парусины между ними. Тогда пластырь закроет и пробоину, и её неровные края.

Но легко сказать, попробуй всё это сделать, когда в затопленных трюмах что-то постоянно скрежещет, якорные цепи тревожно вздрагивают от натуги, надоедливые льдины, то и дело, скребут по ржавым бортам, а под водой – обжимающий тело и душу пронизывающий холод... От него нигде не укрыться, и, собравшись с духом, приходится лезть в этот промозглый сумрак, настраивая себя на рабочий лад. Ледяное дыхание северных вод где угодно пробьёт себе дорогу, его не удержишь, тебе же надлежит устранить пробоину, завести на неё заплатку, такое дело!

Правда, дело делу – рознь, иное – хоть брось, да только тебе бросить никак нельзя, потому как ты – горой за дело, а дело – за тебя... Под водой оно шуток не любит, в нём – словно один держит, другой – не пускает. Но ежели пообвыкся, и настрой нужный имеешь, любую задачу одолеть можно, потому как хорошему работнику мало уменья, нужна верная привычка, а она – та же природа того, кто постоянно работает под водой!

Природа водолаза – доводить начатое до конца, и тут настрой важен, когда привести свои мысли в согласие с исполняемым делом – единственно верный лад: и сам всё умеешь, и ладно делаешь. Лады-то – всего дороже, а в подводном деле им цены нет. Человек, опускающийся под воду для исполнения там ответственной работы, по своей внутренней природе должен нести в себе знак воды, без чувствования этой природы ему там делать нечего. Тебе именно надлежит быть прирождённым водолазом, и только тогда вода за твой труд и пот тебя вознаградит.

Словом, если не родился под водным знаком – нечего тебе под водой делать: природа её к себе не пустит, и секретов своих не раскроет. Но прежде, чем своё единение с водной стихией ей продемонстрировать, ещё необходимо наверху умение проявить, сколачивая пластырь, когда за бортом качка, и гвозди на холоде всё время норовят выскользнуть из посиневших рук, а молоток ударяет по пальцам. Ещё следует, для скорости заделывания пробоины пластырем, подкильные концы так удачно завести, чтобы он в заусеницы не упёрся, не застрял на днище судна... Тогда как вода в трюмах не ждёт – уровень её неумолимо повышается, и если пластырь сразу на место не встанет, нужно будет водолазу под воду спускаться, а это очень опасно, поскольку судно быстро садится, и один Бог ведает, когда и как оно на грунт неожиданно ляжет. Всегда жди беды от большой воды...

Наконец, этот самый решительный миг в жизни водолаза настанет... В общем-то, рядовой случай в его каждодневной работе, но ... кривой. Смерть, как водится, тоже дело рядовое, однако же, служить ей не пристало, и если, всё-таки, судно прекратит медленное погружение, в один миг ухнет на водолаза, и ... раздавит, что тогда станется?! Но, как не крути, без подводной головы тут всё равно никак не обойтись, и наш герой уходит под воду...

О профессионализме водолаза, будьте уверены, можно не беспокоиться, он справится с возложенным на него заданием, каким бы

опасным оно не представлялось. То, что он преодолет волнение и страх – и в этом тоже можно не сомневаться: человек, сделавший работу под водой своей постоянной профессией, без труда прогонит от себя всё, что может ему помешать. Благодаря многолетней практике, он уже давно выработал в себе все необходимые навыки, и хорошо представляет, как напряжён и сложен изнурительный труд водолаза на грунте. Но вот сослужит ли ему службу его счастье, ибо в чужое, ни за что, не заедешь? И будет ли удача на его стороне, причём, не по расчёту, а заслуженно: ведь участь свою человеку самому в жизни приходится решать, и случайностей здесь быть не может.

Счастье должно быть твоим, и никак иначе, поскольку оно – в нас, а не вокруг да около, и если счастье к тебе пришло – это только твоя заслуга. С таким счастьем всегда на клад набредёшь, без счастья же и гриба не найдёшь. Но и то правда, что счастье и к глупому придти может, тогда как умному его Бог даёт. Значит, этот умный человек над чем-то основательно порадел в своей жизни, оттого и Бог его счастлив, и он сам. Выходит: всё упирается в собственный опыт, те испытания, что ты претерпел за годы подводного труда, именно они подарили тебе знание и уверенность, и ты достаточно искусён во всех его перипетиях...

Но где взять этот самый неоценимый опыт, если тебе всего двадцать или двадцать пять? Ты, конечно, уже изрядно хлебнул морской водицы, и твой Бог до сих пор тебя берёт, а как будет на сей раз? Что, если удача, по какой-либо неведомой, может быть, даже совсем незначительной причине, всё же на миг отвернётся, и ты окажешься обречён?

И вот, ты уже облачён в шерстяное водолазное бельё, натянул очень удобные двухпалые варежки и мягкую шапочку. Этому белью стоит посвятить отдельные добрые слова, и мы ещё вернёмся к нему. Товарищи, не сговариваясь, все разом рванули в стороны резину шейного кольца скафандра, ты привычным движением ловко всунул себя в ворот резиновой рубахи, сунув ноги в пудовые башмаки, потоптал ими, и, раздвинув руки, присел, принаравливая на себе покоробившееся водолазное одеяние...

Теперь можно попросить груза, тут же ощутив на плечах хомут со свинцовой бляхой... С непривычки при этом всегда расставишь ноги и, чуть согнув их в коленях, слегка подбросишь груза, как бы найдя для них более удачное положение, после чего, не без сожаления, опять прочувствуешь всю эту гнетущую тяжесть... В голове же – одна мысль: «Скорее бы – под воду!»

Сразу и не заметишь, как на неё, оказывается, уже водрузили медный шлем, и гаечные ключи дружно застучали по нему, гулко отдаваясь в ушах. Затем скрипнула, и мягко замерла винтовая нарезка, в шлеме зашипела пробная порция воздуха, и сначала в телефонах послышался треск, а потом – голос водолазного старшины, проверяющего слышимость. Кто-то уже прилаживает на твоей талии шланг-сигнал, и остаётся только двинуться к трапу, прежде неловко перешагнув через невысокий бортик, и повернуться к воде спиной. Всё готово к твоему погружению, ты, несмотря ни на что, в окружении родной стихии, и, совершив несколько шагов по скользким

ступенькам, с облегчением отталкиваешься от поручней трапа и бухаешься в маслянистую, тёмно-зелёную воду, кажется, по-матерински обьявшую твоё ограниченное на время тело, в следующий миг обретающего долгожданную свободу...

Но строптивые волны всё-таки норовят проверить тебя на крепость, размерено и хмуро всхлипывают где-то над твоей головой, холодный сумрак быстро сгущается, и вот уже прорезиненная громоздкая рубаха, совсем недавно топорщащаяся на тебе, теперь плотно обхватывает тело. Тяжесть грузов сразу перестаёт давить на плечи, ты медленно поворачиваешься вокруг себя, чтобы оглядеться, и тебя в мгновение пронизывает холод, поднимающийся из неведомой глубины. В неё тебе предстоит опускаться прямо сейчас, в эту промозглую пустоту, и ты машинально откидываешь голову назад, затылком, до конца, нажимая клапан, стравливающий воздух из скафандра...

Вырвавшиеся из него пузырьки весёлой гурьбой стремительно уносятся ввысь, а ты валишься вниз, вскоре намертво влетая в вязкий илистый грунт, и облако серовато-коричневой мути окутывает тебя с головы до ног. Ноги на какое-то время остаются недвижимы, но когда облако рассеивается, ты начинаешь различать в мутной воде неясную громадину нависшего над головой судна... Когда ты под ним, и оно может в любой миг сорваться, ведь вода в трюмах прибывает, в душу закрадывается неприятный холодок от собственной беспомощности: как бы ты того не хотел – это незавидное положение исподволь удручает твоё настроение.

Первоначальное волнение, связанное с подготовкой к спуску, вроде бы, улеглось, но проходит ещё несколько минут, прежде чем ты, наконец, оказываешься возле пробоины, пластырь застрял прямо под ней, зацепившись за её рваные края. Теперь всё зависит только от тебя, и ещё от чьей-то неуловимой и загадочной воли, что приносит в твою жизнь недостающее везение: оно, ты знаешь, не обманет, когда верно выстраиваешь её. Поэтому мы оставляем нашего героя один на один с подводным холодом и темнотой, в надежде, что он преодолет и минутную растерянность, и страх, и своё подводное одиночество, уповая только на собственные силы.

Сейчас ему предстоит быть очень внимательным, постоянно подбирая шланг-сигнал, не позволяя ему зацепиться за какой-нибудь выступ или загнутый лист обшивки, и время от времени стравливать воздух из скафандра, поддерживая необходимую плавучесть, чтобы удобнее примоститься к застрявшему у пробоины пластырю. Подавая наверх необходимые команды, водолазу необходимо попытаться сдвинуть пластырь, и, осторожно протягивая его вдоль днища, подвести прямо к пробоине, а закрыв её – скомандовать, что можно начинать откачку воды из затопленного отсека.

При этом нужно понимать, что движения твои скованы, в запале работы ты не всегда успеваешь стравить воздух, и тело твоё мгновенно перестаёт слушаться тебя: его, вообще, может перевернуть и отбросить

течением намного в сторону, после чего очень не просто будет вернуться в прежнее положение. А пластырь, между тем, уже сдвинулся с места благодаря перемещению подкильных концов, и всё приходится начинать заново... Невольно тебя охватывает раздражение, пот же предательски заливает глаза, его за стёклами иллюминатора не поправишь, тогда как воздух опять переполняет скафандр, и ты уже оказываешься подвешен под днищем вверх тормашками...

Вдобавок, водолаза может подстергать любая, на первый взгляд, совершенно невинная случайность: ноги его, обутые в свинцовые башмаки, вдруг запутаются в затянутом илом обрывке рыбацкой сети; от днища судна, обильно покрытого ракушечником, оборвётся куст нарощей на нём водоросли, и облепит шлем с иллюминаторами и шланг-сигнал; в самый неподходящий момент намокшая от пота шапочка слезет на глаза, закрывая всякий обзор, и как раз в этот момент, не видя ничего, ты нечаянно натолкнёшься на рваные края железа, и распорешь костюм. Словом, чего только под водой не бывает, но ведь ты – водолаз, человек, который любит море и радеет за свой нелёгкий труд, что приносит, как всякое доброе дело, душевный покой и благо, и ты непременно должен исполнить свой долг...

Из опыта достоверно знаю: если однажды выработал в себе привычку быть счастливым – везение никогда не покинет тебя, как бы тяжело, на первый взгляд, не складывалась ситуация, в которой ты оказался. А привычку эту возможно обрести благодаря собственным мыслям и душевным устремлениям, которые должны быть правильными, и тогда они создают не страх и страдания, а радость, что в полной мере можно отнести к работе водолаза.

От тебя зависит – что ты сделаешь со своей жизнью, и только ты сам способен приносить себе удачу, даже, если находишься под водой, выполняя там опасную работу. Всё происходящее вокруг тебя – отражение твоего отношения к жизни, и если ты настроен на радость в общении с морем, на желание исполнять нелёгкую, но интересную работу, на стремление открывать в себе неизведанные стороны собственной природы, то удача всегда будет сопутствовать тебе. И потому – не бойся ничего, будь бодр духом и уверен в собственных силах, и мир принесёт тебе огромное удовлетворение.

Досужий читатель, конечно, не преминёт озаботиться совершенно естественным для него вопросом: а что же вас принуждает к этому невероятному напряжению? Если всё описанное вами, действительно, несёт в себе такое сосредоточение сил, переживания и риск, то стоит ли посвящать подобному делу свои лучшие годы и силы?! И этот досужий читатель будет, разумеется, поражён моим ответом: именно потому, что это – мои лучшие и неповторимые годы!

Да, мне совершенно искренне хотелось посвящать свою молодость этому опасному и интересному труду, в непосредственном соприкосновении с морем, с верными товарищами, потому как ни в какое иное время

осуществить это уже будет невозможно... И оттого стоит ли пренебрегать этой драгоценностью, называемой твоей собственной и неповторимой жизнью, достойной самого проникновенного к ней отношения, и я с большим трепетом отнёсся к ней, и ничего из неё не упустил.

Годы, связанные с работой под водой, для меня – самые счастливые, несмотря на все невзгоды, что привелось в них пережить. И как бы не волновалось море, не сковывали его льды, и ветер не гнал навстречу тебе неудержимые волны, а глубинный холод предательски не сковывал твои члены, ты никогда не предашь в себе потребность жить достойно и интересно. Конечно, с пользой для себя и других, искренне полагая, что иного пути для утверждения себя, как божественной души, не существует!

Жак Ив Кусто писал, что главное богатство океана – не подводные сокровища, а то вдохновение, которое можно черпать из него бесконечно. Что черпал из него, в первую очередь, я?

Наверное, именно то удивительное ощущение полёта, которое позволяло легко передвигаться над подводными богатствами, разглядывать их и будто участвовать во всём происходящем. Мы, люди, рождённые Великой Вселенной, в силу её могущественности стремимся хоть как-то обрести эту силу на Земле. Нас необыкновенно привлекает свобода бесконечных пространств, и море – одно из них.

Мы любим воду за возможность парить в ней мысленно и физически, переживая этот безграничный простор. Приятно сознавать, что ты можешь, как рыба, скользить в водной толще, принимая любое положение без особых усилий. Руки твои становятся плавниками, и то удивительное ощущение, что ты в море, овекает тебя своей бескрайней силой и мощью.

Сила и мощь океана необыкновенно завораживает человека, и хоть он понимает, что ему никогда не познать до конца его тайны, и не сравниться с ним в его возможностях, человек не оставляет попыток проникнуть в морскую глубину, сделать её доступной. А для этого, наверное, нужно просто изменить своё отношение к морю, не разрушая его и не противодействуя естественным природным потокам. То есть, действовать осознанно, сообразуясь со своей энергией, над которой необходимо, не покладая рук, работать.

Наверное, сложно, даже – невозможно осуществить всё это без поддержки водной стихии. Тихий океан – источник великой энергии, необозримо огромный в своей скрытой силе, которую я переживал и в нём, и на его берегах. Когда ты осознанно погружаешься в эту божественную красоту, уходишь под воду, то чувствуешь, как его красота переливается в тебя, и происходит всё это на удивление легко и просто.

Я всегда ощущал тягу к путешествиям и приключениям, ко всему, что хранит тайну, и меня переполняло огромное желание разгадать её. Океан в полной мере выражал все эти устремления, и я даже не представлял себе

жизни без него. За много лет работы в океане мне даже однажды показалось, что это не я растворился в нём, а он незаметно влился в меня, наделив необыкновенной силой.

Эта сила жива и сейчас, и она, я знаю, не оставит меня до конца моих дней. Можно сказать, что присутствие рядом океана – перевернуло мою жизнь, по крайней мере – изменило её. И я подумал, что только так и можно наполниться силой великой стихии, относясь к ней с любовью, совершенно искренне, и только в этом случае единение оказывается истинным.

Тогда и приход к морю заслужен, ибо в твоём поиске всегда должна присутствовать постоянная потребность постижения истины, что, несомненно, несёт в себе созидание. Без него не обойтись человеку и в подводном мире, ведь всё сущее чрезвычайно осознанно, то есть – божественно, чего, конечно, нельзя не сказать и о водной стихии. А происходит это единение потому, что каждый из нас связан со всеми другими существами, и взаимоотношения их должны основываться на переживании единой всепоглощающей радости, способной одухотворять этот чудесный мир.

В нашем подсознании мы несём в себе тысячи животных, которых каждый из нас пережил на своём пути эволюции, и на этом пути мы не могли миновать тех существ, что обитали в море, а значит – уже достаточно близки с водной стихией. Чего уж там говорить: наш организм не зря большей частью состоит из воды! И потому мы совершенно естественно обнаруживаем в себе потребность однажды прийти к морю, погружаясь в его глубину.

Оказавшись на Дальнем Востоке, я сразу почувствовал жизненную силу океана как свою собственную, осознав себя частью этого огромного мира. И мне не трудно было понять океан, потому что внутренне я был готов вместить в себя весь этот водный мир, включая и дельфинов, и китов, и многообразные водоросли с моллюсками, и витающие над ним ветра, и составляющие его течения... Всё, что есть в океане, внутри него, я почувствовал своим.

Мало того: работая в море, я постоянно испытывал огромное сопереживание всему, что встречал в нём, чего бы это ни касалось. Хотя бы это были крохотные морские ласточки или невидимый для меня обыкновенный планктон. Я ощущал в себе целый морской мир, который необыкновенным образом радовал меня, и точно так же способен был сопереживать ему я, когда, например, прекрасные киты оказывались выброшенными на берег... Это было удивительное состояние, излучающее и любовь, и радость, будто кто принёс в мою жизнь свет, а это, оказывается, был я сам, обратившись душой к морской стихии.

Мощь океана, вибрирующая их самых его глубин, была непередаваема... То, что я оказался на берегу Тихого океана, представлялось мне совершенно естественным, ведь я сознательно и очень долго шёл к этому, но в тоже время я никак не мог поверить в то, что сделал это.

Чувствуя себя безмерно счастливым, посещала вдруг мысль, что подобное невозможно было осуществить без чьей-либо посторонней помощи, без участия какой-то внушительной и очень значимой силы.

И всё-таки, сила эта заключалась во мне... Благодаря именно ей прикоснулся я к океану, а он ждал моего появления на своих берегах. Только подумайте: необъятный великий океан ожидает прихода к нему человека! Это ли не свидетельство удивительной взаимосвязи всего сущего, когда часть может достигать в себе Целого?!

Но при этом я никогда не воспринимал себя как нечто особенное, наделённое недостижимыми для других полномочиями. Придя к океану, я почувствовал, как радостно полностью отдать себя этой необозримо величественной стихии, ощутив с ним совершенно естественную слитность, его первозданную чистоту. Рядом с океаном ум мой был сразу приведён к совершенному покою.

Оказалось, что океан, как ничто другое, смывает с человека проблемы и очищает его, наполняя удивительной энергией. Достаточно просто побывать в нём на судне, даже не погружаясь в его недра, и ты обязательно обретёшь неиссякаемую силу, которая будет помогать тебе всегда, всю оставшуюся жизнь.

Океан – прекрасен! Даже нахождение рядом с ним учит многому: например, умению не потворствовать своим скоропалительным чувствам, они, чаще всего, бывают обманчивы, а служить только самому лучшему в себе. Океан в любого вдохнёт жизнь, он для всех доступен, и каждый может прикоснуться к этому неиссякаемому источнику. Я был счастлив просто оттого, что оказался на его берегах, даже не помышляя о каком-либо вознаграждении.

Само то, что это случилось, и океан принял меня, уже было божественно. Именно рядом с ним я впервые в своей жизни ощутил присутствие Бога. Океан, при всей его величественности, просто поразившей, удивил тем, что встретил меня как родной человек, несмотря на свою мощь – очень проникновенно. Океан приветствовал моё появление, я это осознал молниеносно, и в какой-то миг даже показалось, что он заботится обо мне.

Проработав много лет на Сахалине и Курилах, Тихий океан стал восприниматься мною, как нечто неотъемлемое от моей жизни, до такой степени он был мне близок. Так обрадовано и трогательно он катил свои мощные валы при каждой нашей встрече... Всегда верилось, что океан просто прочитал мои мысли задолго до того, как я появился у его берегов, и они не затерялись в его бескрайних водах, а были сразу подхвачены волнами. Океан ждал меня, ждал с радостью, и этого невозможно было не ощутить.

Как велика океанская стихия... Ты действительно чувствуешь себя очищенным после соприкосновения с ней. Океан неповторим в своей силе, он – как божественная любовь, которая всех объединяет и сплачивает. Ничто не сравнится с ним в своей чистоте, и, наверное, одним своим появлением на

свет люди призваны к тому, чтобы доискаться этой необыкновенной чистоты.

По-настоящему я осознал свои внутренние силы, когда оказался именно на Сахалине и Курилах, и впервые увидел океан, каким его можно себе представить только в бурном воображении. Пожалуй, это было самое мудрое и величественное из всего, что я встречал в жизни: океан был велик, но не грозен, и так великодушно дарил свою силу земле, что казалось – его энергия распространяется по всему свету. Я сразу почувствовал это своеобычие и неповторимость океана, то, как он вольготно и мощно существует, пробуждая осознанное единение со всем сущим. Океан повсюду источал чистую энергию, и для его постижения даже не надо было погружаться в глубину, такой очевидной представлялась его прекрасная мощь.

Человеку есть чему поучиться у великой стихии... Ну, хотя бы тому, что в присутствии океана очень сложные вещи представляются самыми простыми. Да и твоя собственная сущность становится тебе более понятной. К тебе приходит вера в осознание себя таким, какой ты есть: ты и сам, оказывается, очень значим, как океан... Прояви же к себе внимание!

Когда вглядываешься в мощь океана, никакие худые мысли тебя не посещают. Хочется лишь неотрывно взирать на его непоколебимое могущество, с замиранием духа отдаваясь в его необъятную волю, и ничего больше не желать. Я был просто повержен развернувшейся передо мной стихией, и всё увиденное представлялось для меня единственной и совершенной реальностью. Я вообще позабыл обо всём.

В первобытные времена вся наша планета, наверное, была океаном, и, постепенно отступая, он повсюду оставлял свидетельства своего величия: окаменелые скелеты рыб и животных, мёртвые раковины, солёные озёра и высокие горы... И всё же, обретая свои современные границы, океан оставался для человека бескрайним. Именно поэтому, вероятно, человеку всегда хотелось его покорить, вернее – освоить.

Тихий океан укачивает своей силой, убаюкивая одним названием... Но все моряки, между тем, знают о тысячах чертей, вольно обитающих в его глубинах. Тихие океанские воды жизненной силы никогда не замутят!

Что бы тебе ни захотелось рассказать об океане, прежде всего, следует не забывать о его величине, ибо любое упоминание о тихоокеанских красотах не обойдётся без неё. Это она определяет мощь океана, направление его ветров и течений, особенности климата, черты характера, присущие жителям тихоокеанских побережий, и уж, конечно, оказывает незабываемое воздействие на тех, кто решился однажды отправиться в его нескончаемые водные просторы, чтобы, благодаря им, отыскать в себе правду.

Необъятность Тихого океана своеобразна, и это своеобразие водного могущества невозможно выразить каким-то одним эпитетом. Вся его цельность – в совершенно, казалось бы, несопоставимых чертах, но именно соединение их и создаёт истинное лицо Тихого океана. Он может быть

разрушительным, страшным, и в тоже время – необычайно нежным, затем – коварным, и вновь кротким. Ну, а уж зачаровывающая таинственность океана не знает границ! И вот что странно: Тихий океан почему-то вполне заслуживает названия, данного ему Фернаном Магелланом. А может быть, люди просто к этому названию привыкли...

Когда стоишь на берегу Тихого океана, взгляд способен охватить лишь немногую его часть! Остальное же пытаешься представить... И тогда дух захватывает от ощущения бесконечности океанской мощи.

Это ощущение ещё более усиливается, когда знаешь, что глубина у берегов не увеличивается постепенно, а убегает вниз сразу, одним стремительным скачком, в необозримую океанскую тьму. Тихий океан, по сравнению с другими океанами, ещё и наиболее глубокий, а самое глубокое место в нём находится к востоку от острова Гуам, составляя 11000 метров. Это на 2000 метров больше высоты Эвереста!

Что и говорить: океан достоин, чтобы о нём писали, говорили и думали. Он даже более заслуживает внимания, в отличие от большинства людей. Лишь немногие из них положили свои жизни, чтобы только оказаться на его берегах, однажды прийти к нему и замереть в восторге. Что жизнь человека в сравнении с этой непостижимой мощью и всепоглощающей энергией?!

Может быть, именно Тихий океан наиболее близок людям... Медленно проникает в него твоя душа, пытающаяся всё постичь и охватить, жаждущая слиться с тихоокеанской синевой. Синева эта – особенная, и так безоговорочно располагает к себе, что ты не в силах противиться её притягивающей к себе глубине, летишь в неё и любишь всё происходящее с тобой в этом необозримом пространстве, незаметно наполняясь огромной силой.

А сила эта тоже бескрайна, как и тихоокеанская синева. Ты даже не представляешь – что входит в тебя вместе с ней, и как незаметно и прекрасно всё, происходящее с тобой!

Понимаешь это позже, только через много лет, и когда вдруг постигнешь и почувствуешь, то не обрадуешься, как раньше, в молодости, а поразишься мощи, уже давно, оказывается, поддерживающей тебя в жизни и приносящей в неё самые необыкновенные вещи. Только Тихий океан мог так смутить твои чувства и вернуть тебя себе. Благодаря ему ты однажды обретаешь то, что не могли дать ни звери, ни птицы, ни вселенский ветер, ни творчество...

Думается, что встреча с океаном вполне может предопределить судьбу человека, так что он и не заметит, как сам превратился в океан – кипучий, могущественный и, наверное, очень земной. Ты, конечно, почувствовал это в себе, и обнаружил, что океан дышит вместе с тобой, а в ушах твоих шумит что-то вечное, огромное, такое радостное и простое. Ничего подобного я в жизни ранее не видел, и, наверное, этот метущийся океан был первым настоящим событием, что взволновало моё сердце больше всего.

Океан показался мне по-особенному огромным, и хотя у моря тоже не видно ни конца ни края, беспредельность океана просто поразила... Какой простор был здесь! Какое необыкновенное океанское приволье! Находясь у океана, начинает мниться, будто его звуки и думы принимают видимую форму, и весь этот неизмеримый, разнообразный мир дарует такое же видимое и неопишное блаженство. Внимая этой завораживающей музыке океана, ты незаметно воображаешь, что всё это торжество совершается для тебя одного.

Какое счастье разом обнять душою всю океанскую жизнь и почувствовать все заботы океана, как свои! Я сразу почувствовал, что на пустынном океанском берегу мне никогда не будет одиноко: и океан, и песок, и выброшенные алые губки, и скалы с растительностью на них воспринимались родными, они сами излучали интерес и внимание к человеку, и все мои мысли тоже устремлялись к ним. Мне было очень радостно переживать единение с этим диким, почти не тронутым миром, и я каждую секунду ощущал, какой океан живой, а значит – не может не реагировать на оказанное ему внимание...

Я чувствовал, что океан, будто нарочно, рассказывает о своих переживаниях, словно желая поделиться ими. Он явно проживал какие-то особые минуты, чувствуя появление вблизи человека, и только позже я осознал, что океану не доставало именно общения, и он точно разговаривал всегда со мной, даже, кажется, звал...

Океан – не только мир вдохновения, он, действительно, залог и источник нескончаемой энергии. Океанская среда и восхищает, и необыкновенно пробуждает дух, на примере водной стихии ты готов именно к созиданию.

Пребывание под водой тебя необыкновенно воодушевляет. К тебе почему-то приходит осознание, что ты так и не совершил простых и важных дел, всё откладывая их на потом, а вот теперь, побывав под водой, тебе становится неловко от собственной бездеятельности, и ты удивляешься – отчего до тебя не доходило раньше это простое, в общем-то, понимание.

Теперь-то ты твёрдо намерен исправить это досадное упущение, в тебе незаметно, как-то подспудно, рождается желание быть честным, и жить интересно, осуществляя всё задуманное. Странно, что ты не догадывался об этом раньше, вернее – откладывал, убеждая себя, что для исполнения мечты ещё не пришло время, а вот сейчас, наполненный подводной тишиной, вдруг открываешь: если не сейчас, то когда? Проникновенная гармония моря способна излечить любую душу, даже когда она искренне заблуждается, не в силах отыскать для себя верного ответа...

Мало того, всеобъемлющая тишина океанской глубины, пребывание в ней, постепенно и ненавязчиво учит силе. Она не наполняет тебя ей, а именно – воспитывает, подсказывая: учишься преодолевать непростые особенности нахождения в водной среде, приравнивая их к созидательному труду и на земле, и внутри себя, сделай так, чтобы ощущать

себя в море так же, как и на берегу, тогда и станешь сильнее. Ты осознаёшь это, поднявшись наверх, и тогда самая напряжённая работа на суше покажется тебе сущим пустяком. Ведь ты преодолел и свой страх, и скованность движения, и недостаток воздуха, и при этом, сам того пока не понимая, обрёл силу.

Сила моря, его красота и возможности, сродни божественным качествам, и оттого они кажутся неограниченными, а прочувствовав на себе тяжесть подводной работы, сила моря становится и твоей силой. Сила воды неодолима только тогда, когда ты не несёшь в себе собственную негибкую крепость, присущую этой всепоглощающей стихии, и тебе непременно следует развить её. А прежде – почувствовать силу морской стихии и принять, как неотъемлемую частицу своей души. Вся сила моря – в кипучем накале, так и ты: куй, пока кипит!

Вот и созидание рождается, только когда обрёл силу, способную ещё более укреплять себя, иначе ничего не построишь. Созидай дом свой с божьим именем, ибо без него и море тебя не примет, а оно всегда готово поделиться с человеком своими возможностями, если он к нему прислушивается. Прими на себя, человек, такой труд, последуй за достойными устремлениями сердца, и ощутив незабываемый прилив сил. Это море побудило тебя к душевному подъёму, и ты должен быть благодарен ему за подаренную им энергию.

Эта энергия когда-то была тебе недоступна... Ты приходил к морю – и сразу погружался в это удивительно простое и ясное состояние, схожее с какой-то непередаваемой радостью, в которой очень сладостно было находиться... То была удивительная энергия моря, и тебе, конечно, хотелось обладать ею. Но что для этого нужно сделать? Как вести себя? Может быть, даже чем-то ценным пожертвовать?!

А что ценного ты мог бы отдать морю, чтобы оно поделилось с тобой душевными тайнами? Должно быть, свою молодость, годы, что ты посвятил своим морским путешествиям, и даже – любовь... Без неё бы ты не проник в морскую душу, наверное, предполагающую только честное отношение к себе. Причём, любовь безусловную, когда тебе не жаль своей жизни, и ты дарил бы свою признательность морю совершенно искренне, не требуя ничего взамен.

Тебе просто всегда было хорошо рядом с морем, ещё более трогательное отношение у тебя вызывала океанская стихия, но и любовь твоя была взаимна. Никакой жертвенности не было и в помине, ты отдавал всего себя взаимоотношению с морем, и оно платило тебе тем же. Хоть и незаметно, энергия медленно проникала теперь уже в твою душу.

После того, как полдня провёл под водой, несмотря на усталость, не покидает ощущение, будто побывал в гостях у задушевного друга, и хочется поделиться общением с ним со своими друзьями и близкими. Но поднявшись на поверхность, понимаешь, что общение это было до такой степени сокровенным и трогательным, что не решаешься о нём никому рассказывать,

несёшь в себе, как нечто очень дорогое, драгоценное. Да и слов никаких для этого не находится, и ты только устало улыбаешься, переживая в душе огромное удовлетворение, такую же сокровенную и тихую радость. Что может быть лучше проникновения в душу моря, когда оно только и ждёт этого?!

У моря, несомненно, есть душа, иначе бы оно не могло так чувствовать всё живое, в том числе – и человека. А какой душевной полнотой располагает океан? Душа бескрайней водной стихии объемлет собой всё, предоставленное ей Богом пространство, но если ты оказался в нём неслучайно, эта обитель морской души, как и Бог, тотчас оказывается рядом с тобой. Тебе лишь нужно бесстрашно отправиться в путешествие к её истокам, и она тебя непременно примет.

В случае, если ты находишься под водой, восприятие моря от этого становится ещё более проникновенным, душа его перетекает в тебя мягко, с любовью, как это может выходить у матери или бабушки, когда они проявляют свою ласковую заботу. Ты этого не замечаешь, перетекание души моря в тебя происходит незаметно, отчего естественную соединённость с морской водой ты начинаешь принимать на свой счёт, будто именно ты её так тонко чувствуешь и понимаешь. Под водой всё упрощается, ты един с морем до такой степени глубоко и тонко, что впитываешь воду, как воздух. Всё вокруг, под водой, тогда кажется благодатью, ты и думать перестаёшь о суше, даже не вспоминая о ней.

Морская вода – вот твоя обитель, и много ты для себя не мыслишь: тебе там хорошо и просто. Это – твой дом, здесь много всего близкого, дорогого, хотя это и не обитаемая для человека среда. Да только любознательному человеку – везде родимый угол, что каждый раз покидаешь с неохотой.

Ты отгадал предназначенное тебе судьбой место, и душа твоя успокоилась, она даже возликовала в тесном содружестве с морем. Нужно только слушать себя: человек всегда знает – что ему следует делать, но не проявляет должного внимания к своему внутреннему чутью. Он бездумно растрчивает энергию вместо того, чтобы преумножать её, а это возможно, лишь, когда занимаешься в жизни своим делом, и тогда приливы энергии в неё никогда не прекратятся. Море всегда поделится с тобой своей энергией, если ты обратил к нему свою душу.

Но чтобы наполнение энергией происходило максимально, следует воспринимать окружающее тебя морское пространство осознанно. Работая в море, тем более – под водой, ты способен научиться многим вещам: тело твоё постепенно становится ловким и гибким, а вестибулярный аппарат – более уравновешенным и цепким, что не может не сказаться на характере, умении вовремя сконцентрироваться на любом деле, и благодаря таким натренированным качествам, жизнь твоя складывается уже по-иному, с лучшими результатами и большими для тебя возможностями... После нескольких лет подводного труда – тебе по плечу решение любых жизненных задач, и всё только благодаря тесному общению с водной

стихией, зарядившей на многие годы, может быть даже – на всю жизнь. А главное – укрепляется твоё сознание, но тот, кто равнодушен к миру окружающих его энергий, не получает ничего.

В общении с морем, в особенности – погружаясь на глубину, я сразу понял, что энергию обеспечивает именно радость. Когда мы делаем что-то от души, пусть и не совсем простое, а порой даже очень тяжёлое, переполняющая нас радость высвобождает мощный поток энергии, которая никуда не улетучивается, она перераспределяется и течёт в теле сбалансировано, прочищая все жизненные каналы. Но часто люди, находясь в море, воспринимают такое напряжение, только как нечто обременительное, непременно стараясь поскорее его преодолеть. Они почему-то уверены: то, что ждёт их впереди, будет, безусловно, ценнее и легче того, что происходит сейчас. И вот так, по собственной воле, вернее – по неразумению, мы отказываемся от переживаемого, очень важного для нас напряжения, устремляясь в несуществующее будущее, а энергия радости бесследно утекает.

Жить нужно не ради будущего результата, а во имя настоящего действия, тогда ты наполнен энергией. Наполненность – это когда ты удовлетворён тем, что у тебя есть, и не желаешь того, чего нет. Того, что у тебя есть – более, чем достаточно, чтобы уже ничего не желать.

Прими то, чего ты добился, радуясь простирающейся повсюду прекрасной жизни. Ты можешь видеть, слышать и осязать окружающий тебя мир: чего же ещё желать? Море в достатке вознаградило тебя, так просто пользуйся его дарами!

Давнишняя мечта человечества – заглянуть в морские глубины, существовала ещё в древности. Сохранился, например, барельеф, высеченный на камне за 1000 лет до нашей эры. Он изображает ассирийского воина, лежащего под водой и дышащего воздухом из кожаного бурдюка.

Кстати, первыми водолазами считались уже первобытные люди – ихтиофаги/рыбодеды/, употреблявшие рыбу как основной продукт питания. Они жили в Аравии, на берегу Персидского залива, и по свидетельству Плиния плавали с такой же стремительностью и ловкостью, как морские животные и рыбы. Ихтиофаги были не только пловцы – они почти жили в воде, и в совершенстве владели искусством ныряния и плавания под водой. Им это нужно было для ловли рыбы.

В древности подводному миру ещё не уделялось достойного внимания, и потому в качестве водолазов использовались чаще всего рабы, но, тем не менее, одна из старинных легенд приписывает подвиг подводного погружения даже великому полководцу Александру Македонскому. Эта легенда повествует о том, как Александр Македонский будто бы спустился на дно морское в огромном хрустальном сосуде, в котором был устроен трап, позволяющий собирать жемчуг и другие драгоценности со дна моря. Сосуд

якобы спускался на длинной цепи и был охвачен прочным железным каркасом, предохранявшим хрустальные стенки сосуда. В легенде говорится, что Александр три раза спускался на морское дно, причём, дважды спуску мешало какое-то огромное морское чудовище, едва не разбившее хрустальные стенки сосуда. Лишь в третий раз Александру удалось благополучно достичь морского дна и вдоволь налюбоваться жизнью подводного мира.

Мало того, Александр Македонский создал отряды воинов-водолазов. Это были самые настоящие пловцы, обученные для сражений по принципу современных бойцов морских командос: выносливые, сильные, они использовали для дыхания наполненный воздухом бурдюк или трубку, очень похожую на ту, которой мы пользуемся сейчас, для плавания в море.

Сведения о простейших водолазных приспособлениях встречаются во многих литературных памятниках Древнего мира: в «Илиаде» Гомера, у Фукидида, Аристотеля, Плутарха и в работах других историков, учёных и литераторов древности. Упоминаемые приспособления были самыми примитивными. Например, Аристотель рассказывает о сосуде, который опускали отверстием вниз, и поэтому он наполнялся не водой, а воздухом; таким образом, якобы, водолаз-ныряльщик мог дышать под водой.

Древнеримский военный писатель Вегеций в книге «О правилах военных» описывает водолазные приспособления для воинов, изготовленные из кожи и напоминающие водолазные маски. В прорези для глаз вставлялся какой-то прозрачный материал. Дыхание производилось через кожаную трубу, а чтобы верхний конец её не тонул, его привязывали к наполненному воздухом кожаному мешку. Глубина погружения в подобном аппарате не превышала 1 метр.

А вот греческий писатель Дикеарх даёт описание города в 3 веке до н. э., где главным занятием жителей была рыбная ловля, и водолазное дело являлось их стихией: «Городок не велик, он расположен на самом берегу Евбейского моря. Почти все жители добывают себе пропитание рыбной ловлей, добычей пурпурных ракушек и губок. Они проводят всю жизнь на берегу, среди водорослей. У них всех худощавые фигуры, а от постоянной работы в морской воде почти совсем изъедены ладони рук и ступни ног...»

В летописях можно найти упоминания о том, что и древние славяне погружались в воду, дыша через тростниковые трубки. В 16 веке запорожские казаки скрытно подбирались к врагу в опрокинутых челнах, используя, в сущности, принцип устройства водолазного колокола.

Создание первого известного нам водолазного колокола следует отнести именно к 16 веку. По описаниям, это был очень большой горшок, внутри которого были настланы доски. Горшок был снабжён свинцовыми грузилами. Первый спуск под воду происходил в 1538 году, в городе Толедо на реке Тахо. Внутри горшка сидели два человека, с зажжённой свечёй, что нам сейчас трудно себе представить... Да и о глубине погружения сведений не имеется: очевидно, она не могла быть большой.

В 1660 году водолазный колокол построил немецкий физик Штурм. Этот колокол имел высоту около 4 метров. Свежий воздух добавлялся из бутылок, которые брали с собой, и по мере надобности разбивали, - что уж и вовсе сложно вообразить...

В 1682 году итальянец Борелли подал замечательную идею: удалять из подводного аппарата выдыхаемый воздух, подавая вместо него свежий. И хотя аппарат Борелли не был построен, его идея была положена в основу конструкции водолазных скафандров.

В 1717 году английский астроном Галлей построил более совершенный водолазный колокол, имевший отверстие для удаления выдыхаемого воздуха. Несмотря на то, что колокол был деревянный, он опускался на глубину до 20 метров.

В 17 веке водолазные колоколы были известны и в России. В книге Волкова под названием «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное, напечатанная в царствующем великом граде Москве лета 1708 в июлии месяце» рассказывается о способах погружения в колоколе с целью подъёма затонувших ценностей.

Первое автономное водолазное снаряжение было представлено в России в 1719 году. Его изобретатель – крестьянин подмосковного села Покровское Ефим Никонов, предложил проект первой подводной лодки, названной им «потаённым судном». По замыслу изобретателя «потаённое судно» должно было скрытно доставлять водолаза к вражескому кораблю; затем водолаз выходил из «потаённого судна» и подрывал корабль неприятеля. Проект понравился Петру 1, и по его приказу судно было построено. Его постигла та же судьба, что и многие изобретения того времени: при испытании судно было повреждено, а после смерти Петра 1 казна отказала Никонову в средствах, необходимых для ремонта и усовершенствования судна.

Водолазный аппарат Клингерта, изобретённый в 1798 году, имел уже многие качества, свойственные нашим современным скафандрам. К нему подводились две гибкие трубки для подачи свежего и отвода выдыхаемого воздуха. Аппарат давал возможность водолазу передвигаться по грунту и даже нагибаться. Для того, чтобы исключить обжатию, верхняя часть туловища водолаза была закрыта панцирем, который прикреплялся к надетой под ним кожаной куртке с рукавами. Глубина погружения водолаза не превышала 23 метра. Впоследствии, чтобы увеличить глубину погружения, изобретатель соорудил «машину» - снабдил водолаза большим резервуаром воздуха. Воздух, сжимаясь в резервуаре с помощью поршня, на который давила вода, поступал по трубке к водолазу.

В 1829 году русский изобретатель Гаузен предложил водолазный аппарат, состоящий из медного шлема, удерживаемого на плечах водолаза металлической шиной. На водолаза надевалась рубаха из непромокаемой ткани. Скафандр был вентилируемым – воздух для дыхания подавался через гибкий шланг ручным насосом; избыток воздуха выходил из-под шлема.

Отсутствие невозвратных воздушных клапанов и герметического соединения шлема с рубахой делало погружение в аппарате небезопасным, но после усовершенствования этот аппарат применялся в русском флоте вплоть до 70-х годов.

В 1830 году англичанин Август Зиббе предложил водолазный аппарат, похожий на аппарат Гаузена, - снизу шлем аппарата был открыт. В 1837 году Зиббе существенно изменил конструкцию аппарата, сделав соединение шлема с рубахой герметическим. Теперь аппарат превратился в мягкий скафандр, нашедший применение на всех флотах мира и прозванный среди водолазов «трёхболтовкой»...

Трёхболтовка... Она, конечно, достойна того, чтобы посвятить ей целый рассказ. Внешне трёхболтовка не очень элегантна, но при тяжёлых водолазных работах незаменима. Это очень умело отцентрированное снаряжение для человека, уходящего надолго под воду. Трёхболтовка, по своему устройству, проста и удобна.

Впервые подводный мир открылся для меня благодаря сухому костюму «Садко», именно в нём я совершал свои первые погружения у юго-западного побережья Сахалина. Но трёхболтовка помогла овладеть какой-то незаменимой ничем уверенностью, которая приходит только тогда, когда ты погружался в настоящем водолазном обмундировании, смотрел на подводных обитателей через стеклянные иллюминаторы шлема, ощущал на себе, как сдавливают водолазную рубаху подводное давление и чуть ли не летал над грунтом, отталкиваясь от него тяжёлыми свинцовыми галошами. Разве понял бы ты всю тягость подводного труда, если, хотя бы раз, тебе не водрузили на грудь огромную свинцовую бляху? Или, оказавшись под водой, ты бы не забылся от переполняющих тебя впечатлений и не закувыркался, второпях нажимая головой на травящий клапан в шлеме и удаляя, тем самым, из костюма лишний воздух? И ещё не прочувствовал бы на себе, как со свистящим шёпотком поступает в водолазную рубаху с поверхности сжатый воздух и постепенно даже умиротворяет своим незамысловатым звучанием?!

В водолазной школе, спускаясь под лёд на реке Воронеж и выполняя там разные технические работы, нам, молодым курсантам, привелось в полной мере ощутить на себе все тонкости этого легендарного подводного снаряжения, представляющегося уже тогда допотопным. К тому же, водолазные рубахи были, как на подбор, самого большого размера, порядком изношенные, и поначалу даже не верилось, что в них вообще возможно спуститься под воду без какого-либо ущерба для себя. Когда я был впервые облечён в это очень старое, но, тем не менее, настоящее водолазное оборудование, состоящее из огромной водолазной рубахи, нагрудной свинцовой бляхи и истёртых галош, а также - помятого медного шлема, мне показались нереальными малейшие передвижения в нём, даже в более разреженной среде под водой. Скорее, я ощутил себя ещё неведомым миру космонавтом, вознамерившимся осуществить нечто героическое во благо

всей Вселенной. Эта неподъёмная миссия с такой тяжестью навалилась на мои незакалённые плечи, что я чуть, было, не рухнул тут же, на тренажёрном трапе, к которому меня заботливо подвели мои товарищи. Всё было готово к тому, чтобы покончить со всеми мучениями разом, уже более не обрекая себя на подобные испытания.

Но, кое-как, сойдя по гулко дребезжащим металлическим ступеням в ледяную воду, обжигающий холод которой я даже не почувствовал, поскольку помимо прорезиненной рубахи был ещё одет и в толстое шерстяное бельё, я, зато, сразу был охвачен, как мне показалось, тысячами невидимых железных щупалец, так цепко сдавивших моё тело, что рубаха будто намертво срослась с ним... И я вдруг перестал чувствовать её сковывающие объятия, и все накопившиеся, за долгое время безжалостной эксплуатации, огрехи этой водолазной амуниции, и неприятную неуверенность в собственных силах, и будто сбросил с души какой-то неведомый груз, уже давно не дающий мне покоя. Я был готов к полёту, и действительно полетел, как только ноги мои коснулись илистого волнистого дна. Главное было – не забывать стравливать головным клапаном накапливаемый в шлеме избыточный воздух, чтобы тебя не перевернуло вверх тормашками и не вынесло под всеобщий смех всей водолазной братии несуразно раздутым, беспомощно кувыркающимся пузырьём на поверхность. Если ты не зря проводил теоретические занятия в учебных классах и был внимателен к словам дотошного инструктора, тебя ожидала только неопишуемая радость, появляющаяся неведомо откуда сразу после погружения под воду. Эту радость можно было ощутить даже в непомерно тяжёлой и неудобной наверху трёхболтовке, здесь, на глубине, превращающейся в невидимые и лёгкие крылья...

Кстати, само море помогло развитию водолазного дела в России. Всё началось 27 ноября 1854 года, во время Крымской войны, когда у берегов Крыма разразился жестокий шторм, разбивший два десятка кораблей и судов о прибрежные скалы. Среди затонувших был и «Принц». Гибель «Принца» была большой потерей: в его трюмах хранилось тёплое обмундирование, боезапас, продовольствие и многое другое для снаряжения английской армии. Позже поползли слухи, что на «Принце» находится 5 миллионов фунтов стерлингов золотыми монетами в бочонках! Они, якобы, предназначались для выплаты жалования английской армии.

Время шло, за кораблём закрепилось название «Чёрный принц», а сумма золота в рассказах возросла до нескольких десятков миллионов. Но в те времена на глубину 70-80 метров, где лежал «Принц», никто не отважился бы спуститься.

Спустя полвека «Принцем» заинтересовался русский инженер В. Я. Языков. Он долго обивал пороги царских министерств и ведомств, добиваясь разрешения на поиск «Принца», которое было получено только в 1914 году. Однако началась первая мировая война, и дело заглохло.

После революции и гражданской войны Языков снова вернулся к мысли о «Принце» и с группой инженеров пришёл в ОГПУ, где их принял Ф. Э. Держинский. Доводы инженеров и представленные ими документы показали Держинскому убедительными, и в результате 17 декабря 1923 года при ОГПУ создаётся «Экспедиция подводных работ особого назначения»/ЭПРОН/ для поиска «Принца». Так и не подтвердившаяся впоследствии легенда о богатствах «Принца» принесла всё же пользу: благодаря этой легенде в России образовалась неплохо организованная и технически оснащённая водолазная служба, до этого представляющая из себя мелкие частные фирмы, полукустарно ведущие отдельные водолазные работы. Первый камень в фундамент подводного дела нашей страны был заложен, и всё это произошло благодаря морской стихии, её неудержимой, таинственной сути.

А на севере одними из первых непревзойдёнными подводниками оказались ... эскимосы, которые в своих маленьких лодках из тюленьей кожи – каяках, не боялись преследовать даже кита. В коже, обтягивающей корпус каяка, делался лаз из костяного кольца, к которому крепилась водонепроницаемая куртка гребца. Нередко эскимосы были вынуждены сами опрокидывать свои крошечные судёнышки, чтобы высокие тяжёлые волны не сломали им шею. Поэтому они предпочитали на время погрузиться в воду. Для того чтобы вынырнуть на поверхность, они применяли так называемый эскимосский переворот, делая под водой гребок коротким веслом. Это было, кстати, первое, чему сын учился у своего отца в море.

У всего, что связано с морем, тем более, с постижением подводного мира, помимо присущих ему многочисленных особенностей и загадок, имеется одно, может быть, даже самое важное, своеобразие... Дело тут не в том, что человек, несмотря ни на что, хотя бы частично освоил глубину и оказался бесстрашен при выполнении работы под водой, которая и на поверхности-то не всегда оказывается легка... И даже не потому, что он приноровился преодолевать себя, подчиняя воле свои сомнения и страхи. Главное, чтобы при нахождении под водой душа человека была гармонично связана с окружающим её миром, чувствовала его, постигала и постоянно училась.

А ещё, чтобы она не возгордилась, была осторожна в своём подводном парении и самое необходимое – оставалась бы благодарной Богу за то, что была допущена к морской стихии. Душа человека, погрузившегося на глубину, должна быть сопричастной всему, с чем она соприкасается в подводном царстве, и только тогда подводный мир обогащает её недостающими открытиями.

И, тем не менее, как бы это ни звучало странно, при известной во все времена пристрастности человека к миру моря, природа ... не создала его для деятельности под водой. Не то, что дельфин, часто называемый чуть ли ни самым близким человеку существом, который как раз устроен так, что в воде температура его тела остаётся примерно такой же, как и у нас. Океанские

течения мало что значат для дельфина: ведь он движется со скоростью 20-30 км/час. Физиологические адаптации позволяют ему нырять на большие глубины и раз за разом повторять эти погружения, едва вернувшись на поверхность. Да, морские млекопитающие дышат воздухом, но даже бутылконосый дельфин, живущий обычно на мелководье, умеет задерживать дыхание на шесть-семь минут, а некоторые киты остаются под водой по часу и больше.

Однажды достигнув высокой степени развития, эхолокация у дельфина с успехом заменяет ему зрение в мутной воде и во мраке морских глубин. Слух у этого животного очень острый, под водой он без труда определяет направление, с которого приходит звук. Человек же, хотя и не без желания погружаясь в глубины моря, не может не испытывать огромных трудностей...

Строение человеческого тела и его мышцы предназначены не для плавания, а для ходьбы или бега. Человек может задержать дыхание всего на две-три минуты. В воде он быстро теряет тепло, потому что теплопроводность воды в 25 раз больше, чем теплопроводность воздуха. Пребывание в течение часа в воде, имеющей температуру 4 градуса Цельсия, может оказаться роковым для человека.

Человек, обладающий нормальным зрением, под водой видит лишь расплывчатые очертания. Человеческие органы слуха под водой также гораздо хуже справляются со своими функциями: в лучшем случае человек с трудом определяет направление, с которого приходит звук. К тому же, человек не способен противостоять давлению, что увеличивается с каждым десятком метров на целую атмосферу!

Конечно, в последние годы появились великолепные неопреновые костюмы, предохраняющие аквалангиста от потери тепла, гибкие ласты, увеличивающие мобильность, удобные маски, имеющие хороший обзор видения, и самые разнообразные модели аквалангов, позволяющие чувствовать себя под водой легко и комфортно, без каких-либо помех... Вооружившись всем этим, вполне доступным инвентарём, человек способен успешно действовать в водной среде, выполняя порой достаточно сложные задачи, но подумайте: так ли эффективна эта его деятельность?

Никакие, самые современные ласты не позволят вам сопротивляться морскому течению, которое просто сведёт все ваши усилия к нулю, поскольку аквалангист плывёт со скоростью всего лишь 3-4 км/час. Маска даёт ему возможность видеть, но только в прозрачной воде. Задержавшись на глубине свыше 10 метров, ныряльщик с аквалангом должен возвращаться на поверхность очень медленно, с остановками, иначе он рискует заболеть кессонной болезнью. Если ныряльщик погрузился на 45 метров и хочет быстро вернуться, ему нельзя оставаться на глубине дольше 5 минут. В соответствии с декомпрессионными таблицами военно-морского флота после этого ему запрещается опускаться под воду в течение 12 часов – в противном случае он может серьёзно заболеть. Но соблюдение этих правил

отнодь не гарантирует его от опасностей. Даже на глубине 30-40 метров он подвергается угрозе азотного отравления, от которого у него может помутиться сознание и он впадает в состояние «глубинного опьянения». Хотя новейшие методы и оборудование позволяют водолазам-профессионалам работать на глубинах в несколько сот метров, холод, темнота, скованность движений и стресс давления остаются для них серьёзными препятствиями.

Работа под водой опасна, с нею связано много неразрешимых проблем, и всё-таки человек не представляет себя без моря. Заглянув однажды в подводный мир, он навсегда остаётся там душой. Ведь мир этот настолько загадочен, увлекателен и сказочно красив, что, оказавшись в нём, невольно быстро забываешь трудности и всё, что оставил на берегу. Страсть познания и какое-то подсознательное желание самоутверждения в этом таинственном мире не дают тебе покоя до тех пор, пока ты не оказываешься под водой.

А вообще-то, работа под водой – обычный труд, требующий только железной дисциплины. Примером истинной дисциплинированности и основательным подходом к работе под водой могут служить легендарные японские ама, совершающие свои погружения совсем неподалёку от нас, на юге, у берегов Японского архипелага. Принято думать, что способность к погружению на длительное время присуща им от рождения, и будто бы физически они более приспособлены к этому роду деятельности в отличие от других людей. На деле же, обыкновенные девушки из бедных крестьянских семей, живущих на берегу моря, вынуждены заниматься подобным ремеслом, как одним из немногих, дающих хоть какой-либо заработок, а раз они занимаются таким подводным трудом, значит, освоили его сложности, продолжая всё время совершенствоваться.

Ама могут быть на удивление неутомимыми, в течение дня множество раз погружаясь под воду совсем на непродолжительное время. Конечно, среди них случаются и рекордсмены, но в основном – это обычные девушки, достающие со дна моря жемчужины. В этом нет ничего романтического, если представить себе нелёгкую подводную работу. Нужно быть близким морю, самому пройти череду неоднократных подводных погружений, чтобы понять то напряжение, которое испытывает на себе ныряльщик, тем более, если это женщина, уходящая под воду без какого-либо специального снаряжения, исключая защитные очки и зажим для носа.

Я думаю, что обыкновенной японской девушке, с присущей ей основательностью и внутренней дисциплиной, было не так уж сложно обратиться к морю, соединив с ним свою душу. Однажды ей привелось заглянуть в его глубину, затаив дыхание на более продолжительное время, чем обычно, и это было присуще её духовной природе, которая всегда предполагала терпение. Именно это национальное качество способствовало появлению обаятельных ныряльщиц за жемчугом...

Ещё нужно хорошо представлять себе, что погружение за дарами моря не есть какой-то необычный эпизод в жизни ныряльщика, это – сама жизнь, которая подчинена строго сложившимся обязательствам по отношению к

себе, родственникам и морю. Дело в том, что молодые японские девушки своим подводным трудом отработывали долги родителей, отдающих их в «подводную кабалу» на десять, а то и более лет. Девушки были отлучены от родного крова на весь этот срок, ничего не получая за свою каторжную работу, и только смерть какой-нибудь из них или несчастный случай, повлёкший за собой потерю работоспособности, могли оборвать негласный уговор между хозяином и её родителями.

Не менее дисциплинированы и даже горды в своём непосредственном отношении к жизни моря и себе японские ныряльщики-мужчины: итомены. Но о них – лишь к слову, в качестве улыбки, присутствующей и у неприступной водной стихии. Итомены, помимо великолепного знания моря и тайн погружения на глубину, проявляют своё достоинство и непреклонность ещё в настоящем женоненавистничестве, не допуская присутствия женщины на борту, кто бы она ни была. По их утверждению, женщина создаёт проблемы уже одним своим существованием, и даже дома итомены являются полновластными хозяевами. Женщин они презирают до такой степени, что продают добытые дары моря собственным жёнам!

Туземные ныряльщики Полинезии, к примеру, тоже погружались под воду без всяких приспособлений, только в маленьких узких очках, сделанных из дерева, так как стекло ещё не было известно в древние времена. Линзы очков представляли собой чешуйки черепах, искусно утончённых вручную до состояния почти полной прозрачности. Подобные очки найдены не только на островах Тихого океана, но и на побережье Красного моря, даже – в Персии.

В этих очках ныряльщики спускались на глубину до сорока-сорока пяти метров, находясь под водой две-три минуты, при этом успевая найти и бросить в корзину дюжину раковин или губок. В самый разгар подводного сезона такие туземные «рекордсмены» ныряют более сотни раз в день, и так по пять дней в неделю. Для того, чтобы поддерживать соответствующую форму, перед каждым погружением ныряльщики совершают гипервентиляцию лёгких.

Ныряльщик выполняет её в течение 5-10 минут, которые предшествуют первому погружению, следуя очень характерной технике: длинный вдох, 2-3 секунды задержки дыхания и глубокий выдох, сопровождающийся долгим свистом сквозь губы, сложенными буквой «О». Благодаря такой гипервентиляции наибольшее количество альвеол, находящихся в дыхательных путях, максимально расширяются, наполняются кислородом, а почти половина углекислого газа из них уходит. Может быть, именно от туземных полинезийских ныряльщиков, с древнейших времён опускающихся под воду, этот способ дыхания постепенно дошёл до мастеров йоги и монахов Тибета, в созданной ими гимнастике «Пять тибетских жемчужин», в которой после завершения упражнений губы при выдохе также должны принимать форму буквы «О».

Неутомимость полинезийских ныряльщиков и их организованность, несмотря на то, что они ещё не обладали глубокими секретами работы под водой наравне с теми же ама и итоменами, не вызывает сомнений. Ведь им приходилось начинать с нуля, когда до них никто подобных погружений на значительную глубину ни делал, причём, с такой интенсивностью и без каких-либо вспомогательных средств. И выработывали эти первые подводные пловцы достаточно совершенную для себя систему дыхания сами, с помощью которой возможно было добывать недостижимые ранее морские дары. Для этого требовалось обладать, в первую очередь, решительностью, непреодолимым желанием заглянуть в неизведанное, что недопустимо без серьёзного отношения к пребыванию под водой.

Полинезийские ныряльщики были одними из первых, кто решился совершить шаги к материнскому лону, обратно в океан, не в силах изменить своей древней привычке погружаться под воду и находиться там как можно дольше. Именно этот неугасимый и могучий инстинкт неумолимо влечёт нас всех к морю, рождая в сердце любовь, и мы не можем противиться ему, казалось бы, совершенно противоестественно своей природе задерживая дыхание. И нас даже не страшит возможность задохнуться, как будто мы знаем, наверное: что-то произойдёт с нашими лёгкими и они задышат под водой.

За этим, видно, я и отправился на Сахалин, к Тихому океану, ибо не мог, да и не хотел противиться своему рефлексу погружения на глубину. Рефлексу, который привёл меня в родную колыбель, до сих пор укачивающую моё сердце. Не ради приключений отправился я на Дальний Восток, а именно благодаря стремлению проникнуть под воду, отыскав там себя. И океан ждал меня, и я удовлетворил его внимание, обретя в слиянии с водой свои морские корни. Я вернулся домой...

Все дальневосточные моря очень похожи и имеют, как и работа под водой, свои особенности. Во-первых, завораживает суровая красота этих мест... Каменные осыпи, застывшие у самого моря потоки камней, отдельные причудливые скалы, многочисленные ущелья, рассекающие голубовато-серые обрывистые стены, в которые в прилив тяжело ударяются мутновато-зелёные стальные волны, а по каменистым уступам сверху ниспадают серебристые каскады воды. Так обычно выглядит берег дальневосточного моря.

Нагромождения скал кажутся такими чудовищными, что не покидает ощущение – они не случайны. В некоторых местах из узких чёрных расщелин вырываются безмолвные ручьи и устремляются по галечному руслу к морю: из-за гула набегающих на камни волн их совершенно неслышно. Чаще всего берег представляет из себя нависающие над морем чёрные и серые скалы, отвесно уходящие в глубину. Белые отметины во впадинах скал, видневшиеся высоко над головой, свидетельствуют о том, что до этих пор достигает вода в прилив. Две силы – воды и камня, смыкаются здесь в нескончаемом и упорном противоборстве, не помышляя о каком-либо

примирении. Суровы холодные дальневосточные воды, как неприступен и пустынный скалистый берег.

Во-вторых, особенность и Японского и Охотского моря такова, что береговая линия их являет собой обычно голые скалы или сопки, по которым иногда стелются заросли кедрового стланика. Кусты, переплетаясь между собой корявыми сучьями, порой создают непроходимые препятствия. Ещё более редки рощицы курильского бамбука и даурской лиственницы, источающих тонкий аромат. И скалы и сопки чаще всего имеют одни и те же цвета: тёмно-коричневый или серый, скорее даже – чёрный.

Но вот когда наступает время отлива, береговая полоса совершенно преобразается, и невысокую, лишь местами пробивающуюся травку и лишайники на камнях сменяет разноцветная полоса широко оголяющегося дна, представляющая взору захватывающую картину... Это ещё одна особенность дикого дальневосточного побережья, как правило, окутанного густым голубоватым туманом. Повсюду виднеются небольшие жёлтые холмики выбросов червей пескожилов, ещё не обсохшие серые валуны, расцвеченные бордовыми и фиолетовыми полипами, сплошные россыпи коричневой, чёрной и белой гальки, кремовые пирамидки баянусов, выпускающих в насыщенный влагой воздух жемчужно-серебристые фонтанчики, изящные домики акмеи, бледновато-лимонными холмиками накрепко присосавшиеся к каменистым осколкам, оранжевые крабики, пурпурные, синие и тигровые звёзды, шоколадные и сочные слоёвища ламинарии, устилающие впадины между камнями, похожие на круглые ванны... Каждая лужица здесь полна живых существ, что переливаются и будто заманивают своей неземной красотой, а уж во впадинах и подавно, причём, вода в них остаётся в течение всего периода отлива. Дальневосточное море великодушно демонстрирует свои скрытые сокровища!

Что, кажется, может превзойти подобное разнообразие? И только погрузившись под воду, ты открываешь очередную, присущую дальневосточному морю особенность: сплошные заросли крупных бурых водорослей вдоль края берегового рифа. Водоросли образуют основной фон в здешнем подводном пейзаже, а под ними, на камнях и песке, располагаются красно-синие патирии с эвастериями, розовые солястеры, сиреневые амурские звёзды, скопища короткоиглых фиолетовых ежей, голотурии, крабы, брюхоногие моллюски-нептунии и рапаны, многочисленные бычки, поселения усонюгих раков, размещающихся в опустевших раковинах, пурпурные, изумрудные и светло-коричневые актинии, пузатые яркие асцидии, гирлянды голубых мидий... Всего обилия подводных жителей и не перечислишь, и всё это великолепиие подводного мира создаёт картину, отличную от других морей, где тоже встречаются разнообразные растения и животные, но такую богатую совокупность их возможно встретить только в Японском и Охотском морях, это – особенность дальневосточного побережья, вернее – прибрежной полосы дна.

В отлив во всех углублениях и лужицах на поверхности воды вытягиваются мясистые листы морской капусты, мерно качаются лиловые кустики фукусов, а между ними поднимается пушистая пузырчатка-ульва... Это дружное сообщество водорослей, вдруг оголившееся на огромной площади, повергает своими масштабами. Водоросли тяжело ворочаются между камней, поблескивают жирными боками, и невольно начинаешь воспринимать их какими-то подводными чудищами, не по своей воле очутившимися вне водной среды, и изо всех сил стремящиеся в неё ускользнуть. Колышущиеся листы ламинарии, будто змеи, крепко обвивают ноги и на самом деле представляются живыми, готовыми затянуть тебя в неведомую пучину. Спешешь поскорее высвободиться из этого тягучего плена, но водоросли не пускают...

Легче обстоит дело, когда скользишь под водой меж переплетающихся слоёвищ в неопреновом костюме, ловко преодолевая самые густые скопления мельтешащих перед глазами растений. Не покидает ощущение, что плывёшь над кронами раскидистых подводных деревьев, основания которых теряются где-то под тобой, на глубине нескольких метров. Но когда, всё же, преодолеваешь эти заросли, и водоросли расступаются, тебя вдруг охватывает смятение: куда двигаться дальше? Дело в том, что повсюду – лишь серо-зелёная толща воды, и это также одна из характерных черт дальневосточных морей.

Только начиная работать на Сахалине водолазом, я никак не мог привыкнуть к тому, что вода и в Охотском и в Японском море имеет малую прозрачность. Да и в Беринговом она не отличалась особой чистотой... Но что тому было причиной?

Искренне полагая, что явление это временное и когда-нибудь прозрачность воды всё же улучшится, я и не заметил, как привык к нему. Но, тем не менее, на протяжении всего лета, пока мы работали у южной оконечности острова – мыса Крильон, вода оставалась зеленовато-серого цвета, и это, несомненно, мешало. Особенно, когда требовалось быстро подогнать друг к другу фланцы трубы мареографа и вставить в сошедшиеся отверстия болты, а малейшая неточность могла свести на нет все предшествующие усилия.

Так вот, малая прозрачность воды дальневосточных морей объясняется тем, что она перенасыщена минеральными солями, поднимаемыми со дна течениями, и питательными солями, приносимыми с суши многочисленными реками и ручьями. Всё это создаёт богатую среду для массового развития в верхних слоях моря мельчайших водорослей – фитопланктона. Основу его составляют диатомовые водоросли, которые начинают бурно развиваться с резким увеличением солнечной освещённости, то есть – летом, отсюда и малая прозрачность воды.

И ещё: обилие фитопланктона предполагает богатую подводную жизнь, и может быть главная особенность того же Охотского моря заключена в том, что оно одно из самых плодородных. Фитопланктон способствует развитию

мелких животных, а многочисленными мелкими животными питаются более крупные – ракообразные и рыбы, их в свою очередь поедают большие рыбы. На этих богатых морских «полях» нагуливаются косяки сельди, минтая, наваги и пикши, сайры и иваси, в огромных количествах обитает камбала и палтус, не говоря о лососевых рыбах – горбуше и кете, сима и нерке, чавыче и кижуче. По запасам рыбы Охотское море занимает первое место среди дальневосточных морей, оно – настоящая рыба уха!

Вода... Бескрайний завораживающий мир... Впрочем, и у моря есть свой край. И даже – у океана. Но только как дойти до него через такие глубины? Как познать их?

Взять, к примеру, знаменитую впадину Тускарора, располагающуюся неподалёку от Камчатки и Курил, с океанской стороны, и превышающую в глубину десять километров! Что кроется там, в неведомой таинственной темноте? Какие загадки, невообразимые даже для любознательного и неустрашимого человека, ожидают его на первобытном нетронутом дне?

Вот что завораживает на самом деле в морском и океанском просторе – необъяснимая и всеохватывающая глубина, затягивающая в себя любое, даже самое смелое воображение, пусть и предполагающее тягу к знаниям, к раскрытию тайн. В них непременно, несмотря на околдовывающий глубинный страх, хочется проникнуть, чего бы это ни стоило, и, конечно, вернуться, чтобы ощутить ещё большую радость от пребывания на земле, у самого моря.

Море привольно и таинственно, всегда как будто сосредоточено на своей внутренней глубинной жизни. Оно мягко ворочается, как бы пристраиваясь к самому себе, и ровно прислушивается: что происходит там, в самой глубине? Всё ли соразмерно тому, каким его воспринимают на поверхности? Всем своим неизмеримым естеством море стремится быть подвластным только тем устремлениям, что зарождаются в его утробе, а на прикосновения солнечных лучей и ветра остаётся внутренне равнодушно.

Море, конечно, отвечает на их приветствие, но без взволнованности, сдержанно. Оно будто снисходительно терпит и солнце, и порывы ветра, но ни солнце, ни ветер не в силах изменить его глубинной сути. Море неподвластно чьему-либо влиянию, оно – море, вынужденное всё же на ограниченное пребывание среди утомлённых под его накатами терпеливых берегов. Оттого, наверное, и сосредоточено больше на своей глубине, где теряются его собственные мысли.

Попадая в море, ты сразу оказываешься окутанным этим глубинным немим покоем, и, купаясь в нескончаемом переживании радости, будто постигаешь сокровенную глубину морской души. Ты точно заморожен этой морской колыбелью, сравнить которую не с чем. Ей не находится аналогов на суше, что бы ты ни воображал. Только море способно так заботливо

укачать душу, и только оно, несмотря на свою необоримую глубину и силу, дарит неземную ласку.

Теперь уже известно, что дно океана имеет такую же структуру, как и суша, с той лишь разницей, что здесь много загадочных трещин, ущелий и гор, которые по своей протяжённости, глубине и высоте не имеют себе равных на континентах. Вообще, различают три большие топографические области под водой: ещё примыкающую к суше материковую отмель или шельф, материковый склон и ложе океана, который там, в глубине, всё же представляется бездонным...

Кстати, материковая отмель, или шельф, тянется вдоль всего побережья Тихого океана, но если в западной его части такие отмели занимают тысячи квадратных километров и протягиваются далеко в океан, а тем более в окраинные его моря – например, дно Японского моря, то у побережья Южной Америки материковая отмель предельно сжата, и составляет порой километр, а то и меньше. Подводная же окраина материка Южной Америки, её материковый склон, является самым крутым на планете.

Хорошо, что в Японском море дно опускается на глубину не сразу, а постепенно. Плавая чаще по мелководью, на глубинах до двадцати-тридцати метров, всегда тянет заглянуть туда, где шельф круто обрывается, уходя в бездну, и светлая голубизна вдруг сразу переходит в густую, почти чернильную синеву. Миновав эту границу, ты будто повисаешь над обрывом, с опьянением паря в водной бесконечности, и тебе становится не по себе от ощущения радости, которая быстро сменяется страхом.

Не малого труда стоит удержаться и не уйти вниз. Это притяжение неведомой глубины сложно было объяснить сразу, но оно жило во мне, неожиданно просыпаясь и в миг околдовывая. Верилось: не испугаешься, устремись в эту тьму, и рано или поздно дойдёшь до ... света.

Торопливо работая ластами, с облегчением возвращаешься обратно, не переставая думать о зияющей внизу черноте, и всё же она неумолимо притягивает твой внутренний взор. Сказочный мир глубины пугает, он неподвластен твоему воображению.

Где-то там, в незримой подводной глубине живут неведомые морские чудовища, которые не давали покоя ещё с детства, когда ты с замиранием сердца рассматривал отцовские книжки, хранящиеся в кладовке, в большой картонной коробке. Взрослые почему-то запрещали туда заглядывать, но когда дома никого не было – книжные тайны приоткрывались. Ничто не могло быть сравнимо с переживанием трепетного восторга, с каким ты перелистывал пожелтевшие глянцевые страницы. Чёрно-белые старинные иллюстрации моря приковывали к себе так сильно, что обо всём забывалось. Как на той границе шельфа и бездны, где ты, будто замороженный, застывал на мгновение, не в силах принять какого-либо решения. Тайна моря охватывала всецело, напрочь, будто ты опять возвращался в детство, в котором любая мечта представлялась осуществимой.

Рядом с раскрытой картонной коробкой, полной замечательных книг, разложенных мною на полу, я уже, наверное, знал, что когда-нибудь попытаюсь заглянуть в эту таинственную глубину, соединяя свою судьбу с морем. А по прошествии нескольких лет работы в море был уверен, что оно серьёзно держит меня своей глубиной, отчего-то не отпуская. То коварное, непонятное, то настроенное по ласковому, благодушно, море будто исподволь, почти незаметно изучало тебя. Порой казалось, что оно вовсе забывало о твоём существовании, а когда ты тоже переставал о нём думать, неожиданно напоминало о себе, чтобы спросить: «Ты, наконец, преодолел сомненья, разобрался в себе, успокоился душой, проникая в мои сокровенные глубины»?

Там, в глубине, на океанское дно постоянно, в течение тысяч и миллионов лет отлагались разнообразнейшие осадки: мёртвый планктон; продукты выветривания земной коры, которые выносили реки, льды и ветры; отмирающие организмы устлали дно своими скелетами; вулканические извержения заливали его лавами, покрывали пеплом; на дне возникали различные химические соединения... Средняя скорость накопления осадков на дне океанов оценивается в 1 см за тысячу лет, поскольку поверхностные, а затем глубинные течения уносят эту мелкую взвесь очень и очень далеко. Но сколько там сосредоточено того, о чём позабыл, наверное, сам океан?!

На недоступной для человека глубине обитают неизвестные науке животные, присутствует какая-то неведомая сила, объяснений которой никто не находит. Глубина просто повергает этой своей таинственностью и темнотой, способной сбить с толку любые логические доводы, но она и манит...

Проникая в глубины моря, человек не только получает огромное удовольствие от сближения с природой, но понимает и чувствует свою неразрывную связь с ней. Он переживает колоссальный эстетический эффект, который оздоравливает душу и тело, позволяя ему незаметно обрести более высокий уровень развития. А ещё, побывав на глубине, человек не может не ощутить единство всего мира, независимо оттого – какой бы недоступной не представлялась подводная стихия.

Первыми, кто заглянул на дно глубочайшей впадины Мирового океана – Марианской, были исследователи – швейцарец Жак Пиккар и американец Дон Уолш. В лучах прожектора, на глубине 10919 метров, они увидели неизвестную рыбу и креветку, свидетельствующих о том, что и здесь, на максимальных глубинах, есть жизнь. Трудно вообразить эту вечную ночь и вечный холод, где всё-таки обитают существа, не знающие солнца. Что же там, в этой неизведанной глубине происходит?

Если представить себе характер глубинной морской среды, то нас поразит колоссальное давление, которое всех этих обитателей окружает. На поверхности моря каждый квадратный сантиметр нашего организма при давлении в 1 атмосферу испытывает давление в 1 килограмм, ниже поверхности моря давление возрастает на 1 атмосферу на каждые 10 метров

глубины. Таким образом, на глубине 5000 метров давление составляет около 500 килограммов как изнутри, так и снаружи живых тканей организмов, но даже наиболее хрупкие и изящные рыбы не страдают от этого.

Ещё одна особенность больших глубин – низкая температура воды. Тёплые течения – Гольфстрим, Куроисио и другие, захватывают только поверхностный слой толщиной в несколько сот метров и не соприкасаются с холодными массами глубинных вод. Холодные же воды, направляющиеся от высоких широт к экватору, движутся на значительной глубине. Характерно, что во всех океанах температура воды на глубинах около 1000 метров равна 3-4 градуса Цельсия, и по мере дальнейшего погружения, она постепенно понижается от плюс 2 до 0 градусов на глубине 6000 метров, и от 0 до минус 2 градуса на глубине 8000 метров. Солёность же воды и высокое давление препятствуют превращению её в лёд. На глубине 10000 метров термометр обычно показывает небольшое повышение температуры – до 0 градусов.

Относительно низкие температуры в глубинах океана сами по себе не являются существенным препятствием для нормальной жизнедеятельности – такую же температуру мы наблюдаем на поверхности северных морей, изобилующих рыбами и другими организмами. И всё же, животный мир океанских глубин сравнительно беден.

Несомненно, что важнейший фактор, отрицательно влияющий на жизнедеятельность на больших глубинах, – это полное отсутствие света. Расчёты учёных показывают, что даже в прозрачных водах солнечный свет становится полностью невидимым на глубине около 600 метров, а в более мутных водах эта глубина, естественно, ещё меньше. Ввиду того, что видимый «белый» свет фактически представляет собой целую цветовую гамму, то есть колебания волн различной энергии и длины, они не все проникают одинаково глубоко. На глубине 10 метров полностью поглощаются красные лучи, и до глубины 40 метров преобладающим цветом становится оранжевый. В свою очередь, оранжевый цвет исчезает на глубине около 45 метров, а жёлтый – 90 метров. На глубине 250-300 метров исследователи наблюдают лишь густейшую, какую можно себе только представить, тёмную синеву. Опускаясь же глубже, можно собственными глазами увидеть наступление царства вечной ночи: тьма на глубине 1000 метров кажется чернее чёрного.

Отсутствие света на глубинах, соответственно, означает и отсутствие наиболее разнообразной и доступной для рыб растительной пищи. Ведь фитопланктон развивается только в верхних, освещаемых лучами солнца слоях воды. В свою очередь, множество мельчайших животных, питающихся растительной пищей, также практически недоступно для большинства глубоководных рыб. Казалось бы, бесчисленное множество медленно тонущих, отмирающих в верхних слоях растений и животных могло бы служить пищей глубоководным обитателям... Но, как показали наблюдения, органические остатки по пути вниз очень быстро разлагаются, и на глубине

1000 метров и ниже они полностью окисляются, и лишь их твёрдые скелеты или пустые оболочки продолжают свой путь ко дну.

Однако, кто же они – эти обитатели неведомых глубин, чем всё-таки питаются и каким образом находят себе пищу? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Несомненно, что огромное значение в пищевых взаимосвязях глубоководных животных имеют суточные вертикальные миграции. Замечено, что отдельные виды глубоководных рыб и креветок мигрируют с глубины 800 и более метров в верхние слои воды, где они интенсивно питаются.

Конечно, животный мир подводной бездны не так богат, как в верхних слоях, но он существует. По подсчётам специалистов, из 140 тысяч известных науке морских животных на глубине 5-6 километров можно найти лишь 600-700, а в океанических впадинах – только 120 видов. Трал, опущенный на глубину 10819 метров, принёс 108 животных, принадлежащих четырём различным группам. Исследовав уловы с различных глубин, учёные установили, что губки встречаются до глубины 7000 метров, морские звёзды – до 7230, креветки – до 9000, морские анемоны, брюхоногие и двустворчатые моллюски – до 9300 метров. На дне океанских впадин обитают многощетинковые черви, офиуры и голотурии.

Те немногие люди, которым посчастливилось совершать путешествия в пучины океана, рассказывают о том, что вечная ночь глубин иллюминирована живыми огнями. «Несколько раз неизвестные организмы так ярко светились, что свет их на несколько секунд слепил мне глаза, - пишет в своих воспоминаниях о погружении в батискафе у Бермудских островов Вильям Биб. – Часто количество светящихся точек было так велико, что напоминало звёзды в ясную безлунную ночь; непрерывное движение мешало сосредоточить взгляд, но сделав усилие, мне удавалось проследить перемещение созвездий, что позволяло определить очертания рыб».

У некоторых рыб светится вся поверхность тела, у других отдельные участки на голове и кончике хвоста. Они могут зажигать и гасить свои огни. Есть рыбы, светящиеся красным, синим, зелёным светом. Отдельные вспышки света по своей силе превышают общую освещённость в 200, а подчас – в 1000 раз. Только некоторые из этих рыб известны учёным.

В середине прошлого века у Коморских островов было выловлено несколько доисторических рыб – целакантов, обитавших в морях 300 миллионов лет назад! А потому нет никаких оснований не верить и многочисленным рассказам очевидцев, которые видели «морского змея» - какое-то доисторическое существо, к какому бы виду оно ни принадлежало. Ведь если реликтовые животные и растения, намного пережившие эпоху их давнего расцвета, сумели сохраниться до наших дней на суше, то отчего, кажется, не допустить существование подобных реликтов в Мировом океане? История с целакантом лишь подкрепляет это мнение, и уже не оказывается фантастичным предположить, что на земле сохранились плезиозавры и тилозавры, возраст которых, в сравнении с целакантом, всего лишь 150

миллионов лет. Такой факт никоим образом не ниспровергал бы никаких зоологических и биологических основ, а лишь говорил бы об уникальной пластичности животных организмов.

До сих пор не существует бесспорной теории, объясняющей быструю/в геологическом отношении/ гибель гигантских ящеров и многих видов других животных и растений примерно 65 миллионов лет назад, произошедшую в результате мировой катастрофы. Воды Мирового океана наверняка были для них лучшей защитой, чем воздух, а потому вероятность дожить до наших дней у морских исполинов выше, чем у сухопутных. Океан более стабилен во всех отношениях, и если уж ящеры дожили до наших дней, то доисторических животных надо искать именно в океане.

А после того, как в мае 1952 года у западных берегов Мексики подняли с глубины 3590 метров трал с десятью моллюсками неопилин, которые появились на земле примерно полмиллиарда лет до появления первых млекопитающих, нет ничего невозможного в том, что в океане живут неизвестные науке чудовища. Нам почти не известен животный мир глубин более шести километров. Туда практически никто не заглядывал. Спуски тралов исчисляются лишь десятками. По некоторым глубоководным желобам – всего по одному спуску. В этом нетронутом мире могут сохраниться очень древние обитатели планеты!

Я навсегда запомнил своё первое знакомство с глубиной, а произошло оно у острова Матуа. Мы в тот год работали от Сахалинского управления Гидрометеослужбы на Курилах, в течение всей осени осуществляя профилактический ремонт мареографов, расположенных по островам Шикотан, Кунашир, Итуруп, Матуа, Уруп и Парамушир. Некоторые из мареографов достались нам в наследство ещё от японцев, но, несмотря на это, хорошо сохранились, поскольку башни были выложены из морской гальки с добавлением в раствор водорослей. Требовалось лишь изредка менять подводную часть сооружения, укрепляя оголовки трубы, разбиваемый штормами, на что при благоприятной погоде уходило, как правило, две-три недели.

Несмотря на то, что наступил декабрь, не покидало ощущение только начавшейся осени: таким безоблачно-синим выглядело небо, в умиротворённом спокойствии замерло море, а склоны холмов отливали всеми цветами радуги. Остров Матуа с возвышающимся на полторы тысячи метров действующим вулканом Сарычева был хорошо заметен издали. Склоны его занимали почти всю площадь острова, с западной, северной и восточной стороны – скалистые, с южной же – песчаные, холмистые и плавно повышающиеся к самой вершине. И вот именно у южной оконечности острова Матуа, по соседству с расположенными неподалёку несколькими скалистыми островками и скалами, и находился наш очередной мареограф. В море от него протянулся постоянно обсыхающий риф, который через пару кабельтовых резко обрывался на большую глубину.

Человека никогда не покидала убежденность в том, что в глубинах моря, причём, относительно допустимых для проникновения, существуют неизвестные науке чудовища, может быть даже – исполины! Но помимо этого убеждения меня лично часто не покидало ощущение, будто кто-то за тобой под водой наблюдает, и воспринималось подобное присутствие неведомой силы чуть ли не физически. Именно какая-то необъяснимая сила, а не животное приближалось к тебе под водой, так что охватывало непередаваемое волнение, даже страх, отчего хотелось, с одной стороны, избежать столкновения с ней и поскорее выбраться на поверхность, а с другой, наоборот, слиться и разглядеть – что она собой представляет.

Осматривая оголовок, где труба покоилась в зацементированном боксе, я невольно увлёкся притягивающей магией глубины и, как загнипнотизированный, завис над ней, внутри себя и ужасаясь, и восхищаясь воображаемой бездне. По словам старшего помощника капитана нашего исследовательского судна глубины здесь не превышали трёх-четырёх сотен метров, но было ощущение, что эта иссиня-чёрная водяная толща длится нескончаемо, и дно там, в сгущающейся кромешной темноте, совершенно отсутствует. Такое складывалось впечатление от замершей внизу насыщенной синевы, которая будто копошилась или, вернее, роилась своей зачаровывающей непредсказуемостью.

Я решил немного погрузиться, будто это непременно должно было раскрыть мне то, что уже давно непреодолимо приковывало. С явным любопытством взирая на мои передвижения, чуть поодаль кружил одинокий дельфин. Мне даже показалось, что он неслучайно появился рядом, словно о чём-то предупреждая, и когда я медленно опускался вдоль каменной стены, поросшей разноцветными водорослями, помнится, было приятно переживать его присутствие.

Наконец, я очутился на подводном уступе, дальше которого простиралась чёрная пропасть, и, заглянув туда, в эту повергающую восприятие неизвестность, вдруг даже отшатнулся. Дальше продолжать погружение было опасно. Подняв голову к светлеющей поверхности, я обнаружил, что дельфин совершает зигзагообразные манёвры, будто его охватило непонятное возбуждение. Я опять посмотрел вниз, в эту чернеющую бездну, и сразу почувствовал, что вода стала заметно холоднее.

Температура отчего-то быстро падала, и одновременно я заметил, как из пучины поднимается какая-то тёмная масса. Она всплывала очень медленно, и когда на неё упал струящийся с поверхности свет, я различил нечто огромное, свинцово-фиолетового цвета, с колыхающимися рваными краями. В мгновение, без каких-либо сомнений, пришло осознание, что эта пульсирующая масса - ничто иное как живое существо, хотя невозможно было различить ни глаз, ни конечностей.

Продолжая вздрагивать и колыхаться, жуткое видение почти поравнялось со мной, и стало вдруг очень холодно. Краем глаза я заметил, что дельфин замер, чуть пошевеливая хвостом, будто тоже парализованный

воздействием этой неведомой силы. Завороженный, я наблюдал, как это огромное чудовище достигло поверхности воды, кажется, даже привсплыло. Прислонившись спиной к каменистому выступу, я, не отрываясь, взирал перед собой, не смея шевельнуться, а тёмно-фиолетовое пятно стало сжиматься, медленно погружаясь в глубину, после чего вода опять стала зелёной, дельфин же, взмахнув хвостом, тотчас исчез.

Что это было за существо, появившееся из неведомых глубин, я и до сих пор не знаю, но то, что ко мне приближалась какая-то жуткая глубинная сила, я не сомневался. Всё обошлось благополучно, со мной ничего не случилось, и всё же ещё долгое время я не мог избавиться от ощущения, что в душу мою закралась большая тайна, как ни странно, наделившая её и страхом, и силой, и я несу её в себе, по сей день... И ещё вспоминаю, как эта сила внезапно растворилась в голубовато-зелёной дымке океанской пучины, будто её и не было.

Разве перечесть все те ощущения, что переживаешь под водой? Оказываясь во взвешенном состоянии, между двух миров, ты часто ловишь себя на мысли, что звуки земли, здесь, под водой, приглушённые и порой почти еле различимые, становятся, как ни странно, более ощутимыми. Доносясь откуда-то сверху, они теперь наплывают на тебя, касаясь восприятия очень ненавязчиво, мягко, и от этого воспринимаются ещё более внятно. Шум моторной лодки, вскрикивания чаек, удары по обшивке бота или судна ты начинаешь улавливать в самой воде, её невидимых колебаниях, несколько по-другому, и эта мягкость достигающих тебя звуков позволяет принимать их как большую ценность, а не так, чтобы ты просто слышал всё это, находясь на поверхности. Вода сглаживает жёсткие земные углы и, обтекая тебя, они становятся глубоки и объёмны. По крайней мере, ты начинаешь исподволь задумываться о том, чего раньше не замечал, и всё это благодаря магическому нахождению под водой.

Когда ты уходишь под воду глубоко, восприятие земли постепенно всё же стирается. Земля как будто вовсе исчезает, и это ощущение так тебя захватывает, что ты на какое-то время действительно о ней забываешь, вдохновлённый чудесным миром неземной тишины.

Но море, всё же, не безмолвно, как это на первый взгляд кажется. Оно шипит, скрежещет, гудит и стонет, подкрадывается к тебе из-за спины с пронизывающим свистом, а то наваливается всеобъемлющей гулкой тишиной, которая, между тем, тоже звучит чем-то необъяснимым, не давая ни на секунду расслабиться. Тишина моря поначалу даже обескураживает наличием в себе неизъяснимого желания вслушиваться в неё.

Один из самых чарующих звуков, который вы непременно услышите под водой – звук вырывающихся из лёгочного автомата упругих пузырьков... А ещё удивительно звучат под водой ударяющиеся друг о друга камни... В детстве, купаясь в море, я всегда с удовольствием рассматривал камни на дне

и заглядывал под них: кто там живёт? Камни хранили в себе, кажется, ещё большую тайну, чем море.

И всё же, красота и необычайное разнообразие подводных пейзажей просто ошеломляют... Иначе не передать того впечатления, что испытываешь от столкновения с подводными красотами. Смотришь, впитываешь увиденное, как губка и, забывая обо всём, сливаешься с водным пространством, перетекая в него душой... Сколько же тут всего, чего никогда и не упомнишь, и не опишешь!

Вот перед тобой открываются заросли бурых, фиолетово-красных, коричневых и зелёных водорослей, целые луга из них, и ты невольно ощущаешь себя на неведомой планете, где обитают только фантастические травы и стоит волшебная тишина...

Или появляются вдруг разноцветные рыбы – большие и маленькие, юркие и ленивые, даже спящие на ходу и с любопытством подплывающие чуть ли не вплотную... Что за радость находиться в этом царстве грёз, чувствуя себя частицей моря!

А песок на дне белый-белый, но ни как сахар или снег... Под водой он какой-то особенно чистой, волнующей белизны, что переливается жирным серебром... В свете же проникающих в этот волшебный сумрак солнечных лучей – песок начинает казаться живым золотом...

Ещё под водой поражают взор пещеры и гроты, представляющие из себя таинственные города... Как будто кто-то специально их здесь возвёл и оставил, и эти загадочные сооружения замерли в покорном ожидании, что в них кто-нибудь заглянет. Проплывая мимо – кожей ощущаешь, как вопросительно взирают на тебя подводные каменные своды и темнота уходящих вглубь скал завораживающих пустот.

Сочетание ровного песчаного дна и поднимающихся к самой поверхности колонн из многометровых водорослей и вовсе потрясает. Задрвав голову, оторопело взираешь вверх, куда убегают чуть-чуть колышущиеся колоссы, и не можешь поверить, что это – растения...

Когда же натолкнёшься на ускользящую в бездонную черноту отвесную скалу, целую гигантскую стену из гладкого, неизвестно кем отшлифованного камня, с прикрепившимися на ней моллюсками и полипами, цветами актиний и асцидий, то позабудешь – где ты...

Даже вид голубоватых подводных валунов и крупной голой гальки, без примеси песка и водорослей, не удручает твоё избалованное подводными красотами восприятие: валуны напоминают пузатых уснувших рыбин, яйца каких-то неведомых подводных ящеров или необъяснимое нагромождение бокастых, вальяжно разлёгшихся на глубине медуз. Миллионы лет назад землетрясение разбросало камни, придав им самую причудливую форму и цвет, а море постепенно округлило и будто позабыло о них, после чего камни, довольные своей судьбой, успокоились...

А то откроется бесконечная равнина дна, волнообразно разбегающаяся перед тобой и будто передающая волнение всему подводному пространству,

и ты плывёшь над ним, плывёшь, ожидая увидеть, наконец, что-то удивительное, а ничего существенного не попадает, но знаешь наверняка: рано или поздно какой-нибудь подводный пейзаж обязательно поразит твоё воображение!

На поверхности моря почти ничего не происходит, но в глубине царит необыкновенно многообразная жизнь. Её хочется увидеть, и моя подводная работа, то, что мне удаётся пережить во время неё, лишь жалкие крупинки в открытии для себя этого неведомого мира. А если бы можно было парить под водой бесконечно?! Я бы с удовольствием посвятил этому занятию целую жизнь. Но разве возможно человеку воплотиться в дельфина или тюленя? Человеку приходится довольствоваться непродолжительным, по времени, пребыванием в море, лишь относительно постоянным общением с ним.

Жизнь на морском дне настолько занимательна, что трудно удержаться от соблазна без конца говорить о сказочных красотах животных, населяющих его. Иногда ты позволяешь себе под водой игру с морскими обитателями... Это может быть небольшой осьминог, который не сможет причинить какие-либо неприятности, либо неуклюжий полуметровый бычок, несмотря на свою внушительную лобастую голову, вызывающий лишь улыбку. А иногда тебе вдруг готов составить компанию забавный морской котик...

Правда, несмотря на свой дружелюбный нрав, котик, в приступе игривой погони за ныряльщиком, способен прокусить ему не только ласту, но и мышцы ноги своими сильными челюстями. Мне не раз приходилось наблюдать, как ловко разделяются котики с разного рода моллюсками, заключёнными в крепкую известковую раковину, которая вмиг разлеталась под давлением их зубов. Ухватив меня однажды слегка за ласту, и убедившись, что я не несу ему никакой угрозы, котик принялся кружить вокруг, то переворачиваясь на спину, то заплывая вперёд и будто заглядывая мне в лицо. Может быть, он приглашал меня порезвиться вместе с ним, а может, никак не мог разобрать – кто я, но, тем не менее, не проявлял агрессии. Скорее, его занимало непостижимое для него существо, и котику, наверное, просто хотелось поиграть. Но мне нужно было работать и, изредка поглядывая через плечо на неугомонного морского животного, я принялся за сбор ежа. Кстати, уже поднявшись на поверхность, я обнаружил, что лапа моя в нескольких местах прокушена насквозь...

Но больше всего мне нравилось наблюдать с борта кунгаса, на котором мы добывали морскую капусту, ежа или трепанга, за тем, что происходит под водой. Тень от днища кунгаса передвигается по дну, будто туча, но это не мешает разглядывать камни, раковины, морские звёзды и водоросли. Морское дно – настоящий сказочный мир. Нигде на земле не встречается такого удивительного разнообразия, и описать его невозможно. Можно лишь попытаться осуществить это, но как отыскать слова, чтобы передать подводную красоту!

Продвигаясь осторожно на боте вдоль берега в поисках зарослей капусты или отыскивая значительные скопления морского ежа, кому-нибудь

из ныряльщиков обычно приходится лежать ничком на носу, пристально вглядываясь в воду. Подводный мир укромных бухточек поражает своей первозданностью и чистотой. Дикие берега, на которых никто не живёт, отрешённо замерли, отражаясь в спокойной воде. Затаив дыхание, паришь над проплывающим под тобой дном, и открывающиеся твоему взгляду картины ненадоедливо сменяют друг друга, так что забываешь обо всём на свете.

Вот в воздушной толще воды куда-то устремляется весёлая стайка краснопёрых рыб, а у самого дна, плавными толчками, перемещается маленький осьминожек... Неожиданно он затаивается между камнями, наверное, поджидая добычу, и в мгновение сливается с ними. Тебе отчего-то хочется быть похожим на него, беззаботно паря в этой невесомой синеве...

Возможность остановиться и повиснуть в воздухе – пока не осуществима для человека, но в воде это становится доступным, и когда ты впервые ощущаешь подводное парение, то уже не можешь ему изменить в течение всей жизни. Вода более враждебна человеку, чем воздух, но, тем не менее, подводный мир неумолимо притягивает нас к себе, и мы ничего не можем с собой поделать.

В увлечении подводным миром большое значение играет предрасположенность человека к воде... Если её нет от природы, с самого рождения, то как бы вы ни стремились освоить подводное дело, каким бы современным оборудованием не располагали, и как бы отлично не были подготовлены физически, вас, в конце концов, всегда ожидает разочарование. Только рождённый под знаком воды в полной мере может ощутить истинную взаимосвязь с ней. В море ты всегда чувствуешь себя одним из его бесчисленных обитателей и, главное, не видишь в этом ничего особенного. Воспринимая свою сопричастность с морем естественно, ты бесконечно счастлив, и всегда только радуешься общению с ним.

Чтобы насладиться подводной экзотикой, обязательно уплывать в тропические моря: в установившееся сахалинское лето достаточно отправиться на юг острова, к берегам лагуны Буссе, одному из самых уникальных мест на Дальнем Востоке. Ощущение, когда выходишь на дикий берег дальневосточного моря, непередаваемо. В лицо вдруг резко пахнёт залежалой морской травой, слегка замутит, но в то же время станет необыкновенно свежо и до головокружения приятно. Неизвестно почему - красоту дальневосточных берегов нередко называют угрюмой, что, конечно, не соответствует действительности. Наверное, подобным образом думают только угрюмые люди.

В ясное спокойное утро вода иногда становится такая прозрачная, что лучи солнца проникают в самую толщу, и даже на пятнадцатиметровой глубине смутно просматривается дно. Нырнув же под воду, можно рассмотреть отдельные морские звёзды, причудливые камни, островки фиолетовых и бордовых ежей. Неминуемо пытаюсь охватить весь этот диковинный мир, внутренне замираешь от переживаемого счастья, и на

поверхность возвращаешься необыкновенно воодушевлённым, даже сбитым с толку.

Становится неуютно оттого, что на спине – акваланг, который мерно позвякивает о грузовой пояс в такт лёгкому волнению. Ощущение такое, будто, покачиваясь на гигантском прозрачном покрывале, заглядываешь в бездонную пропасть. Ноги в ластах беспомощно болтаются над этой голубой пустотой, тело, кажется, вот-вот сорвётся вниз, но почему-то не падает, и только руки остаются живыми, пытаюсь удержаться за воду. И наслаждение парения, и скрытый страх неизвестности, и жажда познания этой немой глубины... Не передать, что ощущаешь, оказавшись один на один с морской необъятностью, пытаюсь проникнуться её величественной мудростью и простотой.

Рыбы снуют поблизости: куда ни помотришь – они то и дело подплывают вплотную и бесстрашно заглядывают в маску, а когда отмахиваешься от них рукой, с неохотой отдаляются, вскоре вновь возвращаясь. Рыбы повсюду, им нет числа, и поэтому они быстро надоедают. Рыбы, как и окружающая тебя вода, естественны, но совсем по-другому воспринимаешь то, что находится на дне...

От картины подводного мира перехватывает дыхание, настолько она поражает своей дикой красотой. Только здесь, в этом удивительном царстве, начинаешь сознавать, как много открытий ожидает человека, если он будет продолжать попытки проникновения в ещё большие глубины, кажется, совсем недоступные для нас. Я совершенно отчётливо помню, как поразил меня обычный речной мир, когда я даже и не помышлял о море, со своими кувшинками на прозрачной зелени воды, тихими заводями и холодной темнотой таинственных омутов, которыми издавна пугали в деревне взрослые ребяташек...

С детства у меня была непреодолимая тяга к воде, и эту любовь я выпивал в тёплые летние дни до последней капли. Заплывая всё дальше и дальше, я нырял в зеленовато-мутноватую глубину, каждый раз пытаюсь ухватить со дна горсть песка или слизкого ила. Если мне этого не удавалось, я не спеша всплывал на поверхность и чувствовал себя разочарованным. В случае же удачи, когда ил неожиданно обжигал руку скользким холодящим прикосновением, я рвался, что было сил, из пронизывающей до костей темноты к тёплому солнцу и свету. После этого, обычно, было очень приятно лежать на спине, подставив лицо ласковому воздушному теплу, чуть покачиваться на мелких волнах и с лёгкой внутренней дрожью ощущать под собой многометровую толщу неведомой глубины. Ощущение её оставалось главным во всех устремлениях к воде, и эта водная темнота не пугала, а только возбуждала к ещё более радостной жизни.

В особо жуткие минуты, когда я решался открывать под водой глаза, благодаря еле просеивающимся в глубину солнечным лучам, можно было рассмотреть вьющиеся бурые водоросли и чёрные плоские раковинки на дне, а если совсем повезёт, то и какую-нибудь тускло-жёлтую рыбку размером с

детский кулачок. Рыбка под водой казалась совсем не такой, как если бы ты поймал её на удочку: здесь она была настоящей и неуловимой. Тайной своей игры я ни с кем не делился.

И вот – морское дно... Оно – цель многих водолазов, потому как притягивает своей надёжной успокоенностью. Это – своего рода опора, к которой водолаз начинает стремиться, ещё даже не погрузившись, а при прохождении первых метров, толком не избавившись от давления на носовые пазухи и уши, уже мечтает о донном пейзаже.

Дно... Какое оно на этот раз, чем встретит водолаза? Поразит ли, как это часто бывало, или убаюкает своими неповторимыми картинками? И что нового откроет ему среди песка, водорослей и скалистых нагромождений?

Как бы ты ни готовился к встрече с дном, тебя всегда поджидает изумительное зрелище. Даже может быть не совсем красочное на первый взгляд, но поражающее воображение. Это всё потому, что ты находишься в другом мире, под водой, где ожидаешь самого непредсказуемого и, как правило, оно не заставляет тебя долго ждать: непредсказуемое здесь – на каждом шагу. Его невозможно не разглядеть, потому что за очередным взмахом ласт тебе открывается неведомое. Главное при этом – не потерять головы, быть чутким и честным по отношению и к самому себе, и ко всему, что тебя окружает.

Вот удивительный скалистый грот, кишаций грациозными серебристыми рыбками, вот мощная каменная стена, усыпанная изящными подводными цветами – актиниями, а там – грандиозные очертания какого-то старинного корабля, своими мачтами устремляющегося во мрак. По гармоничности линий изумрудные, янтарные и багряные водоросли не уступают самым красивым деревьям. Водоросли не подавляют, как их наземные собратья, а вызывают мистические чувства. Величественно парящая в голубой воде черепаха будто совершает ритуальный танец. Везде, куда бы ты ни направил себя плавными движениями тела, присутствует прекрасная, таинственная жизнь, и поневоле возникает желание оставаться здесь как можно дольше, чтобы сродниться с этим неземным миром и его неземной красотой.

И вдруг ты начинаешь сознавать, что находясь сейчас под водой, вдали от берегов, вроде бы, в не совсем привычной для себя стихии, которую окружают дикие молчаливые скалы, а просторы её оглашают проникновенными, но, тем не менее, чужими для тебя возгласами неутомимые чайки, ты всё делаешь правильно... На первый взгляд кажется, что тебе здесь не место: слишком суров и нелюдим этот далёкий край, где ты постепенно начинаешь чувствовать себя отторгнутым. Чайки, котики, дельфины и киты существуют здесь сами по себе, они не нуждаются в твоём присутствии, и даже добравшись до этих диких мест, преодолев немалые трудности на своём пути, ты понимаешь, что не можешь привнести ничего нового в этот удивительный мир первозданной природы. Всё, на что ты способен, - только пристально впитывать, всматриваться, вслушиваться,

постигая возможности обретения неограниченной энергии моря, которое всё равно остаётся к тебе равнодушным. Оно как будто даже надсмехается над тобой временами, когда наблюдает, как ты борешься за то, чтобы просто быть здесь. Иметь возможность работать, просчитывая каждый шаг, быть предусмотрительным и осторожным, ни в коем случае не подводить товарищей, а если подобное всё-таки случилось – стать мужественным и отважным, исправляя свои ошибки. И при этом ни на минуту не позволять себе возгордиться, воспринимая ситуацию так, как будто ты победитель, не покладая рук – трудиться, выжимая лень с равнодушием по капле, но и не считать себя недостойным рядом с морскими обитателями. Выжил – значит, имеешь право на существование среди невидимых течений и ветров, нескончаемых штормов и одурманивающих тебя вьедливых туманов, а ещё – какой-то отрешённой смены приливов с отливами, которые незаметно очищают твою душу от всего ненужного.

Ты можешь наслаждаться всем этим, своей сопричастностью с красивой и вольной жизнью, возможностью продлить такую жизнь столько, сколько ты пожелаешь, но никогда не забывай учиться у всего, что тебя окружает. Это, пожалуй, единственное, ради чего ты можешь оправдать своё длительное пребывание в море, благодаря которому обретаешь недостающую энергию. Впоследствии энергия моря поможет тебе духовно расти, проникать в суть вещей и явлений, получая доступ к ещё большей силе. Море приводит тебя к ясному осознанию своего духовного пути, оно становится его неотъемлемой частью.

Работая под водой, я постоянно переживал кровную связь с морем, и это ощущение переполняло меня радостью. О дне я, действительно, начинал думать задолго перед погружением. Грезил им, и именно оно, почему-то, а не само море убаюкивало меня, погружая в какой-то сладостный сон. Запаса воздуха в баллонах хватало как раз на то, чтобы увиденное очаровало твоё восприятие, ты успел позабыть обо всём и, придя в себя, от радости переживаемого, вернулся к действительности, поднявшись на поверхность.

В первую очередь всегда не терпелось поделиться пережитым с товарищами, а уже затем ощутить всю прелесть удивительной возможности быть под водой, отдыхая от земли, и, успев соскучиться по ней за небольшой отрезок времени, тотчас возвратиться. Это одновременное переживание в себе двух миров было непередаваемо приятно.

Так вот, дно, а не водное пространство более укачивало, когда ты приближался к нему. Сначала – сине-зелёная, манящая толща, ты скользишь сквозь неё вниз, чуть подрабатывая ластами, и всё ждёшь: не покажется ли какое-нибудь видение, всегда не такое, которое ты ожидаешь, но его всё нет и нет. Забеспокоишься на короткое время, почудится на миг, будто летишь в какую-то бездну, и станет вдруг – жутко... Может быть, лодка устарела, а глубиномер врёт?!

Хлопья органических останков мягко кружат в зеленоватых сумерках, в ушах стоит какой-то вселенский гул, и в тоже время тебя объемлет не менее

глубокая тишина, которая роится таинственно вокруг, пристально, но ненавязчиво вглядывается в тебя и, кажется, всё о тебе знает. Это ощущаешь только на подсознательном уровне, а в момент погружения стремишься поскорее увидеть дно, коснуться его и, достигнув, наконец, успокоиться. Странно, но именно на дне ты полностью приходишь в себя после волнения, связанного со спуском, и пока ты не преодолешь весь этот путь до конца, что-то не даёт тебе расслабиться. Вероятнее всего, это страх неизвестности, который ты ещё не в силах в себе преодолеть, и каждый раз страшишься неопределённости, потому что сила моря велика, тогда как ты – слаб, и только пытаешься познать его тайну.

Под водой я часто ловил себя на мысли, даже каком-то непередаваемом ощущении, что кто-то за мной, как уже упоминалось выше, пристально, но ненавязчиво наблюдает. Этот кто-то, неведомый, никак не пытался грубо нарушить моё энергетическое пространство, такого не было, но порой мне вдруг казалось, что «он» или «оно» - всесильно. И главное, я тотчас забывал о нём, когда поднимался на поверхность, или когда был очень увлечён подводной работой. Эта сила, как ни странно, не пугала, скорее – завораживала, и ты отчего-то невольно начинал более ответственно относиться к собственной жизни, и в первую очередь – к своему поведению под водой.

И так, ты – на дне, оно приняло тебя, ты обрёл недостающую уверенность, но успокоив тебя, эта твёрдая опора ничего не пообещала: по достижении морского дна перед тобой открылась как будто другая, ещё более притягивающая реальность, которую тебе предстоит освоить. И вот, ты уже позабыл обо всём, что осталось на поверхности, словно привычного для тебя мира и вовсе не существовало, а есть теперь только тот, где ты сейчас находишься. Именно он определяет все твои устремления, и оттого, как ты себя здесь поведёшь в тот или иной момент, зависит твоя жизнь. Но до чего же, всё-таки, эта жизнь прекрасна в своей непредсказуемой подводной обособленности!

Ты начинаешь думать об этом неохватном царстве воды, и тут же теряешь нить размышления из-за неожиданности сменяющих друг друга картин. Ты только успеваешь понять, как привлекает нас море, как оно неотступно манит к себе, и ощущение под собой дна для аквалангиста сродни тому, когда мы на земле обретаем под ногами твёрдую почву. Подводная жизнь неразрывна с земной, и обе они, оказывается, составляют одно целое!

Но дно не ограничивается только земной корой, покрытой морскими водами: это ещё и те живые существа, которые тесно связаны с ним. В этом смысле морское дно включает в себе неисчислимы богатства и являет собой колыбель многообразной жизни, почти не изученной. Мои робкие попытки это осуществить приводили меня в дикий восторг или просто на долгое время околдовывали, так что я не мог поверить в реальность

происходящего. Но завеса неизвестности, с каждым погружением, всё же, потихонечку, приоткрывалась...

Неизведанность воды, её необъятная нескончаемость, и пугает и манит. Манит и завлекает удивительной гармонией, которую начинаешь переживать уже на подступах к водной стихии, когда только собираешься погрузиться. Эта гармония подмывает совершать под водой безрассудные поступки, страх вдруг растворяется в этой влекущей необъятности, и в тебе зарождается ощущение бессмертия. А может быть, ты просто возвращаешься к самому себе, к тем первобытным таинственным истокам, что давным-давно создали воду, китов и человека.

Начинается всё именно с того, что ты будто прокалываешь поверхность воды, эту чарующую, даже завораживающую лазурную плёнку, таящую под собой многометровую толщу, полную неведомого... Прокалываешь, какое-то мгновение скользишь вниз, сквозь устремляющиеся вверх пузырьки, и, преодолевая шум в ушах, делаешь свой первый подводный вдох. Он проходит гладко, легко, почти как на поверхности, и ты сразу успокаиваешься, очарованный происходящим с тобой.

Холодная вода обхватывает лицо, устремляется за шиворот, в рукава, и тотчас ты ощущаешь её уже у поясицы, что приводит тебя в дрожь. Но вот первое неприятное ощущение преодолено, плечи и спина быстро привыкают к температуре окружающей среды, и ты уже воспринимаешь себя ловким морским зверем, очутившимся в родной стихии. Кажется, что всё тебе по плечу.

Вроде бы, ни о чём не думаешь, стараешься только слиться с глубиной, стать единым с морем, а когда ощущаешь эту слитность, то вдруг посещает мысль о том, как легко и незаметно всё происходит. Ты ещё не успел коснуться дна, а уже чувствуешь себя здесь, под водой, своим: как рыбы, вёрток и свободен, подобно раковинам – таинственен, зачарованно шевелишь водорослями-мыслями, и ничего не боишься. Непередаваемо волшебна эта возможность растворения в морской глубине, сливаясь с которой сам ощущаешь себя её частицей.

Порой под водой ощущаешь себя так легко и свободно, что кажется – остался бы тут навсегда. Но впечатление это обманчиво: хорошо, когда ты занят под водой какой-либо работой, а если занять себя ничем, вряд ли ты выдержишь это подводное одиночество достаточно долго.

Интересное испытание состоялось в апреле 1959 года на базе военно-морской авиации в Норфолке штат Виргиния. Во время этого испытания пятеро боевых пловцов с дыхательными аппаратами оставались под водой не менее двух суток. Они могли перемещаться в резервуаре, наполненном водой, могли сидеть, а пищу получали через трубки. Коротать время им помогал телевизор и пропитанные особым составом журналы и газеты,

которые, как оказалось, можно было читать и под водой, если перелистывать осторожно. Больше всего испытуемые жаловались на скуку.

Когда, наконец, их подняли на поверхность, то в результате длительного пребывания во взвешенном состоянии они не могли стоять на ногах. По словам очевидца, они скорее напоминали трупы, чем живых людей: руки и ноги их словно бы высохли; они походили на скелеты, обтянутые дряблой кожей. Только через несколько часов они немного пришли в себя.

Я никак не могу вспомнить случая полного расслабления при работе в море, под водой, до такой степени мы были всегда напряжены и сконцентрированы. Чувство покоя охватывало тебя обычно только после завершения экспедиции, когда ты оказывался на берегу, и только тогда в душе ты начинал ощущать полную гармонию с водным миром, в котором до этого работал словно в забытьи. Гармонию с морем, природой, со своими товарищами ты, как ни странно, воспринимал в полной мере лишь в удалении от моря, по прохождении определённого времени, когда успокаивался и мог, не торопясь и ни на что не отвлекаясь, подвести итог своему труду.

Ты вытягиваешься на домашней койке в позе полного расслабления, закрываешь глаза, и в тот же миг понимаешь, что душа и тело жаждут нового напряжения, и покой совсем не радует тебя, а морские дали, пронизанные солнцем, вновь волнуют и манят. Морской воздух кажется тебе особенно сладким, и ты тотчас уносишься к нему в своих воспоминаниях, на мгновение теряя представление о времени и пространстве, остро представляешь себе это соприкосновение с родной для тебя стихией, и ничего больше не желаешь. Море опять с тобой, оно, оказывается, и не думало тебя покидать.

Тебя захватывает вихрь образов, которые возникают в памяти как чудесные откровения, независимо оттого, были ли они связаны в море с чем-либо тяжёлым, даже катастрофическим. Главное, что они напоминают о тех важных событиях в твоей жизни, которые ты выстроил сам. Ты жил так, как хотел, ты не боялся осуществлять самые смелые свои мечты, и то хорошее, что происходило с тобой в море, было бесконечно. Море теперь, ты знаешь, будет неотступно присутствовать рядом на протяжении всей твоей жизни.

В воде всё воспринимается по-особенному, да и разве может быть иначе? Морская глубина воздействует на человеческую душу удивительным покоем, схожим, наверное, с космическим, и тем приближает её к родному дому. Это очень хорошо ощущаешь в состоянии невесомости, какой-то вседозволенности, когда ты можешь беспрепятственно летать. Полёт для человека, скорее, состояние подводное, нежели земное. В воде он быстрее осваивает свои бесконечные возможности.

Сейчас я испытываю гордость от того, что сам бросил себя в эту полную тайн стихию, изучал её очень терпеливо, вкрадчиво, обретая для себя нечто очень существенное. Я как будто оказался в родном для себя, давно

забытом мире, и этот мир тоже обрадовался моему приходу к нему, и даже, как мне временами казалось, гордился моими усилиями на этом нелёгком пути.

Поначалу всегда кажется, что под водой всё упрощается, ты, вроде бы, волен поступать как захочешь: охватившая тебя свобода безотчётно завораживает твоё существо, даже – пьянит. Но при этом, неминуемо, ты рано или поздно начинаешь относиться к себе строже, ты теперь всегда внутренне дисциплинирован, понимая: чем большими возможностями тебя наделяет мир воды, тем ответственнее становишься ты сам.

Под водой не ощущаешь себя птицей, но достаточно чуть шевельнуть рукой или ногой, и ты начинаешь плавно перемещаться в нужную сторону. Это и не полёт и не пребывание в космической невесомости, и всё же ты прекрасно владеешь своим телом, которое становится удивительно послушным. Ощущение от этого вольного парения непередаваемо.

Вдыхаемый из баллонов воздух легко вливается в твои лёгкие, и ощущение необыкновенной лёгкости ещё более усиливается. Ты как будто вдыхаешь саму воду, удивляешься этому, и в тоже время радуешься. Вокруг тебя царит полная радостных возможностей среда, где, кажется, можно творить любые чудеса, а выбираться на поверхность совсем не хочется... Об этом даже не думаешь!

Под водой не ощущаешь себя и рыбой... Скорее, каким-нибудь грациозным морским животным, но столкнувшись, на самом деле, с каким-либо живым существом, молниеносно начинаешь чувствовать себя человеком, которому, к счастью, стало доступно очень многое, и он поразился этой замечательной доступности, приняв её как должное. Удивительно радостно воспринимать себя тем, кто ты есть в непривычной среде, в тоже время, сознавая свою неразрывную слитность с ней.

При погружении вода так приятно обволакивает тебя, она такая прозрачная и голубоватая, что порой ты её просто ... не замечаешь. Лёгочный автомат издаёт привычную музыку, в такт вдохам из него разносятся своеобразные хрюкающие звуки, а серебристые пузырьки воздуха, вырывающиеся из-под его крышки, словно нанизанные на ниточку стеклянные бусы, тянутся неудержимо к поверхности воды, разрастаясь в пышные воздушные опахала. Никогда почему-то не поднимаешь голову, чтобы полюбоваться на них, и сосредоточиваешь всё своё внимание именно на дне, где видимость несколько улучшается за счёт света, отражённого от поверхности песка, и всегда появляется желание овладеть тем, что ты там встречаешь, особенно, когда только начинаешь заниматься подводным плаванием и работой.

Если мимо проплывает рыба – тебе непременно нужно коснуться её, чтобы хотя бы на миг удержать рядом и лучше разглядеть. Если тебе попадается какой-нибудь моллюск в раковине – ты обязательно возьмёшь раковину в руки, с удовольствием ощутив шероховатость её створок и вес. Всё, что встречается тебе под водой – хочется приблизить к себе и завладеть

им, потому как ты уверен, что это возможно: такая возможность дарована тебе неведомым морским божеством.

Ощущение, что всё тебе здесь доступно и дозволено, и ты можешь прикоснуться к любой тайне, сделав её при этом своей, - удивительным образом переполняет твоё восприятие, порой даже мешая трезво оценивать обстановку. Только с опытом к тебе постепенно приходит понимание, что лучше не вмешиваться в жизнь подводных обитателей, какой бы загадочной и притягательной она не представлялась, и нужно лишь осторожно наблюдать её со стороны, не нарушая гармонии подводной жизни.

Время под водой проходит очень быстро. Оно здесь, как, наверное, и в отдалённых уголках Вселенной, течёт по своим особым законам. Вернее даже – ты воспринимаешь его под водой таким растянутым, несуетливым, и за короткий отрезок успеваешь пережить то, что на суше уложилось бы в совершенно иные временные рамки.

Точнее, время под водой будто приобретает другое измерение, а порой даже начинает казаться, что оно и вовсе останавливается. Ты паришь в безвременье, и эту чудесную успокоенность совсем не хочется прерывать. Выходишь на поверхность только по причине израсходованного воздуха в баллонах, мечтая вновь, поскорее сменив акваланг, опуститься под воду...

Переживание этой свободы не располагает к размышлениям – ты просто проживаешь здесь, под водой, нечто очень важное, приобретая для своей души какой-то неповторимый опыт, который невозможно обрести на земле, но тебе его непременно следует пройти.

В конце рабочего дня, когда «съел» три-четыре акваланга, обычно появляется убеждение, что ты ничуть не хуже какого-либо подводного обитателя: так сроднился ты с подводной средой, слился с её почти неощутимой чудесной плотью. В этом, скорее, убеждаешь себя, и это, конечно, далеко от истины, но переживание подобных ощущений очень приятно.

И всё-таки, несмотря на твою тягу к таинственному подводному царству, однообразие каждодневного непрерывного труда постепенно начинает влиять на душевное состояние. Ни красота подводного мира, ни дружба подводников, ни чувство юмора уже не помогают в полной мере справляться с усталостью. Они лишь на время смягчают наваливающуюся апатию, и молодость может оказать в этом неминуемом угасании настроения серьёзную поддержку, да ещё опыт, который делает людей более сдержанными, терпеливыми и чуткими друг к другу. К тому же, всегда находится тот, кто способен повести за собой, и тогда каждого опять охватывает удовлетворение от сопричастности с происходящим, и уже долгое время не покидает.

Как гласит древняя восточная мудрость: в уме начинающего – много возможностей, тогда как у профессионала – нет сомнений. И это в полной мере относится к труду водолазов, которые на своём опыте убедились: не борись с морем, тем более – под водой, пусть оно помогает тебе. Это один из самых разумных принципов для человека, работающего в море, и особенно –

для водолаза, когда единственно верный путь – осторожно приспособиться к водной стихии, благодарно принимая её дары.

Любой человек, будь он смел, отважен или просто горделив, при желании способен обратить своё внимание к морю, и даже погрузиться на глубину, при условии определённой подготовки. Море не окажет ему при этом сопротивления, но и не предупредит об опасности: оно живёт по своим могущественным законам, не приемлемым для человека. Человек может только удачно подстроиться под них, в какой-то миг угадать благосклонное расположение моря и проникнуть в его бесконечные тайны на короткий отрезок времени. Обычно море хмуро смотрит на невежественную смелость человека, и чаще всего остаётся к нему равнодушным, привечая, пожалуй, лишь по-настоящему любознательного и неутомимого.

Погружение человека под воду – это его возвращение к тому, что ему суждено постигать бесконечно, раз от разу с ещё большим удовлетворением от проникновения в тайны моря. Чувствуешь близость воды – и это ощущение оказывается ни с чем несравнимо; ты стремишься к ней – и она как будто всегда тебя ожидает. Перед погружением можно опустить в воду руку с маской и плеснуть ей в лицо, а можно просто смотреть на разбегающиеся по воде круги, и всё это, в итоге, создаёт непередаваемое воздействие на душу. Твоё возвращение состоялось, и море миролюбиво плещется совсем рядом, как будто ты никогда и не покидал его.

Выйдя однажды из воды, человеку нет необходимости «завоёвывать» её, а нужно, наоборот, постараться найти себя в ней, обретая утерянную связь с морской стихией. Главное, что человек всегда ощущает после соприкосновения с водой, это её удивительные физические и психологические свойства, ещё далеко не понятые им. Вода – родная среда человека, и она призвана оздоровить и украсить его жизнь. В глубину воды не проходит солнечный свет, но кажется порой, что любознательный ум человека способен озарить подводную тьму, созерцая скрытые в ней тайны.

Человек, познающий законы воды, будет относиться к ней с той же самой радостью, с какой это совершают киты и дельфины. И будет он это делать – не думая о выгоде, а только по устремлению души, умножающей свои знания и энергию, не стремящуюся, в свою очередь, нарушать равновесие Земли и Моря. Достичь же гармонии со своей родной средой – есть наивысшее благо для человека, который уже обрёл эту гармонию в себе, и в этом слиянии заключена самая важная жизненная необходимость. Благородство такой развитой души будет воплощением истинного достоинства, и составит вместе с другими ценностями мира его неиссякаемую сокровищницу богатств, благодаря которой каждый познавший её овладеет своей божественной сутью, а значит и пониманием, что невозможно быть чужим Океану и всей Вселенной.

... Моросит мелкий, косой дождичек. На залив медленно наползает сахалинское пасмурное утро. Палуба – сырая от обильной влаги, повисшей в воздухе, задувает лёгкий упругий ветерок и волны упрямо ударяются в борта судна, но мы, всё же, готовимся к спуску. Занятие это не простое, и быть может даже самое сложное во всей подводной работе... Подготовка к погружению!

На непогоду никто не обращает внимания, потому как здесь, у хмурых сахалинских берегов, она – обычное дело. Прогрохотала якорная цепь, тяжёлой металлической змеей выскользнув из клюза, ушла на дно вместе с якорем, и снова тишина, пронизанная промозглой сыростью и настойчивым ветром. Изредка вскрикивают над водой чайки, в нос ударяет дурманящая морская свежесть.

Где-то там, под толщей коричневато-свинцовой холодной воды нам предстоит вскоре выполнять свою работу: брать образцы водорослей, моллюсков, пород шельфа... Работа эта не сложная, и больше всего меня привлекает в ней возможность бывать вот в таких диких местах и переживать ни с чем несравнимые ощущения, иногда выходя на совершенно пустынный берег сурового северного моря... Потому я и соглашаюсь на все эти экспедиции, а подводная работа – мой откуп всем исследовательским устремлениям, без которых не мыслит себя никакая развивающаяся личность.

Что представляет из себя обычный рабочий день аквалангиста, обслуживающего, скажем, работу биологов в море, связанную с поиском нерестилиц сельди? С помощью металлической рамки 0,75 x 0,75 см, брошенной прямо с бота, мы определяем количество икры на вырезаемых водорослях. Это могут быть фукусы, саргассум, зостера или филласпадикс, на которых сельдь откладывает икру. Рамка опускается на дно, захватывает определённый кусок водорослей, облепленных икринками, а мы аккуратно собираем её содержимое и отправляем в специальной сетчатой питомзе наверх. Точки сбора таких проб, сменяя друг друга через строго установленное расстояние, составляют разрез, протягивающийся от берега в море на сотни метров. Как правило, в каждом заливе намечаются несколько разрезов, и на их прохождение уходит обычно целый день, а то и больше. Всё это зависит от погоды, плохой видимости под водой, разного рода технических неполадок или просто необъяснимого невезения, нередко случающегося при осуществлении подводных спусков.

Для определения количества животных, обитающих на отдельном участке дна, используется уже метровая измерительная рамка. Аквалангист отыскивает наиболее характерные колонии животных, где представлены разные морские обитатели, и, наложив на них рамку, начинает сбор. Чаще всего в неё попадают многочисленные моллюски, ежи и звёзды, собрав которые, аквалангист поднимает их на поверхность, где биологи осматривают, сортируют и учитывают все эти необыкновенные дары моря.

На первый взгляд такая однообразная работа, кажется, должна быстро наскучить, и всё же отыскание и сбор сельдевых икринок, образующих на водорослях переливающиеся разноцветными огоньками гирлянды, постепенно захватывает целиком. Несмотря на холод и мучительную подготовку к спускам, когда приходится подолгу облачаться в подводную амуницию, а потом неисчислимое количество раз погружаться в точках разреза, под водой наблюдаешь настолько много неожиданного и интересного, что поднявшись на поверхность, уже по-иному воспринимаешь серые берега и пасмурный день. Век бы не покидал эти невзрачные места, содержащие скрытую поэзию севера, таящего в себе суровый, но радостный свет. Его не всякий приметит, но он удивительно сокровенный, без какого-либо лукавства, и если даже, на чей-то взгляд, скуп, то не скуден.

Мне всегда было интересно жить, а знакомство с водой только добавляло радостной увлечённости в восприятии окружающего мира. Я всегда любил ходить под воду, несмотря на то, какой это тяжёлый труд, но за многие годы работы иногда думалось, что чувство восхищения подводным миром всё равно постепенно притупится. И всё же, этого не происходило, я по-прежнему испытывал волнение перед каждым погружением, и желание вновь побывать в подводном царстве оставалось непреодолимым. Даже когда под воду уходили мои товарищи, я им завидовал и испытывал непередаваемое возбуждение. По-видимому, такое состояние объяснялось необычностью нашей профессии, в которой почти всегда присутствовали и риск, и напряжение, и ожидание чего-то неизведанного.

Бывало, приходили к нам и случайные люди, их, прежде всего, привлекала в подводной работе нажива. Такого человека сразу было видно по отношению к своим обязанностям... В воду он уходил последним, долго и нудно подгоняя своё снаряжение, из воды же возвращался первым, каждый раз сетуя на какие-то непредвиденные обстоятельства, приключившиеся с ним во время работы. Наверху такие люди были словоохотливы, даже болтливы, когда же требовался настоящий рабочий задор, своеобразный подводный кураж, без которого не обходилось ни одно серьёзное задание, они тотчас поникали, неприятно для окружающих замыкались в себе. Как правило, в подводниках они надолго не задерживались, да и назвать их таковыми было нельзя, поскольку не чувствовалось со стороны залётных «искателей приключений» полной отдачи своему труду, и моря они не любили.

Удивляла в подобных случаях та лёгкость и полная безответственность, с какой эти люди решались на такую опасную работу. Ведь она требовала от них ежедневных погружений на значительную глубину, не только в тёплое время года, но и зимой, в шторма, выполнения тяжёлой работы по добыче морепродуктов или проведения каких-то сложных технических задач, может быть даже по спасению людей, а они думали, в первую очередь, о вознаграждении... Как же, при этом, нужно не любить жизнь, чтобы так бездумно отречься от неё!

Я неоднократно был свидетелем того, как подобного рода люди могли погибнуть, и гибли!/, но, поражаясь, не в силах был объяснить этой отрешённости. Теперь я думаю, что причина её заключалась в обаянии моря, которое было безмерно. Оно не могло не привлекать к себе даже жадных людей, в глубине души, наверное, тоже жаждущих радостного умиротворения. Море неумолимо притягивало их, и они не в силах были сопротивляться этому глубинному притяжению. Им, конечно, казалось, что они достигнут желаемого и произойдёт это как-то само, без работы над собой. Но море не терпит поверхностных людей, жестоко наказывая их за равнодушие и лень.

Сейчас, много лет спустя, все мои подводные погружения кажутся каким-то далёким, давно виденным сном. Всё в этом сне, несмотря на то, что оно происходило в действительности, удивительно волшебно. Подводные картинки возникают одна за другой естественно, будто я до сих пор нахожусь в загадочной глубине, плавно проплываю перед глазами, а задерживаются только тогда, когда я хочу разглядеть их подольше. Не передать, что переживаешь, заново просматривая однажды произошедшее с тобой в чудесном подводном царстве!

Ещё задолго до моих занятий подводным делом, да и во время своей работы на Дальнем Востоке в качестве водолаза, мне действительно часто снился один и тот же сон, в котором я путешествовал по каким-то неизведанным морям и землям в команде единомышленников, на огромном красивом паруснике. Я отчётливо вижу этот величественный корабль, застывший на якоре в укромной бухте, у скал, где мы погружались под воду. По моим ощущениям это была глубина метров в пятнадцать, и там, на дне, находилось нечто таинственное... То ли затянутое песком древнее судно, то ли какое-то затопленное каменное строение. Нужно было проникать вовнутрь, где почему-то всё играло красками, и было светло. Ощущение возникало совершенно непередаваемое.

Я очень хорошо помню, как обрадовался, обнаружив торчащие из песка статуэтки. Вокруг стояла темнота, а статуэтки были освещены, будто сами источали какой-то внутренний свет. Я сразу почувствовал их драгоценность и то, как они дороги именно для меня. Поражало то, что обнаруженное под водой, по моему мнению, никак не должно было здесь находиться, но, между тем, находилось, и я, помнится, естественно воспринял свою находку, которая представлялась необыкновенной.

Но вот что происходило затем, я никак не могу припомнить. Статуэтки не были подняты на поверхность, они остались под водой, и вроде бы я лишь любовался ими какое-то время, переставлял с места на место, но отчего-то не взял. Что вынудило меня так поступить и что означало это сновидение?

И ещё я не в силах сосредоточиться и вспомнить: что эти статуэтки изображали? Просто маленькие фигурки, может быть какие-нибудь божества, очень древние и ценные, но почему они воспринимались мной такими дорогими и я не забрал их с собой? В глубине души я был убеждён,

что всегда смогу вернуться на это дно, к этому затонувшему когда-то кораблю и, погрузившись под воду, опять буду разглядывать свои волшебные статуэтки. Так они там и хранятся в моём сне, и я до сих пор не знаю: для чего?

Теперь я часто возвращаюсь в воспоминаниях на Дальний Восток, к морю, не спеша восстанавливаю все детали своих погружений под воду, и мне очень хочется опять попасть в тот сон, но он почему-то не приходит. Зато я объездил с морскими экспедициями от Тихоокеанского института океанографии и рыбного хозяйства весь Сахалин, с юга на север, не раз прошёл вдоль побережья Татарский пролив, захватив и островной берег, и материк, побывал на Монероне, Шантарах, а также на одиноком, затерянном среди охотоморских вод острове Ионы... С самой южной оконечности Сахалина – мыса Крильон, усеянного мутновато-голубыми агатами, мне посчастливилось любоваться знаменитым проливом Лаперуза, соединяющего Японское и Охотское море, а неподалёку от сахалинского мыса Терпения, на острове Тюлений, я имел возможность с весны до осени наблюдать за жизнью морских котиков, охотиться на них и постоянно находиться рядом с оглушительным птичьим базаром, который просто повергал своим многоголосьем и первозданной жизненной простотой.

Видел я и китов в Беринговом проливе, с рыбаками добывал в Охотоморье минтая и треску, в Японском море – иваси. Вместе с зоологами от Сахалинского научно-исследовательского института участвовал в экспедиции по учёту морских каланов у Курильских островов Уруп и Симушир. А от Областного управления гидрометеорологии мне удалось побывать почти на всех Курилах, включая самые известные – Шикотан, Кунашир, Итуруп, Онекотан, Матуа и Парамушир с островом Атласовым, представляющим из себя действующий вулкан Алайд...

Тихий океан долгие годы был моей колыбелью, учителем и другом, чья мощь незаметно перетекла в мою душу, необыкновенно обогатила её и укрепила, наполнила силой. Морская стихия многому научила меня, она чуть было не захватила с собой в трёх кораблекрушениях, как будто чувствуя моё трепетное отношение к себе, постоянно испытывала на стойкость собственных замыслов и устремлений, пытаясь устрашить, и всё же притягивала к себе. Несмотря на неопишемую энергию и красоту, море более всего завораживало меня глубиной, возможностью заглянуть туда и сделать её своей, зачем-то всё время подталкивало к этому, еле слышно нашёптывая свою манящую тайну. И однажды я поддался его ненавязчивым уговорам, посвятил морской глубине всю душу и, как мне показалось, слился с ней.

«ВРЕМЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ДЛЯ ЛОВЦОВ ЛАМИНАРИИ И МОРСКИХ ЕЖЕЙ»

ПОСВЯЩАЕТСЯ – Андрею Тугину, Виктору Тарасову, Сергею Василенко, Сергею Павлёнку, Юрию Шатилину, Владимиру Завалкову, Ивану Хону.

... Я сижу на большом камне у самого моря и смотрю на воду. Когда набегающая волна откатывается, раздаётся чуть слышный рокот – это камни переговариваются между собой. Каждая волна словно выводит их из забытья: камни на короткое время оживают.

Сплошная полоса морской капусты стелется широкими слоями по каменистым грядам вдоль берега. Плотным непролазным ковром, лениво поворачиваясь под накатом волн и время от времени оголяя сочно поблескивающие на солнце бока, капуста поражает своим обилием и доступностью. Глядя на её размеренно колышущиеся в воде листья, ко мне подкрадываются воспоминания о том, как мы добывали эту морскую траву вдоль юго-западного побережья Сахалина, а называлась она ламинарией.

Под водой, я знаю, гряды резко обрываются, убегая в глубину отвесными каменными стенами, шероховатыми от домиков баянусов и красновато-фиолетовых глазуревых наростов. Отдельные листья капусты свисают с них и словно диковинные морские змеи устрашающе извиваются, охраняя подступы к своему обиталищу. Если вести себя неосмотрительно, то можно угодить ногой или рукой в эти развевающиеся щупальца, запутаться в них и, торопясь поскорее выбраться, сбить себе дыхание, что, в конце концов, чревато под водой паникой.

Сама по себе морская капуста совершенно безобидна. Повстречав на своём пути её колышущиеся заросли, нужно только плавно скользнуть в их гущу, осторожно раздвигая водоросли руками, и, чуть подрабатывая ластами, стараться не делать резких движений. На какое-то время можно представить себя морским животным – ловким, досконально изучившим свою среду обитания и неустрашимым. Последнее очень важно для человека, опускающегося под воду, поскольку нерешительность и неумение преодолеть в себе зависимость от окружающей среды влекут за собой не свойственные ей поступки. Свободное парение под водой подразумевает раскованность духа.

Плотные и гладкие листья ламинарии стелются вдоль тела, с вкрадчивым шёпотом касаются гидрокостюма и акваланга, монотонно мельтешат перед глазами. Медленно пробираясь вперёд, обычно с нетерпением ожидаешь конца этим зарослям, когда водоросли вдруг расступаются и перед тобой открывается дымчато-зелёная толща воды. И тогда сразу забываешь однообразие колышущейся коричневой массы, не скованное ничем тело движется легко и свободно, тебя охватывает пьянящее

чувство сопричастности с этим дымчато-зелёным миром и жажда постижения в нём каждой мелочи.

Но иногда, оказавшись в окружении плотных листов ламинарии, невольно приходит на ум небезызвестное Саргассовое море, по легенде – с множеством увязших в его густых зарослях водорослей кораблей. Именно поэтому, наверное, оно с детства занимало моё воображение. В старину считалось, что море это чрезвычайно опасно для судоходства: когда корабли попадают в его ловушку, водоросли, якобы, опутывают и затягивают их хуже, чем любые сети. Известно было даже, что никто там будто бы ни разу не выловил ни одной съедобной рыбы.

Саргассы, как известно, не имеют корней, а шариков-поплавков на них так много, что растения, похожие на виноградные кисти, свободно дрейфуют по морским волнам. Северное экваториальное течение и Гольфстрим образуют в средней части Атлантики как бы гигантский водоворот, охватывающий в окружности примерно пятнадцать тысяч километров, и за сотни лет здесь было собрано столько саргассов, что место их скопления и названо Саргассовым морем, - морем без определённых очертаний и берегов.

Кстати, название ему придумали португальские моряки средневековья, которые первыми обнаружили эти бурые водоросли, усеянные множеством шаровидных поплавков. На безымянном глобусе пятисотлетней давности Саргассово море называлось «Травянистым морем», а слово «трава» применил Колумб, когда открыл Саргассово море во время своего первого плавания в «Новый Свет» в сентябре 1492 года. Сам Колумб предполагал тогда, что эти водоросли оторвались от какой-то близлежащей отмели.

Учёные долго не могли решить вопроса о том, откуда берутся водоросли Саргассова моря, пока не предположили, что первоначально саргассы прикреплялись ко дну в мелководных прибрежных районах тропической зоны, во время штормов они отрывались от дна и увлекались течениями в открытый океан, но оторванные – продолжали жить, размножаясь отростками, то есть – «почкованием», причём, совершенно независимо от суши.

Конечно, водорослей в Саргассовом море предостаточно: желтовато-коричневые кустики саргассума, величина которых до полуметра, образуют на поверхности воды миллионы тонн, но все рассказы о том, что водорослей в Саргассовом море так много, что они способны задержать корабль, и уж тем более – потопить его, не иначе, как красивая легенда. Никогда не наблюдалось, что саргассы препятствовали продвижению хотя бы гребной шлюпки. Зато вполне возможно намотать саргассовые водоросли на лаг или засорить ими приёмные отверстия для морской воды. Скорее всего, эта легенда родилась в то время, когда корабли надолго застревали в Саргассовом море с повисшими от безветрия парусами во время штиля. В течение многих монотонных дней бездействия команда наблюдала эти водоросли – чаще целые заросли, и если учесть, что всё это время люди с ужасом ожидали момента, когда кончатся запасы питьевой воды, то

неудивительно, что Саргассово море приобрело печальную славу кладбища кораблей.

В северной части Японского моря, на протяжении почти всего западного побережья Сахалина, в его бухтах с прозрачной чистой водой тоже растут раскидистые кусты саргассовой водоросли, достигая порой до трёх-четырёх метров высотой. По весне эти кусты бывают облеплены икрой хоккайдской сельди, идущей на нерест. Агатовые мелкие икринки обильно покрывают желтовато-коричневые веточки саргассов, как бы являясь их продолжением вместе с естественными шариками-поплавками, которые ещё называют «подводным виноградом». Медленно продвигаясь на боте вдоль унылой береговой полосы в поисках залежей морской капусты, ты невольно залобуешься этим подводным пейзажем, воспринимая достаточно однообразные водоросли саргассов уже как какие-то волшебные гирлянды, неизвестно кем и для чего усыпанные живым переливающимся бисером.

Бывает, кустики саргассов прикрепляются к небольшим камням или раковинам двустворчатых моллюсков – морским гребешкам, и нередко у стенок ставных неводов, мысов, на рифах и просто у поверхности воды можно найти всплывшие саргассовые кусты с прикрепленными к их основанию раковинами. Гребешки, как правило, живые, им никуда не деться, как бы они не хлопали створками, стремясь возвратиться к своему обычному «прыгающему плаванию». Дело в том, что гребешки передвигаются под водой, перелетая, вернее, совершая стремительные прыжки, и оказавшись оторванными от дна – страдают.

Особенно много саргассов всплывает в августовские и сентябрьские дни, когда эти однолетние водоросли достигают наибольшего в году роста. Такие кусты всплывают, как только их «положительная плавучесть» перевесит «отрицательную плавучесть» камня или моллюска, на котором поселилась в своё время водоросль. Плавучесть же водоросли, как уже говорилось, создаётся сотнями и тысячами поплавков-пузырьков, растущих на каждом кусте и помогающих ему отвесно стоять в воде.

Но чаще всё-таки водоросли отрывает от грунта штормовое волнение, вместе с течением разнося их по обширным просторам океана. Способность очень долго жить, а может быть – и размножаться в плавучем состоянии подобно саргассам, имеют и некоторые бурые водоросли, на Дальнем Востоке растущие, по большей части, у берегов Курильских островов. Это – хорошо известный биологам макроцистис, достигающий в длину несколько десятков метров.

Недаром название «макроцистис» означает «водоросль-великан». Говорят, что длина его превосходит даже две сотни метров, и таких растений на суше, пожалуй, не отыщешь. Растут эти водоросли плотной массой, выделяя слизь, которая крепкой плёнкой покрывает поверхность моря.

К тому же, ко дну макроцистис прикрепляется настолько крепко, что иной раз всё же выдерживает напор штормовых волн. Более того, эластичные и легко изгибающиеся растения, образуя иногда густые заросли, в

значительной степени умеряют волнение, предохраняя берега от разрушения и защищая бухты. Однако входить в эти водоросли судну не рекомендуется – водоросли наматываются на винт.

Макроцистис не только самая крупная, но и наиболее распространённая из гигантских водорослей, её ещё называют большой пузырьчаткой. В северной части Тихого океана эта водоросль образует настоящие подводные леса на глубине до 50 метров. У неё нет длинных и разветвлённых корней, как у наземных деревьев, и прикрепляется она к подводным скалам и гальке короткими выростами, которые действуют как присоски, заменяя морским гигантским растениям корни. У основания каждого листа-пластины имеется полое, величиной с яблоко, утолщение – своеобразный воздушный пузырь. Одно взрослое растение имеет несколько сотен таких пузырей, благодаря которым слоёвища поддерживаются в вертикальном положении.

И, тем не менее, вся эта величавая подводная конструкция нередко обрывается... Ослабленные разрушительной работой морских ежей, крабов и сверлящих моллюсков-двустворок, корни-присоски не всегда могут устоять перед ураганным штормом, который производит среди подводного леса настоящие опустошения. При отрыве от грунта, благодаря наличию воздушных пузырьков, эти водоросли всплывают на поверхность, образуя целые островки, что самостоятельно путешествуют по бескрайним морским просторам.

Работая однажды у берегов острова Матуа, мы случайно подцепили кошкой такой островок и попытались вытащить его на палубу, чтобы тщательно осмотреть: уж больно необычной по размерам представлялась нам эта подвернувшаяся водоросль. Вначале дело подвигалось легко и нам казалось, что вот-вот мы завершим эту операцию. Но вытащив метров пятнадцать, мы почувствовали, что конца этому растению не видно. Основной ствол в руку толщиной пошёл ветвиться, тащить становилось всё труднее и труднее, а сам островок и не думал уменьшаться в размерах. Наступил момент, когда усилия чуть ли не всей команды уже не давали никаких результатов. Отвоёванные на небольшой зыби метры водорослей океан забирал обратно при очередном своём вздохе.

Может быть, при штилевой погоде мы смогли бы достичь желаемого, но в сложившейся ситуации нам ничего не оставалось делать, как перерубить слоёвище. Длинные, шоколадного цвета пластины-листья, вместе с полым внутри стеблем-стволом, покрытые липкой слизью, ещё долго сползали за борт, а мы не в силах были вообразить общую длину макроцистиса, поразившего нас своими гигантскими размерами...

Кстати, с этой водорослью связан довольно забавный случай. Пилот патрульного самолёта, совершавшего полёт вдоль побережья острова Кадьяк, не поверил своим глазам, когда увидел на поверхности моря огромное, длинное бурое животное, шевелившее щупальцами. Снижаясь, он успел сделать снимок, прежде чем наползавшая полоса тумана скрыла от него

находку. Наутро газеты, публикуя нечёткий снимок пилота, вышли с сенсационными шапками: «30-метровый гигантский кальмар у берегов острова!», «Морской змей в схватке с крупным кальмаром!». К вечеру того же дня катер береговой охраны, выйдя в указанный район, не обнаружил там ничего, кроме плавающей на поверхности водоросли-макроцистиса, длина ствола которой действительно была внушительной – 53 метра.

Обильно окаймляет берега Японского моря филлоспадикс, который теснит морскую капусту, борясь с нею за место существования. Вытянутые ленты филлоспадикса напоминают киноплёнку, они воздушны, легки и, не спутываясь между собой, свободно колышутся в воде. Филлоспадикс – растение многолетнее, но лентовидные листья его на зиму опадают. Корневища филлоспадикса, которые при случае могут пригодиться в качестве еды, достигают больших размеров и прочно держатся в грунте, укрепляя его от размыва волнами и течениями. Часто приходится наблюдать, как в мелководных гаванях морская трава предохраняет их края от размыва и заноса песком и илом.

Многие водоросли крепятся ризоидами к подводным камням и остаются без богатой питательной среды, тогда как филлоспадикс своими корнями усваивает все полезные вещества из грунта. Именно поэтому, наверное, он ценен тем, что даёт прочное шелковистое волокно до 40 см длиной, которое идёт на изготовление лёгкой и крепкой пряжи, пакли для конопатки судов и, наконец, эластичной и очень прочной бумаги. Не зря его ещё называют морским льном.

Было бы странным, если филлоспадикс, образуя на глубинах до пяти метров обширные подводные луга, никак не был полезен. Эти самые луга, а вернее – леса морской травы служат убежищем или пастбищем многим морским животным. В норах между корневищами филлоспадикса скрываются бычки, здесь в обилии обитают двустворчатые моллюски, прячутся под листьями и ползают по дну голотурии, крабы, морские ежи и звёзды. Среди стеблей скачкообразно передвигаются теплолюбивые креветки – травяные шримсы, или, как их ещё называет местное население, чилимы.

Чилимы предпочитают глубины до 10-12 метров, но чаще их можно встретить на мелководье, продираясь в зарослях филлоспадикса и зостеры. Цвета бутылочного стекла, лёгкие и прозрачные, они как кузнечики висят вертикально между травами, чаще у самой поверхности, и в зелёном полумраке воды их нелегко увидеть. Стоит лишь немного приблизиться, как чилимы, подтягивая хвосты к животикам, молниеносными скачками исчезают, как будто их и не было.

При дневном свете эти прибрежные креветки – грязновато-зелёные, как филлоспадикс и зостера, в которых они обитают, и поэтому со временем у них появилась защитная окраска – зелёные и коричневатые-чёрные полосы по бокам тела перемежаются со светлыми. В случае опасности чилим ещё способен плавать вперёд головой, работая особыми плавательными ножками

брюшного отдела. Кроме того, чилим может передвигаться по дну на трёх парах грудных ног, этими же ногами цепляясь за травинки.

Жизнь моря своеобразна во всём, не миновала она в этом своеобразии и чилима... Оказывается, хорошо известный жителям Приморья и Сахалина травяной чилим – их излюбленное лакомство, - гермафродит. Каждая креветка, фигурально выражаясь, живёт дважды.

В первой половине своей жизни, до достижения двухлетнего возраста, она принадлежит к мужскому полу. После выхода из яйца, что происходит в мае или июне, личинка ведёт планктонный образ жизни: несколько раз линяет, растёт и к осени превращается в рачка-«малька». «Мальки» забираются в заросли морской травы и присоединяются к косякам живущих там взрослых креветок. К осени следующего года рачок вырастает до 12 сантиметров в длину и становится половозрелым самцом. В это время у травяных креветок начинается период размножения. Самец при спаривании приклеивает около грудных ножек более крупной самки два липких комочка, содержащих сперму.

С наступлением осени, когда листья zostеры отмирают, травяные креветки уходят на глубину 25-30 метров и возвращаются обратно только весной. К этому времени прошлогодние самцы успевают превратиться в самок, и начинается их вторая жизнь. В половой железе развиваются яйцеклетки, и осенью оплодотворённые самки/бывшие самцы/ уже носят на своих брюшных ножках несколько сотен яиц, с которыми они отправляются на зимовку. А через полгода из яиц вылупляются личинки. Самки, достигающие иногда 18 сантиметров, способны отложить яйца ещё один или два раза.

Добыча чилимов у местного населения – что-то вроде нашей грибной охоты. Правда, правилами Сахалинрыбвода установлены некоторые ограничения на вылов чилима: его запрещено, например, вылавливать с 15 мая по 15 июля. Но как только установленные сроки запрета минуют – на побережье устремляются тысячи любителей поживиться излюбленным дальневосточным лакомством.

Промышляют чилимов обычно при помощи мелкоячеистого сачка, а также устанавливая в зарослях травы ловушки с приманкой. Переодевшись в прорезиненный комбинезон и вооружившись самодельным сачком с широкой горловиной, нужно, не торопясь, продвигаться в этих самых зарослях вдоль берега, не забредая глубже, чем по грудь. Сачок следует держать перед собой, не производя резких движений, и время от времени выбирать из мотни крупных креветок.

Креветки длиной 10-12 сантиметров уже вполне пригодны в пищу и потому долгое время считались промысловыми. Ловцам, конечно, не могло прийти в голову, что у креветок пол не определяется при появлении их на свет, а зависит от возраста. В результате самки, как наиболее крупные и соответственно более ценные, вылавливались в первую очередь, а в косяке

креветок оставались только «мальки» и самцы. Поучительный пример того, как важно изучать биологию животных, прежде чем налаживать их добычу.

Пойманные, чилимы колючи на ощупь и, оказавшись в ведре, издают сухие щелчки, напоминающие треск горящих веток. Чилимов нужно варить непременно в морской воде, которую зачерпываешь тем же ведром, полным чилимов, а костёр разводят тут же, на берегу, используя выбеленный плавник, валяющийся обычно повсюду.

В закипевшей воде чилимы становятся оранжевыми, а полоски приобретают ярко-красный цвет. Долго варить чилимов не стоит, им достаточно закипеть – и они готовы: сочные, очень вкусные, чилимы ни с чем не сравнимы, и есть их можно, кажется, бесконечно. Сколько бы не было поймано чилимов и сварено, никогда не помню, чтобы хоть что-либо оставалось: чилимы съедались без остатка, как бы ни был сыт человек. У всех сахалинцев варёные чилимы вызывают непередаваемое удовлетворение от полученных ощущений, и напоминанием о совершившемся пиршестве оказываются только горы сладковатой чилимьей шелухи.

Частая гостя дальневосточных морей и зостера... На Сахалине встречаются бухты, где она произрастает непроходимой чащей. Тонкие, ярко-зелёные стебли этой морской травы растут очень часто, а постоянно переплетаясь, и вовсе создают впечатление сплошной травянистой массы, преодолеть которую, даже в неопреновом подводном костюме, невозможно. И это действительно так, ибо уже при виде зарослей зостеры, подводный пловец никогда в них не углубится и отвернёт, может быть, проследует вдоль их края, стараясь встретить что-либо необычное. Ведь именно на границе травянистых островков под водой держатся самые разнообразные обитатели моря: наблюдая за всем происходящим в открытой воде и чаще всего – выжидая добычу, они готовы тотчас исчезнуть в случае опасности.

Зостера обычно разрастается там, где к песку примешан ил: здесь свой особый мирок. На травинках качаются, уцепившись хвостом, морские коньки. Их вытянутые тельца не сразу разглядишь в переплетающихся стеблях. Но в случае опасности самец морского конька издаёт низкий щёлкающий звук, по которому не сложно отличить это странное существо, фигуркой своей напоминающее лошадку, а на деле являющееся рыбкой.

Ещё между листиками зостеры часто прячется морская игла. Она, как и конёк, становится на хвостик, отчего разглядеть её не так-то просто. Имея странную форму тела, эта рыбка всегда вызывает любопытство, к тому же проявляя своеобразную заботу о потомстве. При нересте самка откладывает икринки в выводковую камеру самца, который таскает икру с собой, а после выхода мальков первое время пасёт их, не выпуская за пределы зарослей зостеры.

Вообще, зостера больше похожа на обычную траву, чем на водоросль, и потому её чаще всего так и называют – «морская трава». Подводные луга зостеры очень богаты, и потому в некоторых местах, где наблюдаются сильные отливы, её скашивают. Высушенная, обмытая пресной водой и ещё

раз хорошенько просушенная, она используется для набивки тюфяков и матрасов.

Под водой заросли zostеры плавно колышутся то в одну то в другую сторону, неожиданно прижимаются ко дну и как-то волнительно, даже с лёгкой тревогой стелются над ним, затем вновь поднимаются во весь рост, и этими непредсказуемыми движениями напоминают загадочное зелёное море. Зимние жестокие шторма срывают zostеру с камней и наваливают горами на мели, где, перегнивая, она вскоре теряет свой изумрудный цвет, превращаясь в коричневатую, почти чёрную массу. Я давно заметил, что зелёные водоросли держатся на мелких местах, бурые лежат глубже на скалах, а на самых глубоких – растут красные водоросли... Произрастая на небольшой глубине, zostера, таким образом, придаёт морской воде зелёный цвет, отражаясь от поверхности лучезарным живительным светом. Тонкие, даже изящные стебли zostеры будто сближают нас с необозримым морским пространством, благодаря знакомой по земле зелени делая море как бы роднее.

Ещё одна водоросль – анфельция, замечательна тем, что совсем не прикрепляется ко дну. В лагуне Буссе, где в течение нескольких лет нами велась добыча трепанга, довольно часто можно было встретить тёмно-коричневые пласты сплетённых между собой невзрачных растений, которые мы, по неопытности, принимали за мёртвые. На самом деле – это и была анфельция, водоросль, существующая сама по себе. У неё не было корневых ризоидов, как у ламинарии, и она не росла из подводного грунта, наподобие zostеры или филлоспадикса, а передвигалась по дну в зависимости от течений, приливов и штормовых перемещений воды.

Анфельция бывает как прикреплённой, так и неприкреплённой формы. Промысловое значение имеет неприкреплённая, размножающаяся лишь вегетативным путём, и, образуя из хрящевидных спутанных нитей что-то наподобие причудливой мочалки, анфельция всегда вызывает какое-то неоднозначное отношение. Её переплетающиеся нежные нити - словно узоры на окне, а когда анфельция тихонько передвигается по дну, создаётся впечатление, будто она нащупывает окружающее подводное пространство.

Когда-то на берегу лагуны Буссе существовала биологическая станция. Научные сотрудники разбили всю лагуну на промысловые поля, которые поочерёдно использовали для добычи водоросли анфельции, а на Корсаковском рыбозаводе из неё делали лучший в стране агар-агар. С тех пор от биологической станции ничего не осталось, запасы анфельции были изрядно подорваны, но она, всё же, нет-нет, да попадалась нам, порой – целыми подводными залежами, когда в одном месте, по какой-то причине, анфельции скапливалось так много, что она покрывала песчаное дно сплошным ковром.

Плывёшь обычно над песчаной равниной дна, и время от времени на ней появляются какие-то странные катыши бурых водорослей, на которые всегда обратишь внимание. Однообразно колышущийся филлоспадикс

порядком наскучил, изумрудный ковёр тонко вытканной морем зостеры уже почти не привлекает, какая-то обыденная, испещрённая мелкими дырками ульва вообще очень скоро приедается, так же как и длиннющая мясистая ламинария, которая, временами, хотя бы зачаровывает открывающимися под ней чудесными островками морского дна, - и вот оттого неожиданно выкатившаяся, откуда ни возмись, маленькая анфельция приятно околдовывает... Что это за подводное «перекати-поле»?

Почему-то хочется протянуть руку, взять такой катыш и, ощутив его воздушную плотность, разглядеть... Что-то в нём завораживает твоё внимание, хотя ничего особенного он из себя, вроде бы, не представляет. Водоросль – и водоросль, правда, название загадочное, почти – волшебное: анфельция...

Будто имя чудесной девушки, вышедшей из моря... В звучании этого необычного имени угадывается нечто воздушное, как само растение, почти не имеющее веса, а тонкий аромат разложенной на крыше для сушки морской травки вообще пленяет, еле заметно кружит голову и уносит в необъятное море чувств. Кажется, сами по себе, как эти спутанные подводные катыши, легко и воздушно возникают чуткие и очень милые желания, которые быстро укрепляются в душе, взрослеют. Всего несколько раз, в полную грудь, вдохнёшь живой и чистый воздух, даруемый морем этой пряной морской водоросли, а видение красоты невероятно быстро усиливается, проникает всюду, куда бы ни направил свой чуткий внутренний взгляд. Хочешь – лети, но если не возникает подобного желания, то только потому, что и так всё чудесно.

Взяв в руки только что поднятый на поверхность ароматный и невесомый комочек анфельции, весь переливающийся от множества разноцветных капелек, и поднеся его к лицу, тотчас попадаешь в поток одно за другим нарождающихся ощущений, способных унести без чувств за колышущийся горизонт. Как приятно наслаждаться одним лишь взглядом на море, вздохом у него, а порой тебе хватает единственного прикосновения к такому маленькому пахучему комочку водоросли, называемой анфельцией.

Помимо лагуны Буссе, анфельция ещё встречается в заливе Измены на острове Кунашир, где из неё также добывали агар-агар высокого качества, представляющий собой смесь различных органических веществ, главным образом углеводов. Агар-агар, как ни странно, не имеет запаха и вкуса, а ценится в основном из-за его способности образовывать студни. Для получения довольно плотного студня достаточно на литр воды добавить всего 20 грамм агар-агара, то есть – высушенного экстракта. Само слово «агар-агар» - малайского происхождения. На малайском языке оно обозначает красные водоросли, принадлежащие определённому роду, а поскольку малайцы часто повторяют слова, то и говорят они, имея в виду данную водоросль, - агар-агар.

Агар-агар широко применяется в пищевой промышленности, для производства мармелада, пастилы и нечерствеющего хлеба, а также в бумажной и текстильной промышленности – для улучшения качества бумаги

и тканей. Он предохраняет консервированную рыбу от почернения и привкуса жести, что делают консервы непригодными для продажи. Очень перспективно применение агар-агара в фотографии, где он употребляется при изготовлении светочувствительных пластинок и плёнок. Агар-агар используется при отделке кожи для улучшения её блеска и прочности. В кулинарии агар-агар незаменим для придания супам и соусам большей густоты, он широко известен как незаменимый загуститель в приготовлении сливочного мороженого и пирожных. В некоторых странах агар-агар применяют в пивоварении, виноделии и при изготовлении кофе, его используют даже как основу сапожного крема, а ещё одна особенность агар-агара может оказаться весьма важной в медицине: он обладает свойством препятствовать свёртыванию крови.

Трудно себе представить, что на всё это способна одна маленькая подводная водоросль, к тому же - достаточно невзрачная на вид, пусть и с необычным красивым названием, но, тем не менее, помимо всех своих удивительных особенностей, агар-агару присуща и такая замечательная тонкость как способность закреплять запах духов. Порождённый в неведомой утробе моря, этот комочек водорослей, таким образом, возвышает и дух человека, его настрой, околдовывая изысканным природным ароматом. Он возбуждает к жизни изящные чувства, такие же тонкие, невесомые, как и сама водоросль.

Кто же назвал это удивительное морское откровение «анфельцией», причём, так удачно и загадочно, с лёгкой грустинкой и простой жизненной правдой? А ведь правда мудрого моря всегда почему-то воспринимается более обаятельно и надёжно, чем правда только стремящегося к совершенству человека...

Морские водоросли имеют очень древнее происхождение, в своё время они дали начало земным растениям. Зарождение одноклеточных микроскопических водорослей, подобных тем, которые составляют в основном морской фитопланктон, было событием большого геологического значения. Имеющиеся в настоящее время останки этих первых водорослей датируются учёными тремя миллиардами лет. Эти первые микроскопические водоросли приводили к обогащению биосферы свободным кислородом с одновременным обеднением её углекислотой. Появление свободного кислорода, хотя ещё и в малых дозах, стимулировало массовое развитие микроорганизмов, и, таким образом, водоросли сыграли роль крупных геологических деятелей.

Лучистая энергия Солнца и значительные запасы углекислоты в биосфере, пополнявшиеся при вулканических извержениях, способствовали развитию водной растительности не только плавающей, но и донной. Воды морей, ещё слабо солёные, но богатые бикарбонатами кальция и магния, легко осаждали их химически. Подщелачивая воду, водоросли незаметно создавали очень своеобразные накопления известняка, и даже - древнейшие рифы и банки.

Именно водоросли, и только они, примерно за 2 млрд. лет извлекли из биосферы колоссальные количества углекислоты, образовав на её основе столь же колоссальное количество органических веществ. Этим они существенно изменили свойства среды жизни на Земле, сделав её пригодной для появления и развития животных.

Водоросли первыми, освоив прибрежные зоны бассейнов, вышли на сушу, довольно быстро распространились на увлажнённых почвах, и этот выход заставил их приспособиться к самым разнообразным условиям обитания. Хотя название «водоросль» буквально означает «водяное растение», не всё, что произрастает в водной толще, относится к водорослям. Описанные выше филлоспадикс и зостера, например, это – настоящие цветущие травы, прекрасно освоившиеся в морской среде.

Одни водоросли стелются вдоль дна, другие – парят в толще воды, а есть и такие, что просто свободно лежат на грунте в неприкреплённом состоянии, но, ни корней, ни стеблей, ни листьев у водорослей нет. Эти органы нужны наземным растениям, чтобы закрепиться на суше и выкачивать воду из почвы, дыша воздухом. Когда же со всех сторон окружает вода, достаточно небольшого разрастания таллома/тела водоросли/на нижнем конце, чтобы прицепиться к чему-нибудь, и утолщений в верхней его части – наполненные воздухом, что служат поплавком.

В морях нашей планеты известно около тридцати тысяч видов водорослей, и одни из самых распространённых – бурые, они часто образуют под водой настоящие леса... Именно к ним и относится морская капуста, давным-давно вошедшая в обиход у народов Дальнего Востока.

Морская капуста – это крупная пластинчатая водоросль семейства ламинариевых, растущая на глубине до двадцати метров. Слоёвица морской капусты бурого или буро-коричневого цвета достигают тридцати сантиметров ширины, пяти миллиметров толщины и пятнадцати метров длины. Свежие водоросли содержат почти восемьдесят-девяносто процентов воды, поэтому для предотвращения порчи их надо высушивать или замораживать. Сушёная морская капуста почти не теряет своих качеств и очень удобна для перевозки и длительного хранения.

Химический состав морских водорослей во многом сходен с составом луговых трав и овса, но водоросли содержат гораздо больше минеральных солей, особенно микроэлементов, и в этом их значительные преимущества перед наземными растениями. По количеству минеральных веществ морская капуста превосходит многие овощи, она содержит такие витамины, как А, С и витамины группы В.

Интересно напомнить, что во времена императора Кан-Си в Мукденской провинции среди населения сильно распространилась зубная болезнь. И по совету китайских учёных Кан-Си издал приказ, обязывающий каждого жителя провинции съедать в течение года не менее пяти фунтов сухой морской капусты. Её лечебные свойства дали благоприятные результаты. В настоящее время в странах Востока благодаря употреблению в

пищу морских водорослей заболевания зобом почти не наблюдаются, и виной тому – частое употребление в пищу морепродуктов, в том числе – капусты.

Японцы, кухню которых невозможно представить без морепродуктов, не только в обилии употребляют в пищу ламинарию, но и давным-давно выращивают её на подводных фермах у своих берегов. Урожай можно собирать круглый год. Кстати, из всех видов морской капусты, идущей на изготовление салатов, наиболее вкусной остаётся именно японская ламинария. Пластина у неё мясистая, довольно широкая, с тонкими волнистыми краями, посередине пластины тянется утолщённая полоса, ограниченная с боков продольными бороздками. Такая структура капусты обеспечивает ей великолепные вкусовые качества и сочность.

Обычный рацион японцев включает много блюд, приготовленных из капусты, например, суп – его называют «даси конбу», гарнир – «конбу маки», блюдо из водорослей – «нории цукудани», которое готовят с сахаром и соевым соусом, морской латук и «оборо конбу» - порошок из водорослей для быстрого приготовления супов. Те же жители японских островов, что лишены возможности пользоваться продукцией подводных ферм, а добывать капусту не в силах, поскольку произрастает она часто на глубине более десяти метров, просто собирают её, выброшенную на берег.

Морскую капусту можно с успехом использовать во множестве блюд, она очень питательна и полезна. Причём, очень проста в приготовлении и прекрасно сохраняет свои свойства в замороженном виде. Приведу здесь, для примера, лишь два рецепта приготовления салатов, основу которых составляет именно ламинария.

В первом случае капусту нужно промыть, и пусть она потом покипит в воде минут тридцать-сорок. После этого – порезать, как лапшу, затем наперчить, посолить, залить уксусом, чтобы она постояла ночь. Уксус нейтрализуется в капусте присутствием йода. На следующий день в салат крошатся яйца, лук, заливается всё это подсолнечным маслом – и вас за уши не оттянешь от такого кушанья.

В другом салате капусту можно и не отваривать, всё зависит от вкуса, и если вам по нраву капуста сочная, приятно хрустящая на зубах, её можно пошинковать прямо свежую, только, желательнее, тонко. На небольшую мисочку капусты обычно добавляется баночка горбуши в собственном соку, из расчёта два к одному. Рыбные консервы придадут сырой капусте недостающую мягкость. Потом неплохо будет нарезать туда моркови и лука, опять же – кому как угодно: в сыром виде либо - в варёном. И непременно включить в состав блюда пропаренного над кипятком кальмара или осьминога, покрошенного мелкими рубчиками. Всю эту смесь, в конце концов, рекомендуется сбобрить сметаной, не помешает и майонез, а затем – тщательно перемешать. У вас получилась чудесная холодная закуска – лёгкая, аппетитная и очень пикантная!

На Сахалине ламинарию добывали ещё в старину с помощью обычных деревенских вил, прикреплённых к деревянным ручкам, или длинных палок с металлическими крюками на конце. Работали обычно на небольших судёнышках – дорках, по двое-трое человек на каждом, и, как правило, на мелководье, по отливу, когда большая часть зарослей морской капусты оголяется, притягивающее поблескивая толстыми боками на солнце. Капусту подцепляли ближе к основанию куста, проворачивали древко несколько раз, пытаясь зацепить как можно больше листов, и тянули что было сил. Нелёгкая эта работа – в ручную отрывать от грунта многометровые тяжёлые слоёвища ламинарии!

Ризоиды – корневища морской капусты, крепко-накрепко прирастают к камням, не так-то просто выволить её на поверхность. Дорки, постепенно заполняясь сочными тяжёлыми листьями, сильно оседают, так что порой не сдвинуть их с места, и приходится отчаянно работать шестами, всеми способами раскачивая судёнышки, чаще всего – спускаясь в холодную воду. Наполнив дорки с верхом, капусту переправляли на берег, где её развешивали для сушки на специально расставленных неподалёку от моря вешалах или раскидывали на крыше дощатого сарая. Учитывая, что побережье острова в весеннее и летнее время изобиловало туманами и обильной влагой, сушка капусты тоже оказывалась делом нелёгким.

Обильно разрастающаяся почти вдоль всего побережья Сахалина, ламинария образует на поверхности воды плотный, тёмно-коричневый покров. От постоянно набегающей волны он колыхается, переливается в лучах солнца; во время же отлива и прилива лоснится своей тяжеловесностью, простирающейся, кажется, бесконечно. Идёшь на боте вдоль берега, и только видишь нескончаемые поля вздымающейся из-под воды морской капусты. Будто какое-то подводное чудовище показывает свой огромный бок, волнуется и вот-вот исчезнет опять под водой, но не торопится этого делать.

Водоросли бесшумно вытягивают свои буро-коричневые руки, будто пытаясь схватить кого-то и удержать. Порой возникает ощущение, что они охотятся за пугливыми стайками рыб или корявыми крабиками, воинственно растопыривающими клешни навстречу любой угрозе. Но, приглядевшись получше, создаётся впечатление, будто водоросли играют... Те же, что держатся в глубоких расщелинах, кажется, страдают от безысходности своего одиночества и всё норовят взметнуться к самой поверхности.

После сильного шторма, особенно – ближе к осени, на плотном, укатанном набегающими волнами песке образуется громадный вал из ламинарии вперемешку с кусочками ульвы и фукуса, которые в отличие от прочных листов морской капусты тонки и рвутся при малейшем волнении. Выброшенная морем, капуста всегда издаёт приторно-сладковатый запах, к которому можно постепенно привыкнуть, поскольку он не такой уж противный. Для моря этот запах обычен, с той лишь разницей, что в тропиках водоросли менее цельные и за счёт жары быстро перегнивают, что,

несомненно, муторно для восприятия; северное же море будто бережёт их, они почти не разлагаются и лишь создают свой, непередаваемый аромат, вдыхать который иногда становится даже приятно.

Не раз мне приходилось наблюдать, как трудолюбивая чета пожилых корейцев тотчас, по завершению шторма, устремлялась с тележкой на берег. Тщательно отбирая сочные листья капусты, корейцы терпеливо перетаскивали её домой, пока она не заканчивалась, затем тщательно промывали их и развешивали сушиться. По всему берегу разносился дурманящий запах свежей ламинарии, кружил голову и будил вольные думы.

С некоторых пор морскую капусту на Сахалине стали добывать с использованием труда лёгководолазов. Вернее, когда мы организовали по её добыче первую на острове бригаду. Способ этот оказался, конечно, намного эффективней вышеописанного, но добывая морскую капусту с помощью акваланга, можно легко запутаться в её зарослях, плотным ковром покрывающих подводные скалы. Водоросли, как уже говорилось, намертво прирастают своими ризоидами к скалам, и оторвать их почти невозможно. Чем больше вы будете совершать усилия, пытаться вырваться из их цепких объятий, тем больше будете запутываться, наматывая вьющиеся слоёвища на руки, ласты и части акваланга, рискуя перетянуть или повредить дыхательные шланги. Можно при этом сорвать маску и вообще потерять её в колышущихся зарослях травы.

В окружении густых водорослей обычно сразу пробуждается воображение, и тогда длинные слоёвища, загадочно переплетаясь между собой, будто оживают, заманивая в неизведанную бездну. Самое разумное, к чему следует прибегнуть в подобной ситуации, это замереть, не совершая каких-либо движений, и постараться успокоиться, а восстановив дыхание с сердцебиением, не спеша, допуская лишь плавные гребки, попытаться выбраться из капусты. Порой же пребывание в лесу водорослей даже внушает чувство защищённости от того же необъяснимого и грозного моря. Словно эти водоросли растут сами по себе, и внушают своим присутствием какое-то подсознательное ощущение покоя. Густые заросли, кажется, оберегают тебя, укрощая самые яростные штормовые волны, и вроде как обласкивают всего, стремясь, чтобы ты чувствовал себя здесь, под водой, уютно, как дома.

В конце мая, когда вода успевает достаточно проясниться, в море выходят несколько десятитонных кунгасов, сопровождаемые небольшими катерами. Добыча производится неподалёку от берега, как правило, вдоль подводных каменистых гряд, на которых в обилии и произрастает капуста. Выбрав удобное место и отбуксировав кунгас с ловцами к самой гряде, катер покидает его и уходит мористее, где и становится на якорь. При этом все кунгасы непременно должны быть снабжены вёслами, баграми и якорями-кошками, с помощью которых экипажу следует занимать наиболее благоприятную позицию для промысла.

Каждый кунгас обслуживают, обычно, четыре человека. Пока двое готовятся к спуску под воду, двое других обеспечивают удобную постановку судна на якорях, с расчётом, чтобы ветер и отлив не сносили его. Сам кунгас разделён переборками из обыкновенных досок на три одинаковых отсека, проходящих вровень с поверхностью фальшборта. Отсеки изнутри выстилаются надёжно связанными строп-сетками, в которые и укладывается добытая под водой капуста. Происходит это достаточно оригинально и просто.

Когда двое ловцов, опустившись под воду, подыскивают для себя наиболее богатые «грядки», двое оставшихся на борту приводят в порядок тридцатиметровые концы с легко расстёгивающимися карабинами, с помощью которых в дальнейшем и вытягивается из-под воды капуста. Подготовленный конец, для положительной плавучести имеющий посередине пенопластовый буй, бросается находящемуся под водой ловцу, тот, в свою очередь, оборачивает им капустный куст и, дав сигнал работающему с ним в паре наверху товарищу – чуть поднабить, подрезает его обыкновенным серпом. Затем весь этот пахучий и сочно похрустывающий пук, переливающийся мириадами капелек морской воды, целиком вытягивается на борт, и процедура в точности повторяется.

Конечно, при кажущейся простоте описываемого предмета любому читателю легко впасть в заблуждение, посчитав при этом не заслуживающей внимания такую работу, но только не тем, кто хотя бы однажды столкнулся с ней, с морем и людьми, которые в нём работают. Тем, кто в полной мере на себе испытал ядовитую липкость прибрежных туманов, от которых насквозь сыреет одежда, дикую ломоту в не сгибающихся поутру суставах опухших рук, нескончаемую морскую болтанку, а хуже всего – монотонно ударяющие в спину накаты волн, размётывающие с трудом собранные пуки и валящие с ног. И ещё невозможность встать на прежнее место, когда вырывает крепёжные кошки, и адский труд, затрачиваемый только на то, чтобы удержать уносимое судно, и кровавые мозоли, и онемевшее от холода тело под водой, и свербящая голову единственная мысль, что надо бы бросить всё это к чёрту...

Но ты никогда ничего не бросаешь, и продолжаешь без конца тянуть зацепившийся в глубине якорь так, что, кажется, вот-вот лопнут жилы. Режешь окоченелыми руками капусту, каждый день неизменно встаёшь в шесть утра, а ложишься в двенадцать. И всё это ты делаешь только потому, что рядом находятся люди, которых ты не можешь подвести, и которые никогда не подведут тебя, а главное, что ты не в состоянии предать в себе способность быть там, где тебе и надлежит быть.

Так каждую весну, неизменно, встречались у моря несколько человек на добыче морской капусты и морских ежей. Все мы к тому времени крепко сдружились, успели не раз поспорить и в тоже время увидеть то, что раньше друг в друге не замечали, сумели разобраться во многих вещах и не упустить в отношениях между собой что-то немаловажное, обрели, в конце

концов, себя... Но всё это было ещё в несуществующем будущем, после того незабываемого и неповторимого времени, когда нас впервые собрала и сплотила вокруг себя подводная работа.

С тихой, щемящей грустью вспоминаю я это время. Его уже никогда не повторить, а нам не стать такими молодыми, весёлыми и неустрашимыми. Мы только начинали открывать для себя мир, и он не казался нам безжалостным. Скорее, наоборот: он дарил удивительную, не прекращающуюся новизну, при восприятии которой всё остальное отходило на задний план. Её было так много, что мы просто не успевали всё усваивать.

Новизна вливалась в нас всепоглощающим солнечным потоком. Незамутнённые молодые души впитывали всё без разбору, и горести бесследно оседали в них вместе с удивительными открытиями. Несмотря на нелёгкий труд, холодную воду и ветер, сердца наши бились горячо и неутомимо. В такие моменты мне казалось, что я начинаю понимать нечто самое важное, связанное и с морем и с людьми, которые находились рядом.

В это понимание входило многое из того, что нам всем довелось пережить вместе: и тёплые тихие вечера, когда солнце, словно не желая уходить, нежилось, переливаясь недоступным алым светом у горизонта, и еле уловимый шорох убегающей волны в отлив, и резкий запах громоздящихся водорослей на отмелях, и гулкий стук весла, издали донёсшийся и вдруг растаявший над водой... Сюда входили чистый блеск звёзд, повисших над морем, ощущение полноты проживаемой тогда жизни, прелесть невозможности до конца высказаться из-за отсутствия опыта и молчаливое понимание этого состояния твоими друзьями, которому сопутствует оттенок истинного восторга, уважения и любви, когда тебе немного за двадцать, а ты уже решился на многое в своей жизни.

Мне уже тогда думалось, что каждый из нас в глубине души всё-таки благословил день и случай, когда мы собрались все вместе у моря и, не давая обещаний друг другу, решили не расставаться, пока не почувствуем быстротечность дней. Когда живёшь полной жизнью, к тебе не приходит мысль, что каждый день надо жить как последний. Всё происходит более естественно, чем того требует известное выражение, и ты не испытываешь ничего, кроме глубокого удовлетворения и радости.

Каждый день я парил над самым дном, снова и снова вглядываясь в необычный подводный пейзаж, словно не веря в то, что я нахожусь здесь, на берегу Японского моря. Возбуждение моё, сильно обостряющееся при спуске, быстро проходило. Вскоре я уже не испытывал такого могучего прилива чувств, что испытывал при первых погружениях, и становился подозрительного уравновешенным... Я был совсем спокоен, спокойнее, чем когда находился в самой безобидной обстановке на суше.

Потом я часто размышлял об этом, не в силах ответить на вопрос: почему бурные переживания наверху, в окружении своих

единомышленников, за считанные минуты сводились на нет, когда ты оказывался на глубине, а потом они уступали место состоянию, схожему с чудесным падением в бездну, как это бывает в безмятежных снах? Словно организм сам открывал под водой свои дополнительные ресурсы, которые я был ещё не в силах постигнуть разумом, настраивая тебя на умиротворённый созидательный лад.

Чего я ожидал от этих погружений, и возникала ли у меня потребность в подводном одиночестве? Поначалу мне действительно недоставало некоторой новизны, переживая при этом необъяснимое противоречие между реальностью, своими природными инстинктами и мечтой. Но желание слиться в единое целое с водной средой, поскольку это почему-то представлялось необычайно важным, перебарывало всё остальное.

Непреодолимое влечение к воде, заложенное во мне, по всей вероятности, самой природой – этим могучим распределителем энергии и знаний, поначалу выглядело как что-то стихийное, неуправляемое. К тому же, размеры моря, его таинственная глубина только подчёркивали человеческую уязвимость и ограниченность. Но никому из нас, в том числе и мне, не приходило в голову искать пути обратно: все наши чувства были нацелены на погружения. Ведь именно в них было заключено существо этих устремлений.

Иногда казалось, будто я наблюдаю картину сотворения мира. Я был среди моря и словно видел его со стороны. Оно было, пожалуй, таким же первозданным, как сотни миллионов лет назад, когда из него вышла первая жизнь. Ничего другого мне в голову просто не приходило. Лишь на мгновение порой я ощущал, как невидимая тёплая волна проходит сквозь моё невесомое тело, унося в какие-то неизведанные времена...

С отрешённым от земли подводным шумом воздух размеренно поступал из баллонов акваланга, загубник неумолимо впивался в онемелые дёсны, холодный придонный слой воды уже становился привычным для тела. Вместе с неуловимым покоем в сознание исподволь закрадывалось понимание, что всё окружающее реально. Чтобы убедиться в этом, я слегка касался глянцевитой выпуклости водорослей, шероховато насторожившегося бока морской звезды или убаюканной мягкости песчаного дна.

Через неопределённую перчатку все подводные реликвии ощущались с трепетом, вполне живыми. Тело же становилось ловким, послушным и, в противоположность возникающим из глубины диковинам, как будто существующим в волшебном сне. Каждый участок дна не был похож на предыдущий, и непременно дарил что-то своё, необыкновенное... Необыкновенным в этом чудесном мире, в конце концов, казался себе ты сам.

Ещё ты всё время не перестаёшь ощущать под водой затаившуюся вокруг голубую тишину... Но на поверхности эта необыкновенная тишина неожиданно оборачивается смыкающейся над лагуной зеленью сопков и опьяняющим воздухом, отчего утраченная на время подводная чистота

вновь манит к себе, несмотря на усталость. И ты с нетерпением ждёшь очередного погружения под воду, чтобы на этот раз обязательно уловить ускользающую тайну наслаждения этой безотчётной невесомостью. А при погружении опять забываешься охватившей тебя тишиной, живёшь только ей одной и приходишь в себя уже на поверхности: уверенный в своих силах, проникательный и умиротворённый.

Но иногда тишина под водой перетекает в неясную, но непередаваемо чудесную музыку... Её даже не сразу распознаешь, а начинаешь замечать только после длительного нахождения в водной среде, когда достаточно проникся ею, наполнился до краёв, но не пресытился. Ты вдруг перестаёшь замечать своё напряжение от подводного труда, и будто перерождаешься в какого-то другого человека, не похожего на прежнего тебя, и всё благодаря ... музыке, льющейся под водой... Что же она из себя представляет?

Пожалуй, верным будет утверждение людей, посвятивших морю не один год, а порой – всю жизнь, что тишина в море – вещь невозможная. Богатейший мир звуков окружает человека, когда он погружается на глубину. Океан устроен так, что оркестр его ни на минуту не умолкает...

Пощёлкивания неразличимых ракообразных, скрежет крошечных чилимов и креветок, хрюканье и гуденье множества рыб, странное подвывание и трескотня дельфинов, постанывающие голоса морских птиц над волнами, пыхтение китов и морских львов, взвизгивания котиков, урчание каланов, - всех звуков и не перечислить. А шуршание гальки, вечно движущейся воды и свист ветра? Множество самых невероятных звуков постоянно доносится до тебя, когда оказываешься под водой, и ты не только слышишь эту музыку, а и воспринимаешь её всем своим телом: даже находясь в неопреновом костюме, кожа твоя постоянно ощущает малейшие звуковые колебания, которые распространяются в воде.

Каждый океанолог знает, что звук в морской воде за одну секунду проходит полтора километра, и по разнице времени между посланным сигналом и возвратившимся эхом он легко может определить расстояние до предмета, отразившего звук. Моряки и океанологи, таким образом, определяют расстояние от корабля до корабля и от корабля до поверхности дна. За один час звук проходит 5400 километров. Однако скорость его не везде одинакова. Там, где температура, солёность и плотность воды больше, она возрастает. Повышение температуры на один градус увеличивает скорость звука примерно на три-четыре метра, а увеличение солёности на одну промилле – на один метр в секунду. Увеличение давления на одну атмосферу влечёт повышение скорости звука на восемнадцать сантиметров в секунду. У океанологов есть специальные таблицы, где указано, какая скорость звука соответствует определённым температуре и солёности в разных морях.

Подводный мир – это не мир молчания. Каждый подводник, тем более тот, кто часами просиживает у гидрофона, хорошо знает, что косяки угрей издают звуки, напоминающие бурление кипящей воды, а стада креветок –

отрывистые хлопки, наподобие выстрелов. Киты издают звук, похожий на скрип ржавых петель тяжёлой дубовой двери... Некоторые обитатели водных пространств «играют на скрипке», тогда как другие визжат, мурлыкают, издают звуки флейты, пищат, барабаниют и мычат. Учёные установили, что столь своеобразные звуки издаются зубами, чешуёй, плавательным пузырьком и всем, чем только возможно для подводных обитателей. Поскольку звук в воде распространяется с большей скоростью, чем в воздухе, и так как в океане значительно больше представителей мира животных, чем на суше, море полно самых невообразимых звуков...

Исследователь моря Ганс Хасс попробовал однажды воздействовать на его обитателей, воспроизводя в море с помощью специального подводного громкоговорителя всевозможные необычные шумы: коровьи колокольчики, револьверные выстрелы, детский крик и тому подобное. Но все они не производили на рыб никакого впечатления, пока Хасс не использовал звуки вальса Йоганна Штрауса. По его воспоминаниям вода возле него мгновенно потемнела, и он стал свидетелем поразительного явления: несколько сотен больших серебристых звёздчатых ставрид подплыли сплошной массой и начали кружить вокруг громкоговорителя. Они держались на расстоянии каких-нибудь трёх метров и двигались, словно в большом хороводе. Звуки венского вальса очаровали рыб, в лучшем случае, они привлекли животных, и впечатление складывалось такое, будто рыбы слышали нечто родное.

Впрочем, море и само как будто издаёт музыку, заполняющую собой всё вокруг. Эту музыку не всегда угадаешь, порой кажется, что она вообще пропадает, но чаще всего ненавязчиво льётся над водой, проникает в тебя отовсюду, даже через переборки судна, если ты находишься в каюте, и удивительным образом умиротворяет. Музыка ласково заполняет всё море, и тона её улавливаются совершенно чисто, без помех.

Под водой музыка тоже течёт чисто, никак не искажаясь, и морские обитатели, по-видимому, не обращают никакого внимания на эти звуки или просто живут в гармонии с мелодичной средой. Они давно подчинены морскому ритму, который невероятно музыкален, и потому движения их напоминают танец. Иногда мне удавалось его наблюдать...

Конечно, ты не сразу начинаешь понимать значение всех этих морских звуков, и многие из них вообще навсегда остаются для тебя загадкой, за исключением тех, с которыми ты связан по работе. Может быть, какие-то из этих звуков послужили для тебя однажды источником опасности или даже пищи, с помощью отдельных – ты определял расстояние до животных, плавающего средства, либо просто до обычного бревна... Но все они, так или иначе, повторялись, и ты их запомнил и стал отличать от других, принимая уже как знакомые. А часто я ловил себя на мысли, что некоторые звуки смутно известны мне с самого рождения... Как будто их издавали твои ближайшие родственники и ты безошибочно угадывал эту давным-давно звучащую в тебе музыку, кажется, доносящуюся из космоса.

И всё же, несмотря на обилие самых разнообразных звуков, море называют «безмолвным». Правда, подобные выражения подбирают ему люди, на деле достаточно от него далёкие, и уж никак не мореплаватели или рыбаки. Последним, как никому другому, доподлинно известно, что под поверхностным слоем океана царит суцкая какофония звуков...

Малайцы, прежде чем забросить свои сети, опускали голову в воду, прислушиваясь к рыбьим сигналам. Жители островов Тихого океана и побережья Западной Африки испокон веков слушают море, прижав ухо к ручке весла. Звуки моря – завывание ветра над бескрайней водной поверхностью, плеск волн о борт судна, отдалённый гул надвигающегося шторма всегда неминуемо отражались в самобытных песнях и ритмах тех, кто надолго покидал сушу.

Морские песни отличаются от других песен тем, что возникли в целях облегчения работы, как упорядочивающая и стимулирующая сила в коллективном труде. К примеру, рабы-гребцы на древних галерах могли двигать их вперёд - только непрерывно напрягая свои мышцы в едином ритме, а для этого необходимо было подавать тактовые сигналы. Ещё первые европейские мореплаватели, побывавшие в Южных морях, сообщали, что пение островитян – это сочетание звуков ударных инструментов, диких выкриков и движений, напоминающих греблю, вычерпывание воды и постановку мачты.

Можно совершенно точно утверждать, что пение создал труд, в большей мере – морской, а многие музыкальные инструменты были первоначально ударными и духовыми, предназначенными для подачи рабочих тактов, команд и сигналов: от барабанов и гонгов до дудок, флейт, рожков и больших морских раковин, будто специально самой природой созданных для выдувания музыкальных звуков. Мелодия и текст, конечно, играли не малое значение, но главное – ритм! Ведь и сам человек от природы подчинён ритмике и периодичности – взять хотя бы стук сердца, этих наших внутренних часов! Только ритм способен был совершить чудо и заставить группу людей, занятых коллективным тяжёлым морским трудом, работать в такт, загореться общим воодушевлением и объединить свои усилия в единую мощную энергию, а помогало в этом человеку море, его звуки.

Было время, когда на кораблях не говорили, а скорее как бы пели. «Земля на горизонте!» - выпевал стоящий на клотике вперёдсмотрящий матрос. Очередную вахту поднимали не как-нибудь, а со специальной, для этого ритуала предназначенной песней, и процедура эта так и называлась – «распевом»: «Во славу Господню, семь миновало, минует и восемь. Аминь!» На менее музыкальных судах о каком-либо знаменательном событии оповещалось просто свистом боцманской дудки или ударами в судовой колокол-рынду.

Ну, а самый главный звук моря, наверное, его рокот, тот шум, который оно издаёт подобно ветру. Слушайте, слушайте музыку морских сфер! Вечно прекрасная мелодия звучит в ритме катящихся волн, из-за горизонта, словно

по волшебству, показывается оранжевый рассвет, нежным отсветом загораются облака, и сердце ваше трепещет и переворачивается как морская птица...

Моря, как и ветра, можно и не видеть, но можно вслушиваться в его рокошующую, никогда не затихающую жизнь, угадывать перекатываемые им мысли и желания, думать о нём, и у него же учиться. Для тех, кто любит море, слушать его звуки – счастье!

С детства меня манила вода. Постепенно рождающееся желание – стать подводным пловцом, укрепилось не сразу, но когда оно завоевало сознание полностью, я уже не мог противиться ему, вернее, предпочесть другому.

Вода открыла мне моё прошлое, подсказала прелесть молодости, пробудила зов и дух предков. Я почувствовал себя неотделимым от неё. Вода отдавалась в душе девственным отношением к жизни. Бесшумно подкатываясь к сердцу, волны её ненавязчиво тревожили его, наполняя сладкой и необъяснимой болью. И хотя через несколько лет я понял, что по-настоящему меня занимает только земля и люди, я не переставал болеть бескрайним синим пространством, таящим в своих глубинах, казалось, непревзойдённые возможности.

Ни от какого другого труда я так не уставал и не получал столько удовлетворения, как от этого. Я любил действие, когда имеешь возможность тут же наблюдать за его результатами, с хорошим здоровым напряжением, стоящим мужчин, смелым азартом, расчётливым и чуть безголовым мальчишеским риском, и труд под водой был именно таким. Здесь не могло быть предательства, и ты не ждал удара из-за спины – хитроватого, пакостливого, безжалостного. Здесь собирались люди, на которых можно было всегда положиться. В жизни они отнюдь не были святыми, но в море их присутствие было незаменимо.

Происходило всё это в такой чистоте воды и красок, выпестованных солнцем, что сердце не могло не ликовать от ощущения переживаемой полноты, но состояние это было не вечным, и приходилось с ним расставаться, порой надолго. И ты ожидал со скрытым нетерпением того дня, когда, поднявшись из-под воды, можно будет усталым и счастливым взглядом посмотреть на синие сопки, утопающие в белёсой жаркой дымке вдалеке, и со вкусом, молча, выкурить папиросу, забыв при этом, что давно бросил курить.

А начиналось всё с пронизывающего весеннего ветра, который долго сушил бока кунгасов, прежде чем мы начинали конопатить и смолить их. Выцветшими скелетами неведомых морских животных лежали они на берегу, не надеясь уже выйти в море. Мы дарили им вторую жизнь, а поскольку попадались нам по большей части старенькие судёнышки, то получали они, быть может, и третью, и десятую жизнь. Нам же доставляло

удовольствие работать с ними, не замечая, как приходит вечер. Такая работа, когда нет спешки, всегда очень приятна.

Настырный южняк всегда нёс с собой неведомые тревожащие запахи, совсем неземные, и душа неминуемо начинала томиться морем. Когда к ним примешивался запах отлива, обсыхающего морского дна, она и вовсе теряла то спокойное и мудрое состояние, что рождает жизнь у моря в самых отдалённых краях.

Потом, после нескольких выходов в море, мы забудем, как с утра до вечера работали на суше, как болели по ночам сбитые киянками руки и горели обветренные лица. Проплывая ежедневно мимо покатых зелёных берегов, песчаных береговых обрывов, минуя торчащие из воды нерпичьи головы, с любопытством встречающие и провожающие стук мотора, мы будем наслаждаться увиденными картинами, начисто забыв при этом, как неустанно и надёжно трудятся не замечаемые теперь нами кунгасы. Напрягая под тяжестью груза и волн свои крутые бока, обдирая о каменистые мели и без того израненные днища, эти незаменимые судёнышки безответно помогут нам успокоить свои смятения, наполнив свежим воздухом душу и сердце.

Правда, что случалось очень редко, каждый из нас обнаруживал для себя существование кунгаса с очень неожиданной стороны – из-под воды. Обычно ныряльщик, с удивлённой отрешённостью находясь на дне, не поднимает голову и очень редко смотрит вверх. Только натолкнувшись на замершую под водой тень от широкого судового днища, ты замечаешь нависшую над головой громаду, и приятное ощущение от лёгкости проникновения в недоступную для многих среду тотчас охватывает тебя. Веселит то, что эта неощутимая тяжесть никогда не накроет тебя, а в переживаемое состояние свободы вливается ещё и твоё исполненное желание – возможность парить без конца и без края в своей лучезарной мечте...

Это было, пожалуй, одно из главных достоинств, которые дарил нам подводный мир. Свобода, какой бы независимой, относительно чего-либо, она не представлялась, продолжалась и жила во всех мелочах, составляющих тогда наше существование. Мелочей было много, но не все из них замечались... Например, роскошно распускающиеся, крупные цветы шиповника, в достатке окружающего наш дом у самой воды, казались никому не нужными, но безотчётно притягивали, когда ласкающий тёплый морской ветерок разносил по воздуху нежный аромат дикой розы...

Прямо перед домом плещет и блистает на солнце синее море, а чуть отступя от него, тянется по песчаным буграм широкая лента цветущего большими карминовыми бутонами шиповника. Это – морщинистый шиповник с морщинистыми листьями, который украшает дюны морских берегов Сахалина и Курил. Его цветы гораздо крупнее, чем у шиповника центральной полосы европейской части России, а окраска темнее и ярче.

Из-за морского песка, который быстро продвигается вглубь суши, гибнут трава, кусты и деревья, прямо на глазах чахнут, вроде бы, выносливые

лиственницы, и только шиповник не боится этого песчаного нашествия, даже предпочитая песок другим почвам. Он смело селится прямо на песчаных дюнах, цепко внедряется в них своими корнями и будто стремится удержать песок от перемещения, останавливая и предохраняя от него берег, даже когда его пытается развеять ветер. Как это мудро для соседства с морем, и в тоже время необычно, красиво!

Причём, цветёт шиповник всегда обильно и, разросшийся по берегу моря, напоминает роскошные садовые клумбы: на Сахалине и Курилах они воспринимаются, как нечто неправдоподобное, но именно эта сбивающая с толку диковинка создаёт суть удивительного края. Местами шиповник образует сплошные цветочные массивы, простирающиеся на несколько километров. Плоды шиповника тоже необычны, как необычно на Сахалине и Курилах каждое растение или их сообщество: местные жители называют их сахалинскими и курильскими яблоками...

Они достигают в диаметре целых пяти сантиметров! Мякоть плодов мясистая, ароматная и нежная, а запах – необыкновенно дурманящий. Высушенный на печном жару шиповник не теряет витамины, и вместе с лимонником и диким виноградом даёт целый набор для ароматного и живительного сахалинского компота.

Густые июльские туманы, чуть ли ни ежедневно наползающие на берег, не в силах были прибить цветы, а только оставляли на матовых лепестках шиповника обильную влагу. Под кустами, в траве, валялись добытые накануне, растворённые раковины. Возле самого дома, на деревянных вешалах, сушились волнообразные листья морской капусты. Капуста с резким йодистым запахом, цветы шиповника и останки мягкотелых морских моллюсков источали приторно цепкий морской дух и по утрам приятно кружили голову, так что иногда начинало чуть-чуть подташнивать.

Никто из нас не придавал подобным ощущениям какого-либо значения, однако это невероятно приятным образом сказывалось во время работы под водой, или когда мы только начинали готовиться к спускам. Сам настрой всей добычи морской капусты или ежа, размеренная обстановка подготовки к ней, способствовал этому.

Ранние пробуждения полезны для человека любого возраста. Самые благотворные, они удлиняют жизнь, поддерживают и развивают в человеке силы, сбивают всё ненужное, мешающее истинному восприятию. Утром твоё сердце широко распахнуто устремляющейся тебе навстречу необъятной энергии моря...

Ещё до конца не проснувшись, мы все уже были озадачены заботами родившегося дня, вынуждены были собирать свои просохшие за ночь неопреновые костюмы, ласты, маски, трубки, свинцовые пояса. Хорошо, если ты не поленился и с вечера залатал прохудившиеся от подводной работы перчатки, урегулировал грузовой пояс, запасся пусть не совсем свежим, но сухим бельём. Свой главный подводный инструмент – акваланг, от которого

зависело не только выполнение суточного задания, но и твоя жизнь, ты должен был осмотреть и привести в необходимый рабочий режим ещё накануне.

Дурманящий запах цветов шиповника и моря кружил нам головы, когда мы перетаскивали акваланги по прогибающемуся пирсу. Каждый брал по два аппарата и, размеренно вдыхая густой морской воздух, осторожно ступал с ними по постанывающим доскам, непроизвольно прокручивая в своём воображении подводные картинку, уже виденные когда-то, но перепутавшиеся между собой.

Душа в предвкушении подводного, окончательно взбадривающего после сна холода съёживалась, сердце замирало в приятной истоме от ожидания того, что могло произойти под водой... Любое мало-мальски значительное действие было преисполнено только предстоящими погружениями. Всё сопутствовало им, даже исходящая от людей лёгкая раздражительность, приподнятость настроения.

Гремят по пирсу болотные сапоги, слышатся всё более раскрепощённые шутки, первые солнечные лучи ласкают наши лица и руки. Бывает, утро выдастся пасмурным, туманным, и тогда приглушённые голоса разносятся над водой далеко, а затем теряются неведомо где. Так и человек легко может исчезнуть, когда бесцветные волны смыкаются над его головой, но это только видимое впечатление, не отвечающее его неустрашимой сути. Туман, холод и серые волны не в силах противостоять нацеленному устремлению, и когда долгожданное дно вновь возникает перед маской, ты мягко отталкиваешься от него руками, радостно переворачиваешься и паришь: это - твоя стихия!

Здесь, под водой, когда прохладная тишина поглощает всё вокруг, иной раз начинает вдруг казаться, будто мир исчез, и тут же хочется подняться на поверхность, чтобы удостовериться в обратном. Под водой как будто остаёшься с кем-то невидимым с глазу на глаз. Надо преодолеть это почти физически ощущаемое присутствие, избавиться от многочисленных оттенков мистического восторга и преклонения, не благословить предоставленную тебе возможность столкновения с этим подводным *нечто*, и в тоже время - не пугаться его напрасно.

Уже не помню, с каких пор я начал понимать эту подводную тишину... Скорее даже – какое-то мистическое наслаждение от проникновения в неизведанное. Вероятнее всего, когда практика в моей работе дошла до автоматизма, и когда я стал опускаться без внутреннего содрогания, а только с приятным волнением от совершаемого. Свободное парение под водой раскрепощает дух и тело, и только тогда ты способен увидеть и почувствовать то, что раньше было сокрыто: возможность осознанного проявления своей воли.

Свобода... Кто только, и как не пытался её выразить, убеждая себя, что именно он-то и разгадал её суть, дознался, наконец, исконной истины. Пройдёт ещё немало времени, прежде я открою для себя, что свобода –

благостное и, в общем-то, достаточно простое состояние, когда ты лишён в своей жизни какого-либо недовольства. Тебя всё устраивает, ты, действительно, свободен.

Как этого добиться? Вы от всей души желаете каждому человеку обрести себя, и искренне радуетесь, если кто-то этого достигает. Длительное, очень честное общение с морем помогло мне однажды раскрыть этот секрет, и я ему безмерно благодарен.

Какая-то необъяснимая жадность к морским богатствам охватывала всех нас. Порой она была так остра, что мы собирали под водой всё, что могло привлечь собой наше избалованное внимание. В любом кусочке коралла, обыкновенной, ничем вроде бы непримечательной раковине или морской звезде виделось главное, та самая тайна, без открытия которой, казалось, тебе никак не обойтись. В каждой удивительной мелочи, однажды увиденной под водой, хотелось захватить с собой частицу этого очаровывающего мира, ибо никакие воспоминания в дальнейшем не смогли бы выразить её лучше, чем сам красавец-краб, морская звезда или раковина с перламутровой гладкой внутренностью, в известняковых наростах, шероховатая и колкая под рукой, даже если она с годами порядком иссохла и утеряла свой цвет...

Чудо природы, однажды её создавшее, до сих пор теплится в ней неуловимым присутствием, наполняет внутренним светом, непрекращающейся музыкой гудящих волн. Веками накапливаемая в моллюске сила ещё бесконечно долго будет поддерживать в раковине невидимую жизнь, которую бережно ощущаешь, когда держишь её в руках. И, конечно, как-то само собой захочется поднести раковину к уху, осторожно приложить её и послушать... Раковина непременно отзовется на твоё внимание отдалённым вселенским гулом неведомого прошлого, временем, когда на земле ещё никого не было.

Если рассмотреть под микроскопом или сильной лупой поперечный срез раковины, то можно увидеть, что она состоит из трёх слоёв. Верхний, образованный роговидным органическим веществом, называется конхиолиновым. У многих раковин он довольно легко стирается, и тогда из-под него выступает второй – так называемый «фарфоровый» слой, состоящий из сравнительно крупных кристаллов извести. Наконец, у раковин многих моллюсков имеется ещё третий – внутренний слой, образованный тончайшими известковыми пластинками. Благодаря неравномерному отражению света от пластинок – этот слой приобретает своеобразный радужный блеск, за что и получил название перламутра. Чем многочисленнее и тоньше эти пластинки, тем красивее и ярче перламутр. Но только ли красота и загадка прельщает в раковинах?

Давно известно, что наиболее древней формой воздействия человека на водные организмы является не аквакультура, и даже не рыболовство, а

собираательство. В начале палеолита собираательство было основным занятием древних людей, живших на побережье. Рыболовство же возникло позднее, когда появились первые примитивные орудия добычи.

Собирали, как правило, раковины различных моллюсков, используя в качестве скребков, ножей, сосудов для хранения жидкостей, из раковин делались украшения и предметы быта, музыкальные инструменты и детали одежды; находили они применение и в качестве ... денег.

Почти плоские полупрозрачные раковины плакуны, достигающие в диаметре 15 см, издавна использовались народами Дальнего Востока для замены оконных стёкол. Жители Приморья хорошо знают крупного съедобного моллюска – гребешка. Характерный облик раковины этих моллюсков издавна использовался в разнообразных художественных и архитектурных орнаментах. Но далеко не все знают, что раковины гребешков в средневековой Европе являлись эмблемой рыцарской доблести. Возвращаясь из Палестины, рыцари-крестоносцы привозили диковинные по тем временам заморские «раковины Св. Якова» как доказательство своего участия в войнах с «неверными», а их потомки гордо носили раковины гребешков, пришитые к плащам, как знак принадлежности к роду «освободителей Гроба Господня».

Очень широкое применение имели гигантские раковины тридакн – крупнейших из двустворчатых моллюсков. Жители некоторых коралловых атоллов, не знавшие до появления европейцев не только металла, но и обыкновенного камня, выделывали из раковин тридакн, достигающих 1,5 м длины и 200 кг массы, разнообразные топоры, тёсла, рыболовные крючки; использовались раковины также в качестве сосудов и ванн. В парижском соборе Св. Сульпиция хранятся две кропильницы из раковин тридакн, подаренные королю Франциску 1 Венецианской республикой.

Нашли применение раковины и в качестве музыкальных инструментов. Придворная знать времён Екатерины 2, прогуливаясь по дорожкам Петергофа, услаждала свой слух «устрицевыми звуками», которые, резонируя при ветре, производили заморские раковины, укрепленные на подставках. Гигантские раковины тритонов получили своё название по имени древнегреческого бога-получеловека, полурыбы. Бог этот почитался как усмиритель морской стихии; поднимаясь в бурю на поверхность, Тритон звуками раковины-трубы успокаивал волнующийся океан. И поныне жители некоторых островов применяют полуметровые раковины тритонов в качестве труб, предварительно высверлив небольшие отверстия в суженной части завитка. Такой инструмент звучит подобно горну.

Но, пожалуй, шире всего используются раковины в качестве украшений в ювелирном деле. В Японии издавна существует довольно крупный промысел «морского ушка», или – «галиотиса». В России, кстати, он в обилии встречается у берегов острова Монерон.

Галиотисы, раковины которых снабжены несколькими дыхательными отверстиями, добываются не только ради вкусного мяса, но и для получения

ценного перламутра красных или зеленоватых тонов. Искусство инкрустации перламутром вообще очень широко распространено среди жителей морских побережий, да и не только среди них. Кому не знакомы китайские и японские статуэтки, шкатулки, броши, мебель и ширмы, украшенные радужными кусочками перламутра?

В Индийском и Тихом океанах распространены трохусы с закрученной, как волчок, конусообразной раковиной, дающей прекрасный перламутр, который ранее, до наступления «века синтетики», широко использовался для изготовления пуговиц. А вот раковины благородной пинны – крупнейшего из средиземноморских двустворчатых моллюсков, достигающего тридцати сантиметров, ценны так называемым биссусом – тонкими блестящими и шелковистыми волокнами, которыми пинна прикрепляется к различным подводным предметам. Этот биссус идёт на выработку драгоценной ткани – вискона и кружев.

У многих любителей раковин имеются похожие по форме на крупные кофейные зёрна с зубчиками на внутренней стороне бороздки ципрей. Эти гладкие, как бы отполированные «раковины Венеры» - так называли ципрей в средневековой Европе, считались талисманом от бесплодия и различных болезней. Ими расшивалась одежда и украшалась сбруя лошадей, а китайские ювелиры использовали ципрей для развития чувствительности пальцев, часами поглаживая поверхность раковин.

Но далеко не все владельцы ципрей знают, что в их распоряжении находится своеобразная валюта, пожалуй, самая древняя в истории человечества. Раковины ципрей, получившие в своём «валютном» варианте название каури, стали употребляться в качестве денег ещё более 1500 лет до нашей эры – сначала в Японии и Китае, откуда они проникли в Индию, Индокитай и постепенно распространились до Северной Европы.

Однако наибольшее распространение эта валюта получила много западнее от места вылова раковин – в странах Африканского континента. Дело в том, что до появления европейцев народы Африки не имели какой-либо определённой денежной системы. Блестящие ракушки пришлись по вкусу африканцам: они были прочны, удобны в обращении, кроме того, их невозможно подделать.

Первые партии каури были завезены в Африку ещё в конце 15 века. Купцы имели огромные барыши, сбывая почти ничего не стоящие ракушки в обмен на слоновую кость, золотой песок и другие драгоценные товары.

Особенно способствовало распространению этих денег развитие работорговли. Экспорт каури приобрёл в тот период необычайный размах: в архивах Лондонской купеческой гильдии сохранилась запись о том, что в одном только 1849 году англичане ввезли в Африку более 300 тонн каури, а всего за столетие на этот материк, главным образом на Гвинейский берег, было доставлено 115000 тонн ракушек. Последствия «ракушечной лихорадки» не замедлили сказаться: произошла подлинная девальвация этой валюты. Если в 1624 году, как пишет в своей книге «Промысловое

использование моллюсков» А. В. Иванов, покупка невольника обходилась всего в 2-3 пригоршни раковин, то столетие спустя цена возросла до 80 тысяч штук, а ещё позднее для приобретения такого «товара» требовалось уже около 25 кг каури. Обнаружение у берегов Занзибара крупных скоплений местных ципрей окончательно подорвало эту валютную систему. В наши дни, обесцененные каури используются некоторыми африканскими племенами лишь как украшения для парадной одежды.

В древние времена люди собирали раковины моллюсков исключительно в практических целях, в основном – употребляя в пищу, но в наше время собиранием даров моря стали увлекаться ещё и из чисто эстетических побуждений. Мечта многих коллекционеров – стать обладателем крайне редкой разновидности раковины конуса, известной под названием «Слава морей». Поверхность её украшает сложный, как бы вытканый из крохотных треугольников узор. «Слава морей», стоимость которой достигает несколько тысяч долларов, имеют в своих собраниях лишь десятки коллекционеров. Однако самыми редкими считаются раковины белозубой ципреи. Лет тридцать назад их было известно всего два экземпляра: один хранился в Британском музее, а второй – в Гарвардском университете.

Правда, труд профессиональных сборщиков раковин, как и любителей, при всей его кажущейся простоте и некоторой романтичности, тяжёл и опасен. В тропиках тела ловцов режут острые ветви кораллов и подстерегают морские хищники. В период массового промысла моллюска трохуса, раковины которого шли на производство пуговиц и украшения, ловцы раковин были самыми частыми жертвами акул. Особенно опасно работать в тех морях, где много брюхоногих моллюсков конусов, раковины которых отличаются красотой и разнообразием узоров. Многие разновидности этих моллюсков ядовиты: особым хоботком конус может нанести человеку, неосторожно наступившему на него или взявшему моллюска в руки, крохотную ранку, в которую выпускает содержимое ядовитой железы. В памятке для сборщиков моллюсков на Новой Каледонии имеется характерное предупреждение: «Собирая конусы, помните: вы шагаете по минному полю!»

Богатые возможности для создания коллекций имеются и на нашем Дальнем Востоке. Так, только вдоль побережья Японского моря обитает не менее 250 видов брюхоногих и двустворчатых моллюсков. Много раковин их встречается в береговых выбросах и на мелководье.

Здесь можно найти пурпурные или оранжевые изнутри раковины рапаны – грозы устричных банок. Незабываемо красивы, чуть ли не со столовую тарелку, кремовые створки приморского гребешка. Чуть меньший по размерам, веерообразный гребешок Свифта сразу притягивает взор своими розовато-лиловыми и фиолетовыми переливчатыми тонами. Массивные слоистые раковины гигантской и японской устриц – словно воздушные нагромождения морской пены. Гирлянды голубых мидий – это поистине неподражаемые дары моря, которые оно великодушно оставляет у

своих берегов целыми гроздьями. Круто завитые временем, белоснежные букциниды, кажется, вот-вот разразятся трубным глубинным зовом. Изящные туринделлы, наоборот, вытянуты в тонкие трубочки-пирамидки, напоминающие головные уборы сказочных гномов. Пузатенькие, словно ларцы-кубышки мактры – скрытны и вроде как заключают в себе какую-то непредсказуемую находку, так что раковинку не сразу и откроешь, даже уже высохшую, пустую...

Всегда хочется непременно завладеть такой красотой и как можно дольше сохранять её... Но как это сделать?

Для сохранения биологических сборов применяются в основном два вида фиксаторов – разбавленный формалин и спирт. Не всех животных можно хранить в формалине: он растворяет скелетные образования, содержащие кальций, например, тонкие раковины. Точно так же и спирт не всегда пригоден, он обесцвечивает водоросли и животных, ткани в нём сильно сжимаются. Иногда, если предполагается особенно тщательное исследование собранных организмов, пользуются специальными жидкостями, содержащими сулему, пикриновую кислоту, четырёхокись осмия и другие сильные яды, которые моментально убивают ткани и сохраняют их без последующих изменений.

Чтобы материал остался в хорошем состоянии, сохранив и форму и цвет, мы придумали свой метод, который оправдывал себя полностью, и был прост и надёжен. Конечно, знание его пришло не сразу, и было испорчено множество прекрасных экземпляров морских звёзд, рыб и крабов, восстановить которые уже не представлялось возможным. Но пробуя и с огромным сожалением теряя дары моря, мы всё-таки однажды открыли единственно верный способ, а суть его в следующем...

Только что поднятые из-под воды экспонаты нужно тотчас поместить в пресную воду, ещё перед выходом в море залитую в широкие ванночки из нержавеющей стали. Объёмными они должны быть для того, чтобы в них вместились как можно больше морских даров, и они друг другу не мешали, то есть – не могли бы себя повредить. А широкими ванночки используются для устойчивости, когда помещаются на дне бота или кунгаса.

Пресная вода не позволяет морским организмам сжиматься, морщиниться, и быстро их усыпляет. Выдержанные таким образом не менее трёх-четырёх часов, звёзды, хитоны, асцидии и даже рыбы, не получив никаких повреждений, осторожно раскладываются и крепятся на дощечках, либо подвешиваются на нитках, после чего незамедлительно переносятся в калориферную, где обычно хранятся и сушатся подводные костюмы.

Жаркий, сухой воздух калориферной довольно быстро и равномерно высушивает все экспонаты, не нанося им никакого ущерба: образцы морской фауны не теряют своей формы, то есть – «не сдуваются», как это происходит, когда их просто оставляешь сушиться на открытом воздухе, насыщенном морской влагой. Они совершенно не блёкнут, сохраняя все, присущие им, цветовые оттенки. После нескольких дней содержания в

калориферной, красивая морская звезда остаётся точно такой, какой вы подняли её на поверхность, только сухой, почти воздушной. Причём, сохраняет и форму и цвет на долгие годы.

Дары моря, особенно раковины, необыкновенным образом притягивают к себе людей, словно обещая открытие им вековой тайны бескрайнего водного пространства, и люди неотступно тянутся к морским богатствам, собирают их и бережно хранят. Один учитель из японского города Фукума, например, коллекционирует вообще любые предметы, выброшенные морем на берег. За 15 лет он собрал около 6000 морских «сувениров», среди которых – различные тропические плоды, сельскохозяйственные орудия, рыболовные принадлежности, бутылки, банки, детали потерпевших крушение судов и даже ... купальные костюмы, словом, всё, что используют люди. Меня же интересовали только камни, раковины и морские звёзды...

Как роскошно было разнообразие подводных сокровищ, многие из которых забрать с собой просто не представлялось возможным, поскольку неповторимая прелесть их исчезала вне водного пространства. Пурпур бархатистых актиний, напоминающих небольшие древние сосуды, чудом сохранившиеся благодаря морю, на какое-то время просто очаровывал. Страшно было притронуться к их пронизанным неведомым жаром бокам. Каким образом в этой сумеречной прохладе мог сохраниться такой живой и пронзительный свет?! А белый как снег коралл, например, найденный на глубине, вплетается в морскую синеву ещё органичнее, чем белые буруны и белоснежные чайки над ними.

Сдержанно сияют в глубине амурские звёзды, отдалённо напоминая печные изразцы... Их незатейливый глазуревый рисунок изящен и в то же время прост. Звезда кажется непритязательной, мирной, вопреки своей природе, встречается очень часто, и потому подплываешь только к самым крупным. Дно сплошь усеяно нежно-сиреневыми цветками-звёздами, но глаза не устают любоваться ими: они неотъемлемая часть этого загадочного мира. Когда солнечные лучи нежно дотрагиваются их сиреневых волшебных боков – на какое-то время застываешь над ними, не в силах продолжить свой подводный полёт дальше.

Эвастерии сетчатые всегда крупны и округлы, словно надуты изнутри какой-то переполняющей их неведомой силой, но не заносчивы, покойны... Плавно возникая из окружающей синевы, они неторопливо притягивают к себе, словно убаюкивают. Почему-то не возникает желания сразу брать их в руки, а только плавно кружиться над ними, внимательно рассматривая и изредка прикасаясь. Скорее даже мысленно...

Эти звёзды – неисправимые молчуны, если можно так выразиться о морском безмолвном моллюске, но они на самом деле как-то замкнуты и тихи, и вроде бы не желают никому вреда. При подъёме на поверхность -

эвастерии сразу обмякают, проникнутые, наверно, печалью расставания с родной средой, но не расплываются в руках, а остаются упругими, гордо фиолетовыми, с набухшими от переживания кораллово-карминовыми прожилками. К ним, почему-то, в первую очередь проникаешься симпатией.

Из множества покрывающих морское дно звёзд чаще всего попадают ромбовидные и пятиугольные патирии... Патирии располагаются целыми колониями, похожи на маленькие морские подушечки, и своим видом словно приглашают к себе на отдых. Окрашенные в густой синий цвет, с разбросанными по телу узорами из алых и оранжевых пятен, звёзды, в самом деле, действуют успокаивающе. Только почему-то при одинаковом пятилучевом строении мне ни разу не встретились две похожие друг на друга звезды: все патирии различались своей формой, а значит – и характером. Среди них можно было увидеть озорных, замкнутых в себе, беззаботных и недалёких, напыщенных и важных. В самом же названии звёзд чудились древнеримские надменные патриции, их цвета морской волны и цвета крови плащи, и ещё что-то недостижимое и величественное.

Краб тельмессус, окрашенный в красивый золотистый цвет и покрытый короткими мохнатыми волосками, несмотря на свой обильный покров, кажется оголённым. Такое впечатление создаёт именно его телесный окрас. Но между тем тельмессус очень цепкий краб, быстро реагирующий на малейшие перемены. Стоит протянуть к этому неповоротливому на вид подводному пауку руку, как он мгновенно преобразуется. Словно привстав на цыпочки и ощерившись, он прытко бросается в сторону, прижимается задом к какому-нибудь камню и угрожающе раскрывает свои клешни, попеременно поводя ими перед собой. Демонстрируя, таким образом, свою неприступность, краб не допускает ни единой для себя возможности ретироваться.

Осуществляет он этот манёвр мгновенно, свободно передвигаясь и разворачиваясь на своих заострённых конечностях, как на хорошо смазанных шарнирах. Со стороны все эти перемещения схожи с непрерывно раскручивающейся и завораживающей внимание кинолентой: вы не теряете краба из поля зрения, но он, тем не менее, остаётся недостижимым. Что-то, действительно, околдовывает в этой безрезультатной погоне. Наконец, вы оставляете краба в покое, а он ещё какое-то время продолжает свой кособокий бег в прохладных сумерках, пока не остаётся совсем один...

Если ничем не докучать морским обитателям, то благодаря невесомому нахождению под водой можно было беспрепятственно наблюдать за их жизнью. На мелководье часто попадались брюхоногие моллюски, прячущиеся в спирально закрученных раковинах разной формы. Тут же по камням ползали вечно озабоченные чем-то раки-отшельники. Когда какой-нибудь моллюск погибал, раковину его тотчас занимал рак-отшельник и, взвалив её ловко на себя, исчезал в первой попавшейся в камнях расщелине.

Большую часть жизни рак предпочитает находиться в своём домике и оставляет его только в случае замены на другой, более приглянувшийся.

Когда это происходит, рак оказывается уязвим, и потому он старается побыстрее поменять убежище. Трудно сказать, что заставляет рака менять свой домик. Порой, наблюдая за тем, как рак с трудом передвигает своё пристанище, почему-то становится жаль отшельника. Непроизвольно складывается впечатление, будто однажды провинившийся в чём-то рак был обречён на отшельничество. При этом он обрёл непоседливость, выражающуюся в частой смене своего обиталища.

Рак именно вынужден влачить существование, всеми правдами и неправдами оберегая нежную часть своего тельца. Только во имя сохранения этой ахиллесовой пяты рак наделён крепким наспинным панцирем, мощными клешнями и двумя парами цепких ног, с помощью которых он способен волочить за собой раковину, порой в два-три раза превышающую его по размерам. Раку-отшельнику в его подводной жизни приходится очень не просто.

При наблюдении во время погружений за осьминогами поражала в первую очередь их экзотическая внешность в отличие от других подводных обитателей. Рядом с маленькими серебристыми рыбками, устрицами, многочисленными морскими звёздами, любопытными нерпами – существовало и такое неповторимое, казалось бы, совсем не похожее на подводного жителя животное с множеством щупалец и очень выразительными глазами.

Ещё с раннего детства, при рассматривании иллюстраций к любимому Жюль Верну, запомнился ужасающих размеров спрут, обхвативший щупальцами рубку судна, с холодным глубинным взглядом выпученных глаз, в неосознанности своего случайного пребывания вне привычной среды способный в мгновение расправиться с любым возникшим препятствием. И вот увлекала именно эта невообразимая мощь и невероятность существования такого морского чудовища, против воли поднятого из жутких неведомых глубин, которые, по своей тайне, представлялись ещё более невероятными, чем это таинственное животное. Их темнота никак не поддавалась воображению...

Запечатлённый с детства в сознании образ могущественного спрута сохранился, но не вязался с увиденным воочию. Восемь больших щупалец, снабжённых присосками, морщинистое студенистое тело, остановившийся неживой взгляд – всё это присутствовало в осьминоге на самом деле, и в то же время - в нём не было устрашающей необъяснимости. Осьминог был понятен, его можно было потрогать, слегка потянуть за щупальцу, испытать на себе силу её многочисленных присосок, просто поиграть с ним.

Правда, не всегда осьминог поддерживал такое отношение. Скорее всего, он не испытывал подобного желания вовсе и допускал какие-либо вольности, лишь находясь в благодушном настроении, после того, как ему удавалось хорошо пообедать. Но и в этом случае нельзя было оставаться слишком назойливым, можно было, лишь слегка подзадоривая животное, понаблюдать за ним подольше с самого короткого расстояния.

Чаще всего осьминог забирался в какой-нибудь каменный грот или расщелину и, выставив кончики щупалец, недовольно шевелил ими, вздымая со дна туманные песочные облачка. Если поблизости от его убежища находились мелкие камни, осьминог прихватывал их, ловко подволакивая к входу, и тогда я убеждался, как точно устроено его восприятие, сложность ответных реакций и поведения. Не было никакой возможности извлечь осьминога из его укрытия, и требовалось приложить немало усилий, чтобы расшевелить безобидное животное. В этом случае требовалась недюжинная смекалка...

Мясо осьминога очень необычно на вкус, и к нему непременно нужно привыкнуть. По моему мнению, оно отдалённо напоминает сочную нежность телятины, не имеющей, конечно, присущего осьминогу своеобразного привкуса, не похожего ни на какие другие. Не составляло большого труда отыскать осьминогов, поскольку все они придерживались более или менее определённой территории, и мы, работая в одном и том же районе, заранее знали, где их встретим. Даже в мутноватой зелёной воде, когда и камни, и песок тоже казались зелёными, можно было разглядеть распластавшихся на дне осьминогов, если не торопиться и быть внимательнее.

Как только твои руки дотрагивались до осьминога, тело его вздымалось тугими буграми, из бледно-розового - он перекрашивался в интенсивный багровый цвет, и щупальца начинали сердито извиваться, стараясь за что-нибудь ухватиться. Как правило, таким предметом оказывалась маска или трубка лёгочного автомата, что, само по себе, было небезопасным. Только оторванный от камней и поднятый на поверхность, осьминог выглядел совершенно безвольным, вялым.

Когда осьминога извлекали из морской среды - почему-то всегда не покидало ощущение, что именно его не следует лишать своего дома. Что-то живое, трепетное и тайное было заключено в нём, словно осьминог сам не понимал, в силу чего он оказался пленником этой зелёной тишины, достойный, несомненно, на иное, неведомое, и более достойное его существование. Однажды мне даже показалось, что осьминог чувствует и понимает всё не хуже человека, но по какой-то неведомой ошибке природы вынужден в одиночестве переживать своё никому не нужное знание.

Но, может быть, природа вовсе не ошиблась, а только собрала в мире тишины всех тех, кто не смог быть удостоен лучшей участи на земле. Природа благоволила к нашим меньшим братьям, уготовив им более достойную долю. Там, в морской глубине, вместе с китами, тюленями и дельфинами, осьминоги должны были обрести для себя желанный покой.

Предметом особой охоты для многих из нас служили длинноиглые морские ежи - нудусы... В отличие от обыкновенных и часто встречающихся интермедиусов, обладающих короткими иголками, длинноиглые попадались каждому пловцу не более одного-двух раз в день, да и то не всегда. Может быть, именно по причине приковывающей к себе экзотичности этих ежей,

море старательно оберегало их от чужих глаз, наделив длинными и очень острыми иглами?!

Длинноиглые ежи начинали попадаться с глубины не менее десяти-двенадцати метров. На склонах буровато-серых и чёрных каменных глыб они замирали ошестившимися чёрными шарами, как будто лоя своими иглами слабо пробивающийся сквозь толщу воды рассеянный, солнечный свет. Осторожно прихватив с собой ежа и приподняв его на ладонке у самой поверхности, можно было увидеть, как вспыхивают на концах игл красные искорки, а сам он, неожиданно, наливается изнутри нежным рубиновым соком.

Наверху ежи ещё какое-то время излучали свой тихий чарующий свет, но затем потухали. Становясь замкнутыми, бесцветными, они всё же оставались по-боевому ощеренными, готовыми в любой момент ожить. В глубине себя ежи словно не переставали надеяться: их час ещё придёт, и изящные иглы вновь наполнятся радостным светом, каким всегда наделены драгоценные слезинки моря – жемчужины.

В дальневосточных морях многие мидии, гребешки и мактры содержат жемчужины, но жемчуг этот мелкий, тёмный и некрасивый, не представляющий какой-либо ценности. Встречается жемчуг и в тонкостенных перловицах, в меньшей мере – в беззубках, что больше используют на Дальнем Востоке в качестве перламутрового сырья. И всё-таки, несмотря на дешевизну нашего жемчуга, приятно увидеть в раковине переливающееся жемчужное зерно, уловить его приглушённый, ни на что не похожий блеск, устремиться к нему и овладеть.

Радостно само пребывание в толще чудесной морской воды, и надо же – в ней повсюду находятся совершенно непередаваемые явления, о которых ты, конечно, раньше подозревал, но и не думал, что они такие удивительные. А главное, все эти богатства моря так просты и доступны, что даже не верится.

Живые ракушки имеют плотно сжатые створки, и чтобы извлечь жемчужину из раковины – нужно либо разбить створки, либо перерезать тонким ножом мускул-замыкатель. А иногда, после извлечения из воды, ракушка сама открывает створки, в результате чего заключённая между створками жидкость вытекает, и это ускоряет гибель моллюска. По мере того как моллюск в отсутствии воды ослабевает, мускул-замыкатель теряет способность стягивать створки, они под воздействием эластичного тела, расположенного в замке раковины, раскрываются и свету предстаёт матовая жемчужина...

Жемчуг – одно из самых драгоценных сокровищ, даруемых морем человеку. «Застывшие слёзы нимф» - так называют моряки жемчуг, но как образуется в раковинах это неподражаемое совершенство природы?

Всё самое лучшее и прекрасное в жизни обычно просто: стоит какой-нибудь песчинке угодить в раскрытую раковину – и через три-четыре года появляется на свет очаровательное чудо природы – жемчужина. Какое это

прекрасное, нежное слово: загадочное и простое, возбуждающее в душе самые необыкновенные чувства! Драгоценность моря, его волшебный продукт, вынуждающий людей в волнении и радостно восклицать восхищённые слова... И всё это – из воды!

Неправильно было бы думать, что жемчуг состоит из какого-то особого вещества. Как показывает химический анализ, жемчуг – это всего лишь шаровидное отложение перламутра, состоящее из углекислого кальция, которое возникает внутри мягких тканей моллюска под влиянием попавшего туда раздражителя. Но совершенно неповторимо жемчуг распространяет вокруг своё зачаровывающее свечение...

Как только песчинка оказывается в утробе раковины, попадая между створками моллюска, мантия её выделяет вокруг постороннего тела слой перламутра, идентичный тому, который покрывает внутреннюю поверхность её створок. Так рождается жемчужина. С этого момента, в зависимости от реакции мантии на присутствие постороннего тела, жемчужина начнёт расти или будет выброшена во внешнюю среду, как мешающий моллюску паразитический организм.

Искусственно выращиваемые жемчужины ничем не отличаются от настоящих, только происходит весь процесс уже не случайно, а при вмешательстве человека. Небольшой перламутровый шарик обволакивают кусочком мантии, взятой из раковины-производителя, а затем вводят в тело такого же здорового моллюска. Когда введённый кусочек прирастает – прививка завершается. С этого момента первичный перламутровый шарик обрастает новыми слоями, и по истечении нескольких лет образуется прекрасная чистая жемчужина.

Жемчуг, жемчужина... Откуда, вообще, появилось такое удивительное слово? Слово, заключающее в себе силу и нежность, обаяние и завершённость, магию ещё непознанной жизни, способной легко вынудить человека удивиться этому миру и задуматься о своём месте в нём. Сколько бы сил и средств понадобилось для этого у несовершенных людей, тогда как совершенная жемчужина в мгновение всех очаровала и отчего-то побудила стать лучше?

Что такое жемчуг, эти самородные красивые шарики, образующиеся в раковинах и отчего-то становящиеся для людей драгоценными? Происхождение слова следует искать в древности, когда море воспринимали как землю, также приносящее свои плоды в виде красивых зёрен-горошин. По-видимому, слово «жемчуг» изначально и произошло от «земли», и именовалось прежде как «зем-чуг», а по истечении времени, незаметно, поменялось на «жем-чуг», как нечто дорогое и диковинное, пришедшее из заморских земель.

Какие раковины обычно образуют жемчуг? Практически на это способны все моллюски, раковины которых имеют перламутровый слой. Жемчужины встречаются даже ... в консервах из мидий. Однако львиная

доля мирового промысла жемчуга приходится на морских жемчужниц птерий и пинктад, обитающих в тропиках.

Большое количество неплохого жемчуга дают морские трохусы и пресноводные жемчужницы, чей жемчуг чаще называют бисер. Нужно сказать, что жемчуг можно найти и в моллюсках, раковины которых лишены перламутра. В витринах некоторых ювелирных магазинов на Западе выставлены огромные – почти с детскую голову «фарфоровые» жемчужины, что находились в гигантских двустворчатых моллюсках – тридакнах. Стоимость такого жемчуга, понятно, невелика, но он поражает воображение своими размерами и необычностью форм.

Взять, хотя бы, небезызвестную «голову Аллаха», самую крупную жемчужину из всех добытых в море. Не так давно она была представлена в одном из ювелирных магазинов в Нью-Йорке. Морщинистая, дольчатая, напоминающая голову мусульманина в чалме, эта жемчужина весом 6350 граммов, длиной 23 сантиметра и поперечником 14 сантиметров была добыта из гигантских волнисто-ребристых створок тридакны в Тихом океане у Филиппинских островов. Среди суеверных жителей Филиппинских островов огромная жемчужина считалась волшебной, так как при её добыче погиб сын одного из туземных вождей. Его нашли мёртвым на глубине нескольких метров с рукой, зажатой между створками тридакны. Сына вождя и тридакну вытащили на берег. При помощи ломов и кинжалов раскрыли створки тридакны и обнаружили гигантскую, тускло поблескивающую жемчужину. В Америку эта жемчужина попала как дар вождя врачу, вылечившему от опасной болезни другого его сына.

Жемчужина, это волшебное зерно, рождающееся в морской глубине, не только прекрасна сама по себе, но и придаёт неповторимое очарование всему, что оказывается связанным с ней. Будто один чудесный перламутровый слой сменяет другой, и так – до бесконечности...

Хорошо известно, например, что определённые вариации в окраске жемчужин характерны для тех местностей, откуда происходит жемчуг. Так, японский и индийский жемчуг имеет нежно-розовый цвет с сильным блеском, австралийский – совсем белый или серебристо-белый, панамский – золотисто-жёлтый. А вот на Гаити ловцы добывают чёрный жемчуг.

Так уж повелось, что добычей жемчужных раковин всегда занимались не водолазы, а лёгкие пловцы, обладая лишь набедренной повязкой и зажимом для носа. В наши дни добыча жемчуга строго регламентируется, но по-прежнему его добывают без скафандров. Нежное, очаровывающее и мужчин и женщин волшебство природы будто не допускает к себе хотя бы малейшее техническое вмешательство, и отдаёт себя в руки лишь трудолюбивого простого человека, отчаявшегося променять своё здоровье на драгоценную красоту подводных глубин.

Бывает, одна раковина может содержать несколько жемчужин, порой – несколько десятков... Как большая редкость описан случай нахождения даже до 150 жемчужин в одной особи!

Правда, жемчуг жемчугу рознь... Часто принято думать, что перламутровые зёрна «живут» полной жизнью только, когда их носят: тепло человеческого тела согревает жемчужину, оберегая её от высыхания и раздражения. Но существует и иное мнение, признающее воздействие человеческой энергии на жемчуг как губительное. Что тут верно?

По-видимому, всему виной возраст жемчужины, а точнее – когда она была добыта. Если очередной перламутровый слой завершил цикл своего обтекания вокруг зерна – жемчужина зрелая и хорошо противостоит каким-либо тепловым воздействиям. В случае же, когда этот слой только начал обрастание, но жемчужине не дали дозреть и подняли на поверхность, она подвергнута быстрому разрушению. Мягкий жемчуг, в отличие от твёрдых драгоценных камней, достаточно капризен и требует заботливого ухода.

К тому же, интенсивный промысел жемчужных раковин на протяжении тысячелетий привёл к тому, что жемчужины не успевают развиваться. Если 100 лет назад многочисленные красочные атоллы Полинезии были «жемчужными островами», то сейчас раковин здесь настолько мало, что вряд ли их назовёшь даже «перламутровыми островами». Давно прошло то время, когда ныряльщик был недоволен, если на каждый десяток раковин не находил по меньшей мере одну-две крупные жемчужины. Но стоит ли испытывать долготерпение морской стихии, желая обладать всё большими и большими богатствами?!

Не зря на Востоке считалось, что жемчуг рождён из капель прозрачной росы, и оттого способен наделить своего хозяина чистотой души и благородством помыслов, а заодно и приносит удачу в житейских делах. Однако перламутровые шарики могут осчастливить не каждого – лишь того, кто по-настоящему любит и ценит их, предпочитая всем прочим украшениям. К слову, японцы по этому поводу считают, что подарить избраннице жемчуг – значит, признаться ей в любви, тем самым отдавая дань и жизни, и морю, и возможности не терять с ним связи.

При всём своеобразии морских богатств нахождение под водой не подразумевало беспечности в любовании ими. Довольствуясь удивительно малым, львиную долю времени мы всё же посвящали работе по сбору ежей. Только потом эти разрозненные кусочки приобщения к неведомой жизни сливались в непрекращающееся, щемящее сердце воспоминание, так что казалось, будто не было изнурительной работы, глухого короткого сна, невыносимой ломоты в суставах и сковывающего душу подводного холода, рано или поздно сменяющегося радостным подъёмом к солнцу. А всё это было...

Было начало дня с преодолением в себе страха, равнодушия и неповоротливости души, если не быть достаточно настойчивым в своих жизненных устремлениях. Прежде, чем приобщиться к подводному равновесию и гармонии с самим собой, следовало успокоиться, не спеша

облачитившись в холодный неопреновый костюм, нацепить грузовой пояс, глухо позвякивающий по бортам литым свинцом, и смочить ласты, чтобы они свободнее налезали на ноги. Затем, сдерживая рвущееся из груди сердцебиение, подогнать маску, незаметно потрогать рукой прохладные бока замершего в ожидании акваланга и, открутив до отказа его вентиль, осторожно накинуть акваланг на плечи... Только после этого можно было на минуту присесть, отдышаться, посмотреть на плещущую под бортом воду, плотнее подтянуть перчатки.

И вот – всё готово, откладывать больше некуда. Ещё раз проверив крепление маски, смачиваешь её в воде, тщательно подгоняешь на лице, берёшь в зубы пахнущий резиной упругий загубник, делаешь контрольный, отдающий тальком трубный вдох и, собравшись с духом, шумно бухаешься за борт.

Мириады рвущихся к поверхности пузырьков в момент поглощают тебя, и ты возбуждённо лопаешься и шипишь вместе с ними, но, всё же, неудержимо скользишь вниз, радостно переживая вновь забытое ощущение лёгкости и свободы. Ты – летишь!

Когда погружаешься в голубовато-мутную бездну, лёгкая тревога в ожидании дна на какое-то время не покидает тебя, уши сдавливают режущая тяжесть, от которой следует тотчас избавиться с помощью продувки, но вот уже возникают из темноты изумрудные островки водорослей, и как будто другая, неведомая планета открывается твоему взору.

Незаметно для себя сразу увлекаешься, забыв обо всём, что оставил наверху. Но работа по сбору ежа требует собранности, ответственности перед самим собой и своими товарищами, простой и неподдельной честности. Тебя никто не может проверить, под водой ты остаёшься один на один со своей совестью.

Сбор ежа осуществлялся в небольшие капроновые корзины, любезно предоставленные нам японцами. Корзины эти оказались очень удобными именно при добыче ежа. Они были легки, ёж в них не обдирался, не теряя товарный вид, как если бы подобное происходило при применении сетчатых питомз, подходящих только для сбора гребешка и трепанга. К тому же, корзину можно было использовать в качестве руля, держа её перед собой и слегка подрабатывая лапами.

Наполнялась корзина только в половину, чтобы иметь возможность сохранять пловцу положительную плавучесть. Заметив на дне полянку с замершим на ней ежом, пловец опускал корзину на грунт, собирал в неё ежа и отправлялся дальше, в поисках его новых «залежей». Как только начинало ощущаться неудобство при перемещении с тяжёлой корзиной, добытый ёж поднимался на поверхность, пловец получал новую корзину и уходил под воду.

Морской ёж, в действительности, очень напоминает своего «тёзку» из млекопитающих животных, так как всё тело его защищено иглами, и он имеет шаровидную форму. Правда, он её не меняет, как наш лесной ёжик,

благодаря присутствию крепкого известкового панциря. В отличие, опять же, от своего лесного собрата, шустро передвигающегося на четырёх лапках, морской ёж прикрепляется ко дну при помощи огромного числа длинных, прозрачных ножек, но переползает с места на место очень медленно, почти незаметно. Некоторые ежи способны перемещаться даже на своих иглах, как на ходулях.

На облысевшем морском еже, вернее, на известковом панцире, хорошо видны пластинчатые придатки его иголок, ровными пупырышками спускающиеся от верхнего «полюса» ежового шара – к нижнему в виде меридианов, и когда берёшь в руки такого мёртвого ёжика, то на ощупь он – приятно шероховатый, воздушный, но вполне крепкий. Всего таких пластинок 20 рядов, а каждой ножке соответствует пара дырочек. В самом низу, на предполагаемом брюшке, где у ежа находится ротовое пространство, покрытое тонкой кожицей, в центре которого сверкают 5 белых мелких зубов, располагается большое отверстие, в которое можно засунуть мизинец, даже большой палец, а вот заднепроходное отверстие, как ни странно, обнаруживается наверху. Ёж будто перевёрнут вверх ногами, хотя выглядит очень симметрично и естественно.

При жизни весь панцирь ежа покрыт тонкой мягкой кожей, которая заключает в себе многочисленные клетки, играющие роль органов чувств. Клетки эти находятся в связи между собой при помощи нервной сети, находящейся с наружной стороны известкового панциря. Весьма подвижные иглы ежа представляют собой самостоятельно возникшие остроконечные скелетные образования, имеющие форму клиньев, иглы эти бывают иногда длиннее диаметра животного и у основания игл находятся ямки, которым соответствуют головки, то есть – те самые пупырышки на известковых пластинах. Каждая игла соответственно притянута к такой головке при помощи мышц, а они и поворачивают иглу во все стороны.

Ёжик двигается еле заметно по морскому дну, иголки его вращаются во всех направлениях, как на шарнирах, и от этого вид у ежа становится достаточно грозный, хотя невозможно смотреть на него без улыбки. Незамысловато, на первый взгляд, выглядит медлительный морской ёж, зато очень мило, на самом деле напоминая обыкновенного ежа. Он, правда, поменьше размером, но иногда в морских глубинах встречаются настоящие гиганты, о чём чуть позднее...

Кстати, между иглами морского ежа разбросаны ветвистые щипчики, покрытые ресничками и очень чувствительными клетками. Главная их функция – уничтожение мелких личинок паразитических животных, стремящихся поселиться на морском еже, и поддержание чистоты поверхности тела, а также они служат для питания. Мелкие животные, попадающие на морского ежа, захватываются этими щипчиками и передаются ими ножкам, которые, в свою очередь, передвигают добычу ко рту.

Морской ёж – очень чистоплотное существо, и даже немного понаблюдав за ним, убеждаешься, что он так щепетилен не только к собственной шкурке, но и ко всему подводному сообществу: ползает по дну, незаметно его подчищает, словом, наводит порядок, и ничего особенного за это не требует. Лишь бы не трогали мирное ежовое скопление без надобности, не беспокоили это неторопливое жизнеистечение на благо моря, а если ежами пожелают полакомиться симпатичные каланы, так то не беда: ведь на всё воля самого морского божества, устроившего подводное житьё-бытьё по своему чудесному образу и подобию, и ежи, наверное, только рады, что могут кому-то оказать приятную услугу, если даже этот кто-то желает ими пообедать...

Что же касается ротовой полости, то начальная часть кишечника, располагающегося внутри ежа, окружена объёмистым жевательным аппаратом, похожим на фонарь, названный Аристотелевым, с которым великий философ, должно быть, пытался рассмотреть неизведанное. А если серьёзно – он его первым описал. Так вот этот аппарат, действительно похожий на подвесной фонарь, – геометрически правильное и чрезвычайно рационально «продуманное» природой устройство.

Его основная часть – пять дугообразных двойных пирамидок, служащих держателями для зубов, а зубы ежей представляют набор изогнутых пластинок. Когда ёж ест, крайние пластинки стираются, и на их место выдвигаются новые: зубы самозатачиваются. Они ещё и растут в течение всей жизни ежа, приобретая только ещё более чрезвычайную прочность. Порой ежи используют зубы не только по своему прямому назначению, но и для передвижения, отталкиваясь ими ото дна.

Питаются ежи мелкими животными, а также водой и илом, содержащими пищевые частицы. Но больше всего они предпочитают водоросли, в особенности – морскую капусту, и если численность иглокожих достаточно велика, то зарослям ламинарии может быть нанесён значительный урон, чему, впрочем, успешно противостоят морские бобры-каланы, с удовольствием поедая ежей, несмотря на их колючесть. А иногда, там, где вода неглубока и силён прибой, ежи просверливают даже гранитные и базальтовые скалы...

Бывает, заметишь под водой гладкую скалу, между тем источенную странными овальными ямками, подплывёшь поближе и обнаружишь, что почти в каждой из них сидит морской ёжик. Причём, порой ежи используют уже готовые углубления, а могут высверливать гнёзда и на ровной поверхности камня. Вначале они выгрызают породу зубами, а по мере углубления норы подключают иглы и, поворачиваясь вокруг оси, работают ими как фрезой, постепенно углубляя и расширяя норку. Гнёзд ежи не покидают иногда в течение длительного времени, питаясь тем, что принесёт вода. Но основная функция такого укрытия – не защита от врагов, как иногда полагают, а предохранение от разрушительного действия прибоя и высыхания в отлив.

Что любопытно – каждый ёж, даже если он не сам соорудил норку, очень энергично отстаивает её от нашествия других ежей. При попытках захватить чужие жилища - между ежами происходят целые баталии, в ходе которых соперники толкаются, переворачиваются по спинам друг друга, а случается – пускают в ход и зубы. Иногда схватки длятся часами, но всегда хозяин норы возвращает себе законное убежище, если неосторожно оставил его на время, как бы обладая моральным превосходством. Это его преимущество рано или поздно оказывается очевидным, и, тем не менее, сражения происходят. Наблюдать всё это тем более удивительно, если не раз являлся свидетелем, как ежи, образуя скопища в сотни и, может быть, тысячи голов, лежат друг на друге очень сплочённо, даже дружно, как говорится, чуть ли - не в обнимку, ни на что, вроде бы, не претендуя.

Именно в такие моменты ежи и становятся, по-видимому, удобным предметом охоты, когда кто-либо хочет полакомиться их икрой. Икра ежей – желтовато-оранжевого цвета, как и у лососей, но по своей структуре волокнистая, нитевидная, и по объёму занимает в еже одну-две чайные ложечки. Попробовав внутреннее содержание нескольких ёжиков – не сразу и разберёшь: какова икра на вкус? Отдалённо напоминая рыбью икру, икра ежа – нежно-слоноватая, даже, можно сказать, пустоватая... Скорее, она – находка для гурманов, не представляющих себя без морских деликатесов.

Японцы употребляют икру ежа в пищу с удовольствием, почитая как особое кушанье. Они добавляют икру в салаты, варят из неё супы и даже сушат, максимально используя ценный морской продукт. Нас же ежи привлекали ещё как морские экспонаты, которые мы выставляли сохнуть на крыше коттеджа, где ветерок с моря быстро продувал их внутренности, и затем они представляли из себя что-то вроде колючих погремушек тёмно-коричневого, чёрного и даже бордово-фиолетового цвета. Несколько таких ёжиков до сих пор хранятся у меня в шкафу за стеклом.

Интересно, что пигментный покров панциря и игл у ежа содержит очень устойчивую к действию света чёрную окраску, так что после выварки сырого панциря в воде полученную фиолетово-чёрную жидкость употребляют для окраски сетей и кож. Ёж по своей внутренней сути точно такой же, каким воспринимаешь его внешне: фиолетово-чёрный. И когда всё это фиолетово-чёрное, колючее полчище плотно облепляет листы бурой морской капусты, стелющейся над белым песчаным дном в зеленовато-голубой воде, а вокруг зажигают свой внутренний свет асцидии, актинии и многочисленные морские звёзды, понимаешь, что ёж и должен быть таким, каким его изобрела природа – со своим незабываемым морским обликом.

Увлекательно также было собирать в отлив известняковые панцири ежей... Эти ежовые скорлупки невозможно было не заметить, и хотелось брать их в руки, рассматривать и забирать с собой. Это были обыкновенные, часто встречающиеся ежи интермедиусы, до того как облысеть – усеянные короткими частыми иголочками, а вот длинноиглые морские ежи нудусы попадались каждому пловцу не более одного-двух раз в день, причём, не

всегда и только под водой. Может быть, по причине заключённой в ежах экзотичности, обычно приковывающей внимание аквалангистов, море старательно оберегает этих ежей от чужих глаз, наделив их длинными и очень острыми иглами.

Ежи эти начинают попадаться с глубины не менее пяти-восьми метров. На склонах буровато-серых и чёрных каменных глыб они замирают ошестинившимися бордовыми шарами, как будто ловя своими иглами слабо пробивающийся сквозь толщу воды рассеянный, солнечный свет. Осторожно прихватив с собой ежа и приподняв его на ладонке у самой поверхности, можно увидеть, как вспыхивают на концах игл красные искорки, а сам он наливаются изнутри нежным рубиновым соком.

Наверху ежи ещё какое-то время излучают свой тихий чарующий свет, но затем потухают. Становясь замкнутыми, бесцветными, они всё же остаются по-боевому ощеренными, готовыми в любой момент ожить. В глубине себя ежи словно не перестают надеяться – их час ещё придёт и изящные иглы вновь наполнятся радостным светом.

В неопределённых перчатках ежами можно жонглировать под водой, что, кажется, не доставляет им какого-либо неудобства. Ежи плавно взлетают, медленно опускаются на грунт и, кувыркнувшись пару раз, отрешённо замирают. Ничто не может поколебать их подводного вольного состояния, ежи никому не угрожают, несмотря на постоянную нацеленность и боевитость. Впрочем, ежи всё-таки призваны оберегать свою единственную драгоценность – нежную икру, к ним просто так не подступишься. Они вполне оправдывают своё название, растопырив иглы.

А вот песчаный ёж не имеет игл, он бежевого цвета, с красивым рисунком на голом панцире, будто нанесённом искусной иглой. И оттого, чаще всего, он действительно зарывается в песок, выставляя небольшую часть макушки. Плоский, имеющий небольшое вздутие в серединке, этот ёж напоминает старинную монету, вывалившуюся из пиратского сундука. Недаром на американском побережье песчаных ежей называют «долларами» и «центами».

Но плоская форма ежей предназначена, конечно, не для красоты. Так им легче закапываться в песок, а волнам труднее перевернуть ежа. Ведь если подобное произойдёт – это равносильно для него гибели, поскольку плоский ёж не способен самостоятельно перевернуться «со спины на живот».

Форма панциря с плоским дном и выпуклым верхом имеет ещё одно практическое значение. Такой панцирь – великолепное гидродинамическое устройство, воздействующее на характер движения водной среды. Он действует подобно крылу самолёта, только с другой целью: за счёт разницы давлений у плоской и выпуклой поверхности панциря происходит завихрение потока и оседание в нём взвешенных пищевых частиц, которые затем по пищевым желобкам направляются ко рту. Панцирь плоского ежа сплошь покрыт короткими щетинками, уколоться ими никак нельзя, а сверху он имеет рисунок в виде цветка из пяти лепестков, слагаемый из эле

приметных дырочек, с помощью которых ёж и засасывает органические частицы, содержащиеся в воде и грунте.

Порой плоскими ежами усыпано всё дно, причём, чистое, без водорослей и камней. На некоторых участках дна плоские ежи образуют сплошные скопления в виде «мостовых», а иногда даже располагаются в несколько слоёв, что не случайно. Особи отделяет ровно такое расстояние, которое необходимо, чтобы использовать токи воды, отклоняемые соседями. Пространство, образованное лежащими друг на друге ежовыми дисками, обеспечивает максимально полное использование ресурсов придонных течений.

Иногда плоские ежи, для лучшего улавливания питательных взвесей, располагаются на дне в вертикальном положении, они как бы воткнуты ребром в песок. Угол наклона тела ежа к горизонту и расположение его тела при этом соответствует направлению и силе течения. Вода вокруг голубая-голубая, песок волнистый, почти белый, а ежи стоят неподвижно, будто чьи-то плоские скелетики, навсегда забытые в этом отрешённом подводном мире. Плывёшь над ними и представляешь себя на другой планете.

Несмотря на то, что ежи очень чистоплотны, они не прочь порой замаскироваться, зачем-то покрывая себя разными предметами, например, раковинами. Иногда ёж способен так плотно облепить себя ракушками, что его самого совсем не видно и наблюдая за ним, начинает казаться, что ёжик играет. А может быть он на самом деле хочет от кого-то спрятаться, умудряясь заматываться даже в листья водорослей, в частности – в морскую капусту, в обилии произрастающую у берегов Сахалина.

Джеймс Олдридж описывал в своей книге «Подводная охота» морских ежей Средиземноморья, в колючках которых часто обнаруживаются застрявшие там обрывки морских водорослей, правда, не у всех. У тех, на которых есть трава, имеется пять цветных желез, являющихся частью их органа размножения. Те же ежи, на которых нет обрывков морской травы, обладают недоразвитыми органами и в пищу не употребляются. «Съедобные» ежи у жителей Средиземноморского побережья считаются большим деликатесом.

На Дальнем Востоке я встречал подобных ежей, по крайней мере, похожих, и у них действительно ярко выделялись цветные полосы, располагающиеся от макушки до ножек, но наряду с обычными – коричневого цвета ежами, разноцветные или, если угодно, полосатые ежи обладали точно такой же ярко-оранжевой икрой, которая никаким особым вкусом не отличалась.

Вообще, у юго-западного побережья Сахалина ежа, как и морской капусты, очень много. Часто он сбивается на мелководье в огромные чёрные лепёшки, где его хоть лопатой греби, но, по большей части, ёж всё-таки держится на глубине, а собирать мы его приноровились, как уже упоминалось выше, прямо в капроновые вместительные корзины, которыми нас снабдили японцы. Очень удобно было передвигаться с корзиной под

водой, держа её перед собой, и даже наполненная ежом, она была не очень тяжёлой. В неё входило более десятка килограммов, и на один акваланг, при библии ежа, можно было набрать четыре, а то и пять корзин.

Ещё при всём этом хорошо было чувствовать себя молодым и здоровым. Это позволяло надеяться, что при любом напряжении интерес к жизни ты всё-таки не потеряешь. Необходимость постоянно действовать была способна излечить любые душевные муки, усталость и сомнения.

Не скрою, что опасность зачастую сводилась к нулю, и экспедиция не содержала в себе, в общем-то, явного риска, какой допустим в самой банальной житейской ситуации на суше, но, тем не менее, дело, которое на два месяца спланивалось вокруг себя дюжину человек, не выглядело уж совсем безобидным. Тех небольших трудностей, которым мы подвергались, вполне хватало для того, чтобы кто-то начинал заметно испытывать их влияние на себе.

Как, например, при вынужденном подъёме морского ежа из-под воды во время разгорающегося шторма или даже ночью. Складируемый нами на дне в больших капроновых ящиках и обтянутый строп-сеткой, ёж хранился так живым до самого прихода японцев с Саппоро, которые забирали его у нас каждый четвёртый, а то и пятый день. Но при сильном волнении ежи, обтираясь о колючие панцири друг друга, могли стать совершенно лысыми, погибали при этом, и тогда приходилось спасать их, чтобы не пропал даром недельный подводный труд.

Вот где требовались весь твой опыт и знание, умение сконцентрировать силы на главном. И ещё - вера в находящихся рядом людей, в приобретённую за многие годы совместной работы под водой сплочённость. Может быть, лучше таких авралов у меня ничего в жизни и не было!

Шторм, как на зло, разыгрывался именно на ночь глядя, и приходилось спешно поднимать корзины в сплошной темноте, в жуткую болтанку, вокруг творилось нечто невообразимое, но и мысли не возникало отступить, всё бросив. Места, где находился под водой ёж, мы отмечали разноцветными буями, которые в крутую зыбь не так-то легко было разглядеть. Буи проваливались между свирепствующими волнами, и можно было пройти на боте совсем рядом, но ничего не заметить. Бот тянул за собой на буксире десятитонный кунгас, куда следовало перегружать корзины, всё это создавало понятные неудобства, и требовалось немало терпения и выдержки, чтобы просто занять на беспрестанно колышущейся водной поверхности верное расположение.

Непослушное судно сносит от находящихся под ним, в глубине, ребят, одичалый ветер вертит им как щепкой, и руки немеют от безрезультатных попыток вырвать зацепившиеся на дне якоря-кошки. На море судорожно наваливается тревожная мгла, всё более чернеющее небо, кажется, сливается с ним в неистово завывающую стихию, будто нацелено вознамерившуюся нас уничтожить. А под водой ничего не видно от подымающейся мути, тело

сковывает холод и к горлу подкатывает предательская тошнота, но ты всё-таки чувствуешь, что живёшь.

Под водой, конечно, во много раз хуже, ибо помимо отсутствия какого-либо освещения, исключая мутноватое пятно от небольшого фонаря, которым пытаются подсвечивать тебе сверху, с мечущегося из стороны в сторону кунгаса, ты лишён какой-либо ориентации. Все свои действия ты предопределяешь только относительно складированных на дне корзин, которые неимоверно быстро разбрасывает по дну шторм, а обнаружить их в полной темноте не представляется возможным, тогда как тебе ещё необходимо поднимать оставшиеся на поверхность, где кунгаса, конечно, не оказывается, его давно отнесло, и огромные волны подбрасывают тебя, крепко обнявшего корзину, в другую неведомую черноту... И вот что интересно: не было страшно, только, может быть, тревожно, когда всё это происходило с тобой в первый раз, в последующем же подобное повергало только своим напряжением, которому ты всегда мог противопоставить волю и опыт.

Но, даже обнаружив после долгих мытарств потерянное место, стоило огромных усилий вновь закрепиться на нём, что не всегда получалось, и приходилось опять неутомимо отыскивать в кромешной темноте этот небольшой пяточок. Камни, что придавливали под водой строп-сетку, в который раз раскатывало, саму сеть срывало и уносило, ежи расползались, бились, и от постоянного соприкосновения друг с другом облезали, теряя свой товарный вид. Вернее будет сказать, что море их просто безжалостно размётывало по дну, и не было уже никакой возможности собрать их...

Я хорошо помню это неистовое напряжение по спасению ежа, за которого нашей стране шла хорошая валюта, но главное, всё-таки, заключалось в людской сплочённости, которую воспитывало море, и, несмотря ни на что, мы оставались ему бесконечно преданы, как бы это громко ни звучало.

Ну, а о том, какие сюрпризы дарит нахождение под водой в такую погоду, лучше и не пытаться передать, потому, как стоит всё это увидеть самому. Твоё восприятие пытается проникнуть в окружающую темноту, желая хоть как-то успокоиться, но вокруг чудятся самые невообразимые напасти и жуть. Ночью море представляется страшным и мрачным животным, угрожающе переворачивающим свои непонятные человеку мысли. Ничего, кажется, не изменилось в нём с того момента, когда мы работали здесь днём, но что-то неясное надвигается на тебя и поначалу вынуждает думать о море незаслуженно плохо.

Ты гонишь от себя эти мысли, стараешься не поддаваться мрачным ощущениям, предоставляя море самому себе, но никак не можешь успокоиться. Слишком много в море неизведанного, ещё от бесконечно далёких древних времён, с которыми человеку совладать очень не просто. И всё же, несмотря на страх, ты почему-то довольно легко отдаёшься ему, полностью вверяя себя в его необъятные тёмные объятия.

Кто не вкусил работы в море, тем более – ночью, под водой, тот не познал чего-то особенного, чего днём ни за что не почувствуешь и не угадаешь, когда переживаешь заботу о людях, находящихся рядом, как о самых дорогих. Когда ты уходишь в море, где тебя встречает ночь, посещает особое стоическое ощущение, открывающее тебе неизведанное, какую-то неразрывную связь с морем, которая становится чем-то глубоко личным, будто ты соприкоснулся с самым радостным событием в своей жизни. Ночью, в море, словно поднимаешься над самим собой, как это ни странно, становясь могущественнее, живее, а воспринимая всё остро, обнажёно, и совершить в подобном состоянии всегда удаётся очень много. Потом, в дневное время, поражаешься тому, сколько было сделано за ночь, будто осуществлял всё в необъяснимом волшебном забытьё.

В любом случае, такая совместная работа у моря десятка мужчин, объединённых одной целью – желанием познавать окружающий мир, оказывалась очень полезной. Она заставляла человека активизироваться, чего не могло происходить в подобной степени в городе, где всегда можно уйти, хлопнув дверью, или же вообще не открывать её. В море уйти некуда, и ты вынужден жить бок о бок с людьми, терпеть бесконечные невзгоды и работать не покладая рук, как мы это делали на этой самой добыче ежа, трепанга и морской капусты.

Так вот, добывая ежа для японцев, что происходило с ведома существующего тогда Облисполкома, мы этим же Сахалинским управлением были поставлены перед фактом добычи, в ещё большем количестве, этого морского продукта для Чернобыля, где в то же время, а именно – в 1986 году, произошла трагедия на атомной станции... Это может показаться странным, но именно икра морского ежа, представляющая из себя оранжевые длинные волокна, содержащиеся внутри известкового панциря этого морского существа, и являлась одним из лучших средств, способствующих разжижению и выведению из крови радиоактивных элементов, причём, в первую очередь, у детей. Именно на этом Управление Облисполкома заострило наше внимание, заверив, что любые пожелания членов бригады будут удовлетворены, нас снабдят всем необходимым, вплоть – до мелочей, в ответ же мы обязаны поставить нуждающимся в помощи людям как можно больше морского ежа, а вернее – его икры.

Следует пояснить, что икра в весенне-летний период, когда она, собственно, и присутствует в еже, находится не в каждой добытой особи: икру содержат в себе, естественно, только самки. Но как же различить под водой, среди всего этого ежового многообразия и обилия, где в нём располагаются существа женского рода? Причём, икра присутствовала далеко не в каждой самке, а в какой-то – значительно меньше, чем в другой, вроде бы, ничем не отличающейся от неё. И даже при всём этом никто не мог гарантировать того, что икра вообще будет, ведь год на год не приходится, - это касается любых живых организмов.

И всё же, с чернобыльцами дело обстояло гораздо легче: сколько бы мы ежа не добыли – его уже невозможно было приумножить, и он весь шёл в переработку. В короткие сроки, прямо на берегу Татарского пролива, в маленьком рыболовецком цехе, была поставлено производство ежа, подразумевающее под собой отделение икры, её промывку и закатывание в 50-граммовые баночки с добавлением спирта. Именно в таком сочетании, а точнее – четыре чайных ложки икры на одну чистого спирта, икра ежа и приобретала целительные свойства, что нас скорее даже не занимало, а приободряло: ведь мы помогали людям. Но за тяжёлой работой этого не осознавалось.

Что же касается японцев, издавна владеющими искусством тонкого понимания моря, непосредственно с которым они взаимодействовали столетиями, что, в свою очередь, не могло не сказаться на их культуре, они мгновенно уцепились за возможность покупать у нас морской ёж, предоставленную им советскими властями. Японцы приходили к нам с острова Хоккайдо, расположенного от Сахалина не так уж и далеко, но и не близко, только лишь за тем, чтобы забирать достаточно незначительное количество икры ежа, - единственно ценное, что в нём содержалось. И конечно, это было для них очень даже немаловажно, иначе бы - зачем им, достаточно щепетильным в делах бизнеса людям, обязательным и продуманным, было гонять судно из-за какой-то там ежовой икры, к тому же – в очень незначительном объёме. Но они это, тем не менее, делали, а происходила приёмка ими икры у нас очень просто...

Кто-нибудь из японских представителей, как ему это заблагорассудится, отбирал из разных корзин горку ежей, укладывал её на чашу весов, и затем из этой партии вынималась вся содержащаяся в ней икра, количество которой оценивалось уже по заранее обговорённой шкале. Обидно было, когда в отобранной партии ежей попадалось минимальное количество икры, и, соответственно, получали мы вознаграждение за свой труд именно по нему, тогда как в других ежах ценного продукта могло содержаться гораздо больше. Но помнится, нас не очень волновала происходящая несправедливость, потому что все наши помыслы были захвачены жизнью у моря, погружениями, дарящими неиссякаемую радость, дружбой, которая, казалось, будет длиться вечно...

Кстати, когда волнение на море отсутствовало, а поднимать ежа к приходу японцев всё же приходилось именно ночью, такое погружение оказывалось самой замечательной сказкой. В северных морях, конечно, невозможно полюбоваться «полётом» гигантских мант и величественным царством кораллов и губок, но в их глубинах скрываются не менее завораживающие тайны и даже обыкновенные заросли саргассума и зостеры при ночном освещении подводными фонарями способны околдовать так, что вы позабудете обо всём на свете. Сама темнота моря, её неиссякаемость, вызывает ни с чем несравнимые переживания. С восхитительным ощущением от ожидаемого соскальзываешь с борта кунгаса в чернеющую

воду, как в нескончаемую бездну, а если ещё над головой твоей простирается ночная бездна звёздного неба – переживания просто непередаваемы.

Даже днём каждая морская звезда или длинноиглый ёж воспринимаются как праздник, а уж ночью – и говорить нечего: радости твоей нет предела! Трудно вообразить, что человеческая жадность и непрекращающаяся страсть к обогащению принесут сюда когда-нибудь опустошение. Пока этот уголок подводного мира остаётся не тронут, и обилие жизни в нём переполняет восторгом.

Созерцание подводного мира никогда не надоедает, тем более – ночью. Она действует слегка опьяняюще, и ты не ведаешь лучшего вина, чем морские красоты. Глядя на то, что представляется взору под водой, ночью, забываешь, что сам ты привержен суше, где светит солнце, но незаметно для себя совершенно преображаешься в какое-то неведомое существо, когда оказываешься на глубине.

Жак Ив Кусто, так же не представляющий своей судьбы без моря, описывает в одной из книг, как он во время ночного погружения возле Сейшельских островов, в частности, в проливе между Сент-Мари и Мадагаскаром наблюдал массовую миграцию морских ежей, скорость перемещения которых составляла 400 метров в час! Ещё в Красном море Кусто заметил, что ежи перемещаются по ночам с места на место. Морских ежей сопровождали морские звёзды, которые лакомятся иглокожими, к тому же всё это ночное шествие замыкали моллюски, тоже не теряющие времени даром.

Судить об истинности этих данных не берусь, потому, как вполне доверяю авторитету Кусто, но сам при добыче ежей возле юго-западного побережья Сахалина не раз наблюдал, как ловко и достаточно быстро ежи выбирались из капроновых корзин, в которые мы их собирали, и также проворно, но как-то незаметно для глаза, расползались по дну... У нас не было времени проследить за скоростью передвижения непоседливых иглокожих, но для морских обитателей, которые большей частью лежат на дне, ежи выглядели очень необычно, когда в два счёта улепётывали прямо из-под нашего носа. Вот тебе и тихони!

Может быть от того ежи и казались нам обычно неторопливыми, что наблюдали мы их только днём, когда они ведут спокойный образ жизни, вполне умиротворённый и ни от кого, казалось бы, независимый. И разве вообразишь себе, что ночью ежи совершенно преображаются, отправляясь в заросли водорослей за кормом. Двигаются своим ежовым полчищем размеренно, настырно, а море несёт над ними свои могущественные водные валы и будто оберегает. Днём же опять отсиживаются в углублениях, пещерках или просто отрешённо замирают, сгрудившись и выставив иглы. То ли ежи не ведают – куда им деть дарованную природой острую защиту, то ли просто нацелены на окружающее их подводное пространство, всегда несущее для них неведомое.

Словом, то, что ёж ведёт малоподвижный образ жизни – большое заблуждение. С виду он, конечно, представляется закоренелым тихоходом, которому незачем куда-либо торопиться, но только не в случае, когда его существованию что-либо угрожает. Тогда ёж просто преображается, его ритмично шевелящиеся иглы, причём – одновременно в разные стороны, создают необычное впечатление от их замедленного движения, которое околдовывает и притягивает. Иглы ежа напоминают волнующиеся под порывами невидимого подводного ветра стебли какого-то диковинного растения. Смотришь и не можешь оторвать глаз.

Иглы у ежа очень острые, к ним иной раз не рискуешь прикоснуться даже в неопределённых перчатках, особенно – к нудусу, но, всё же, постоянно ловишь себя на мысли, что их хочется погладить. Хочется посмотреть, как ёж отреагирует, как нацелит свои длинные иглы и угрожающе поведёт ими. Вспомнишь вдруг опять нашего обыкновенного лесного ёжика, у которого острые иголки всегда воспринимаются почему-то нежной шкуркой, но вот в лесу вряд ли подумаешь о морском обитателе. Морской ёж не кажется таким дорогим и близким, как лесной, он более холоден и безлик, хотя и, по-своему, незабываем.

Особенно, когда иглы его начинают переливаться бордовыми и фиолетовыми огоньками, зажигающимися на самых их окончаниях. Рано или поздно, конечно, ежи потеряют свои иглы, лишатся и внутренней плоти с загадочной желтовато-оранжевой икрой, и превратятся в зеленовато-белые известковые скелеты, имеющие форму изящных мандаринок. Только многочисленные пупырышки, являющиеся основаниями для иголок, будут напоминать о былом могуществе этих иглокожих обитателей моря.

Когда на каком-нибудь участке дна встречаешь большое количество разных ежей: одни – крупные, другие – поменьше, третьи – совершенно одинаковые, то невольно задаёшься вопросом: а не семьи ли это, да и образуют ли их вообще ежи? До того сплочённо залегают они, именно плотно прижавшись друг к другу, чуть ли не сгрудившись в бесформенные кучи и отрешённо в них замерев. Как объяснить эти многочисленные ежовые скопления?

Скорее всего, ежи находят себе какую-то пищу, скапливающуюся только в определённых местах. Например, вдоль жирного листа морской капусты, который от этого нашествия постепенно превращается в излохмаченную ленту, всю в дырах, а затем и вовсе исчезает под настырным натиском ежей. Иной раз обнаружишь ежей на совершенно голой подводной скале, или они сбиваются в какой-нибудь тёмной расщелине, где отсутствует всякая растительность... Глядя на это хаотическое сосредоточение иглокожих, порой располагающихся в несколько слоёв, подумаешь о ежах, как существах достаточно неприхотливых, поскольку их вполне устраивает невидимая глазу слизь, в изобилии накапливающаяся на камнях: ежи методично соскребают её своими крепкими зубками, подолгу не покидая облюбованное место.

Но «ежовое поле» у берегов Сахалина не сравнить с таким же обилием ежей-диадем, облюбовавших коралловый риф где-нибудь у Новой Гвинеи. Стоит чуть потревожить скопление этих диковинных ежей, и они начинают шевелить 30-сантиметровыми чёрными иглами. Из-за большой длины амплитуда их колебания очень велика – ежи буквально размахивают иглами. Если хоть на миг потерять бдительность и прикоснуться к одному, вся рука окажется просто нашпигованной отломившимися кончиками игл. Особенно удивляет лёгкость, с которой иглы проходят сквозь толстую неопреновую перчатку. Вытаскивать ежовые иглы – занятие не из приятных, ведь каждая игла состоит из хрупких члеников, снабжённых направленными назад мельчайшими зубчиками!

В тропиках, в частности – у берегов Таити, ещё встречаются ежи, чьи иглы по длине напоминают вязальные спицы, только они ещё острее и наполнены ядом. Иглы такого ежа всегда находятся в движении – чуть только на него упадёт тень, он тотчас нацеливает свои иглы на предмет, отбросивший эту тень, и оцетинивается, точно фаланга воинов с копьями. Яд же его имеет жуткий фиолетовый цвет. Наступить на ежа голый ногой, – это равносильно тому, если вы наступите на раскалённую сковороду. А средство избавления от приключившейся с вами незадачи только одно: нужно обломать иголки и смазать место укола скипидаром, в мучении ожидая, когда через несколько недель иголки рассосутся сами. Нас спасало то, что мы работали в плотных неопреновых костюмах, на чулки натягивали ласты, сплошь обтягивающие ступню, и на руках – перчатки с кожаными пластинами, защищающими ладони и пальцы.

Но один вид ежей, встречающийся в Юго-Восточной Азии, всё-таки способен отправить человека на тот свет: яд его очень быстро поражает нервную систему, и пловец, уколотившийся об его иглы, рискует утонуть. Чрезвычайно острые иглы не перестают сжиматься и вводить в рану яд даже после того, как их срежут с тела ежа или обломают уже на теле человека. Меня поразила эта способность довольно-таки небольшого морского животного, и без того защищённого острыми и длинными иглами, содержать в себе ещё и мгновенную смерть для любого, кто к нему прикоснётся. И я вдруг вспомнил, что у берегов Австралии живёт малюсенький, с виду совершенно безобидный скат, он свободно уместается на ладони, так вот если кто-либо покусится на его незаметное подводное существование, то скат способен разрядиться электрическим зарядом в 600 вольт! Как заботливо море к самым крохотным своим обитателям, наделяя их подобной силой...

И тем более странно было бы думать, что такое совершенное морское создание, как ёж, защищает только себя! Когда большие рыбы преследуют маленьких, размером с монетку, эти малыши юркают в гущу игл длинноиглого ежа и тем самым спасаются. Малютки превосходно знают, что здесь они надёжно защищены острыми подвижными штыками. Даже самые грозные обитатели морских глубин остерегаются морского ежа, несмотря на

желание полакомиться его икрой. Наткнёшься на него – игла обломится, и ядовитое остриё прочно застрянет в ранке. Попробуй его потом вытащить!

Морской ёжик... Внешний облик его прост, но именно благодаря простоте своей формы ёж и обретает для себя, по-видимому, определённые преимущества. Почти все жизненные органы ежа расположены внутри надёжной известковой скорлупы, полностью состоящей из углекислого кальция, а снизу этот известковый аппарат снабжён прочными зубами, способными сверлить, как уже говорилось, даже гранит с базальтом, где ежи устраивают себе уютные норки. Снаружи верхний покров ежа составляют сплошные ряды острых игл, так что к нему не подступиться, и всё это простое шаровидное строение неуязвимо, если только в дело не вмешиваются чьи-либо мощные челюсти, например, как у морского бобра - калана. Ёж удивительно органичен, и безграничная изобретательность природы в его лице нашла наилучшее своё отображение.

Не зря ёж, наверное, и самый многочисленный вид из всех донных животных, поскольку ему комфортно вести неспешный образ жизни. И хотя мы убедились в присущей ему временами изворотливости, ёж всё же, по большей части, медлителен, да и куда ему торопиться?! Всё, что ему нужно – водоросли, мелкие рачки, взвешенная в воде пищевая смесь, находится рядом, и он просто наслаждается своим подводным существованием.

Правда, панцирь ежей не вполне шарообразен, а имеет уплощённую нижнюю сторону и куполообразную вершину. Такая форма обеспечивает ему наибольшую прочность при надавливании сверху, если, конечно, это не челюсти морского млекопитающего, для которого ежи – излюбленное лакомство. Чего не скажешь о человеке, хотя, как уже отмечалось, японцы не мыслят свою кухню без ежовой икры. Впрочем, как и без всех морепродуктов.

А вот в Средиземноморье, кстати, в пищу употребляют мякоть морских ежей, называя морским плодом и считая превосходным блюдом. Мне самому приходилось пробовать только икру, показавшуюся довольно пустоватой, слегка солоноватой на вкус, но не без приятного аромата, который изощрённые любители морских деликатесов считают восхитительным. Вкус ежовой икры превозносят даже над мидиями и устрицами, подразумевая в нём неповторимое своеобразие океана. Запальчиво утверждают, что маленькая горстка такой икры необыкновенно освежает рот, а переживаешь при этом совершенно необыкновенные ощущения...

И действительно, ёж – чрезвычайно любопытное существо, способное подарить самые незабываемые впечатления. Вы только подумайте: один морской ёж даёт до восьми миллионов икринок, и все они умещаются на языке!

Удивительно общение со всеми подводными обитателями, и особое удовольствие при добыче ежа нам доставляла охота за осьминогами, что

были очень осторожными: увидев пловца, они тотчас исчезали в каменистых расщелинах и гротах. Оставив на поверхности лишь шевелящиеся кончики щупалец, осьминоги как будто поддразнивали тебя, приглашая к своей непонятной игре. Нужно было иметь достаточно терпения и выдержки, чтобы, приняв её, обхитрить осторожное животное.

Осьминоги по-разному реагировали на проявленное к ним внимание, и начинали сердиться только при явной опасности. Щупальца их тогда быстро скручивались в тугие колечки, багровели и бессильно выстреливали, пытаясь кончиками уцепиться за руку, шланг или даже маску. Не видя тебя из своего убежища, осьминог словно предугадывал все твои движения и был предельно осмотрителен.

Стараясь не подставлять осьминогу самые уязвимые части снаряжения, следовало не раздражать забившегося в камни моллюска, а успокоить его нечастыми и ласковыми прикосновениями. Слегка забавляя осьминога своим настойчивым присутствием, нужно было стать на время ни к чему непритязательным морским обитателем, которому бы он поверил и принял. За этим перевоплощением ты вдруг замечал, как обретаешь на миг какую-то ошеломительную свободу...

А осьминог уже тянулся к тебе, выставляя напоказ свою великолепную мантию, под которой волнами перекатывались пурпурные, бордовые, тёмно-синие и фиолетовые бугры... Его печально настороженные глаза всё более округлялись, удивляясь увиденному, и он на какое-то время замирал, неторопливо переживая твоё непонятное для него присутствие. Ты же должен был потихоньку поглаживать осьминога, не вызывая у него никаких подозрений, и, может быть, даже чуть-чуть прихватывать за щупальца, незаметно подтягивая к себе. На всё это заигрывание уходило, как правило, пять-десять минут, а иногда и полчаса.

Обманутый таким усыпляющим образом осьминог в какой-то миг с силой обхватывал твою руку, желая, по-видимому, познакомиться, и ты, воспользовавшись моментом, так и поднимался вместе с ним на поверхность, где тебе осторожно помогали от него избавиться. Вне воды осьминог вяло извивался, становился каким-то беспомощным, не похожим на себя, и быстро прекращал всякое сопротивление. Вечером, ненадолго обданный паром и слегка обжаренный на большой сковороде со специями и луком, он был неподражаемо превосходен.

А на утро, ваяясь с аквалангом за борт, словно в бездну, ты опять уже совершенно не думал об оставляемой водной поверхности, желая только достичь дна, чтобы отыскивать и собирать ежа, дивиться, между делом, всеми подводными богатствами, что неожиданно выплывали из тёмно-зелёной, таинственной глубины, и вновь в ней, также незаметно, исчезали. Хотелось бесконечно утопать в этой неведомой морской глубине, куда тянула непреодолимая сила: именно там ты обретал свою жизненную энергию!

Сколько же её у моря, всегда думаешь ты, и начинаешь чувствовать море каждой клеточкой своего тела... Даже, кажется, по-настоящему понимаешь его, и в какой-то момент, неожиданно для себя, открываешь: сколько бесчисленных дней провёл ты уже в его объятиях, но даже не задумывался о чутком дыхании моря, не осознавал, что дышишь с ним в едином ритме...

Работа под водой дарила необыкновенную радость, и я незаметно забывался в охватившем меня забвении морем, паря в его невесомой тишине. Только одна мысль посещала при этом: время, проводимое сейчас в согласии с морской стихией, оказывалось нужнее, чем многие годы из прошлой жизни. Вереницы людей и событий проходили сквозь неё, все они сейчас казались пёстрыми, неживыми, а вот эта сокровенная глубина моря и его трепетная, даже – завораживающая тишина входили в сердце как самое дорогое, без чего вся предыдущая жизнь казалась неполной, в ней чего-то не хватало...

А разве забыть, представляющееся на первый взгляд совершенно обычным делом, разматывание винтов у малых рыболовецких сейнеров, что промышленяли по соседству с нами от местного колхоза каботажным ловом? Оно тоже оборачивалось для нас неподдельным интересом, и действительно воспринималось как нечто необычное, поскольку было связано с морем, с работой под водой. Маленькие судёнышки, при вымётывании кошелькового невода, нередко не успевали сманеврировать и ваера наматывались на винт, что невозможно было устранить без помощи водолазов. Но где же их взять в горячее время путины? Благо, мы находились рядом, постоянно общались с рыбаками, которые угощали нас крабами и рыбой, и, конечно, не могли отказать им в поддержке.

Правда, обычным это разматывание винтов представлялось только несведущим людям, наверное, из-за своей видимой простоты и неприхотливости. Думали, как правило, так: лёгководолаз опускается без труда под корму, тем более - со страховкой, разрезает ножом запутавшийся кошель или трос, и дело с концом. Операция занимает каких-нибудь пять минут, да к тому же выходишь на поверхность героем для всего экипажа судна минимум на неделю, что, в свою очередь, обеспечивает тебя и твоих товарищей на этот срок отборными камчатскими крабами, недоступными для аквалангиста, по причине обитания ракообразных на больших глубинах, раковинами вкусного моллюска-трубача и не менее аппетитными осьминогами... Но на деле всё обстояло совсем иначе.

Требовалось, во-первых, немало физической подготовки, чтобы, постоянно подрабатывая себе ластами и, то и дело, меняя руку на насадке, висеть, таким образом, длительное время, когда порой не хватает даже одного акваланга для устранения неисправности. Чаще всего под воду приходилось опускаться вдвоём. При этом ты пытаешься с помощью ножа, а вернее всего – молотка и зубила, высвободить хотя бы небольшой краешек затиснутого на шейке винта троса, но это тебе не сразу удаётся. Хорошо,

если он целиком состоит из пеньки и капрона, без разного рода металлических вкраплений, а то недолго сбить дыхание, и тогда уже хочется только вырваться на поверхность, содрать маску и глотнуть желанного воздуха.

Но этого делать нельзя даже потому, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах товарищей. Следует тотчас взять себя в руки, постепенно успокоиться и продолжать начатую работу, сантиметр за сантиметром освобождая намертво скованную шейку винта. Только терпение, кропотливая неутомимость и выдержка могут оказать тебе в сложившихся обстоятельствах дружескую услугу, и ты ощутишь потом незабываемое удовлетворение от того, что всё же помог людям, проявил себя и подтвердил свою профессиональную выучку.

Как бы там ни было, но на твоих глазах при этом всегда раскрывались разные человеческие характеры всех членов подводной бригады, их отношение к жизни. Одна судьба, особо не открываясь другой, без труда миновала её, незаметно для себя обгоняя, так и не соприкоснувшись. Какие-то судьбы, неожиданно соприкасаясь, какое-то время представлялись друг для друга неразлучными, но затем неприметно разъединялись. Иные же, не находя в своём вынужденном соединении ничего особенного, в скором времени переплеталась уже намертво. Были и такие, что бесповоротно запутывались в переплетении собственной нерешительности и пустых мечтаниях. Кому-то удавалось, хотя и с потерями, проскакивать наиболее опасные места, некоторые оставались совершенно непрошибаемыми, а кто-то двигался по жизни лихо, ничего не боясь и особо не задумываясь, относясь ко всему с юмором.

Происходило нечто, известное каждому, но далеко не каждым объяснимое и посему проскальзывающее мимо внимания, как само собой разумеющееся, привычное. На самом же деле всё обстояло гораздо серьезнее, чем это казалось, и временное соединение наших жизней в одно целое, тем более – при работе под водой, было тому прямым подтверждением.

Выходило, что каждый человек, как бы полно он ни рассчитывал на живую помощь товарищей, шёл к собственному «я» своим путём. Один знает, что делает, и в этом ему помогают обстоятельства, другой плетётся в конце, переступая с великими мучениями, постоянно оглядываясь, не решаясь отправиться вперёд решительно, третьему, ничего толком не ведающему, на всё глубоко наплевать, ему важно только собственное благополучие, а кто-то ушёл очень далеко и уже ни для кого недосыгаем.

И вот, однажды, им всем суждено встретиться, чтобы хорошо исполнить какую-то работу. Представляя себе эту, отчасти, условную картину, совершенно логично будет предположить, что все они, эти люди, разные, и обладают, соответственно, различными возможностями и уровнями знаний. Человеку сильному, например, предстояло бы не возгордиться и, оставаясь снисходительным к чужим слабостям, суметь сохранить при любых обстоятельствах свою жёсткую, но верную позицию лидера. В силу

превосходящего над другими людьми опыта и преобладающими в его характере волевыми качествами, он должен был испытывать чувство ответственности за каждого, кто нуждался в его поддержке.

Невозможно пройти этот путь, никого не обидев. Обида будит в человеке зачастую не лучшие качества, но именно с её помощью удаётся вытащить на свет пропасть человеческих добродетелей, главная из которых – равнодушие к собственным возможностям и силам.

Слабому человеку всегда хочется пройти до цели кратчайшим путём. Безошибочно угадывая о том, что его может ожидать, если он будет честен по отношению к самому себе, человек пренебрегает самой дорогой, не подозревая, что короткий путь не есть самый верный. Полагая, что честная дорога недостойна его внимания и совсем необязательно прилагать в жизни максимальные усилия, он пытается перескочить через целые куски своей судьбы, и его, конечно, рано или поздно постигает разочарование. Для преодоления своих неудач и раскрытия собственной сути ему необходимо участие в подобных сообществах, какой была наша бригада на протяжении десятка лет, поскольку в одиночку человек со своим незнанием никогда не справится.

Теперь, вспоминая то время, когда нами были совершены самые разнообразные по характеру и сложности экспедиции, я всё чаще задаю себе вопрос: что же такое дружба? Всплывающие из глубины человеческой души робкие пузырьки внимания и привязанности, безнадежно лопающиеся на поверхности? Как те, что оставались после нас, в голубой воде, упругие и стремительные от скрытой в них силы, летели они к своей неминуемой гибели, так, что ничего нельзя было поделать. Неведомое количество пузырьков, устремляясь ввысь, случайно сталкиваются и, на короткий миг, соединившись, возносятся к открытому воздуху, создавая феерическое торжество, неопишущую радость соперничества, а потом – их нет...

Дружба – это, наверное, всегда первооткрывательство... В силу необъяснимых обстоятельств или симпатий кто-то кого-то находит, восторженно признаётся в этом себе и другу, и долгое время бережно пользуется. Часто к гордости обладания примешивается безмятежность, и тогда, вскоре, твоя мечта и обладание чем-то дорогим, прямо на глазах разбивается в прах, исчезает в неведомой дымке, как привидевшийся мираж. С утерей постепенно приходит понимание, что, открывая и приобретая, берёшь на себя великую ответственность. Но случается, что мечта, припадая на одно крыло, умирает, так и не взлетев. Нередко я начинал думать и о том, что дружба – это, скорее всего, общение по интересам, и такие отношения предполагают, наверное, лишь товарищество, нежели действительно дружбу, поскольку дружба – это, несомненно, любовь... А любовь крайне редка и рождается на небесах: не важно – мужчину ты любишь или женщину. Настоящая любовь – это всегда отдача себя, без всяких условий.

Любовь друг к другу возникает, по большей части, в молодости, потому, что именно в эту пору наиболее часто и крепко зарождаются разного

рода мужские сообщества. Молодая кровь и ожидание от жизни самых невероятных приключений, как ничто, способствует этому. Редко кому удаётся миновать простую и испытанную в жизненных боях схему: знакомство, необузданные заверения в верности и неминуемое расставание. Лишь овеванный истинным знанием жизни неподвластен злой силе разъединения, да только откуда же ему взяться в двадцать пять лет?!

После нескольких экспедиций мы поняли, что неприятности обычно подстерегают нас не во время явной опасности, когда нервы и усилия всех максимально собраны и напряжены, а при расслаблении, в самые безобидные моменты, при непростительной утере внимания друг к другу, и возможности руководить своими чувствами и поступками.

Чрезмерная усталость, накапливаемая неделями, часто выплёскивает из человека всё, что в нём есть неосознанного. Рано или поздно вскрывается внутренняя сущность человека, если она не была выявлена ранее. Ведь суровые условия обнажают человеческую душу до самых её глубин. Этот момент надо постараться во время уловить и понять. Но как добиться понимания, если не прошёл путь испытаний?!

Ни чем не рискуя, ничего не достигнешь. Окунуться в мир открытий и приключений дано не каждому. Только очень смелый человек может пойти на значительные жертвы ради того, чтобы острее чувствовать жизнь во всех её проявлениях.

Преодоление страха также является одним из самых серьёзных устремлений человека к постижению. Боятся все, но преодолеть себя оказывается подвластным далеко не каждому. Выше всего ценятся жертвы, принесённые во имя познания, а это есть – духовные усилия.

Тот, кому не терпелось познать мир, кто постоянно ощущал свою ответственность за находящихся рядом людей, в любой ситуации и очень быстро овладевал собой. Таких, как правило, находилось двое-трое – не больше, но они никогда не переводились. Только они могли взять на себя смелость принятия решения и повести за собой остальных.

В море ты рассчитываешь, в первую очередь, на живую силу – силу своих товарищей, а потом уже и на собственную. Всё остальное только даёт иллюзию, что на него можно положиться. Помощь «стариков» всегда была оправдана, но, беря на заметку только опыт их жизненных сил, нельзя было быть уверенным, что он беспрекословно себя окупит. Наивность воззрений новичков, их неукротимый задор порой определяли в деле немало. В любом случае, благодаря усилиям всех участников экспедиции обстановка в бригаде, когда этого требовалось, постепенно приводилась в порядок, изгонялось всё ненужное, и в результате оставалось только то, что необходимо для жизни.

В конце каждой экспедиции ты чувствовал, что нет для тебя на свете дороже людей, чем те, что окружают сейчас. Ты испытывал потребность быть с ними всегда вместе. Это ощущение спаянности – лучшее, что дарили нам молодость, наша неукротимая жажда приключений и море.

Их союз казался непоколебимым. Он таким и остался для всех нас, правда, мне становится грустно при мысли, что ни одна из этих экспедиций уже никогда не повторится. Но главное – они были!

... Слушая, как переговариваются между собой камни, я успокаиваю себя мыслью, что каждый из нас никогда не забудет ничего и будет нести эту память в себе всю жизнь, что бы с ним ни случилось. А потом, когда-нибудь, достанет из шкафа большую белую раковину, даст её послушать сыну и по блеску в его глазах поймёт, что прожил свою молодость не зря.

ДАРЫ МОРЯ

Когда погружаешься в голубовато-мутную бездну, лёгкая тревога в ожидании дна на какое-то время не покидает тебя, уши сдавливает режущая тяжесть, от которой следует избавиться с помощью продувки, но вот уже возникают из темноты изумрудные островки водорослей, и как будто другая, неведомая планета открывается твоему взору. Ты – под водой, в волшебном царстве, полном самых причудливых драгоценностей, когда даже один вид их необыкновенно волнует сердце!

Радостно само пребывание в толще чудесной морской воды, и надо же – в ней повсюду находятся и случаются совершенно непередаваемые по красоте явления, о которых ты, конечно, раньше подозревал, но и не думал, что они такие удивительные. А главное, все эти богатства моря так просты и доступны, что даже не верится, что их можно увидеть и даже прикоснуться к ним. Тебя охватывает непередаваемый восторг: дары моря теперь принадлежат и тебе тоже!

Как роскошно разнообразие подводных сокровищ, многие из которых забрать с собой просто не представляется возможным, поскольку неповторимая прелесть их исчезает вне водного пространства. Страшно порой дотронуться до пронизанных неведомым жаром пурпурных актиний, напоминающих небольшие древние сосуды. Каким образом в этой сумеречной прохладе мог сохраниться такой живой и пронзительный свет?! А белый, как снег, коралл, найденный на глубине, вплетается в морскую синеву ещё органичнее, чем белые буруны и белоснежные чайки над ними.

Сдержанно сияют в глубине амурские звёзды, напоминающие печные изразцы: их незатейливый сиреневый рисунок изящен и в тоже время прост. Бордовые эвастерии всегда крупны и округлы, словно надуты изнутри какой-то переполняющей их неведомой силой, и плавно возникая из окружающей синевы, они неторопливо притягивают к себе и убаюкивают. А вот – ромбовидные и пятиугольные патирии: они располагаются на дне целыми колониями, похожи на маленькие морские подушечки, и своим видом словно приглашают к себе на отдых. Окрашенные в густой синий цвет, с разбросанными по телу узорами из алых и оранжевых пятен, звёзды, в самом деле, действуют успокаивающе...

Даже через неопреновую перчатку все подводные реликвии ощущаются с трепетом, вполне живыми. Тело же становится ловким, послушным и, в противоположность возникающим из глубины диковинам, существует как будто в волшебном сне. Каждый участок дна обычно не похож на предыдущий, и непременно дарит что-то своё, необыкновенное... Необыкновенным в этом чудесном мире, в конце концов, кажешься себе ты сам.

Какая-то необъяснимая жадность к морским богатствам охватывала всех нас, когда мы добывали морские продукты на юге Сахалина, в лагуне Буссе. Порой она была так остра, что мы собирали под водой всё, что могло

привлечь собой наше избалованное внимание. В любом кусочке коралла, обыкновенной, ничем, вроде бы, непримечательной раковине или морской звезде виделось главное, та самая тайна, без открытия которой, казалось, тебе никак не обойтись. В каждой удивительной мелочи хотелось захватить с собой частицу этого очаровывающего мира, ибо никакие воспоминания в дальнейшем не смогли бы отобразить однажды увиденное под водой лучше, чем сама раковина с перламутровой гладкой внутренностью, в известняковых наростах...

Чудо природы, однажды её создавшее, до сих пор теплится в ней неуловимым присутствием, наполняет внутренним светом, непрекращающейся музыкой гудящих волн. Веками накапливаемая в моллюске сила ещё бесконечно долго будет поддерживать в раковине невидимую жизнь, которую с трепетом ощущаешь, когда бережно держишь её в руках. И, конечно, как-то само собой захочется поднести раковину к уху, осторожно приложить её и послушать... Раковина непременно отзовется на твоё внимание отдалённым вселенским гулом неведомого прошлого, временем, когда на земле ещё никого не было...

А какое разнообразие раковин встречается вдоль всего побережья Японского моря! Здесь можно найти пурпурные или оранжевые изнутри раковины рапаны – грозы устричных банок. Незабываемо красивы, чуть ли не со столовую тарелку, кремовые створки приморского гребешка. Чуть меньший по размерам, веерообразный гребешок Свифта сразу притягивает взор своими розовато-лиловыми и фиолетовыми переливчатыми тонами. Слоистые раковины японской устрицы – словно воздушные нагромождения морской пены. Гирлянды голубых мидий – это поистине неподражаемые дары моря, которые оно великодушно оставляет у своих берегов целыми гроздьями. Круто завитые временем, белоснежные букциниды, кажется, вот-вот разразятся трубным глубинным зовом. Изящные туринделлы, наоборот, вытянуты в тонкие трубочки-пирамидки, напоминающие головные уборы сказочных гномов. Пузатенькие, словно ларцы-кубышки мактры – скрытны и вроде как заключают в себе какую-то непредсказуемую находку, так что раковину не сразу и откроешь, даже уже высохшую, пустую, попавшуюся на берегу... Всегда хочется непременно завладеть такой красотой и как можно дольше сохранять её.

В мутновато-зелёной воде, на белом песчаном дне, пестреют тёмно-коричневыми пятнами неподвижные для глаз голотурии – трепанги, что представляются неведомыми существами в глубине какого-то сказочного аквариума. Неподалёку от них снуют по камням вечно озабоченные чем-то раки-отшельники, стараясь отыскать себе более удобный домик. Когда какой-нибудь моллюск погибает, раковину его тотчас занимает рак-отшельник, и, взвалив её ловко на себя, тотчас исчезает в первой попавшейся расщелине.

А вот, возле зарослей зостеры, крадётся мохноногий краб-тельмесус, окрашенный в красивый золотистый цвет... Стоит протянуть к этому

неповоротливому подводному пауку руку, как он мгновенно преобразается. Словно привстав на цыпочки и ощерившись, он прытко бросается в сторону, прижимается задом к какому-нибудь камню и угрожающе раскрывает свои клешни, попеременно поводя ими перед собой.

Рядом с маленькими серебристыми рыбками, устрицами, морскими звёздами и любопытными крабами существует и такое неповторимое, казалось бы, совсем не похожее на подводного жителя животное с множеством щупалец и очень выразительными глазами, как осьминог. Иногда его можно было потрогать, слегка потянуть за щупальцу, испытав на себе силу её многочисленных присосок, просто поиграть с ним. При добыче морского ежа и трепанга мы часто даже пытались потанцевать с осьминогами, расправив их щупальца, когда они были оторваны от дна, и эти необыкновенные морские существа иногда отвечали нам взаимностью.

Совершенно поражают восприятие и длинноиглые ежи-нудусы... На склонах буровато-серых и синих каменных глыб они замирают ошестинившимися чёрными шарами, будто ловя своими иглами слабо пробивающийся сквозь толщу воды рассеянный солнечный свет. Осторожно прихватив с собой ежа и приподняв его на ладошке у самой поверхности воды, можно увидеть, как вспыхивают на концах игл красные искорки, а сам он, неожиданно, наливается изнутри нежным рубиновым соком.

Неповторимо по красоте подводное царство... Повсюду здесь – головокружительное разнообразие форм, цветовых оттенков и самых причудливых повадок, и всё это – на дне, в сумраке сурового дальневосточного моря. Может быть, поэтому мир подводных обитателей так пристально притягивает к себе внимание людей, словно обещая им открытие вековой тайны бескрайнего водного пространства. И люди неотступно тянутся к морским богатствам, по возможности собирают их и бережно хранят.

«УСТРИЦЫ»

Устрицы... Кто не слышал этого распространённого названия моллюска, которого, между тем, далеко не каждый едал. И всё потому, что обитает он у нас преимущественно на Дальнем Востоке, у побережья Южного Приморья и Сахалина.

Помнится, меня немало озадачивало обилие раковинных куч по побережью мелководных, хорошо прогреваемых летом бухт и заливов в Татарском проливе, представляющих собой остатки именно устриц. И действительно, устрицы обычно живут колониями, на так называемых устричных банках или устричниках, но те, что попадались нам вдоль Сахалинского побережья, имели, скорее всего, искусственное происхождение, то есть – появились в своё время не без помощи человека. На Сахалине это впервые происходило, видимо, несколько тысяч лет назад, когда остров осваивали племена кончей и айнов.

Всё становится на свои места, если для объяснения этого факта привлечь сведения о самых примитивных формах ведения устричных хозяйств, сохранившихся ещё до наших дней в странах Восточной Азии. Для выращивания устриц в Японии и Китае с незапамятных времён применяют простой способ. На мелководе раскладывают или разбрасывают параллельными рядами гряды из камней и пустых раковин, к которым и прикрепляются личинки устриц. Через 2-3 года, когда они вырастут, устриц достают и на освободившееся место вновь добавляют раковин и камней, а также бросают молодь устриц, которую открепляют перед варкой взрослых моллюсков. Следовательно, такие устричники, скорее всего, являются остатками подводных огородов, а устрицы в раковинных кучах – продукт выращивания их примитивными методами.

Сейчас устричные банки уже немногочисленны, потому как моллюсков никто давно не разводит, да и шторма с приливо-отливными течениями постарались – многие из банок разбиты. И всё же, встречая белые устричные островки, на которые любят присаживаться неугомонные чайки, отчего-то радуешься неизвестно чему и долго смотришь, пока они не скрываются из виду. Вероятно, взгляд просто привлекает всё, что выступает из воды, подсознательно напоминая человеку об оставленной им, хотя бы на время, суше, и он вмиг пытается зацепиться им за ушедшую из-под ног твердь, втайне не надеясь на зыбкую водную стихию.

В отличие от перемещающегося под водой приморского гребешка, устрицы относятся к неподвижным сидячим формам, и, образуя между собой тесное содружество, они прирастают к створкам своих соседей, составляя самые невообразимые гирлянды. Имея, к тому же, витиеватые тонкие окончания, наподобие хрупкой морской пены, эти гирлянды раковин и вовсе будоражат воображение, когда впервые зришь на устричное скопление, представляющее собой нечто, к чему хочется приблизиться и с удивлением

рассмотреть. Правда, края раковин очень тонкие и острые, как лезвие бритвы, и не дай бог наступить на них хотя бы даже в ластах, не говоря уже о неопреновых носках: последствия могут оказаться самыми плачевными.

Характерная особенность устрицы заключается в том, что прирастает она к камням левой створкой раковины. Вследствие этого раковина у неё асимметрична – левая створка более объёмиста и играет роль вместилища, в котором находится тело моллюска, тогда как правая, плоская, является как бы крышечкой. В отличие от левой створки – правая сохраняет подвижность: когда она приоткрывается, обнажается вход в мантийную полость, засасывающую воду и пропускающую её через своё тело.

Устрицы, как и рыбы, дышат жабрами, но их жабры действуют также и как фильтр, задерживающий фитопланктон. Происходит это благодаря тому, что жабры покрыты клейким веществом. Крохотные волоски, называемые ресничками, перемещают пищу от поверхности жабер к ротовому отверстию. Слишком крупная пища отбрасывается и смывается затем течением. Только одна гигантская тихоокеанская устрица, обитающая в Японском море, у южных берегов Сахалина, перекачивает в сутки десятки литров воды, отфильтровывая планктон и остатки организмов, составляющие её пищу. Всё занятие устриц заключается лишь в том, что они открывают и захлопывают створки своих раковин, довольствуясь тем, что приносит им море.

Размеры раковины у разных видов устрицы различны. Наша тихоокеанская устрица, принадлежащая к наиболее крупным формам, у сахалинских берегов с благоприятными условиями жизни достигает сорока сантиметров в длину при ширине в двенадцать сантиметров. Вообще, раковина устрицы сильно изменчива, потому как при росте левая, прикреплённая створка повторяет неровности грунта.

Обычно раковина не окрашена, и более или менее светла, но нередко, однако, у дальневосточной устрицы попадаются особи с лимонно-жёлтой, зеленоватой, фиолетовой и даже пятнистой и полосатой раковиной. На поверхности раковины всегда видны многочисленные линии роста в виде неправильных концентрических слоёв или пластинчатых гребешков, которые и придают устрицам разнообразные оттенки.

Под водой устрицы чаще всего держатся сросшимися друзами, волнистые створки раковин всегда чуть приоткрыты, и весь такой известковый монолит напоминает какой-то диковинный каменный цветок, невесть зачем оказавшийся на морском дне. Обычно устрицы накрепко прирастают нижними створками раковин к твёрдой поверхности, словно скрепляясь с ней при помощи неведомого раствора, так что оторвать их практически невозможно. Если только сбить чем-нибудь тяжёлым, например, крупной галькой, но и тогда не будет гарантии, что вы окажетесь обладателем желанной устричной друзы. Порой устрицы не поддаются даже зубилу или ломiku, в отличие от более доступных мидий, которые отдирать от подводных камней гораздо проще.

Пребывание под водой, когда вы исследуете донное пространство, сравнимо с самым настоящим чудом, и так оно и есть. Вы медленно продвигаетесь в серо-зелёной толще воды, всё тщательно осматриваете, и вам постоянно попадается что-нибудь новое. Вот вдали, на довольно обширной полянке, вы замечаете какое-то большое белое пятно... По мере приближения, очертания его становятся всё более отчётливыми, и скоро вы понимаете, что перед вами – целая глыба из громадных раковин-устриц...

В онемелом восхищении оплываешь это подводное диво, разглядываешь и даже не догадываешься прикоснуться к нему. До того увиденное необычно, и тебе становится так радостно на душе от всего, что с тобой сейчас происходит! Вот бы забрать такую красоту с собой, думаешь ты, поставить дома на стол и любоваться. Здесь, на Сахалине, подобное кажется вполне осуществимым, словом, обычным делом, и ты веришь, что эта устричная ваза будет, действительно, украшать твою квартиру, что уже немыслима без моря, она давно – подводный музей! Чудесные устрицы, верится тебе, найдут в ней своё место.

На оголённых же устричных банках, где сохраняются большей частью мёртвые раковины, они невзрачны. Светло-серые шероховатые устрицы покоятся громадной грудой, омываются солёными валами, и когда долго смотришь на них, чудится, что они оживают и начинают шептаться между собой. Прислушиваешься даже, склонившись над устрицами, и воображаешь себе неизвестно что, но спохватившись – улыбнёшься... Ты, устрицы и море, - как это чудесно!

Обширная мелководная отмель часто образует сплошной устричник... Широкой полосой, в десять-пятнадцать метров, тянется он параллельно берегу, завораживает своей белизной. Будто это – устричная мостовая, что ведёт к неведомым морским тайнам...

Раковины устриц лежат вплотную друг к другу, но такое ощущение, что они не особо этому рады. Как будто вынуждены находиться вместе, но и не могут никуда убежать. Да им этого, наверное, и не хочется, - только бы быть в море, жить его судьбой, становясь с ним одним целым.

Устрицы отличает от других раковин моллюсков волнообразные наросты на створках, подобно бесконечно набегающим на берег морским волнам. Наросты эти растекаются тонкими плёночками, даже – хлопьями, будто слоёное тесто, но притронувшись к ним – отдёргиваешь руку: об их острые края можно легко порезаться. Края створок тоже извиваются, плотно прилегая друг к другу, а приоткрывшись – оголяют мышцы мантии, прилепившейся к стенкам внутри раковины. Устрица обладает невероятной силой, когда неожиданно сжимает створки, в чём мне пришлось однажды убедиться, почувствовав её на своих пальцах: мощь мгновенно захлопнувшейся раковины выбила на глазах слёзы, и не окажись рядом приятеля с ножом, плохо было бы моё дело...

На рост этих морских моллюсков и их вкусовые качества влияет, как ни странно, малая степень солёности воды. Наиболее жирные и лучшие по

качеству устрицы собираются в тех местах, где солёность выражается всего лишь в двух-трёх процентах и морская вода разбавлена хорошим притоком пресной воды, как правило – у устья большой реки, впадающей в море. При большом процентном содержании соли в воде устрицы тоже растут неплохо, но тело их становится жёстким и неприятным на вкус. Это уже было известно в Древнем Риме, где собранных из разных мест устриц долгое время выдерживали перед употреблением в пресноводной бухте Лукрино, и только после этого подавали на стол императора.

В лагуне Буссе, на юге Сахалина, где мы добывали трепанга, морского гребешка и анфельцию, устрицы в обилии водились именно напротив впадающей в неё речушки. После работы мы обычно собирали раковины на небольшой глубине, значительно пополняя свой пищевой рацион, ибо ничто не придавало столько энергии при длительном напряжении, особенно - под водой, как ценный морской продукт.

Чем же ещё, как не своим содержанием, могут привлекать к себе устрицы, внешне представляя из себя коварные известковые нагромождения?! Дело в том, что нога у этих раковин совершенно отсутствует. Открыв устрицу ножом, это хорошо видно. Но рядом со слабо развитым туловищем раковины, опять же - из-за отсутствия ноги, можно сразу увидеть столбик мяса нежно-белого цвета: он и является целью промысла устриц, устремлением кулинарных гурманов.

Мясной столбик моллюска имеет такой же нежный вкус, попробовав который хотя бы однажды, уже не забудешь его никогда. Эта морская сочная мякоть, даже в чём-то пустоватая, - непередаваемое, подаренное морем блаженство, растекающееся во рту сладостно-душистой, ароматной негой, сравнения коему ни за что не отыщешь среди великого множества земных продуктов. Именно – сладость, невообразимая морская душистость, острая терпкость крохотного, созданного великой стихией кусочка, почему-то так притягивающего к себе самых отменных знатоков кухни. В нём - и холод неведомых морских течений, и упругость играющей под ветром волны, и сила, вернее, неописуемо-аппетитный, густейший смак, поднимающийся из самых глубин... Устрицы – неуловимая плоть и аромат морской воды!

Но не только человек любит насладиться мясом устриц: они составляют излюбленную добычу для многих животных. Молодые устрицы в массе уничтожаются различными рыбами и привлекают к себе крабов, которые не прочь полакомиться их нежным мясом. Морские звёзды, при помощи сильного желудка, прекрасно открывают устриц, запуская его внутрь раковины, и начисто опустошают её содержание. А натика, эта неприметная, казалось бы, морская улитка ловко просверливает крепкие раковины устриц и поедает их. Наконец, мидии иногда так густо облепляют сверху устриц, что последние задыхаются под ними. А бывает, что обширные устричники заносит песком длительные и сильные шторма, и тогда белые устричные банки превращаются в жёлтые песчаные косы...

Напротив нашего дома, на берегу залива Буссе, в тени кустов цветущего шиповника обычно всегда валялись раковины разных моллюсков. Разделанные и оставленные так просто гнить, чтобы потом приготовить из них красивые морские экспонаты, раковины источали сладковато-приторный запах, который душными волнами внезапно накатывал и так же быстро куда-то улетал. Ко всему этому аромату примешивалось крепкое и чистое дуновение с моря, сразу переворачивающее всё в тебе, обновляющее и зовущее к подводному труду. С раннего утра уже оказываешься там, в голубовато-зеленеющей прохладе, на дне, и забываешь обо всём, ловко собирая, одну за другой, упругие мясистые гусеницы шоколадного цвета – трепанг. Но, то и дело, поглядываешь по сторонам: не видать ли белых тарелочек приморского гребешка или, на худой конец, загадочных устриц?

С виду не такие уж и привлекательные, чаще – беловато-жёлтого, серого или даже грязноватого цвета, сплошь покрытые гроздьями мелких баянусов и известняковыми наростами, прилепившимися в несколько слоёв, раковины устрицы всё-таки притягивают взгляд. А когда раскроешь створки раковины и проведёшь пальцем по её нежно-голубоватой внутренности, представляющей из себя шелковистый фарфоровый налёт, то и вовсе залюбуешься... Густая по краям, синевато-бежевая окантовка светлеет к середине, где в маленькой впадинке, будто выдавленной чьим-то неведомым морским пальцем, располагается сам моллюск. Нежный, жемчужно-кремовый кусочек – изысканный на вкус морской деликатес, омываемый в раковинке таким же нежно-жемчужным соком, придающим моллюску особую пикантность. Предвкушая на губах тонкий аромат, вмиг забываешь о несурности известковых нагромождений вокруг этой нежности, но и нежность мясной мышцы и меловая твёрдость самой раковины порождены морем. Разве может оно быть грубым?!

Ради такого завораживающего, но короткого питательного наслаждения невзрачные раковины потом тысячами, уже никому ненужные, выбрасываются, и лишь немногие из людей забирают устрицы с собой, на сувениры, чтобы привезя домой, опять же – забросить их в какую-нибудь коробку. И устрицы лежат там, в темноте, и, наверное, вспоминают, как совсем недавно они поднимались из воды белеющими среди морской синевы маленькими банками... Чайки с удовольствием облюбовывают их, и по птицам, собственно, и можно определить, что в этом месте находится почти невидимый, сливающийся с морской поверхностью устричный островок. Чайки почему-то никогда здесь не кричат, и неспешно расхаживают среди замерших раковин, как будто заняты чем-то важным. Впрочем, что может заинтересовать этих вездесущих морских пернатых кроме возможности чем-либо поживиться?

Устрицам же вольготно чувствовать себя рядом и с морем, и с птицами, и они, конечно, не ведают, что рано или поздно будут отлучены от родной стихии, наполняющей их такой нежной и трогательной силой, которую вскоре сдобрят лимонным соком, пряностями, сухим вином, и с аппетитом

съедят. А может быть, устрицы так и останутся навсегда в своей обители, и море будет омывать их крепкую известковую оболочку, ласкать нежные внутренности, и однажды в раскрытые створки раковины попадёт песчинка, которая постепенно обрастёт перламутром и превратится в драгоценную морскую слезинку – прекрасную жемчужину.

«ГРЕБЕШОК»

Донное население океана отличается поразительным разнообразием форм жизни и поистине чудесным приспособлением к ней. Многие учёные полагают, что и сама жизнь впервые появилась на его дне. Особенно незабываемы многочисленные донные животные на шельфе, то есть на глубинах от уреза воды до 200 метров. На эти глубины ещё проникает свет, в воде здесь очень много органических веществ, и это даёт возможность существовать самым разнообразным ракушкам. Главные из них на Дальнем Востоке – устрица, мидия и приморский гребешок...

Все ракушки обычно привлекают к себе внимание в силу того, что скрыты от взоров наблюдателя, а также по причине своей малоподвижности, но именно их скрытность, частично отображающая таинственное морское дно и его обитателей, и вызывает к ним, в тоже время, неподдельный интерес. Кто из нас ни желал хотя бы раз в жизни стать обладателем красивой большой ракушки, которую бы можно было поставить дома на полку, изредка брать её в руки и прикладывать к уху, с трепетом вслушиваясь в отдалённый загадочный гул, настойчиво исходящий из её завитых глубин? К тому же притягивает к себе изменчивость форм раковин, их причудливые очертания и неведомый для многих из нас образ жизни.

Как ни странно, но примитивное строение ракушек, несмотря на внешнюю привлекательность, подразумевает их сложное внутреннее устройство, которое включает и желудок, и кишки, и печень, и сердце, и почки, и нервную систему, состоящую из нескольких пар нервных узлов. Есть у раковин и рот, мускулы-замыкатели, с помощью которых створки открываются или закрываются, заднепроходное отверстие, выводящее переработанные продукты питания, жабры, половые железы, нога... У них нет только головы. Ракушки – удивительные живые существа, приспособленные к жизни под водой.

Но как раковины передвигаются? Этому способствует нога, непосредственно переходящая в туловище. Действие этого органа можно легко наблюдать при содержании ракушек в аквариуме на слое песка толщиной в несколько сантиметров. Лишь только ракушка успокоится, её раковина приоткрывается, края мантии слегка выпячиваются, и наружу высовывается передний конец ноги подобно языку. Если кругом безопасно, нога высовывается всё дальше, погружается в песок, и ракушка начинает продвигаться вперёд или закапываться в грунт передним концом, приподнимаясь на своей ноге. Пройденный ею путь оставляет след в виде неглубокой бороздки.

И всё же, большая часть ракушек вынуждена оставаться неподвижной, в отличие от гребешков, что приспособились ... летать под водой. Да-да, именно летать, совершая сначала небольшие прыжки, ну, совсем как лягушка, а затем – стремительно перемещаться под водой на несколько метров. Гребешок - ещё одно из нескончаемых подводных чудес!

Обычно гребешок лежит неподвижно, и его неодинаковые створки, одна – выпуклая, на которой он и покоится, и вторая – плоская, прикрывающая первую, наподобие крышечки у сказочного ларца, – приоткрыты... По обе стороны макушки выдаются плоские усики, а к краю раковины лучами расходятся более или менее выпуклые рёбра. Между краями створок располагается мантия, усаженная многочисленными щупальцами и глазами, которые блестят как бриллианты. В темноте глаза моллюска, число которых превышает сотню, светятся зелёным светом, устроены они довольно сложно и имеют светопреломляющий хрусталик. Так что эта ракушка видит!

Правда, глаза морского гребешка могут «видеть» лишь то, что находится в самой непосредственной близости от них. В этом легко убедиться, поместив гребешка вместе с его самым яростным преследователем – морской звездой. Ракушка лежит спокойно, пока опасный враг не приблизится почти вплотную. Только тогда глаза гребешка становятся способны его различить, и тотчас следует спешное бегство. В этот момент у гребешка мгновенно сокращается очень чувствительный мускул, который быстро захлопывает створки, с силой выталкивая из раковины воду, в результате чего и происходит скачок, а в некоторых случаях – планирование. Этому способствует ещё и очень округлая форма раковины гребешка, напоминающая совершенный летательный аппарат.

Недаром, наверное, округлённые по линии створок края мантии гребешка называют парусами, с помощью которых раковина, собственно, и захлопывается, а затем – перемещается. Это совершается следующим образом. Когда створки раковины раскрываются, запустив воду, а затем быстро захлопываются, вода, находящаяся в мантийной полости, с силой выталкивается наружу. Но по краю створок она встречает сопротивление парусов мантии, которые обычно загнуты внутрь, и в этот момент они расправляются, образуя своего рода клапан, не пропускающий воду. Поэтому вода выбрасывается двумя сильными струями вблизи места соединения обеих створок, так как здесь паруса отсутствуют. В результате тело животного получает настолько сильный толчок в противоположном направлении, что, отделившись от грунта, совершает прыжок, а порой даже – стремительное планирование, которое не всегда и заметишь, до такой степени оно молниеносно.

Долгое время я был убеждён, что гребешок имеет особенность двигаться за счёт реактивной струи, возникающей при резком захлопывании створок раковины только вперёд. То есть – по ходу естественного движения, используя свои обтекаемые формы, когда две упругие струи воды вырываются сзади, из ушек, и гребешок летит столь далеко, насколько сильно сработали его внутренние мышцы-замыкатели. Но для меня явилось полной неожиданностью то, что гребешки могут двигаться в сторону открытых створок, причём, когда они растворены. Правда, не так далеко, как

бы это происходило по естественной инерции движения, после мускульного толчка, зато с резким поворотом вокруг собственной оси.

Лишь гораздо позже выяснилось, что движется гребешок с открытыми створками вперёд тогда, когда спокоен, и выбрасывает он воду двумя струйками сзади, через щели около замка. А вот потревоженный моллюск начинает выталкивать воду с силой через сами створки, двигаясь замком раковины вперёд. Ну, чем не аквамарина с естественным подводным двигателем!

Кстати, наиболее расположены к передвижению маленькие гребешки, живущие как бы стаями, и продвигаются они по дну моря одновременными прыжками. Нам-то кажется, глядя на спокойную поверхность океана, что и на глубине его всё относительно спокойно, и разве помыслит какой-нибудь достопочтенный гражданин, что над дном там летают стаями молодые раковины-гребешки! Только самые крупные, старые, как и пожилые люди, которым наскучило жить, наверное, не стремятся к этому, потому как слишком тяжелы на подъём.

Гребешок обитает на глубинах до 50 метров. Поскольку он может перемещаться, то, когда у берегов ему становится слишком «жарко» - вода нагревается, он откочёвывает вглубь, а при похолодании выходит на мелководье. Мне приходилось лишь раз наблюдать подобное передвижение гребешка, причём, это был единичный случай, и поначалу я даже не сразу сообразил, что это перелетел с места на место именно гребешок. Уж слишком неправдоподобным показалось мне увиденное, и нужно обладать, наверное, достаточно буйным воображением, чтобы представить перемещение под водой целой оравы гребешков, молниеносно устремляющихся в толще воды к лучшей жизни!

Мало того, при необходимости перемены места и будучи потревожен, гребешок двигается зигзагообразно, совершая короткие прыжки. На новом подходящем месте, прежде чем успокоиться, он делает несколько круговых движений, благодаря чему его нижняя выпуклая створка немного зарывается в грунт. Створка эта, как правило, белая или желтоватая, а вот верхняя, выполняющая, как уже говорилось выше, функцию затворной крышки, уже более тёмная – коричневого или даже фиолетового цвета, благодаря чему гребешок надёжно маскируется на дне.

Интересна ещё у гребешков способность всегда соблюдать равновесие, ловко совершая переворот. Для этого у моллюсков существуют специальные органы, соединённые каналом с наружной средой; причём левый развит значительно сильнее, чем правый. Если после своего перелёта ракушка случайно опускается на дно плоской створкой вниз, которая у неё обыкновенно выполняет роль крышки, моллюск сейчас же переворачивается на 180 градусов, совершая это так стремительно, будто боится, что его застанут в неподобающей для него позе.

К слову сказать, из прямых врагов гребешка, помимо морских звёзд, на первом месте, по-видимому, стоят всё же осьминоги. Эти умные головоногие

часто оставляют характерные кучи раковин гребешка с обломанными ушками или краями у замка. По этим кучам водолазы узнают о близости крупного осьминога.

Бывает, на поверхности раковины гребешка селятся асцидии и актинии – непревзойдённые по красоте подводные вазы и цветы, и гребешок этому соседству, кажется, только рад, оно ему нисколько не мешает. Наоборот, подобного рода симбиоз предполагает только взаимное удовлетворение, поскольку асцидии с актиниями таким образом перемещаются к более насыщенным кормами водным слоям, они теперь не привязаны к одному месту, а гребешок, благодаря им, обретает надёжную маскировку.

Но вот если гребешок облюбовали для себя ламинария или саргассум, образуя на его верхней створке целые заросли, то моллюск обычно погибает. Водоросль разрастается, плавучесть её постепенно превышает вес гребешка, и вскоре она всплывает на поверхность воды, поднимая и моллюска. Во время штормов поднятые со дна водорослями гребешки гибнут массами, будучи выбрасываемы на берег.

Среди выбросов на берегу нередко можно найти раковины самых разнообразных моллюсков, и местные жители, собирая их чуть ли ни ежедневно, используют раковины в качестве домашней утвари или для украшения жилища. Благодаря своей красивой форме и расцветке, ракушки, кажется, самой природой предназначены для этого. Совершенно естественно, что такие удобные и оригинальные предметы стали заменять старожилам пепельницы, скребки или даже посуду.

Мне всегда было безумно интересно просто собирать раковины, открывая для себя их таинственную, причудливую сущность. Отыскивать после шторма, угадывая в занесённых песком фрагментах что-то дорогое, очень близкое, радоваться обрётённой красоте и удивляться непревзойдённому мастерству природы, необыкновенно родному для всех нас морю...

Именно поэтому, наверное, людям нравится прикладывать раковины к уху, пытаясь услышать отголоски стихии, когда-то породившей их самих, но вот гребешок удовлетворить этого желания не в силах: створки его достаточно плоские, не несущие в себе никакой скрытой тайны. Поражает взгляд только плавная округлость белой ракушки, порой достигающей размером столовую тарелку! Глядя на такие раковины приморского гребешка, самые крупные среди всех ракушек, обитающих в дальневосточных северных водах, почему-то приходят на ум гигантские тридакны...

В южных морях, среди кораллов, живёт этот моллюск, напоминающий ребристыми выпуклыми створками своего дальнего сородича. Его массивная раковина достигает в длину два метра, а весит более двухсот килограммов. Правители Венецианской республики поднесли королю Франциску I две тридакны, которые и по сию пору находятся в парижской церкви Сен-Сюльпис и служат в качестве купели.

Аквалангисты, ныряя в тропических морях, могут наблюдать яркую мантию моллюска, окаймляющие створки раковины по всей длине в виде полосы красивого изумрудного цвета. Если поднести к створкам руку, они закрываются, правда, не очень быстро. Моллюск оснащён специальным органом, который оповещает о приближении посторонних предметов заранее, и ему нет надобности захлопывать створки резко. Они закрываются медленно и не могут причинить никакого вреда пловцу, будто бы намертво зажимая его руку, после чего он становится неминуемой жертвой моря. Истории о незадачливых пловцах, оказавшихся в этом живом капкане, вероятнее всего, сильно преувеличены.

Для нашего приморского гребешка, во много раз уступающего по размерам тропической тридакне, присуща способность захлопываться именно мгновенно, что оказывается губительным для морских птиц, в частности, для баклана, которому гребешок зажимает клюв, когда тот пытается полакомиться его внутренностями, или птицу привлекает жемчужина, изредка попадающаяся в раскрытых створках этого моллюска. Баклан – великолепный ныряльщик и пловец, и способен опускаться за кормом на глубину в несколько десятков метров. Работая на рыбодобывающих судах, нам частенько приходилось обнаруживать в донном трале этих птиц, задохнувшихся в крепком капкане из створок гребешка, и всегда было жаль пострадавшую птицу, но поражала и непреклонная сила моллюска, с такой неумолимостью не отпускающего свою жертву, самого себя при этом обрекая на гибель.

Этому печальному факту чаще всего способствует образ жизни гребешков, которые обычно торчат среди водорослей вертикально, воткнувшись в донный грунт «шарнирными соединениями» своих створок. Как будто смотрят вверх и чего-то ждут, чуть приоткрывшись. Их замершие позы свидетельствуют скорее об отрешённом покое, нежели настороженности. Но так, по-видимому, гребешки обедают, профильтровывая через себя богатую питательными веществами воду.

Впервые я увидел их в таком положении в лагуне Буссе, на глубине трёх-четырёх метров. Как правило, их всегда оказывалось больше у берега, в зарослях зостеры, чем в середине лагуны, на иле. Раковины стояли не шелохнувшись, как часовые, но когда к ним подплывёшь и протянешь руку, они захлопывались и молниеносно скрывались в водорослях, оставляя после себя облачко мути.

Немудрено, что стремительные ныряльщики – бакланы, успеваали-таки сунуться клювом в раскрытые створки, но оказывались пленниками. Хорошо, если гребешок попадался маленький, и баклан мог подняться с ним на поверхность, попытавшись его сбросить, но когда раковина большая, она даже не даёт птице оторвать себя от дна, и птица погибает.

Для человека в гребешке особую ценность представляет мускул-замыкатель. Эта массивная, беловато-кремового цвета мышца соединяет обе створки раковины и при своём сокращении захлопывает их. По объёму эта

мышца составляет значительную часть тела гребешка, и ради неё-то в основном и добывают моллюска. Мышца эта очень вкусна и питательна. Её едят и в сыром, и в жареном, и в запеченном виде.

Добывая в лагуне Буссе трепанга и морского гребешка, мы, конечно, не могли не включить его в свой рацион. Исключительно сочные и душистые столбики нежного мяса, просвечивающие насквозь даже в туманный день, они и своим видом, сырые, вызывали аппетит, не говоря уже о впечатлении, когда наш повар-кореец запекал их в тесте. Маленькие круглые пирожки, с удивительно ароматным соком, образующимся внутри, вызывали среди подводников особое восхищение. После такого завтрака в теле ощущалась необыкновенная приподнятость, настрой на работу, и мы не сразу поняли, что виной тому был именно гребешок, его нежное и вкусное мясо.

Ещё гребешка можно отварить минут пятнадцать в слабом соляном растворе, а затем, обваляв его в муке, обжарить с луком в масле до тех пор, пока он не покроется румяной корочкой. В сочетании с овощным гарниром мясо гребешка непередаваемо вкусно! Так же морского гребешка запекают, для чего мясо мускулов слегка отваривают и помещают в вымытые раковины, добавляя к нему сливочное масло и яйца. Перед тем как запеканку подать на стол, её посыпают тёртым сыром.

В старину гребешка добывали двумя очень своеобразными, но, в то же время, простыми способами: ловлей с лодки сачком, насаженным на длинный шест, и на шнур. В первом случае ловец, сперва, высматривает гребешков на дне, и затем поддевает их сачком. Для разглядывания дна служило так называемое «корейское окно» - приспособление, широко распространённое у народов Дальнего Востока. Деревянный ящик, открытый сверху и снабжённый стеклянным дном, погружается стеклом в воду, и наблюдение ведётся через стекло. Благодаря этому рябь на поверхности моря совершенно не мешает наблюдению и в тихую погоду один ловец за день вылавливает сачком 100-200 гребешков. После дождя лов сачком невозможен, так как вода становится мутной.

Ловля гребешка на шнур – тоже любопытный и весьма древний способ, правда, возможный только на участках с очень ровным дном. Сначала ставят буйек с камнем или якорем. К последнему привязан шнур в 1-3 мм толщиной и около 200 метров длиной. На шнуре, через правильные промежутки, укреплены свинцовые грузила. Во время лова, ловец медленно плывёт на лодке, описывая вокруг буйка круг и держа всё время шнур натянутым. При движении по дну шнур легко попадает между приоткрытыми створками гребешков, лежащих на грунте. Раздражение шнуром заставляет моллюсков захлопывать створки, и тем крепче, чем чаще ловец дёргает шнур. Вытащив шнур в лодку через некоторое время, ловец снимает висящих на нём гребешков.

Способ, конечно, не очень эффективный, поскольку раковины цепляются случайно, какие-то из них могут быть раскрыты в противоположную сторону или вообще затворены, да и при приближении

шнура они, как правило, быстро замыкаются. Гораздо рациональнее осуществлять добычу гребешков с привлечением труда лёгководолазов, когда они собирают раковины в сетчатые питомзы. Один лёгководолаз способен выловить в день несколько тысяч гребешков.

Бывает, гребешки располагаются на дне целыми грудями, будто сваленная, неизвестно кем, невытая фарфоровая посуда... Смотришь и не можешь поверить, что к этим залежам не прикоснулась чья-то всемогущая рука: до такой степени неестественны эти скопления крупных раковин, напоминающих неглубокие изящные пиалы. Фарфоровая белизна присуща только внутренней поверхности приморского гребешка, тогда как внешняя окрашена в нежнейшие оттенки самых разных цветов: белого, розового, жёлтого, сиреневого, коричневого и даже фиолетового.

А ещё трудно избавиться от впечатления, что под тобой, самым Японским морем, великодушно рассыпана гора японских вееров, которые округлы, ребристы и каждый содержит в себе особый рисунок... Будто неведомые зрители в спешке покинули этот подводный театр, но представление по-прежнему продолжается, где актёры – морские лисички и коньки, крабы и звёзды, мидии и медузы, а занавес – изумрудные заросли филлоспадикса и зостеры. Даже не театральное представление, карнавал!

Чем только не представляются раковины приморского гребешка: и фарфоровыми тарелочками, и чудесными пиалами, и театральными веерами, и потаёнными подводными ларцами, вернее – шкатулками, и испанскими кастаньетами, ибо пара створок его скреплена чёрным лакированным сухожилием, напоминающим именно скрепление этих изящных музыкальных инструментов, и боевыми самурайскими щитами, и какими-то нагрудными знаками, бляхами, даже – орденами... Но люди приноровились использовать выпуклые створки этих раковин без особых затей в качестве ... пепельниц, что я неоднократно наблюдал на рыболовецких судах, метеорологических станциях, у маячников, и просто в домах местных жителей, обитающих по берегам суровых дальневосточных морей. И всё же, однажды, раковины гребешка обрели свой священный смысл ... на тулье шляпы пилигримов – паломников из Европы, устремляющихся тысячелетие назад к святым местам христианской религии.

В то время обычай паломничества в Палестину был уже достаточно распространён, и при отсутствии посуды глубокая и лёгкая створка гребешка применялась в качестве сосуда для питья. Пешеходы-пилигримы особенно использовали её для этой цели. В Палестине, перед возвращением домой, они выходили на берег моря, собирали на песке выброшенные штормом створки гребешка и прикрепляли на свою одежду. Так и стала раковина своего рода символом пилигрима, возвращающегося на родину после поклонения «гробу Господню».

В 12 веке паломничество сменилось крестовыми походами, и Палестина стала недоступна для бедняг-пилигримов. Заменителем «гроба Господня» стали служить другие христианские святыни, например, собор

Сант-Яго де Компостелла в испанской провинции Галисия. А для того, чтобы привлечь именно сюда паломников, лишённых возможности попасть в Палестину, епископ Сант-Яго де Компостелла добился разрешения папы римского на продажу около собора раковин гребешка. Специально для этого на побережье Атлантического океана собирали вогнутые створки. Пилигримы, возвращающиеся домой, снова могли украшать свои лохмотья знаком паломничества. А гребешок в результате приобрёл ещё большую популярность в Европе. В Италии он назывался «святая раковина» или раковина Сан-Джиакомо, в Испании раковина Сант-Яго, во Франции – раковина Сен-Жак.

Между тем, рыцари-крестоносцы, совершая в Палестину «паломничество» с мечом и копьём, тоже не были чужды тщеславия и цепляли раковины гребешка на свои доспехи. Получалось что-то вроде наклейки на багаже туриста. Привезённые домой, эти раковины благоговейно хранились и передавались из поколения в поколение. Так они попали в гербы некоторых родовитых семей, ведущих своё происхождение от участников крестовых походов.

Когда наступила эпоха Возрождения, стало вновь волновать души людей и будить их воображение забытое на тысячу лет искусство античных времён. При раскопках выжженных холмов Анатолии и руин Греции часто находили статуэтки Афродиты, которая родилась из морской пены в раковине гребешка, его можно было увидеть на стенах садов Помпеи, в мозаиках Геркуланума, в нишах древних храмов. Особенно часто встречался гребешок на погребальных памятниках. Он украшал свинцовые гробы римской Британии и мраморные саркофаги в Малой Азии, присутствовал в орнаментах на византийских гробницах.

А затем произошло с раковинами ещё одно внезапное превращение. Из символа исполнения высшего, по мнению церкви, долга христианина – паломничества к святым местам, раковина превратилась в символ ... нищенства. Среди нищих распространился обычай выдавать себя за пилигримов и протягивать к прохожим зажатую в руке створку гребешка, чтобы туда бросили монетку...

Картина же того, как мы добывали гребешок на Сахалине, в лагуне Буссе, очень хорошо стоит у меня перед глазами. Солнышко только поднимается из-за моря, а наши дорки уже отходят от причала и направляются к самым потаённым уголкам лагуны, туда, где обитает на дне этот необыкновенный моллюск. Беловато-розовые раковины гребешка лежат среди водорослей неподвижно, ничем не обеспокоенные, и мы тихонько продвигаемся к ним на своих небольших судёнышках, готовим к погружению акваланги и подгоняем снаряжение. Лагуна протянулась вглубь острова на добрый десяток километров: есть время, чтобы помечтать о предстоящем погружении!

Вскоре долгожданная прохлада окутает наши тела, сонм серебристых пузырьков устремится на поверхность, и ты останешься один на один с

подводной тишиной. Вот уже показалось песчаное дно, местами слегка колышутся островки zostеры, и, залюбовавшись на мгновение происходящим вокруг, тотчас настраиваешь себя на поиск. Нужно успеть добыть на один акваланг три-четыре, а то и пять питомз гладких, тяжеловатых раковин, будто покорно ожидающих того, когда ты их отсюда заберёшь.

Почему-то сразу ощущаешь, как гребешки замыкаются в себе, те, что были полуоткрыты – окончательно закрываются, и тишина под водой, кажется, ещё более замирает. Но обилие раковин приводит тебя постепенно в приподнятое настроение, и ты уже не замечаешь ничего, кроме возникшего напряжения. Быстро наполняешь раковинами питомзу и слушаешь, как они гулко ударяются друг о друга, будто переговариваются: донк-донк-донк!

Ещё вспоминается, что толстые розовые складки мантии по краям раковины похожи на губы, и, раскрывая створки, моллюски как будто улыбаются во весь рот. Любуешься этим «воздушным» поцелую под водой, и просто радуешься. Стоит протянуть к раковине руку, как гребешок захлопывает верхнюю створку, поднимая при этом облачко мути. Если он и не видит руку, то чувствует колебания воды.

Но иногда гребешок почему-то позволяет дотронуться до себя, не захлопываясь... Только чуть приоткроет створки, будто прищурится, и ты сразу ощущаешь, что этот подводный моллюск полон жизни: он видит тебя и понимает. А перелетает он не только когда спасается, но и, наверное, радуясь приключаящемуся с ним обстоятельству побывать в новом месте, где его, может быть, перестанут, наконец, беспокоить и гребешок раскроется, ничего не опасаясь.

До сих пор представляю, как в зеленовато-голубой толще воды, над самым дном, сорвалась с места изящная тарелочка гребешка, подняв облачко песка, и исчезла в глубине, будто её и не было. Так и моя мысль попыталась угнаться за ней, но замерла, поняв, что не получится, и остаётся лишь восхититься волшебной стремительностью моллюска, призванного, между тем, по большей части лежать неподвижно на грунте, время от времени раскрывая и затворяя створки. Как мне хочется опять оказаться в зеленовато-голубых водах Сахалина, тихонько продвигаться над дном, чуть подрабатывая ластами, и радоваться неизвестно чему: то ли возможности просто быть здесь, чувствуя себя слитным с окружающим миром, то ли любоваться на подводные красоты... В том числе – на этого забавного гребешка, такого удивительного и простого, божественно вкусного, совсем неземного!

«МИДИИ»

Когда плывёшь вдоль береговой полосы Сахалина под водой, летом, то застаёшь здешних обитателей в полном здравии и довольстве. Они, кажется, благополучно пережили и суровую зиму, и строптивую весну, и нескончаемые жестокие шторма, умудрившись ещё дать немалое потомство. Обилие жизни под водой в эту пору поражает: длинноиглые ежи нудусы вперемешку с меньшими по размерам интермедиусами образуют внушительные скопища под колыхающимся лесом из листов ламинарии, фукуса и ульвы; тут и медлительные, отрешённо замершие на песчаном дне трепанги – мясистые, шоколадного цвета гусеницы, называемые местным населением «подводным женьшенем»; вокруг снуют разноцветные масляки, терпуги и камбалы, нет счёту разномастным и очень забавным бычкам, по самые глаза зарывающимся в ил; на каменистых уступах горят немеркнущим подводным огнём ярко-красные кувшинчики-актинии, так что приостановишь движение и в недоумении любуешься на это незабываемое чудо, зачем-то обладающее такой неопишуемой яркостью; и куда не упадёт взгляд – повсюду, будто диковинные ордена, украшают дно морские звёзды – фиолетовые, оранжевые, чёрные и сиреневые в белую полоску...

Ну, а про раковины брюхоногих и двустворчатых моллюсков и говорить нечего, их – великое множество: морские блюдечки и сердцевидки, нептунии и улитки, рапана и галиотис, приморский гребешок и устрицы... Как и гребешок, и устрицы, к двустворчатым моллюскам относятся ещё мидии с мактрами, так же в обилии попадающиеся в шельфовой прибрежной полосе, и если мидии живут дружными семействами, то мактры лежат на морском дне в одиночку. Небозримо богат и красочен подводный мир у берегов Южного Сахалина!

Из-за этой скученности, мидиям, может быть, и приходится среди моллюсков тяжелее всего, ибо главный их враг – студёная зима, она сурово испытывает подводных обитателей на прочность. Ведь мидии, большей частью, держатся у берега, и в течение шести холодных месяцев приливная вода поднимает и опускает огромные ледяные поля, безжалостно наваливаясь на раковины своей массой. Множество мидий, обитающих на банках-отмелях, гибнет от такого соприкосновения. Гибнут моллюски и от переохлаждения, вмерзая в нижний слой льда. Весной же, когда огромные массы пресной талой воды стекают с побережья в море, они перемешиваются с разрушающимися ледяными полями, превращаясь в опреснённую снежно-ледовую кашу, и этот слой может достигать толщины двух метров. Такая студёная ванна не менее пагубна для мидий, чем ледовый плен, и моллюски бедствуют неделями, плотно сжав створки раковин.

Но и тем мидиям, что пережили зиму с весной, приходится нелегко: в естественных условиях им нет уже спасения от морских звёзд, с лёгкостью вскрывающих их раковины. Часто можно наблюдать, как эти животные просто пасутся на поселениях моллюсков. Уничтожая последовательно

одного моллюска за другим, они проделывают настоящие просеки, и если поселение небольшое, то со временем ликвидируют его полностью.

Морские звёзды никогда не пренебрегают роскошным обедом из мидий, чьи пустые раковины в изобилии потом встречаются на банках. Постепенно раковины становятся хрупкими, и прибойная волна обычно разбивает их в куски, а при последующем разрушении – раковины мидий превращаются в голубоватый ракушечный песок. Когда идёшь по такому песку, всегда не покидает ощущение, что почва исчезает под ногами, и ты тоже куда-то постепенно проваливаешься, но страха при этом не испытываешь. Приятна эта переживаемая у самого моря воздушность, что только ещё более соединяет тебя с родной стихией, и всё – благодаря чудесным голубым мидиям.

Не прочь полакомиться мидиями и крабы. Но чтобы добраться до мяса моллюска, им приходится изрядно потрудиться. Улучив момент, краб проворно всовывает конец клешни в приоткрытую щель между створок и не даёт им сомкнуться. А затем другой клешнёй выщипывает мантию до тех пор, пока обессиленный моллюск не откроет створки.

Что же касается обилия мидий, то оно способно оказывать и полезное воздействие. Неподалёку от одного английского городка в Девоншире построен длинный мост в 24 пролёта, подвергающийся действию приливно-отливных течений, которые настолько мощны, что цемент долго не выдерживает их разрушительного действия. Здесь на средства городской общины содержатся специальные суда для доставки мидий, и последними затыкают пазы, образуемые между камнями, из которых сложены устои моста. Мидии, прикрепляясь крепкими биссусными нитями к камням, надёжно удерживаются, несмотря на силу приливно-отливных течений, и предохраняют постройку от дальнейшего разрушения. По особому постановлению никто не имеет права собирать здесь мидий, иначе как с согласия и в присутствии уполномоченных общины: нарушение этого правила рассматривается как преступление и влечёт за собой изгнание провинившегося.

Чем ещё замечательны мидии? У мидий прочные раковины и они очень плодовиты... Самки мидий вымётывают за сезон до 20 миллионов яиц, а поскольку живут они до ста лет и половозрелыми становятся уже на пятый-шестой год, то нетрудно себе представить, какое множество потомков производит за свою жизнь всего одна самка мидии. Так мидии противостоят своей нелёгкой судьбе, постоянно испытываемой на прочность их же породившим морем.

Особое значение разведению мидий уделяют французы, а именно – в бухте Ане-дел - Эгюйон. Предание гласит, что здесь в 1235 году потерпел крушение корабль, на котором плыл некий ирландец Уолтон. Спасся только он один.

Кругом была пустынная местность, а есть Уолтону было нечего. Он попытался ловить морских птиц. Сплёл из травы сети и привязал их к

кольям, вбитым на илистой отмели. Птиц он не поймал, но вскоре обнаружил на сетях и кольях нечто вполне съедобное – мидии поднялись из ила и осели на них. Мидиями он с тех пор и кормился, пока его не подобрали люди.

Его-то, Уолтона, считают основателем одного из способов разведения мидий – на плетнях. Французы называют этот способ «бушо».

На мелководье, в приливно-отливной зоне, вбивают в ил кольца высотой в четыре-пять метров – это так называемые заколы, или бушоты. Первый ряд колея близко к берегу, где он обнажается во время отлива, второй за ним, дальше в море, и так следуют друг за другом много рядов заколов. Наиболее удалённые в море ряды служат коллекторами для сбора молоди мидий. Личинки оседают на них в апреле – мае. К июлю они подрастают настолько, что их можно собирать мешками.

Но лучшим считается способ выращивания мидий на плотях, на которых они растут в несколько раз быстрее, чем на грунте. Плоты крепятся на разного рода буйках неподалёку от берега, и с нижней стороны плота вниз, в глубину моря, свешиваются верёвки с грузилами на концах. Верёвок бывает до нескольких сот у плота средних размеров в двадцать квадратных метров. Плоты выставляют в море весной, и очень скоро на них оседают личинки. Они превращаются во взрослых мидий и растут быстро, так что к осени с каждого плота собирают до пятидесяти тонн мидий.

Перед продажей на рынок – мидий, как и устриц, обязательно помещают на несколько дней в очистительные бассейны с проточной водой. Весь улов – нежнейшее мясо с приятным вкусом и запахом, богатое белком, витаминами и весьма необходимыми нам микроэлементами, которых в мясе сухопутных животных мало. А ведь мясо более ценный в пищевом отношении продукт, чем любой овощ. Поэтому разводить мидий выгоднее, чем выращивать, например, картошку.

Всё в мидии идёт в дело: мясо – на консервы, створки раковин – на подкормку домашней птицы, а своей красотой они способны перещеголять всех двустворчатых моллюсков! В отличие от этих моллюсков, чьи раковины обычно имеют белый или желтоватый цвет, мидии представляют из себя чёрные, тёмно-синие или голубые лакированные коробочки, изящно изогнутые в форме слезы... Будто застывшие переживания моря, которые оно никому не желает показывать.

Створки мидии совершенно одинаковы, ни как у гребешка, и если смотреть на них сверху, то морская коробочка обретает ещё и обаятельную пузатость, такой уютный объём, что в нём чудится какое-то необыкновенное содержание. Хочется поскорее открыть её, хотя, конечно, понимаешь, что внутри – только органы моллюска, да может быть ещё жемчужинка, и ничего более, но форма раковины почему-то позволяет надеяться на чудо. А уж когда увидишь под водой гирлянды из мидий, то и вовсе захочется забрать их с собой все, целой связкой.

Удивляет ещё цепкость биссусов – корневых нитей, с помощью которых мидии крепятся друг к другу и держатся за грунт: отдирать их

приходится с огромным трудом. Чаще всего вместе с дружкой мидиевых раковин выдираешь гроздь увесистых подводных камней, и отделить их возможно только на берегу, воспользовавшись каким-нибудь тяжёлым предметом. Глядя на плотно сцепившиеся чёрные и тёмно-синие раковины - почему-то приходит на ум небольшая горная деревенька, так же дружно уместившаяся на склоне ущелья... Обычно створки многих мидий покрыты, как мхом, водорослями и известковыми наростами, напоминающими крыши крошечных домиков, отчего впечатление, что это – именно карликовая горная деревушка, особенно усиливается.

Правда, соединение с помощью биссусных нитей непостоянно: моллюск может оборвать их и передвинуться, как гребешок. И тоже - на свой манер: он выбрасывает эти самые биссусные нити в сторону движения, закрепляется ими и постепенно подтягивает в ту же сторону всю раковину. Как говорится, медленно, но верно. Затем выделяет свежие нити из особой железы, наподобие паука, плетущего свою паутину, и заново приживается в более благоприятном месте.

С возрастом мидии уже не ползают по камням, и, прикрепившись к полюбившемуся участку дна своими биссусными нитями, остаются на нём до самой смерти. Может быть, именно поэтому они образуют значительные, очень плотные сообщества, ибо им уже некуда спешить и что-либо менять в своей жизни. Порой мидии образуют слои поселений толщиной в несколько десятков сантиметров, и заметив под водой подобное мидиевое сборище – опять же только подивисься.

В самом названии этих двустворчатых моллюсков угадывается нечто простое и в тоже время необыкновенное: м-и-д-и-я. Вроде бы, совсем не схожее с суровыми северными водами, а более подходящее к тёплому Средиземноморью, может быть даже имеющее в корнях что-то греческое, изящное, и уж никак не основательное, волевое. Какое-то ласковое женское имя, принадлежащее загадочной, но не строптивой гречанке, живущей, непременно, у моря, и тихо черпающей от него силы... И всё же, не минула эта трогательная нежность и дальневосточных берегов.

Если вы угодили на какой-нибудь необитаемый дальневосточный остров или просто оказались, по воле случая, в одиночестве на пустынном берегу и вам нужно, во чтобы то ни стало, отыскать пропитание, то особых проблем вы с этим не ощутите: ведь повсюду вас будут окружать продукты моря. Это могут быть выброшенные штормом морские ежи, содержащие внутри вкусную оранжевую икру, многочисленные крабы и моллюски, прилепившиеся к камням, а в отлив можно легко поймать какую-нибудь зазевавшуюся рыбу или насобирать мидий.

В Японском море обитает гигантская мидия Грайяна, размер створок взрослой особи у которой достигает почти двадцать сантиметров. В такой раковине порой находится до килограмма богатого белками мяса, но есть мидий сырыми - не рекомендуется. В отличие от нежной черноморской мидии, которую знатоки едят сырой прямо у моря, дальневосточную мидию

необходимо печь прямо в раковине или варить, на худой конец – промывать в пресной воде, ибо Чёрное море изрядно опреснено, солёность его редко превышает 18 промилле, тогда как солёность Японского моря достигает 35 промилле. Поэтому содержащаяся в черноморской мидии вода лишь подчёркивает пикантность блюда, после же первой съеденной дальневосточной мидии можно обжечь солью горло. Съесть дальневосточную мидию сырою – это всё равно, что напиться морской воды, что само по себе будет достаточно чревато для вашего организма.

Кстати, в консервах из мидий часто попадаются жемчужины, о которых можно, наверное, сломать зуб. Очевидцы утверждают, что обнаруживали в банке с мидиями даже целую россыпь мелкого жемчуга. Правда, жемчуг этот тусклый, и совершенно непригодный в ювелирном отношении. Но мидии от этого не становятся хуже...

... Мне всегда были по душе скромные раковины северных морей. Своей простотой они привлекали больше, чем их замысловатые тропические соплеменники. В витиеватости южных раковин есть что-то вычурное, неземное, они – словно ненастоящие, а кем-то придуманные. Северные же раковины, несмотря на невзрачность, притягивают, безотчётно манят.

Даже попытаешься послушать неглубокую раковину мидии, прикладывая её к уху и надеясь угадать нечто неведомое. Пузатенькая, изящно выпуклая и удобно уместяющаяся в ладони, мидия, как и витые раковины брюхоногих моллюсков, несмотря на свою незамысловатость, всё-таки вызывает такое желание. К удивлению своему обнаруживаешь, что и она дышит давними временами, зачем-то поддерживая невидимую связь с тобой, и хочется ещё глубже познавать море, благодаря ему открывая себя.

«МОРСКОЕ БЛЮДЕЧКО»

Морское блюдечко – типичный обитатель прибойной зоны дальневосточных морей. Он встречается на прибрежных камнях и скалах, плотно присасываясь к их поверхности, обычно – в неглубоких выемках и расщелинах.

Раковина морского блюдечка состоит из одной створки, спирально завитой в правую или левую сторону, и на поверхности её, так же спиралеобразно оборачиваясь вокруг, располагаются хорошо различимые линии роста. Как правило, их количество не превышает двадцати, и по ним можно судить о вероятном возрасте моллюска. Форма же раковины может быть самой разнообразной: чуть приплюснутой, с верхушечкой, смещённой на бок, или, наоборот, возвышающейся правильной пирамидкой...

Вообще, этот моллюск характеризуется именно упрощённой симметричной раковиной, имеющей форму колпачка или опрокинутого вверх дном блюдца, отчего и получил своё название. Правда, назвать такую раковину блюдцем можно с большой натяжкой, ну, если только бы она служила в этом качестве какой-либо махонькой морской птичке, например, качурке. Несмотря на свою видимую хрупкость, раковина морского блюдечка очень крепкая и способна выдерживать беспрестанно набегающие упрямые волны, не боясь самого сильного прибоя.

Конечно, форма раковины морского блюдечка довольно примитивна, и всё же моллюски эти притягивают к себе внимание именно простотой своего домика, представляющегося очень обаятельным и укромным. Настырные волны не в силах сбить эти раковины с прибрежных камней, и морская вода, будто злясь на непокорных обитателей прибрежной полосы, свободно стекает с их гладких конических стенок. Верхушечки же раковин боевито заострены, и, несмотря ни на что, всегда настроены на рост. Так и хочется оторвать морское блюдечко от скалы и заглянуть – что находится у него внутри?

Приближается ли прилив, идёт ли отлив, внешне блюдца никак не реагируют на происходящее и со стороны выглядят совершенно равнодушными ко всему существам, даже – ленивыми. Это их исконное место обитания, где они живут, прочно присосавшись к береговым скалам, кажется, испокон веков. Конусовидные раковинки с голубовато-серыми, бежевыми и кремовыми верхушками прижимаются к камням так плотно, что между ними невозможно протиснуть лезвие ножа. Даже когда каменистая поверхность оказывается шероховатой и неровной, края раковины тоже становятся неровными и зубчатыми, следуя за всеми неровностями камня, что и даёт моллюску возможность прижиматься намертво.

Когда моллюска тревожат, он прижимается к камню, на котором сидит, с огромной силой, и чтобы преодолеть силу присасывания этой обыкновенной маленькой раковины, нужно загнать между раковиной и камнем острый железный предмет. Затем, действуя им как рычагом, следует

постараться отделить моллюска от камня, от чего чаще всего он разрывается: присосавшаяся нога остаётся на камне, а раковина с мантией и внутренностями отрывается. Но вот если моллюск сидит, приподняв раковину так, что голова его и боковые части тела остаются открытыми, то достаточно лёгкого удара, чтобы блюдечко отделилось от места своего прикрепления.

Долгое время считалось непонятным, как происходит прикрепление морского блюдечка: приклеивается ли оно выделением особых желез, или удерживается исключительно благодаря раковинному мускулу. Сейчас уже известно, что поначалу, действительно, выделяется слизь из множества кожных желез подошвы ноги, служащая для заполнения мелких щелей между подошвой и камнем, а уже после этого начинает действовать со всей силой раковинный мускул, кольцевая форма которого только спереди нарушается небольшой выемкой, благодаря чему он имеет сходство с подковой. Мускул напрягается при каждой волне прибоя, а также во всё время отлива, пока моллюск открыт действию солнечного света.

Раньше существовало ошибочное суждение, что из-за очень прочного прикрепления к скале морское блюдечко, якобы, никогда не меняет своего места. Однако оказалось, что моллюск всё-таки совершает путешествия, правда, только ночью. Замечательно, что, двигаясь определённым образом всегда в левую сторону, он, в конце концов, возвращается к исходной точке своего пути и укрепляется на старом месте точно так же, как сидел там раньше. Моллюску помогает при движении равномерное отклонение от прямой линии и его ориентация в бескрайнем морском пространстве ограничена всего лишь метром!

Морское блюдечко очень привязано к своему месту жительства. Оказывается, что только в том случае, если место, где моллюск живёт, претерпело коренные изменения во время его отсутствия, он решается на поиск нового и ни в коем случае не селится, где попало. При выборе более удобного места моллюск руководствуется потребностью в достаточно насыщенном водяными парами воздухе, поэтому и предпочитает расщелины в камнях, в особенности – их теневую сторону. Но что вынуждает морское блюдечко путешествовать, да ещё ночью?

Ночные странствования морского блюдечка служат преимущественно для утоления голода, и делать это в ночную пору менее безопасно. Моллюск во время своего передвижения объедает поверхность скалы, и обглоданная полоска выдаёт его путь, потому что всё время, пока животное ползёт, его радула, представляющая из себя толстые крепкие лезвия – прекрасный соскабливающий инструмент, постоянно находится в действии. Пищей моллюску служат различные микроорганизмы, обрастающие скалы, а попутно и небольшие растения, как ульва и фукус, но их он не отыскивает нарочно, поедая, главным образом, всё то, что может сбрызнуть по дороге с поверхности камня своей радулой. Его прочные зубцы вполне соответствуют своему назначению в прибойной каменистой зоне, но эта работа, однако,

ведёт к чрезвычайно быстрому изнашиванию орудия, и когда оно стирается полностью, моллюск погибает от невозможности кормиться, после чего раковина его отваливается, пополняя пустой ракушечник у прибойной полосы, где незаметно перетирается волнами в песок.

Но по берегам Японского и Охотского морей блюдечек встречается так много, а учёные обнаружили их здесь не менее 11 видов, что можно не опасаться: моллюск этот никогда не переведётся. Наиболее крупное из морских блюдечек – бледная акмея, встречается у Южного Сахалина и Южных Курильских островов. Её крепкая, толстостенная, почти белоснежная раковина достигает 6-8 сантиметров в длину.

Когда такая раковина, уже без моллюска и тщательно вылизанная морем, попадает к тебе в руки, её хочется взвешивать на ладони, проводить пальцем по гладким внутренним стенкам, в итоге не зная – что делать с ней дальше? Но сразу избавиться от раковины ты не в силах, и опять принимаешься вертеть её в руках, рассматривая и любуясь, пока не заберёшь на память, чтобы подарить затем какому-либо, хорошо знакомому тебе человеку. Помнится, я насобирал этих блюдечек великое множество, потому как все они привлекали своей формой либо окраской, и остановился я в своём увлечении только тогда, когда понял, что раковины стали повторять друг друга. Многие из них и теперь лежат у меня в шкафу, за стеклом, и я иногда зачем-то дотрагиваюсь до их прохладных боков или даже беру в руки, с сожалением возвращая обратно. Вы не поверите, блюдечки до сих пор тихонечко издают лёгкий гул накатывающегося прибоя, и мне кажется – совсем не переживают, что я лишил их любимого сахалинского побережья...

И вспоминаются опять изрезанные островные берега с глубокими распадками и чёрными скалами, песчаные косы и подводные гряды, плотно облепленные морскими блюдечками. Маленькие конические раковинки из хрупкого известняка всегда почему-то вызывали у меня робкое желание улыбнуться. Может быть потому, что стойко сопротивляются настырному прибою, и ещё напоминают так называемые «китайские шапочки» из соломы, с помощью которых китайские и японские рыбаки обычно спасаются во время работы от солнца, а моллюски и от многочисленных врагов...

Благодаря акмеям, плотно прилепившимся к мокрым камням, в памяти возникают именно трудолюбивые азиатские жители, когда же увидишь японцев или китайцев в соломенных головных уборах, перед глазами появляются изящные раковины морских блюдечек, что живут у самого моря. Виной тому, наверное, и удивительно схожие формы, и хрупкое обаяние линий, содержащее чуткую затаенность обычной природной правды, не стремящейся себя приукрасить, а лишь желающей защититься. Словом, в морских блюдечках заключено что-то очень трогательное, что и объяснить невозможно.

Иные раковины акмеи так выразительны своим окрасом, что поначалу даже примешь их за морские улитки или литорины: в самой середине, на

верхушечке, они имеют голубоватые пятнышки-отливы, окаймлённые нежной зеленью, напоминающей выброшенные после шторма водоросли. Удивительно неброское и ласковое сочетание этих красок как будто даже увеличивает раковину, делает её живее. Самого моллюска не видно, но домик его отличает изящество, и оттого хозяин этого домика воспринимается тоже изящным и милым. Маленький, с горошинку, моллюск, судя по своему обиталищу, живёт в нём вполне надёжно и радостно, ровно волшебная горошинка.

Нежное имя раковинки – акмея, и её оформленный природой аккуратный внешний облик вызывают в памяти не менее трогательное словосочетание – камея: украшение из камня с художественной резьбой и выпуклым изображением, чаще это оникс или агат. А иногда, как ни странно, изящная камея навеивает воспоминание о море, при виде же самой акмеи, чутко прикрепившейся к мокрому камню, вспоминается изысканная драгоценность, без которой невозможно представить трепетное отношение к любой красоте. Красота моря несёт в себе множество бесценных сюрпризов, и все они слагают его таинственную, чарующую негу. Море само является непревзойдённой голубой жемчужиной в обрамлении красного, чёрного и серовато-зелёного берегового гранита.

Чаще, всё же, акмея остаётся неброска, совершенно незаметна, ну, если только ты обращаешь на неё внимание в отлив, когда ещё не обсохшие раковины и камни блистают своими истинными красками. Имея в самой своей серединке, у верхушечки, голубовато-дымчатый налёт, который тоже представляется как лучезарное озерцо, окружённое тёмными скалистыми берегами, акмея, в миниатюре, напоминает породившее её море. Но вот лёгкий ветерок с неведомой для неё земли налетит, обсушит раковинку, и она опять замкнётся, став совершенно неприметной. Кто сейчас обратит внимание на эту неброскую красоту?

Мне всегда нравилось отмечать для себя эти неприметные проявления морской жизни, разглядывать их и запоминать. Так я однажды познакомился и с акмеей, сначала не зная, как называют эту аккуратную, изящную раковинку, а когда услышал её необычное, даже для моря, имя, ещё более возликовал от охватившей радости нахождения рядом с морским миром. Чего в нём только не сокрыто, и вот, пожалуйста, такая неприметная и трогательная данность – акмея!

Нечто воздушное, но и крепкое, неотделимое от мрачных каменных берегов. Словом, тонкое и строгое, кажется, еле уловимое, но всё-таки угадываемое маленькое имя моря: акмея. Чарующие подводные грёзы, убаюканный морскими волнами сон неведомого моллюска, его неизменная приверженность нестигаемым скалам...

Хоть и хрупка раковина акмеи, и изящна, а нелегко отделить её от этих неподатливых, угрюмых и обкатанных волнами могучих валунов. Акмея сама напоминает морскую галечку, уютно пристроившуюся в какой-либо расщелине, и у меня никогда не возникало желания лишить раковинку среды

её обитания. Лишь однажды я попытался отделить подводным ножом одну из приглянувшихся мне раковин с голубой каёмочкой, но чуть не сломал кончик лезвия, пока оторвал несколько моллюсков, добрую половину из которых просто раскрошил. Раковинки прикреплялись к камням намертво, и лучше было подбирать уже отсоединившиеся, пустые, чем нарушать живые.

Правда, старые известняковые домики выглядели уже невзрачно, они были по большей части грязновато-серого цвета, и лишь обкатанные за долгое время морем становились белоснежными. Да ещё форма раковин по-прежнему оставалась конической, возвышенной, как будто устремляющейся, несмотря ни на что, к чему-то недостижимо прекрасному. Лучше было, всё-таки, оставить всё, как есть: что хорошо, то и так хорошо, красивее не сделать. Море же тебе за то своим воздушным поцелуем одарит...

Вообще, в море меня постоянно не покидало ощущение, что оно знает обо мне всё, знает, что я не забуду о нём никогда, и когда-нибудь напишу о его течениях, туманах и ветрах, обитающих в глубине животных и таинственных зарослях водорослей, упомяну, конечно, и о камнях, тем более, о раковинах. Раковины и камни каким-то невообразимым образом чувствовали меня, делали всё, чтобы я их обнаружил в какой-либо подходящий момент, и если даже не забирал с собой, то обязательно бы рассмотрел, взяв в руки, затем аккуратно возвратив на место. Всё, что окружало меня в море и рядом с ним, было живое, оно излучало свою невидимую энергию, которая мною необъяснимым чутьём угадывалась, и от этого взаимопонимания с родной для тебя стихией жизнь становилась ещё более радостной.

«ГАЛИОТИС»

Всякий, кто бродил в часы отлива по оставшейся в углублениях скал воде, знает, сколько самых причудливых существ появляется здесь в это время. На первый взгляд кажется, что жизнь обитателей отливной зоны гораздо проще, чем у глубоководных организмов, поскольку она изобилует пищей, светом и вода здесь достаточно насыщена кислородом. Но с другой стороны - эти обитатели подвергаются непрерывным ударам волн, и дважды в сутки, во время ухода воды, вообще остаются без неё, отчего природа и наделила их высокой конической раковиной со сравнительно узким основанием, как, например, те же блюдечки или балянусы...

А вот моллюски, обитающие в более укрытых местах или на глубине, обладают низкой раковиной с широким основанием, и к ним относится галиотис, или – морское ушко, как его часто называют. Объяснить это можно только тем, что от животных, обитающих в незащищённых от волн местах, требуется значительно больше усилий, чтобы противостоять ударам волн и удержать раковину на месте. У тех же, кто находится в более выгодных условиях – в расщелинах скал или на глубине, поверхность раковины остаётся гладкой и обтекаемой, оказывая минимальное сопротивление воде.

Обитая, как правило, на небольшой глубине в несколько метров, морские ушки ведут схожий с морскими блюдечками и хитонами образ жизни, питаюсь водорослями и крайне вяло ползая, перемещаясь за десять минут всего на несколько сантиметров. Сходство с упомянутыми обитателями прибрежных скал проявляется также и в характере прикрепления к ним. Моллюск присасывается к скале большой плоской ногой, связанной с раковиной мощным мускульным столбиком, и в момент опасности, в противоположность большинству брюхоногих моллюсков, тело морского ушка не втягивается в раковину: оно, при довольно плоской и обтекаемой створке, обеспечивает ещё более плотное прилипание. Морским ушкам, таким образом, повезло: им живётся спокойнее, нежели иным моллюскам.

Может быть, именно поэтому раковины галиотиса имеют на своих внутренних стенках удивительный перламутровый узор. Не зря морские ушки издревле использовали как украшения и деньги. Слой переливающейся радуги из нежно-пронижененных цветов, когда раковина галиотиса попадает тебе в руки, зачаровывает. Всё ожидал ты от чудесного подводного мира, но увиденное - ни с чем не сравнимо: ни в гребешке, ни в мидии, ни в устрицах подобных переливов не обнаружишь.

Любопытно поведение галиотиса, когда его переворачивают на спину, отодрав от скалы... Иногда это удаётся сделать, если ты подстерёг момент, когда моллюск приподнимается на камне или переползает. Нужно только слегка сдвинуть моллюска в сторону, отчего он теряет силу притяжения, и перевернуть...

Перевернутый на спину моллюск сразу начинает совершать попытки вернуть себя в прежнее положение, чем очень напоминает маленькую черепашку. Концы ноги вытягиваются то в одну, то в другую сторону, ища точку опоры, и как только задний или передний конец ноги наткнется на какой-нибудь, хотя бы самый незначительный каменный выступ, соответствующий участку подошвы сейчас же прилипает к нему, а затем получает опору и вся подошва, и моллюск занимает нормальное положение. Моллюск не желает оставаться открытым, он для чего-то призван природой хранить свою внутреннюю красоту...

В чём же суть перламутра, смысл этой внутренней красоты раковины галиотиса? Как это ни странно прозвучит, но, возможно, все скрытые прелести его – результат тщательной работы природы, предназначенной ... охранить самого моллюска. Одностворчатая раковина морского ушка, достаточно приплюснутая, оплывшая, будто голубовато-серая слеза моря, растёкшаяся по поверхности подводного камня, именно оберегает свои внутренности, в том числе – и мантию, образующую створки раковины, одевающие тело ракушки.

Створка раковины у галиотиса, как, впрочем, и у других моллюсков, слагается из трёх основных слоёв. Первый - наружный, состоит из органического вещества конхина, обладающего эластичностью и высокой сопротивляемостью против разрушающего действия различных химических веществ, даже сильных кислот, и служит, таким образом, защитой для более нежных внутренних слоёв. Оба же других слоя, образуясь из склеенных органическим веществом известковых призмочек или пластинок, которые в среднем слое располагаются перпендикулярно к поверхности раковины, а во внутреннем, перламутровом, слое параллельно ей, ещё более надёжно укрепляют раковину галиотиса. Благодаря такому расположению пластинок в этом слое получается интерференция света, которая и вызывает характерный блеск и радужные переливы перламутра. Последние тем разнообразнее и богаче, чем тоньше пластинки, слагающие перламутровый слой. В общем, все эти слои раковины выделяются именно мантией и в случае её пролома они на повреждённом месте постепенно образуются вновь.

Кстати, истинное значение названия «галиотис», как это принято думать, не «морское ухо», будто бы произошедшее от греческого «халис» - море, и «отис» - ухо. Греки называли море «понтом», а «отис» у них выражало такое понятие, как «внимательный», «тонкий», «чуткий», на худой конец – воспаление этого органа. На самом деле, название его произошло от первой составной части сложных слов «гелио»/ от греч. Helios – солнце/, что означает «относящийся к Солнцу, солнечным лучам, солнечной энергии»... К тому же, «гелиотис» - это общее название перламутра, добываемого из раковин брюхоногих моллюсков, который отличается своей непревзойдённой окраской.

И ничего, что слово «перламутр» с немецкого переводится, как «мать жемчуга». Хотя, мы знаем, что жемчуг в морских ушках почти не

встречается, его, как ни странно, скорее можно обнаружить в мидиях, устрицах и гребешках, внутренние стенки створок которых не отличает такой богатый перламутровый слой, как в галиотисе.

Перламутр галиотиса необыкновенно будоражит наше воображение, когда мы перебираем в пальцах почти невесомую, изящно изогнутую створку раковины, переливающуюся красками закатного неба. Любуемся и не можем налюбоваться этой красотой, скрытой ото всех на дне моря, отчего она представляется холодной и совершенно бесчувственной, но, тем не менее, прекрасной. Розовые, зелёные, фиолетовые и пурпурные отцветы навевают какие-то неизъяснимые думы, не связанные с морем.

Как и морское блюдечко, этого моллюска нелегко отделить от камня, к которому он присасывается крепко-накрепко. Морским ушком галиотис, действительно, назван ещё и из-за характерной уховидной формы раковины, имеющей на внешней стороне, с одного края, череду маленьких отверстий, напоминающих собой вулканчики. Через них галиотис питается и дышит, постепенно наращивая в себе очень вкусный кусочек мяса. По этой причине его усиленно и промышляют, не забывая про толстый слой красивого перламутра. В дополнение к сказанному стоит заметить, что наличие отверстий на раковине галиотиса – его весьма характерная особенность... Учёные рассматривают эти образования, как остаток древнего деления раковины на правую и левую половины.

Снаружи обросшая известковыми водорослями и бугристая, буровато-коричневая раковина галиотиса почти неотличима на камне, и её скорее отыщешь на ощупь, обследуя подводный горизонт скалистой литорали. Особенно много встречается морских ушек в прибрежных водах Камчатки и острова Монерон, располагающегося в 26 милях к западу от южной части острова Сахалин. Берега острова Монерон скалистые, незначительно изрезаны и окаймлены большим количеством рифов и камней, на которых в изобилии и попадаются морские ушки, отчего камни под водой представляются живыми, а дотронувшись до них рукой в неопреновой перчатке, начинает казаться, что они вот-вот зашевелиятся и двинутся в холодную глубину. Так остро могут воздействовать на тебя галиотисы, плотно облепившие подводные камни своими вздутыми створками-желвачками.

Размер раковины морского ушка обычно не превышает 10-15 сантиметров, но известны виды с более крупной, до 20 и даже 25 сантиметров, раковиной. Отделить такого моллюска ножом не удаётся, для этого используют специальное орудие лова – особо изогнутое долото, насаженное на деревянную ручку. Острым загнутым краем поддевают край раковины и, действуя как рычагом, отрывают морское ушко от скалы, к радости обнаруживая неожиданно ослепительную игру красок...

В давние времена на Дальнем Востоке из морского ушка чаще всего изготавливали сушёный продукт. Сперва улиток чистили, отделяя от раковины довольно объёмистый мускул столбика и ногу, остальные части

тела и внутренности либо выбрасывали, либо пускали на изготовление сои. Вычищенное мясо складывали в сосуды и засыпали солью, а через пару дней, когда начинал выступать сок, откидывали на решёта, промывали и, наконец, чтобы отделить слизь и грязь, мяти ногами, обутыми в чистые соломенные лапти. Затем мясо мыли ещё раз, варили и сушили попеременно - то на солнце, то на огне в течение недели, и иногда коптили.

Особенно развит промысел этого вкусного и красивого моллюска в Австралии, где чаще всего и встречаются наиболее крупные экземпляры. Правда, для сборщиков галиотиса здесь существует постоянная опасность нападения акул. У акул в этой стране, кажется, нет более непримиримых врагов, чем профессиональные подводники. В Австралии даже существует общество укушенных акулами, и количество членов его с каждым годом неукоснительно возрастает.

Что же касается северных вод, то обитающие в них сельдевая, полярная и колючая акулы опасности не представляют, да и на добычу морских ушек здесь давно наложен запрет. Зато раковины галиотисов пользуются спросом среди подводников, и некоторым из них порой удаётся раздобыть красивый экземпляр в качестве экспоната для собственной коллекции морских даров. Что и говорить: галиотис, к тому же, если он ещё и достаточно крупный, заключает в себе для нашего, не избалованного тропическими красотоми, любителя-коллекционера особенную гордость.

У меня тоже есть небольшая раковинка галиотиса, правда обнаружил я её не под водой, а прямо на песке, между камнями, в южной части острова Монерон. Раковина лежала внешней стороной створки кверху, выглядела невзрачной, и поначалу мне даже не хотелось её подбирать, если бы - не изогнутая, в виде ушка, форма. Но когда раковина оказалась у меня в руке, и я перевернул её на ладони, то невольно заулыбался от увиденного...

Стоял пасмурный день, рядом замерли чёрные скалы, серое небо навалилось на хмурое море, а внутренность маленького галиотиса озарили розовато-нежные, бирюзовые и сиреневые отсветы... И тогда вдруг на мгновение показалось, будто бы угрюмые тучи над морем расступились, небо прояснело и на нём выступило ласковое солнце.

«НАТИКА»

Мыс Крильон, раннее утро, я иду по пустынному песчаному пляжу, облизанному настырными штормовыми волнами, и пытаюсь разглядеть всё необычное, что выбросило за ночь море. Часто попадаются беловатые и серые раковины брюхоногих моллюсков, большинство их которых – нептунии. Они или зарылись в плотный песок, или лежат на поверхности у самого уреза воды, среди камней и россыпей гальки.

Все раковины, как правило, пустые, но меня неожиданно привлекает нептуния с аккуратно проделанной в боку дырочкой. Привлѣкшая внимание дырочка абсолютно круглая, и это тем более удивительно, поскольку известковые стенки раковины очень крепкие и нужно обладать огромной силой, чтобы так точно вырезать в них отверстие.

Лишь через несколько лет узнал я, что такие аккуратные, словно сверлом выточенные отверстия оставляет после себя хищный брюхоногий моллюск натика. У неё весьма интересный и необычный способ нападения: крепко присосавшись подошвой ноги к створке раковины, она начинает методично сверлить её в месте прикрепления мускула-замыкателя. Крепко сомкнутые или толстые створки и человеку бывает сложно открыть, а тут маленький, умещающийся на ладони моллюск с лёгкостью справляется с, казалось бы, совершенно невыполнимой задачей: взламывает прочную известковую «броню» и лакомится мясом жертвы. Каких только сюрпризов не уготовит море!

У морских моллюсков есть разные способы достичь своей цели. Крупные особи силой собственных мышц преодолевают действие мускулов-замыкателей жертвы, открывая её раковину. А мелкие имеют на ноге специальный сверлящий орган, которым они проделывают в створке добычи маленькую дырочку. У некоторых моллюсков имеется даже своеобразный шип и им они продавливают подвернувшуюся раковину.

Невероятно разрушительна, к примеру, сила моллюсков-камнеточцев, этого бича молов и других портовых сооружений! Различные виды камнеточцев ухитряются протачивать плотные известковые скалы, камень и сланец. На один квадратный метр породы порой приходится свыше тысячи отверстий!

У натики роль сверлильного инструмента выполняет тёрка-радула, усаженная острыми, очень крепкими зубами. Брюхоногий хищный моллюск высовывает эту радулу из ротового отверстия, и начинает скрести раковину своей жертвы. Прodelать в раковине хоть маленькую дырочку – главное.

После того, как отверстие готово, хищник может пустить в ход ещё одно грозное оружие – химическое. У большинства брюхоногих моллюсков в мантийной полости имеется особая железа, вырабатывающая слизь, которая служит для очищения мантийной полости от попавших туда посторонних частиц. Натика смачивает такой слизью выбранный участок раковины, содержащей серную кислоту/!/, и она размягчает стенку раковины. Эта

серная кислота у моллюска содержится в секрете слюнной железы, и ещё её выделяет особый, присоскообразный придаток ноги. Через пробитое или просверленное в раковине отверстие слизь в большом количестве попадает внутрь и парализует мускулы-замыкатели, после чего натика своей радулой размельчает мясо жертвы и извлекает его через отверстие.

Долгое время я не в силах был в это поверить, вернее – никак не мог представить себе, что такой крохотный моллюск способен на подобное. Факт этот мне казался неправдоподобным даже после того, как я прочитал о нём в научной книжке. Впоследствии я насобирал целую коллекцию раковин, явившихся предметом нападения для натики, и большая часть из них оказывались нептуниями, хотя хищный моллюск проделывал дырочки и в рапанах, и в букциниях, и в устрицах, и в гребешках.

У некоторых двустворчатых моллюсков выработались особые приспособления для защиты от хищников: на их раковинах имеются глубокие складки и выступы. Они затрудняют или делают вообще невозможным присасывание хищника. У нептуний же раковина обычно гладкая и тонкая, что и позволяет натике беспрепятственно лакомиться их мускулом. Нептунии ничего не могут с этим поделать, ко всему прочему – обитая по соседству с натикой, и постоянно подвергаясь её набегам. Они вынуждены терпеть нашествие маленького хищника, которого редко можно увидеть.

Впрочем, у натики есть соперники, доставляющие ей немало неприятностей: это – сверлящие губки, способные пронизывать своими ходами не только раковины моллюсков, но и толщу камня в несколько сантиметров. Очень часто сверлящие губки поселяются в раковинах живых и мёртвых двустворчатых и одностворчатых моллюсков, в том числе – и в домике натики. Поселившись в раковине натики, губка сверлит её, создавая себе убежище, так быстро, что такое «домостроительство» вскоре оставляет её саму без крыши и стен. Улитка постепенно умирает, раковина разрушается, а губка разрастается, превращаясь в «свободно лежащую» большую губку, принимающую форму булки. Ведь губки не передвигаются, не ползают, а просто лежат на дне, незаметно превращаясь в целые пироги!

Думая о маленьком морском хищнике, приходит мысль и о его загадочном имени... Натика... В названии моллюска слышится нечто греческое, древнее и ... изящное, что, пожалуй, соответствует действительности, если разузнать получше об образе жизни моллюска, который тотчас начинает представляться если не изошрённым, то очень необычным. Правда, как и во всём, что порождает море, удивительная природа.

И ведь каким трудоёмким способом он добывает себе пропитание: скоблит, сверлит, режет, тогда как сам зачастую намного уступает в размерах избранной жертве! А ещё натика обладает особенностью выкапывать из ила ракушки, которыми питается. Это привело к тому, что нога её приспособилась набирать воду, после чего бесформенно набухает, но при

малейшем раздражении натика выпускает воду и тело её возвращается к обычной форме. Воду в ногу она набирает через маленькие отверстия, которые вслед за этим замыкаются, и общим сжатием кожного-мышечного слоя вода вгоняется в расширившиеся разветвлённые полости, лежащие между мускулами ноги, что и оказывается полезным при откапывании ракушек. В конце концов, натика обволакивает свою добычу разбухшими частями ноги, ну, а дальнейшее своеобразное овладение ракушкой уже описано выше.

При всей кровожадности этого необычного моллюска, он очень щепетилен в сохранении собственной безопасности. Икру натика помещает в песочную ямку, тщательно обволакивая капсулы яиц слизью, а затем подрастающая молодь снабжается волосками-иглами, оказывающими хорошую услугу при защите от раков-отшельников и морских звёзд. Причём, нападения этих хищников привели к выработке у молодой натики ещё одного защитного рефлекса: если до неё дотронуться, она начинает кувыркаться с невероятной быстротой... Морю все чудеса доступны!

Ещё долгое время обнаруженные в прибойной полосе пустые раковины с отверстиями правильной формы по-прежнему вызывали у меня недоумение: кому и каким образом удалось совершить подобное? Но тут же я спохватывался: ведь это – натика, один из самых таинственных моллюсков, раковину которого мне так и не удалось раздобыть!

Каждый день, в течение всего подводного сезона, преодолеваешь над дном значительные пространства, но не увидишь ни одного этого моллюска. Лишь весной и в начале лета можно встретить недалеко от берега его большие специфические кладки, представляющие собой набор содержащих яйца капсул, скрученные в песчаные ленты, которые так округлены, что напоминают перевёрнутые пиалы без дна. В конце развития молодь выходит из такого песчаного домика, и он постепенно рассыпается.

Может быть, именно из-за своей своеобразной формы раковины этих моллюсков и называли пупочными, а в других странах – лунными, скорее всего благодаря их ночной активности. Ведь натика осуществляет все свои действия не только под водой, но и ещё и ночью. Ни разу я не наблюдал натик, охотящуюся за внутренностями раковин днём, скажем – в отлив.

Дома у меня до сих пор лежит лишь небольшая раковина нептунии с идеально круглым отверстием, когда-то прогрызенным натикой. Я изредка взглядываю на неё, и вспоминается прибойная полоса, усеянная выброшенными звёздами, медузами и раковинами, так что сразу в нос будто ударяет терпкий запах водорослей и соли, а на глазах выступают слёзы, вызванные и печалью и радостью. С лёгким сожалением переживаешь, что больше не удастся всё это когда-нибудь ещё раз ощутить, но и испытываешь удовлетворение: такое сильное чувство могло в тебе возникнуть только благодаря морю, необыкновенной природной стихии, породившей не менее чудесного и загадочного моллюска, между тем, прозванного обаятельно и просто – натика...

«БУКЦИНИИ И НЕПТУНИИ»

Эти два вида брюхоногих моллюсков схожи формой раковины, которая всегда спиралеобразна и различается лишь размерами, да рисунком на шероховатых боках. Самые крупные букцинии встречаются чаще всего на глубинах от ста до двухсот метров и никогда не поднимаются выше, чем на глубину нескольких метров ниже уровня воды во время отливов. Нептунии почти не уступают им, и как те, так и другие приурочены большей частью к северным морям.

Не имея возможности опускаться на большие глубины, мы компенсировали нехватку такого вкусного и не достающего в пищевом рационе моллюска за счёт колхозных рыбаков, с помощью кошелькового невода ведущих на малых траулерах каботажный вылов рыбы – горбуши, камбалы и морского окуня. Раковины букциний и нептуний в обилии попадались рыбакам в невод, а поскольку он имел особенность при замёте наматываться на винт, то естественно рыбаки не могли обойтись без нас, аквалангистов, добывающих вдоль юго-западного побережья Сахалина морских ежей и капусту. В обмен за оказанные услуги по очистке винтов и приведении их судов в надлежащее для работы состояние, мы имели возможность в достатке пользоваться дарами моря, к которым относились не только раковины букциний и нептуний, но и камчатские крабы. Рыбаки щедро угощали нас своей добычей, поскольку не могли обойтись без нашей поддержки, и вскоре мы вообще крепко сдружились, помогая друг другу, чем могли.

Уже с самого утра у плиты нашего повара всегда стояла пара вёдер крупных раковин, которые мы вываривали недолго в морской воде, затем легко отделяя мясо моллюсков от их домиков, и, остудив, мелко нарезали вперемешку с морской капустой и луком, иногда используя и обычную, качанную капусту. Капусту необходимо было отжать руками, и в сочетании с этим соком мясо моллюсков приобретало удивительный аромат. Такой салат почему-то никогда не надоедал нам, был очень питательный и великолепно восстанавливал силы.

Что же касается отбеленных при варке раковин, то самые красивые из них мы оставляли себе на память, так что вскоре у нас были завалены ими все полки в колориферной комнате, предназначенной для сушки подводных костюмов. У каждого члена бригады ловцов морских продуктов постепенно накапливались ещё и высушенные огромные камчатские крабы, самые разнообразные морские звёзды, и всё это представляло для нас неоценимое богатство. Если точнее, а это касалось именно раковин, они имели над нами какую-то необъяснимую власть, точно такую же, какой они обладали в древности, вернее – их трубный зов, который, якобы, заставлял стихать морские волны и сулил безопасность путешественникам...

Не зря такие раковины становились атрибутами священных храмов, в них трубили во время торжественных церемоний. У крупных раковин

отпиливали кончик, применяя их в качестве «священного рога», вызывающего божество и созывающего верующих. Кстати, в Древнем Риме раковины, которые хриплым рёвом подавали сигнал к началу битвы, называли ... букцинами.

Среди большого количества правозавёрнутых раковин исключительно редко встречаются левозавёрнутые, которые благодаря этому становились священными. Индийских раджей благословляли на царствование, изливая на них из священных раковин священное масло. У правителей Бирмы священная раковина, верхняя часть завитка которой была целиком оправлена в золото и драгоценные камни, служила скипетром. Согласно индийскому поверью, верховный бог индуистов имеет трёх продолжателей в сфере земной жизни: Брахму – творца всего сущего, Шиву – разрушителя, и Вишну – защитника. Так вот Вишну испокон веков изображают в виде четырёхрукого человекоподобного существа, держащего в каждой руке определённый символ: молнию, палку, цветок лотоса и ... раковину, да не обыкновенную, а именно – левозавёрнутую.

Левозавёрнутая раковина столь редка, что нашедший её счастливый рыбак мог надеяться на большую прибыль от её продажи. Считалось, что украшения из неё – амулеты и браслеты, приносят успех и счастье их обладателю. Из Индии культ таких священных раковин проник в Индонезию, а затем в Китай. Известны священные раковины, которые звучали во время богослужений в дацанах – ламаистских монастырях Тибета и Тувы.

Кстати, отпиливали кончик у раковин только в бассейне Средиземного моря. Жители островов и побережий Индийского и Тихого океанов пробивали дырочку сбоку одного из привершинных оборотов раковины. Это позволяло модулировать звук.

В тропических морях, где можно нередко встретить большие, спирально закрученные раковины семифузусы, их до сих пор употребляют как музыкальные духовые инструменты, а также для подачи всевозможных звуковых сигналов во время разбушевавшейся стихии, когда зов раковины перекрывает вой ветра и грохот волн. Не одно маленькое судно, сорванное в шторм с якоря, как это часто случается в тропиках, было спасено благодаря трубному звучанию раковины. Мощность звука раковины оказывалась вполне достаточной, чтобы пострадавших услышали. А всего лишь – порождённый морем моллюск, вернее – его раковина, поднятая однажды людьми со дна моря.

Представить себе в качестве подобного «священного рога» букцинию Японского или Охотского моря совсем несложно, если хотя бы раз держал в руках эту раковину, достигающую в длину двадцати, а порой даже двадцати пяти сантиметров. Видеть такие раковины мне приходилось на рыболовных траулерах, добывающих рыбу с помощью донного трала на глубинах в двести-триста метров. Трал захватывает в свою ненасытную «пасть» всё, что попадает ему на дороге, в том числе – осьминогов, крабов, акул и скатов, ну и, конечно, беловато-кремовые раковины букциний и нептуний, поначалу

неразличимые в вываленном на палубе донном иле, и лишь после промывки всего улова представляющие искущённому взору рыбаков.

Крупную тяжёлую раковину всегда хочется взять в руки, погладить её выпуклые бока и слегка подбросить, почувствовав, как что-то живое хлюпнуло в её глубине и замерло. После чего поднесёшь раковину к уху, но ничего не почувствуешь кроме резкого запаха моря, чуточку пряного, даже приторно-сладковатого, и опять с восхищением возришься на её беловато-притягивающую округлость. Такую раковину не найти в прибойной полосе, и хотя букцинии и нептунии встречаются на устричных банках, привязанность к глубинам выказывает в них благородство морских обитателей, которые по-настоящему преданы морской стихии и не изменяют ей даже когда море вынуждено отходить. Эти моллюски никогда не показывают себя, будто охраняя ведомую им одним тайну.

Сколько помню, все моряки, ходят ли они на добывающих, спасательных или научно-исследовательских судах, всегда отмечают в этих раковинах, пожалуй, самых крупных из обитающих в дальневосточных морях, скрытую тайну морской стихии, и почти на каждом судне и в каждой каюте можно увидеть на столе беловато-розовую округлую букцинию или изящно вытянутую нептунию с голубоватым оттенком... Находясь длительное время в ограниченном пространстве, среди порядком приевшихся предметов, морякам, так или иначе, попадаются на глаза и раковины, которые они отчего-то выделили для себя однажды, и, всматриваясь в них, моряки, наверное, невольно представляют таинственное морское дно, манящее их своей неизвестностью, и неведомые морские просторы, которые им приходится преодолевать. Море тогда, благодаря этим раковинам, будто присутствует в каютах моряков, и они, таким образом, словно поклоняются ему, для чего-то пытаясь ещё более его приблизить.

Но никто не может объяснить: в чём заключается так притягательно воздействующая тайна, заключённая в раковине, вернее даже – в неописуемо волнующем и неумолчном рокоте, который доносится из её глубин? Ты осторожно берёшь в руки красивую витую раковину букцинию величиной с три-четыре кулака, покрытую светло-серым известняковым налётом, трепетно прижимаешь её к уху, и, закрыв глаза, почти ощущаешь, как море надвигается на тебя. Сначала где-то далеко-далеко зарокочет прибой, волны с гулом обгоняют друг друга и пенятся. Ветер шумит, бросает чаек к самой воде, и чайки пронзительно вскрикивают, но море погребает собой все звуки, оно всесильно. Гул его – великая тайна.

Ну, а если всё-таки взять и просверлить в верхнем завитке раковины букцинии дырочку? Как жители тихоокеанских островов и побережий, попытавшись затем потрубить в этот морской «рог»? Поистине удивительно, каким неожиданным и даже чудесным образом самая простая раковина может так неожиданно воздействовать на человека! Невидимые каналы морской судьбы внутри раковины сплетаются между собой, из глубины веков дотягивается до тебя, кажется, музыка самой Вселенной, и её

мелодичная ниточка вливается в сердце непрекращающимся ручейком, незаметно порождая в нём целое море. Не в силах постигнуть – почему ты так любишь этот гул веков, всё вслушиваешься и не можешь никак оторвать приложенную к уху раковину.

Ты ощущаешь море совсем рядом, и, переживая его аромат и головокружительную свежесть, как нечто самое родное, начинаешь чувствовать, что море уже катит свои волны в твоей душе. Солёные брызги летят в лицо, слышится еле уловимый шорох камней в прибрежной полосе, и опять где-то далеко-далеко зарождается новый гул, совсем не принадлежащий морю. В этом нарастающем гуле уже угадывается иная сила, порождающая само море, но вскоре она сливается с его воем, и ты уже не можешь что-либо различить, весь охваченный неукротимой божественной стихией.

И вот ты уже невольно прикладываешь раковину к губам и силишься представить, что выдуваешь мелодию, схожую со звучанием моря. Взываешь на природной трубе какую-то необъяснимую песнь радости, и на мгновение тебе начинает казаться, будто это не раковина поёт, а твоя душа. Звучно, протяжно, в такт раскатистому глубинному гулу из моря, означающему, что и его душа проснулась, неумолимо увлекая тебя своей непревзойдённой музыкой за исчезающий горизонт.

«ХИТОН СТЕЛЛЕРА»

В Японском, Охотском и Беринговом морях на скалах и каменных грунтах, по соседству с брюхоногими и двустворчатыми моллюсками, живёт ещё и панцирный моллюск-хитон, достигающий длины пятнадцать-двадцать сантиметров. Раковина у него отсутствует, а спина целиком обрастает мантией, под которой лежат пластинки, напоминающие жаберные щели акулы. Моллюск обычно окрашен в тёмно-коричневый, иногда – красновато-серый или даже бордовый цвет, и этот общий тон окраски как нельзя лучше соответствует цвету скал, на которых он сидит.

Впервые увидев под водой такого моллюска, я не то чтобы удивился, что-то подобное мне приходилось уже встречать в книжках о морских обитателях, а скорее замер в недоумении: до чего необычная форма у этого подводного жителя, из чего он состоит внутри и каким образом передвигается? Уж больно загадочным выглядел моллюск, который по своему, достаточно простому, внешнему виду, вроде бы, не должен так воздействовать на восприятие. И всё же он воздействует, его хочется взять в руки и разглядеть, чтобы, наверное, увидеть в нём его чудесную суть.

Само название моллюска необычно – хитон Стеллера... Что касается «хитона», то у древних греков это был род шерстяной или льняной рубашки до колен или ниже, с рукавами и без рукавов. Хотя нередко таким хитоном им служил всего лишь кусок ткани, его набрасывали на правый бок, скрепляя на левом плече, и вот его, видимо, и олицетворяли чаще всего с этим морским моллюском. Вернее, с его телом, целиком облечённым в подобную мантию, состоящую, к тому же, из восьми частей...

Имя же «Стеллера» присвоено моллюску благодаря Георгу Вильгельму Стеллеру – путешественнику и учёному-натуралисту, участнику Второй Камчатской экспедиции 1733 и 1743 годов, который вместе с Витусом Берингом совершил плавание на пакетботе «Святой Пётр» к берегам Северной Америки. Во время плавания Стеллер вёл дневник, в котором подробно отражена история экспедиции, где он не только впервые дал описание природных условий западного побережья Северной Америки и Алеутских островов, но и записал свои наблюдения об их населении и занятиях. В других своих трудах Стеллер воспроизвёл внешний вид и образ жизни морских животных, которых наблюдал во время плавания и вынужденной зимовки на острове Беринга, в том числе – редких морских коров, полностью исчезнувших уже к концу 18 века, и названных позднее так же в его честь.

Правда, вот маленький панцирный моллюск, что оставался неизвестным вплоть до середины позапрошлого века, был обнаружен и описан не Стеллером, а академиком Российской академии наук Александром Миддендорфом. Имя Александра Миддендорфа связано с изучением фауны русского Севера и Сибири, основанием научного мерзлотоведения, проблемами орошения земель и скотоводства.

Неутомимый исследователь много путешествовал. В 1844 году он добрался до Охотского побережья, где вместе с геодезистом Вагановым смастерил из шкур и ивовых прутьев байдарку, на которой два отважных человека отправились в бурное Охотское море. Они плыли вдоль берега, составляли карты, собирая коллекции растений и животных. Пропитание добывали себе, охотясь в тайге, не гнушались и сбором съедобных моллюсков. Во время этого беспримерного плавания и был добыт первый хитон.

Впоследствии А. Миддендорф, обрабатывая коллекции в Зоологическом музее в Петербурге, дал научное описание моллюску, назвав его в честь предшественника в изучении фауны Дальнего Востока доктора Стеллера - «Стеллеровым криптохитоном». Названный именем немецкого биолога, оставившего столь заметный след в науке, хитон уже в этом несёт в себе притягательную необыкновенность. Казалось бы, с виду – очень доступный и простой в своей правильной обтекаемой замкнутости, он не должен вызывать каких-либо не разрешаемых дополнительных эмоций, и всё же именно благодаря этой бросающейся в глаза обыкновенности моллюск и привлекает к себе внимание. Неподвижно лежит на какой-нибудь подводной скале, будто и вовсе никогда не предпринимает попыток к передвижению, и ты обязательно задержишься возле него и подивишься: какой же этот моллюск, оказывается, интересный, даже – забавный!

Возьмёшь моллюска в руки и не знаешь – как поступить: то ли выбросить обратно в море, то ли забрать с собой. Жалко отказываться от этого загадочного существа, которое к тому же, не так уж часто встречается, но что с ним делать дальше? Может быть, всё-таки, не выбрасывать, а оставить хотя бы на время и понаблюдать – что с ним будет?

Однажды я осуществил-таки свою затею, засунул подвернувшегося под руку хитона в питомцу, когда собирал под водой трепанга, и обмыв затем от песка – положил сушиться на крышу веранды, надолго позабыв о нём. Хитон постепенно весь сжался, высох до каменного состояния и превратился в тяжёленький шершавый комочек, очень отдалённо напоминающий нечто морское. Изменившийся до неузнаваемости, хитон почему-то не вызывал былой заинтересованности в нём. Осталось только воспоминание, как ты его обнаружил и чуть-чуть восхитился, всё-таки решив овладеть затейливым созданием моря.

Хитон, действительно, очень интересный моллюск. Бывает, проведёшь у моря несколько подводных сезонов на добыче трепанга или морского ежа, а ни разу не встретишь этого моллюска, и неожиданно попавшись на глаза – он обязательно вызовет у тебя интерес. Скорее всего, потому, что держится больше узких подводных расщелин, предпочитая обязательное присутствие скал. Моллюск, если и исчезнет, то вместе с ними, поскольку скалы – его родной дом, только на них он и сидит.

В свободное от добычи время, когда позволяет погода, и перекачивающиеся волны не набегают неистово на скалы, можно просто

поплавать с аквалангом в прибрежных гротах, на небольшой глубине, и помимо сидящих на камнях всевозможных животных обязательно увидишь и хитонов. Моллюски обычно располагаются на скалах небольшими группками и, как правило, недалеко от поверхности воды. Хитоны будто замерли в ожидании чего-то неизведанного, что способно принести только море, и тихо радуются своему незатейливому существованию, никому не докучая.

Даже дотронувшись до них рукой, хитоны никак не реагируют на прикосновение, сохраняя неподвижность. Словно они – часть скалы, но всё равно в загадочных моллюсках чувствуется жизнь. Можно каждый день наведываться в это место, но хитоны по-прежнему будут оставаться на облюбованной ими скале.

И всё-таки, моллюски осуществляют движение, правда, очень медленно: может быть, несколько сантиметров или даже миллиметров в сутки, оставляя за собой чистую от обрастаний поверхность камня. Передвигаются, наверное, ночью, но даже если днём – разве это увидишь? Ведь не будешь сидеть часами рядом, наблюдая за их удивительно размеренной жизнью! Захочется посмотреть что-либо другое, тут же отвлёкшее твоё внимание: море таит в себе столько чудесных загадок, разве всё пересмотришь?

Но вот когда тебе захочется ещё и подержать хитона в руках, то оторвать его от поверхности камня бывает не просто: моллюск, порой достигающий в длину двадцати сантиметров и весом в килограмм, присасывается к скале очень плотно. Хитон сворачивается в тёмно-коричневый сердитый шар, ну, совсем, как наш обыкновенный ёжик, когда его потревожат, после чего уже моллюска не хочется беспокоить, и, опустив его в воду, наблюдаешь, как он медленно разворачивается, образуя плоский овал величиной с кокосовый орех. Дальневосточному жителю, конечно, сложно представить именно такое чудодейственное перевоплощение, но ничего другого на ум, почему-то, не приходит: шаровидная форма и шершавый волосяной покров хитона напоминают, как ни странно, именно тропический плод, остающийся для понимания здесь, на берегу холодного моря, всё-таки недоступным.

Раковины у моллюска, вроде бы, нет, но есть восемь прочных пластинок, причём предыдущая ложится задним краем на последующую... Каждая пластинка имеет по краям мелкие зубчики, которые крепко соединяют пластинки раковины с телом животного, сохраняя подвижность. Это-то и позволяет моллюску свернуться в шар, прикрыв тело снаружи, словно панцирем. Этаким неприступный подводный броненосец, но что же он, такого ценного, в себе содержит?

Если перевернуть хитона брюшком кверху, то посередине его увидишь ногу, которой он и присасывается крепко к каменной поверхности. В передней части чётко выделяется голова с ротовым отверстием, где имеется тёрка-радула с многочисленными зубами. Очень медленно передвигаясь по

скалам, хитон соскабливает этой радулой небольшие обрастания водорослей, чем, собственно, и живёт.

Незамысловат образ жизни этого причудливого на вид животного, предпочитающего лишь твёрдый грунт: никогда не увидишь хитона на песке или зарывшегося в ил. Хитоны попадают и на значительных глубинах, больше километра, но чаще они, всё же, населяют зону прибоя. Может быть, именно поэтому у них и существует хорошо развитая крепкая оболочка, чтобы противостоять действию волн, плотно присасываясь к поверхности скал. Чем сильнее бушует прибой, тем плотнее прижимается к камню моллюск; если волны всё же срывают его, хитон сворачивается кольцом на брюшную сторону, превратившись в прочный шар, способный противостоять самым безжалостным ударам стихии, а разворачивается – лишь, когда опасность отступает.

В общем, панцирные моллюски – малоподвижные животные, и тебе иногда отчего-то хочется растормошить их... Проплывая над ними, ты вдруг остановишься рядом и затеешь с затаившимися в себе животными своеобразную игру: осторожно подбрасываешь их в толще воды, после чего хитоны мгновенно сворачиваются, наверное, очень сердясь, но не в силах выказать недовольство, безропотно терпят твоё вмешательство в их размеренное существование. И тебе на какое-то время станет стыдно, что потревожил этих совершенно безобидных морских жителей.

Даже не подумаешь, что при этом за тобой наблюдают тысячи глаз, называемых у хитона раковинными и представляющие собой своеобразные органы чувств, служащие, по-видимому, для более тонкого восприятия окружающей действительности. Интересно, что по мере роста раковинных пластинок у их края постоянно образуются новые глаза, и это продолжается почти в течение всей жизни животного. По подсчётам специалистов, число глаз у одной особи может превосходить десять тысяч!

Между тем, существуют свидетельства, что среди хитонов встречаются и такие формы, которые передвигаются относительно быстро. Так, например, один исследователь моря наблюдал, как хитон легко полз вверх по якорной цепи, и, конечно, подобная прыть от довольно замкнутого существа воспринимается неожиданно. Возможно, что наше представление о подвижности хитонов несколько неправильно, так как они, скорее, всё-таки ночные животные, и более подвижны именно в эту пору, а не днём.

Уже говорилось, что пища хитонов обычно состоит из растений, облепляющих скалы, а наличие органа чувств, лежащего под радулой, указывает на некоторую способность моллюсков к вкусовому отбору: хитоны, оказывается, ещё и гурманы! В кишечнике хитона часто находят диатомовые водоросли, переработанные ниточки зостеры и филлоспадикса, а глубоководные виды этих моллюсков поедают даже губок! Учитывая приспособленность к определённой пище, некоторые моллюски встречаются и на определённых ракушках, однако не доказано, что эта связь с ракушками обусловлена исключительно тем, что только благодаря им моллюски находят

необходимую им пищу... Может быть, хитоны в обществе ракушек просто забавляются, ожидая, когда они раскроются, и так, незаметно, происходит общение морских обитателей.

При всём том, что хитонов нечасто встретишь – плодятся моллюски в огромном количестве. Типичная для панцирных моллюсков форма размножения – хранение отложенной икры в жаберных бороздках, так что последние превращаются, таким образом, в выводковые камеры, внутри которых и развивается молодь. Из яйца появляется личинка, у которой ещё до вылупления по бокам тела образуются личиночные глазки, на спинной стороне – подобие раковинных пластинок, а на брюшке – зачаток ноги. Если моллюску повезёт, и шторм не выбросит его на берег, в зимнюю пору не раздавит ледовый припай или в младенчестве не проглотит какой-либо хищник, то ему суждено прожить больше десяти лет.

Старых хитонов часто легко можно отличить от более молодых по степени разрушения их раковины от механического действия волн, песчинок и различных организмов, которые поселяются на его панцире. Такое разрушающее действие на хитона оказывают водоросли, проникающие в его жаберные каналы, самые разнообразные мшанки, усонogie раки и морские жёлуди. На одном хитоне, поднятом с глубины в трале, обнаружилось несколько десятков таких морских желудей, которые густо покрывали спину животного.

А однажды, в прибрежных камнях, я обнаружил выброшенный штормом, уже мёртвый хитон, покрытый глубокими укусами чьих-то зубов. Может быть, молодой сивуч развлекался таким образом, то прихватывая, то отпуская бедного моллюска? Выглядят подобные экземпляры «ветеранов» впечатляюще, вызывая уважение своими размерами и рваными рубцами, так что искренне удивишься: зачем-то этому незаметному моллюску удаётся так долго сопротивляться стихии, чаще всего остающейся к нему не благосклонной!

Известны даже редкие случаи находок хитонов в желудке акул, которые никогда не отличались тщательностью в выборе своего меню: чего только не находили в их алчном чреве! А недавно я узнал, что этот самый, совершенно несъедобный с виду хитон, всё равно, что какая-то растительно-каменная кубышка, не интересующая ни одного морского животного, употреблялась в пищу алеутами, японцами и китайцами! Наверное, это может лишь говорить о том, что эти народы, жившие у моря, не всегда переживали в своей истории лучшие времена...

Так или иначе, но неприступные с виду панцирные моллюски всё-таки употребляются в пищу человеком, в частности, в них ценится мясистая нога, а в некоторых случаях и икра. Конечно, это не самое вкусное мясо, море порождает в своей утробе и более деликатесные существа, вызывающие в человеке изощрённые кулинарные пристрастия, но, всё же, кому-то однажды достаётся правда жизни в лице самых обыкновенных хитонов, когда он остаётся один на один с морем, камнями и собственным голодным

одиноким. Может быть, именно с этих пор хитоны и стали употреблять как амулеты, якобы приносящие исполнение всех желаний.

Сама форма хитона вполне предполагает использование его в качестве талисмана, охраняющего от какой-либо порчи или недуга. Красивый плотный овал, удобно уместящийся в руке, хочется положить перед собой и рассматривать его, скорее всего любуясь именно формой, которая завораживает магией линий. Наверное, не смотря на свою простоту и доступность, хитон действительно предназначен морем быть человеку драгоценным оберегом.

«РАК-ОТШЕЛЬНИК»

Иногда, прогуливаясь по дикому сахалинскому побережью, оказывается просто невозможным найти пустые раковины брюхоногих моллюсков, хотя ты знаешь наверняка: здесь водятся и нептунии, и рапана, и многочисленные литорины. Что же тому причиной? А всё дело в раках-отшельниках, которых порой у берега скапливается так много, что возникает настоящая нехватка раковин, используемых этими мягкохвостыми существами в качестве надёжной защиты, то есть – как домик!

Рак-отшельник в полной мере оправдывает своё название, поскольку живёт в уединении, сам по себе, но пустынным его не назовёшь. Он не удаляется от всего суетного подводного мира, а лишь прячется от него. Имея довольно длинное брюшко, лишённое какого-либо твёрдого покрытия, рак, чтобы защитить его, засовывает заднюю часть туловища в пустые раковины брюхоногих моллюсков, свёрнутых спиралью в правую сторону.

Брюшные ножки превратились у рака в своеобразные крючочки, с помощью которых он цепляется изнутри к раковине. Вытащить его оттуда очень трудно, можно даже разорвать рака пополам. В случае опасности рак-отшельник забирается в раковину целиком, а вход, как крышкой, закрывает большой клешней.

Рак-отшельник вынужден всю жизнь таскать за собой своё убежище, чтобы защитить уязвимое брюшко, представляющее лакомый кусочек для прожорливых подводных хищников. Однако, по мере роста, то есть – при каждой линьке, ему приходится менять свою квартиру, и тогда, на какой-то период времени, он совершенно обнажается, озабоченно блуждая в поисках нового убежища.

От этого осознания своей наготы, рак-отшельник совершенно теряет покой и становится очень забавным. Он пробует одну за другой все попадающиеся ему на пути раковины, хотя сразу видно, что некоторые слишком малы для него, но рак упорно пытается втиснуться в них, стараясь быстрее спрятаться. Потерпев неудачу, он не пропускает и большие, которые оказываются непосильно тяжёлыми, и, протаскивая их кое-как, в отчаянии бросает. Наконец, после множества неудач, раку подворачивается та, что совершенно его устраивает, и он спешит обосноваться в ней до следующей линьки. Взвизывая на подобные мучения, вряд ли позавидуешь беспокойному хозяйству этого забавного рака и его недолгому удовлетворению!

Но рак как будто не замечает собственного неустройства, он очень ловок, и, натолкнувшись на подходящую раковину, мгновенно переворачивает её отверстием вверх, вскакивает в неё и, прошмыгнув внутрь, закрывает вход клешней, затаившись. Заселение благополучно завершилось!

Забавно наблюдать за молниеносными передвижениями рака, но уж больно много охотников на его незащищённое тельце, и оттого рак щепетилён в поисках нового жилища. Впрочем, и с тяжёлой раковиной на

спине рак не теряет изворотливости, продвигаясь по дну стремительно. Даже не различишь, как шустро семят его тоненькие ножки, когда рак совершает свои перебежки, ориентируясь с помощью длинных усиков, располагающихся на голове. Только они и видны из-под спасительной раковины, да иногда ещё высовываются глаза на шарнирах, подобно маленьким перископам обследующим окружающее пространство. Быстро оценив обстановку, рак тотчас или скрывается в своём домике, или ныряет в какую-нибудь укромную пещерку, под камни, откуда через мгновение опять появляются настороженные шарики глаз и шевелящиеся усы. На недолгое время рак обретает долгожданный покой.

Пользуясь подобной озабоченностью рака-отшельника, можно устроить с ним беззлобную подводную игру. Вынудив рака покинуть своё дом, заранее заготовив для него более вместительную раковину, ты подсовываешь её ему, и рак, в мгновение, ощупав вход передними конечностями и убедившись, что раковина свободна и достаточно просторна, втискивает туда заднюю часть туловища. Рак-отшельник может довольствоваться и небольшой раковинкой, лишь бы в неё вошло брюшко, но при первом же удобном случае стремиться сменить раковину на более просторную.

Обретя новую, более удобную для себя раковину, рак на какое-то время полностью оправдывает свою отшельническую суть и замирает. Кажется, раковина совершенно пуста, никем не занята, и, проплывая мимо, ты попытаешься взять её в руки, но, только дотронувшись до шероховатого бока ракушки, ощутишь вдруг, как она в последний миг выскользнула куда-то и, подняв облачко песчаной мути, устремилась от тебя. На мгновение даже опешишь, но потом, конечно, догадаешься, что виной всему – хозяин раковины, рак-отшельник, который, по натуре своей, вездесущ и непредсказуем на неожиданные манёвры.

Когда рак, проникнув в новую раковину, осмотрится и привыкнет к ней, он обязательно проверит – как отреагировали окружающие обитатели на его появление. Поначалу из-под раковины покажутся шевелящиеся усы, затем шарниры глаз, заострённая голова и клешни, которыми рак для порядка щёлкнет пару раз, как бы демонстрируя свои возможности. Глаза его настороженно повернутся вокруг себя, так что покажется, будто это и не глаза вовсе, а чуткие уши, и рак мгновенно юркнет обратно, так что раковина чуточку пошатнётся и опять замрёт. Вроде бы, никто не против, что он тут появился, а если его потревожат, то рак задаст обидчику порядочную трёпку своей грозной клешней: щёлк-щёлк!

И рак, действительно, так сделает – пощёлкает клешней, залихватски выбросит её вперёд, крутанёт усами, а ты вдруг поймаешь себя на мысли: как чудесно всё это наблюдать, быть молодым и здоровым, радоваться самым простым и обыкновенным вещам, до которых ещё нужно суметь добраться, быть счастливым и благодаря этому маленькому раку, ведущему, вроде бы, отшельнический, неприметный образ жизни... Ощущая себя единым с

окружающим морским пространством и удивительным подводным отшельником, ты начинаешь и себя воспринимать намного чище и лучше, как до этого даже не мог помыслить. Спасибо раку-отшельнику, забавному мягкохвостому существу, по воле морского бога почему-то не обладающего собственным домом и браво отстаивающего свою трогательную незащищённость!

Но иногда раки-отшельники устраивают свои жилища не только в раковинах. В Индийском океане есть вид раков-отшельников, которые обычно живут в обломках бамбука. Брюшко у этих раков имеет цилиндрическую форму, как ствол бамбука. Когда из-за недостатка подходящих раковин на дне моря возникает жилищный кризис, раки-отшельники устраивают себе жилище из всего, что только обнаружат. Один исследователь, наблюдая в Калифорнийской лаборатории за морскими животными, описывает забавный случай, когда два рака поселились в разных концах трубчатого домика кольцевого червя, и, во что бы то ни стало, хотели двигаться в разные стороны, хотя было очевидно, что от сотрудничества оба только выиграли бы.

Бывает, опустевшую раковину использует не одно поколение раков, отчего она порядком истирается, но, тем не менее, нуждающийся в новом домике рак никогда от неё не откажется, и если обнаружит для себя более подходящую, старую занимает другой отшельник. Так раковина и переходит из клешни в клешню, в ней постепенно появляются отверстия, известковые стенки её тончают, и, наконец, никому не нужная, она оказывается выброшенной на берег. Правда, и там её кто-нибудь да употребит для своей надобности: заберётся вовнутрь крохотный крабик или набегающая волна заплеснёт в раковину малька, а то - и только народившуюся личинку моллюска. Искрящаяся морская пена ненадолго задерживается в маленьких отверстиях раковины, постепенно врастающей в песок, и тогда она действительно становится похожа на игрушечный домик с окошками, уже, кажется, никому не нужный, который ты всё-таки поднимешь и рассмотришь...

Словом, всякий, хотя бы понаслышке, знает этого необычного и во всех смыслах симпатичного рака, который собственного домика не имеет и находит приют в чужих раковинах, оставленных своими хозяевами. А поскольку рак растёт, подобно всем животным, то ему рано или поздно, как уже говорилось, приходится менять своё жилище, совершая это с большим проворством и предельной скоростью, сводя к минимуму время пребывания в обнажённом и, значит, уязвимом состоянии. И вот здесь проявляется ещё одна замечательная черта рака – боевитость, какая-то постоянная нацеленность на схватку, когда он не гнушается даже превосходящим по силам соперником.

Так, если пустой раковины не оказывается, то рак-отшельник не останавливается перед поединком со своим сородичем, чтобы его выселить. В этой связи очень интересно отметить, что рак-отшельник, сопротивляясь,

скажем, пинцету зоолога или просто любопытному человеку, пытающемуся вызволить рака на свет божий, позволяет разорвать себя на части, чтобы только не покинуть убежище. Но, признав превосходство в силе себе подобного, уступает ему свою раковину.

Занимателен рак и в своей неутомимости, когда отыскивает подходящую раковину. Разумеется, он всегда при этом исследует её внутренность клешнями, и если в раковине находится улитка, то рак немедленно принимается за её уничтожение и, покончив с нею, поселяется в её домике. Если же ему попадается раковина, набитая песком, то смыслённый рак берёт её клешнями и встряхивает, совершенно так, как это делаем мы со своими ботинками, когда в них набивается песок или камешки.

Мало того, старую раковину рак часто не бросает, продолжая крепко удерживать её клешней. Делает он это на тот случай, если новое помещение оказывается почему-то неудобным. Так и таскает за собой запасную раковину, что со стороны выглядит очень забавно. Конечно, вид резервного жилья побуждает других раков немедленно начать драку за его обладание, и счастливому обладателю двух раковин приходится с одной всё же расстаться...

А ещё забавный рак-отшельник служит интересным примером сожительства с различными животными. В Японском море в обилии встречаются самые разнообразные по цвету актинии, и нередко попадается рак-отшельник, водрузивший себе на раковину одну из них. Красивая зелёная, красная или голубовато-жёлтая актиния сидит на раковине рака как украшение, но на самом деле она схватывает своими щупальцами довольно крупных животных, вследствие чего никогда не остаётся без добычи, и кое-чего из неё перепадает раку.

Когда рак меняет свою раковину на более удобную, он часто пересаживает на неё и актинию, к которой привыкает. Схватив актинию своими клешнями, рак приподнимает её и затем, посадив на новое место, придерживает в неподвижном положении в течение нескольких минут, после чего осторожно отнимает сначала одну, потом другую клешню, пока актиния не оказывается плотно сидящей на желаемом для него месте. Иногда маленькая актиния поселяется на клешне рака, и когда рак прячется в свою раковину, она закрывает в неё вход.

Не менее занятное явление представляет рак-отшельник, однажды водрузивший на свою раковину губку. Хорошо известно, что губки ведут неподвижный образ жизни. Но часто можно увидеть, как ярко-красная или розовая губка ... бежит по дну, забавно семеня ножками. Оказывается, эти ножки принадлежат раку-отшельнику. Сначала этот рак поселяется, как обычно, в спирально закрученной раковине, затем на раковине селится губка и, постепенно разрастаясь, она охватывает раковину, растворяя её полностью. Если теперь разрезать такую губку, то в центре её будет виден точный отпечаток раковины со всеми её завитками. В этой-то полости и живёт рак-отшельник.

Обитая большей частью на материковой отмели, рак, несмотря на своё прозвище, и попадаетя чаще других животных, порой выбираясь на берег очень далеко, так что даже засомневаешься – действительно ли он настолько морской? Тур Хейердал, побывав на Маркизских островах, так описывает добычу раков островитянами, использующими их привычку удаляться от моря. Обычно добытчик идёт по берегу ручья, впадающего в море, в одной руке у него находится миска из высушенной тыквы, в другой – тонкое двухметровое копьё с металлическим наконечником. Он разжёвывает кусочек кокосового ореха и выплёвывает кашицу в воду, течение уносит ореховые крошки под камни, где их уже поджидает рак. Рак хватает лакомство, тем самым объявляя себя, и копьё молниеносно пронзает его. Каких-нибудь полчаса – и миска полна раков. Раки почему-то предпочитают пресную воду морской, устраивая охоту на сухопутную жертву.

Самому мне довелось однажды наблюдать раков-отшельников на суше у мыса Крильон, вернее, это был залив Де-Лангля, на юго-западном побережье Сахалина. Сгущающиеся сумерки застали нас в дороге к самой южной оконечности острова, куда мы пробирались на стареньком «трумэне», прямо по отливу, и на ночлег пришлось останавливаться тоже на берегу, почти у прибойной полосы. Волны с лёгким шипением набегали на берег, и мы разложили спальные мешки не в машине, а на свежем воздухе, прямо у моря, рассчитывая хорошо выспаться и отдохнуть. Но на деле ночь выдалась на удивление беспокойной, заснули мы только под утро, и виной тому явились именно раки-отшельники.

Оказалось, что на этом берегу, в заливе, обитает множество раков-отшельников, которые в отлив выбираютя на берег полакомиться выброшенными за ночь дарами моря: мелкими моллюсками, рыбками, крабиками и прочей живностью. Всю ночь напролёт они бродили туда и обратно, шуршали своими краденными раковинами о камни и песок, неумоимо таская их на себе. Некоторые из раковин размерами были больше, чем в ладонь, а сам рак свободно входил в её небольшое отверстие, грозно поводя своей боевой клешнёй, высунув её наружу. Другую – маленькую, служащую раку как средство передвижения и поддержки, порой даже не сразу заметишь. А вот боевая – всегда более яркая по цвету, заметная, созданная, видимо, именно для устрашения.

Рак выглядит несколько несуразно со своей непомерно разросшейся правой клешнёй. Она никогда не влезает в ракушку, а лишь прикрывает вход. Отшельник похож на обороняющегося бойца, защищающегося в боевой стойке от неведомого врага, и всегда своим бойцовским видом вызывает уважение, несмотря на то, что тело его тщедушно в сравнении с устрашающей клешнёй. Но и она не в силах защитить уязвимое мягкое тело, и рак прячет его в раковину, в течение всей жизни волоча её за собой. От неизбежности судьбы, быть может, и развилась у отшельника его огромная, в сравнении с телом, клешня, а тот, кто пробовал хоть раз на себе силу её давления, не забудет никогда!

Так вот, самые нахальные раки упорно пытались протиснуться под спальные мешки или карабкались на нас, ничуть не обращая внимания на то, что мы шевелились и пытались их сбросить. Раки, кажется, только злились от этого, ещё больше пытаясь при всяком удобном случае уцепиться своей бойцовой клешней, причём, действовали без всякой жалости. В конце концов, перед самым рассветом, терпение наше лопнуло, мы выбрались из мешков и решительно стряхнули с себя своих мучителей, после чего большинство раков спрятались в свои домики.

Может быть, они тоже утомились и решили передохнуть, а может - приближался прилив, и ракам пришло время отступить в море. Мы надолго запомнили этих раков, и когда я потом ночевал в спальном мешке у себя дома, в уральском лесу, то всё время вспоминал этих неугомонных раков, море, туманный мыс Крильон, и мне очень хотелось, чтобы опять всё повторилось и уже больше никогда меня не покидало.

«ЗВЁЗДЫ»

Перед тем, как мне отправиться в первое морское путешествие, в своей каюте, на пустом столе, я обнаружил большую морскую звезду бордового цвета, и когда взял её в руки, то почувствовал в душе трепет. Я и сейчас помню это непередаваемое ощущение приподнятости, когда ты в мгновение постигаешь: жизнь только начинается...

Звезда была тяжёлой, шероховатой, вся усыпанная мелкими колкими пупырышками, приятно обжигающими ладонь, и я, помнится, никак не мог на неё наглядеться, потому что никогда до этого не встречал настоящей морской звезды. И потому не хотелось выпускать звезду из рук, а только поворачивать её, рассматривая со всех сторон, зачем-то поглаживать выпуклые бока, и поражаться размерам: очень красивая, огромная, пятилучевая звезда. Я даже и не думал, что такие существуют!

Вот только истинный цвет её, явно, не сохранился, по всему было видно, что звезда, кем-то незаслуженно позабытая, уже давно покоится в этой каюте, может быть совершив вместе с её хозяевами не один далёкий рейс... Я вдруг попытался представить себе звезду живой, как она выглядит, когда находится на дне моря, но у меня ничего не получилось. И ещё я подумал, что звезда попала мне на глаза не случайно.

Впоследствии оказалось, что эта впервые встреченная мною в жизни звезда – эвастерия сетчатая, всегда очень крупная, словно надутая изнутри какой-то переполняющей её неведомой силой, но не заносчивой от этого, а покойной. Такой она и была, когда я взял её осторожно в руки. Уже работая под водой, я часто находил этих звёзд на довольно большой глубине, и всегда они возникали из окружающей синевы неожиданно. Эвастерии необъяснимым образом притягивали к себе, словно убаюкивая и своими размерами, и сдержанным, фиолетово-карминовым окрасом. Никогда почему-то не возникало желания сразу брать их в руки, а хотелось только плавно кружиться над ними, внимательно рассматривая и изредка прикасаясь.

Кстати, среди всех морских звёзд – эвастерии неисправимые молчуны, если, конечно, можно так говорить о звёздах, которые все, в общем-то, не издают никаких звуков. Несмотря на свой настырный, хищнический характер и внушительные размеры, они, кажется, никому не желают вреда, лежат на дне укромно, даже как-то затаенно, отчего, вероятно, и возникает впечатление, что звёзды эти стараются быть как можно более незаметными. Вот и при подъёме на поверхность, эвастерии чуть-чуть обмякают, проникнутые, должно быть, печалью расставания с морским дном, но в руках не расплываются, а остаются как будто подобранными в себе, мягко поигрывая фиолетовыми, бордовыми и карминовыми прожилками. К ним почему-то в первую очередь проникаешься симпатией, а в себе обретаешь уверенность, даже – счастье от того, что попал сюда, всё это увидел, и в

лучшем случае – можешь только рассказать об увиденном чуде людям, большинство из которых вряд ли отправиться за ним на край света.

Хорошо идти потихоньку на боте вдоль береговой полосы, рассматривая проплывающие под бортом заросли морской капусты, и так же тихо поражаться подводным красотам. Морское дно просто расцветает самыми диковинными звёздами и почему-то совсем не напоминает ночное небо. Подводные чудеса намного ближе нам, мы даже можем взять эти звёзды в руки, если очень постараться, чего никогда не добиться от небесных светил. Правда, морские звёзды светят людям со дна моря почти невидимо, и только водолазы способны разглядеть и по достоинству оценить это своеобразное свечение.

Часто при этом мне приходила мысль, что яркая окраска звёзд дана им для того, чтобы обозначить себя на безликом морском дне, которое в северных морях не отличается своей яркостью. Ведь звёзды как будто именно вынуждают тебя заметить их, узнать лучше, и может быть полюбить, незаметно вызывая своей броской красотой искреннее уважение. Так ведут себя только те, кто ничего и никого не боится. Но оправданно ли подобное вызывающее поведение там, где разумнее оставаться незамеченным?!

Не сразу при этом допускаешь, что яркость звёзд сопутствует, должно быть, их общению между собой, а также отпугивает возможных претендентов на место кормёжки. Звёзды всем своим ярким видом будто провозглашают: эта территория нами занята, мы будем её, во чтобы то ни стало, отстаивать и чужакам сюда лучше не соваться. Подводная жизнь, как и на суше, требует от всех морских обитателей, в том числе – и от звёзд, немало изворотливости и изобретательности. Прекрасным морским звёздам это удивительным образом красиво и просто удаётся.

Ослепительно сияют морские звёзды ярко-красным, фиолетовым, оранжевым, жёлтым и лазоревым цветом среди тёмной зелени колышущейся травы, существуя, словно для украшения подводного пейзажа, как чудесные ордена на груди морского дна. Иногда звёзды лениво приподнимают кончики лучей - и тогда можно увидеть желобок, вокруг которого шевелятся белые, жёлтые или розоватые ножки, более короткие и плотные, чем у морских ежей. Вот несколько присосок прикрепилась к раковине, и звезда постепенно подтягивает её под себя, всё больше напоминая уже не прекрасную звезду, украшающую собой подводный мир, а настоящего хищника, желающего только одного: насытившись, тотчас отправиться на поиски новой жертвы.

Из множества покрывающих морское дно звёзд чаще всего попадают ромбовидные и пятиугольные патирии, которые располагаются целыми колониями. Патирии похожи на маленькие морские подушечки, всем своим видом, словно, притягивая к себе на отдых. Скорее даже они напоминают аккуратные квадратные помпушечки, что вешали на стены у комодов наши бабушки, втыкая в них иголки, и выглядят как-то по-домашнему. Окрашенные в густой синий цвет, с разбросанными узорами из алых и оранжевых пятен, эти звёзды, в самом деле, успокаивают.

Только почему-то при одинаковом четырёх и пяти-лучевом строении мне ни разу не встретились две похожие друг на друга звезды: все патирии различаются своей формой, а значит – и характером. Среди них можно увидеть озорных, замкнутых в себе, беззаботных и недалёких, напыщенно-важных. В самом же названии звёзд чудятся древнеримские надменные патриции, их цвета морской волны и цвета крови плащи-накидки, и ещё что-то недосыгаемо-величественное, трогательное и боевое. Патирии – как щиты, защищающие себя от чьего-то неведомого подводного наваждения, спасающиеся, кажется, и на берегу, выброшенные в шторм разбушевавшейся стихией.

Чего только не надумаешь, любуясь подводными красотами, когда плывёшь над ними в боте, и вода прозрачная-прозрачная, спокойная, над крутыми сахалинскими сопками встаёт солнце, высвечивая мир под водой, где всё и так необыкновенно. Вот сдержанно сияют в глубине сиреневые амурские звёзды, отдалённо напоминающие печные изразцы... Их незатейливый глазуревый рисунок изящен и в тоже время прост.

Амурская звезда кажется самой непритязательной из всех звёзд, да и встречается очень часто, и потому подплываешь, оказавшись под водой, только к крупным, отчего-то желая к ним прикоснуться... Дно сплошь усеяно нежно-сиреневыми амурскими цветками, но глаза не устают любоваться ими. Звёзды – неотъемлемая часть этого загадочного, полного чудес мира.

На отмелях, покрытых россыпями двустворчатых раковин, в особенности – с обилием поселений моллюсков мидий, можно нередко встретить загадочную дисталостерию... Её длинные, тонкие лучи покрыты рядами белых шипов. Прогуливаясь как-то по берегу Южно-Курильской бухты, на острове Кунашир, я обнаружил в камнях, во время отлива, целые залежи этих звёзд, которые сразу вызвали изумление: что вынуждает такие необычные существа выходить на берег, совершенно открывая себя?

А дело всё в том, что у этих звёзд отсутствуют враги, тогда как сами они представляют нешуточную угрозу двустворчатым моллюскам. Дисталостерии наползают на раковину такого моллюска, приподнимаются над ним на всех своих пяти лучах, как балерины, затем плотно сжимают в своих объятиях и вскрывают. В плоских ложбинках, в особенности – во время отлива, можно наблюдать кучи пустых раковин мидий, мактры и гребешка: здесь совсем недавно пировали дисталостерии!

Иногда из расщелин показываются совершенно чёрные звёзды... Кажется, будто они и не из моря вовсе, уж очень непривычная для него у них расцветка. Зачем им быть такими незаметными, даже невзрачными, вернее – невыразительными, если по соседству существуют яркие патирии, эвастерии и амурские звёзды? Может быть, чёрные звёзды не переносят света, оттого и держатся больше глубоких и тёмных расщелин? Море неподражаемо в своём таинственном многообразии...

Избалованный этим звёздным разнообразием – не ждёшь встретить что-то ещё более поражающее воображение, но только до тех пор, пока тебе не попадается многолучевой солястер малинового цвета... Тем более, что для мелководья он крайне редок и ассоциируется чаще с глубиной, но вот в одной из курильских бухт Итурупа мне посчастливилось натолкнуться на многолучевую алую «голову Горгоны», и я сразу ощутил в ней подарок моря, ибо без божественного промысла никогда бы не владеть такой редкой красивой звездой. Солястер будто светится изнутри алым, малиновым либо ярко-оранжевым огнём, а его восемь, двенадцать, шестнадцать и даже тридцать два луча распространяют вокруг себя необыкновенно проникновенное внутреннее свечение. Берёшь такую звезду в руки и не можешь налюбоваться: до чего же море привольно в своих душевных волеизъявлениях!

И ещё хочется упомянуть об одних звёздах – тигровых, которые названы так за схожую с тигром расцветку. Если приглядеться, то в полосатой окраске этих глубоководных, как и солястер, звёзд нет ничего необычного, когда хорошо представляешь себе морской грунт. Ведь он бывает и чёрным, и серым, и коричневым, и жёлтым, в общем – полосатым чаще всего, отсюда – потребность маскироваться, никак не проявляя себя с яркой стороны. Впрочем, и полосатая зигзагообразная расцветка тигровых звёзд с их оранжевыми, белыми и серыми пятнышками поначалу сбивают с толку, и они тоже воспринимаются как откровение огромной, непознанной глубины, что и дарит человеку свои красоты, и скрывает от него много неизведанного.

Человек любит поднятыми со дна, выброшенными на берег и попавшими в донный трал звёздами, приятно озадаченный их непонятной красотой и обилием, обязательно попытается взять в руки и внимательно рассмотреть, и отчего-то в сердцах посетует, что не в силах постичь всей тайны моря. Положив звезду на ладошку, он подумает о том, какая она красивая, ладная, можно даже сказать – волшебная, но для чего дана эта чудесная маленькая радость, неожиданно осветившая твою жизнь? Неужели только за тем, чтобы славить честь всемогущего океана, как орден на его потаённой груди? А может быть - в награду тебе за то, что всё-таки пришёл к морским сокровищам и не побоялся добиться их открытия, сделав себя чуточку богаче? Звезда будто подсказывает человеку: возьми меня с собой на память и береги, как свидетельство моего искреннего расположения, как дань уважения за стремление к знаниям, за проявленную перед морской стихией отвагу.

Всю свою жизнь проводят морские звёзды на океанском ложе, ползая по нему, закапываясь в него или прикрепляясь к камням, но на первый взгляд кажутся всё-таки неподвижными. Правда, стоит только прикоснуться к звезде, и она изогнётся, приводя в движение все свои лучи. С нижней

стороны лучей хорошо становятся заметны трубчатые ножки с маленькой присоской на конце, и, извиваясь, они тянутся в поисках твёрдой опоры. Звезда словно скользит по поверхности камня или дну на своих бесчисленных ножках, пытаясь убежать. Эти ножки могут сокращаться и вытягиваться на значительную длину, и когда звезда выбрасывает их вперёд и присасывается к поверхности дна, она затем сокращает ножки и таким образом передвигается, а приводятся ножки в действие благодаря водно-сосудистой системе.

На верхней стороне любой звезды можно заметить небольшое светлое пятнышко: эта известковая пластинка – вход в её водно-сосудистую систему, с помощью которой и создаётся необходимый ток воды. Пройдя ряд полостей, вода попадает в радиальные каналы, идущие вдоль лучей, а удлинение ножек происходит под действием нагнетаемой внутрь их воды. Сокращаются же ножки под действием продольной мускулатуры.

Все морские звёзды – завзятые аккуратисты! Наличие большого количества известковых шипов и игл на их теле вынуждает их держать его в чистоте. Внутренние края этих шипчиков имеют зубчатые выступы и, захватывая ими различный мусор и грязь, оседающий на поверхности звезды, а затем, передавая друг другу, они отбрасывают его прочь. Ведь на теле звезды располагаются важные органы дыхания, что поддерживают её нормальную жизнедеятельность.

Ещё морские звёзды обладают удивительным чутьём, угадывая добычу на значительном расстоянии. Стоит положить на дно кусочек рыбы или крабового мяса – и тотчас из-под камней к нему устремляются звёзды, стараясь опередить друг друга. Нередко встречаются звёзды, сбившиеся в клубок: лучи их переплетены, словно в жестокой схватке. Это у них как раз идёт борьба за добычу – какого-нибудь моллюска или морского ежа.

Но поистине вызывает изумление то, с какой лёгкостью звезда вскрывает створки моллюска, сжимающиеся с невероятным усилием. Даже водолазу, вооружённому ножом, с большим трудом удаётся просунуть его лезвие между створками раковины, а уж о том, чтобы раскрыть створки руками, не может быть и речи: ну, если только разломать их каким-нибудь тяжёлым предметом! Звезда обхватывает лучами раковину со всех сторон, присасывается к ней ножками, и затем начинает методично их сокращать. Постепенно мускул моллюска, замыкающий створки, утомляется, они приоткрываются, и звезда вводит внутрь раковины свой желудок, который она может выворачивать через ротовое отверстие. Убив моллюска выделениями желудка, звезда, через несколько часов трапезы, выбрасывает наружу лишь чистые осколки раковины.

Звезда удовлетворила своё желание, какое-то время она умиротворённо лежит на песке, но вот медленно, сантиметр за сантиметром, вновь начинает своё продвижение по дну в поисках очередной добычи. Создаётся впечатление, что звезда хорошо угадывает свой предстоящий обед, чувствуя его на расстоянии, и безошибочно двигается в необходимом направлении,

ничуть при этом не торопясь. Образ жизни звезды на морском дне размерен, даже вальяжен, он не подразумевает никакой спешки.

Удивительно и умение звёзд восстанавливаться... Известно, что от нашествия морских звёзд - страдают поселения мидий и устрицы, и ловцы их – подводные ныряльщики, наловив звёзд, раздирают их на части и бросают в море, полагая, что таким образом предадут хищниц мучительной смерти. Но количество звёзд на устричных банках при этом не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Дело в том, что звёзды обладают высокой способностью восстанавливать утраченные органы.

Не раз у берегов Сахалина попадались мне на дне звёзды с одним или двумя-тремя лучами гораздо меньшего размера, чем остальные: молодые лучи росли у них взамен утраченных. Наиболее часто из числа когда-то подраненных звёзд, встречались почему-то именно амурские звёзды. Порой даже приходилось наталкиваться на участки дна, напоминающие место настоящего побоища, где звёзды валялись с откусанными и оторванными лучами: здесь уже пировала рыба зубатка, называемая подводниками «морской собакой».

Кажется, звёзды погибли, им не пережить такого хищнического разгула, но стоит через некоторое время вернуться в это место - и к удивлению своему обнаружишь, что тела звёзд распрямляются и обрастают недостающими частями. Целая звезда может восстановиться даже из одного луча, а некоторые звёзды и вовсе иногда размножаются, сами разламываясь пополам, и затем каждая половина восстанавливает недостающие части. У какого-то вида звёзд, не помню точно, от центральной части тела отрываются все пять лучей и отползают в стороны, после чего у каждого луча на месте отрыва начинает формироваться центральная часть тела и отрастают остальные четыре луча, которые со временем достигают нормальной величины. Возможности звёзд кажутся неисчерпаемыми!

Необычно и то, что тело у морских звёзд имеет, как правило, пятилучевую форму, форму совершенства и проникновенности во все сферы жизни именно благодаря этому звёздному расположению, которое, между тем, просто приятно воспринимается на глаз. Как будто пятилучевое состояние звезды визуально, а потом уже и мысленно предопределяет шар-сферу, нечто самое гармоничное для наполнения и выражения себя, своих мыслей. И вот, по этой причине, видимо, морскую звезду хочется брать в руки, рассматривать, мысленно вертя, и на самом деле медленно вращая, и от этого возникает в душе, в конце концов, энергетический вихрь, способный закружить все силы жизни, направляя их в единственно верное русло.

Главное, самому научиться познавать свою жизнь глубже, спиралеобразно и методично продвигаясь к совершенству. Да и не только свою – жизнь всей Вселенной, которая от этого только оказывается довольной. Ей по нутру подвижническое напряжение воли человека, что не утихает и становится сильнее, когда он стремится к неизведанному.

Впрочем, кто воспринимает морскую звезду такой сложной? Она – лишь одно из прекрасных разнообразий подводного царства, где все находятся в одинаковых условиях, располагая более или менее равными возможностями. И только человеку нет в нём места, и он, несмотря ни на что, пытается проникнуть в глубины моря, желая хоть как-то возместить своё бессилие.

Морские звёзды, действительно, будто ордена на подводной груди океана, сверкают и переливаются ему в награду. Почти никому не видимые и недостижимые, они, конечно, светят самим себе, не находя достойных обожателей, но для тех, кто любознателен и отважен, дарят заслуженную радость. Я их наблюдал, тоже радовался увиденному, даже восхищался, а теперь пытаюсь рассказать, понимая, что всё это переживать одному однажды становится непереносимо.

Когда ты уже не видишь моря, не чувствуешь его аромата, хорошо поделиться своими знаниями с другими людьми, с удовольствием вспоминая таинственную морскую стихию, и в том числе – звёзды, незабываемые цветы моря, призванные, в первую очередь, очаровывать.

«АСЦИДИИ И АКТИНИИ»

Как роскошно разнообразие подводных сокровищ, многие из которых забрать с собой не представляется возможным, поскольку неповторимая прелесть их исчезает вне водного пространства! Пурпур бархатистых асцидий, напоминающих небольшие древние сосуды, чудом сохранившиеся благодаря морю, на какое-то время просто зачаровывает. Страшно даже притронуться к их пронизанным неведомым подводным жаром бокам. Каким образом в этой сумеречной прохладе может сохраняться такой живой и пронизывающий цвет?!

Вернее даже, асцидии – это ярко-красные, насыщенные светом амфоры, грациозно украшающие подводный пейзаж. Пока они находятся в виде личинок, то принадлежат к свободно передвигающимся существам, достигая же взрослого состояния, прикрепляются своими коническими основаниями к каким-нибудь подводным предметам – камням или раковинам, а стенки их облачаются в шелковистую тунику с преобладающими красными и оранжевыми тонами. Правда, вместо одной горловины, наверху, как это можно наблюдать у древнегреческих амфор, асцидии имеют в своём теле два коротких, трубкообразных выхода-воронки, действительно, очень напоминающих и горло-вход в глиняный кувшин, и глиняную ручку, за которую берёшься, чтобы насладиться содержащимся в нём напитком.

Оба сифона представляют из себя достаточно сложный для подводных обитателей аппарат, включающий и пищеварение, и сердце, и лёгкие этого экзотического животного, поскольку кровеносная система у асцидий не замкнутая. Асцидия всю дальнейшую жизнь проводит в перекачивании воды, и тем, наверное, постоянно обновляет себя. Стоит неподвижно на дне морей и океанов необычное даже для подводного царства существо, и будто ждёт чего-то... А вернее, накапливает в себе свет чудесной энергии, желающей найти выход: люди, обратите внимание на неотразимую асцидию! Но внемлют этой красоте только подводные пловцы...

Асцидия питается мельчайшими организмами, приносимыми вместе с водой, и внешне у неё незаметно каких-либо признаков движения, но стоит задеть её или даже поколебать воду, как она, тотчас же, закрывает сифоны и начинает сжиматься, словно пурпурный шар, из которого выходит воздух. На глубине свыше двадцати метров, где красная зона солнечного света поглощается в верхних слоях воды, асцидия приобретает уже насыщенный зелёный цвет, поражая воображение застывшими в зыбком сумраке изумрудными «вазами»...

В Охотском море обнаружено не менее пятидесяти видов асцидий, и к числу наиболее крупных и красивых относится золотистая холоцинтия, своим названием так же, как и натика, созвучная чему-то древнему и прекрасному. Стенки её окрашены в ослепительно алый или розовато-

оранжевый цвета, а высота их достигает двадцати пяти сантиметров. Некоторые крупные виды асцидий вполне могли бы служить источником ценного сырья ванадия, который они накапливают в своём организме, и всё же промыслового значения не имеют, отчего, наверное, и стоят покойно на дне морей и океанов, напоминая маленькие древнегреческие сосуды. Но вот у берегов Антарктиды, в холодной глубине, встречаются асцидии в человеческий рост!

Актинии же, в отличие от асцидий, это уже волшебные чаши, неизвестно зачем оказавшиеся под водой... Точнее даже будет сказать – завораживающие своим подводным нахождением «хризантемы» и «астры», у которых мерно развевающиеся щупальца-лепестки живут какой-то своей жизнью, а стебля нет вовсе, так как разноцветные чаши прикрепляются к скалам всем своим нежным основанием. Что за удивительное очарование красок и форм, нахождение чудесных подводных обитателей там, где им, казалось бы, не суждено быть!

Но уж как водится в этой жизни, под безмятежностью роскошного подводного «цветка» и даже, можно сказать, его совершенно невинным видом скрывается прожорливый хищник. Своей сбивающей с толку прекрасной наружностью, призванной природой как раз вводить в заблуждение, а не очаровывать, актиния именно заманивает несведущего обитателя морских глубин в губительные для него объятия. Нежность и коварство соединены в актинии для добывания себе пищи, и вы бы очень удивились, наблюдая какое-то время за этим животным, как быстро и ловко проглатывает оно большие куски мяса и рыб. Бывает, актинии захватывают в свою желудочную полость такую крупную добычу, что она торчит у неё изо рта, соблазняя других морских хищников, например, рака-отшельника или краба, которые запускают свою клешню в желудок актинии и вытаскивают оттуда уже почти проглоченную ею добычу.

Благодаря своему аппетиту, актиния, случается, проглатывает и совсем несъедобные для себя предметы – ракушки, причём, достаточно крупные, так что такая раковина перегораживает желудок актинии на две половинки, полностью нарушая у неё процесс пищеварения. Но актиния, как ни странно, не погибает, и мало того – в полном смысле слова возрождается, поскольку у её подошвы, у того места, которым она крепится к камню, постепенно открывается новое ротовое отверстие, и актиния, таким образом, становится счастливой обладательницей двух ртов и двух желудков, захватывая в свою загадочную утробу ещё большее количество животных, которые, наверное, и не ждут от неё подобного подвоха!

А всё дело в том, что щупальца актинии снабжены особыми стрекательными клетками, в каждой из которых расположена крохотная капсула, заполненная ядовитой жидкостью. Внутри капсулы находится уложенная, как пружина, длинная нить, сама же капсула закрыта крышечкой, и снаружи из неё торчит лишь тонкий чувствительный волосок. Любое прикосновение к нему возбуждает стрекательную клетку: крышечка капсулы

открывается и, упругая нить, подобно гарпуну, пронзает покровы добычи. В крошечные ранки и поры изливается яд, вызывающий паралич и смерть, после чего ловчими щупальцами актиния направляет парализованную добычу в легко растяжимый рот и через несколько минут уже ничто не напоминает о недавней трагедии – актиния вновь приветливо раскрывает хищные объятия будущей незадачливой жертве.

Жители моря, чаще всего, непредсказуемы, так и актинии: в случае крайней необходимости эти подводные «цветки» могут ... переползть на небольшое расстояние. Размером с тарелку, актинии действительно воспринимаются как чудо, и если вам попадается ярко-красный или бордовый подводный «цветок», то немедленно приходит на ум наш садовый георгин... Отдельные щупальца этого живого «цветка» медленно шевелятся, и сквозь их тончайшие покровы просвечивает студенисто-солнечная мякоть, которая может быть и кремовой, и розовой, и крапчато-зелёной... Ты восторженно смотришь на неожиданно открывшуюся под водой красоту, и воображаешь, будто очутился в тропиках...

Правда, это своеобразное морское животное прекрасно лишь под водой, ибо стоит ему оказаться на поверхности – и от всей его красоты ничего не остаётся. Его студенистая основа, как и у медузы, просто растекается, цвет сразу блёкнет, и спасти такое подводное чудо, чтобы вы не предпринимали, не представляется возможным. Тем более от чудесного подводного создания ничего не остаётся после пробного научно-исследовательского траления, когда трал волокут по каменистому дну, а потом поднимают на борт уже не нежные разноцветные актинии, а комки бесцветной слизи. Такая актиния ещё живёт несколько дней в садке или оцинкованной ванне, даже пытается расправить щупальца, но, в конце концов, погибает.

Актинии крайне чувствительны к малейшему прикосновению, тем более – к грубой попытке оторвать их от скалы. Попытавшись сделать это несколько раз, желая, во что бы то ни стало, овладеть неопишуемой подводной красою, скоро понимаешь – как бесполезно подобное занятие. При этом животное съёживается, втянув мягкие щупальца в твёрдую подошву, ещё сильнее прижимается к скальной поверхности, и если даже вам удалось оторвать актинию и, подняв наверх, поместить её в ведро, таз или ванную, она принимает почти шаровидную форму и безвольно катается по дну, опять же становясь совершенно невзрачной, будто протестуя. Актиния хороша только под водой, на суше её красота пропадает.

Незабываемо очарование удивительных актиний, самых ярких существ в наших дальневосточных морях. И, наверное, дело тут не только в красивой окраске, а и в необычной форме животного, которое в отличие от настоящих астр и георгинов постоянно движется, меняя оттенки, и его прозрачное тело, переливаясь всеми цветами радуги, просто околдовывает. Кажется, что актинии выдуты из цветного стекла! Смотришь и не можешь насмотреться,

до конца не веря, что такое чудо может быть присуще холодным северным водам.

Порой под водой попадаются такие многочисленные поселения актиний, особенно – в Японском море, что создаётся впечатление, будто отвесную скалу покрывает разноцветный ковёр. Не перечислить всех тех оттенков, что он в себе содержит. Но иногда актиния зарывается в песок, оставляя на поверхности только щупальца, которые тоже маскирует мелкими камешками и осколками раковин, так что её почти не различишь на морском дне.

Излюбленное же место обитания у актиний – длинные и узкие расщелины, где приливное течение или прибой создают освежающий приток воды. В переливающихся и завихряющихся водных потоках актинии вспыхивают как драгоценные сокровища, сокрытые ото всех под водой, и невозможно передать богатую игру их красок! Тем более, что встречаются актинии с самым неожиданным сочетанием цветов: оливково-кремовым и бордовым, золотисто-красным и изумрудным, фиолетово-чёрным, бархатно-пурпурным и даже белым. Поневоле задашься вопросом: для чего актиниям такая причудливая окраска? Но не находишь ответа...

В солнечные дни все эти разноцветные актинии пронизаны лучами света, отчего и вовсе преображаются, необыкновенно оживляя холодное подводное пространство. Чуть подрабатывая лапами, тихонечко продвигаешься в каком-нибудь укромном ущелье, где каменные стены сплошь украшены колышущимися цветными букетами, и забываешь, что ты – под водой. Будто плывёшь в красочном сне, наслаждаешься покоем садов Нептуна и не сомневаешься, что сон этот будет длиться вечно...

... В уютной курильской бухте, окружённой угрюмыми скалами, бьётся о камни яростный прибой, а под водой тихо, незаметно ускользает вниз отвесная каменная стена, которую украшают бежевые, зеленоватые, пурпурные и чёрные цветы. Это – уже хорошо известные мне актинии, окружённые такими же разноцветными щупальцами, напоминающими лепестки. Медленно и плавно колышется их цветная шевелюра, и актинии действительно начинают напоминать экзотические цветы, на вид вполне безобидные, движения их усыпляющие...

Но стоит какой-нибудь маленькой рыбке задеть одно из щупалец, как нежно колышущийся цветок, зачаровывающий своими прозрачными лепестками, превращается в хищное существо, стремящееся только убить. Прикоснувшись к актинии рыбка мгновенно цепенеет, медленно переворачивается вокруг себя: кажется, она заснула. Её поразили невидимые ядовитые стрелы, которыми снабжены изящные с виду щупальца актинии. Однажды я тоже имел неосторожность коснуться такого подводного цветка голый рукой, ещё не подозревая о коварстве актинии, и вскоре ощутил резкое жжение, даже онемение. Цветок поразил и меня.

Если актиния кого-то поражает, то в движение приходят все щупальца, шевелятся, обвиваются вокруг тела жертвы, и постепенно её становится не видно, она оказывается у самого рта актинии. Рот был сомкнут, и оставался неприметным, а теперь открылся и поглотил несчастную жертву. Щупальца опять ласково колыхаются, играют зеленоватыми, бежевыми и пурпурными красками, зачаровывая взгляд.

Неспешно продвигаешься вдоль подводной стены, рассматриваешь разноцветные актинии и начинает казаться, будто актинии никогда не покидают насиженного места. Однажды появившись на нём, они так и остаются здесь навсегда, пока от чего-нибудь не погибнут. Но на деле, как уже говорилось, актинии способны не просто передвигаться, а плавно скользить по скале благодаря неприметным сокращениям своей подошвы, и делают это так легко, воздушно, что покажется на миг, будто сами камни задвигались под водой, пытаясь унести от тебя подальше, скрыть глубже свои неопишуемые сокровища.

А иногда, если актиниям что-либо не нравится там, где они привыкли проводить большую часть своей жизни, они отделяют подошву от каменной опоры и, опрокинувшись, летят в подводную бездну. В полёте актинии сжимаются, закрывшись, кувыркаются, ударяясь о попадающиеся на пути утёсы и, опустившись на какую-нибудь площадку, вновь раскрываются. Если место им понравится, актинии обретают новое обиталище и по-прежнему украшают подводное царство. Но больше всего актиниям нравятся потоки свежей воды, и, почувствовав их, актинии раскрывают навстречу течению свои нежные щупальца, так же нежно шевелят ими, а ты, позабыв об их коварстве, понимаешь, что ещё одно подводное таинство навсегда околдовало твоё сердце.

«КРАБЫ»

Я плыву над глубокими расщелинами, куда не добираются солнечные лучи, и с какой-то необъяснимой для себя радостью ощущаю удивительный мир и покой. Кое-где на каменных склонах вырисовываются разноцветные пятна морских звёзд, будто подсвеченные изнутри, а в зеленовато-туманной толще воды отрешённо замерли молочно-фиолетовые купола медуз, только после прикосновения к ним начинающие плавно пританцовывать. Всё здесь проникнуто ласковыми таинственными переливами и необыкновенно насыщенной, но не утомительной тишиной, волнение волн совсем не ощущается, и не хочется прекращать этот завораживающий полёт.

И вдруг всё словно ожило, задвигалось: это прямо передо мной перебежал песчаную полянку, и скрылся в зарослях zostеры, волосатый краб... Был он по-крабьему кособок и ловок, молниеносно переставляя свои коренастые ножки, и то приподнимался на задних, двигаясь бочком, то устремлялся вперёд, семеня всеми десятью, включая и устрашающие клешни. Совершая при этом невероятные зигзаги, краб, будто, кого-то запутывал. Сразу становилось понятным, что ведёт себя он, таким образом, неспроста, его поведение – отражение особенного, изворотливого существа, призванного под водой больше нападать, нежели обороняться.

А был это – краб тельмессус, что, несмотря на свой обильный волосяной покров, казался всё же оголённым. Такое впечатление создаёт его розовато-золотистый телесный окрас. Но, между тем, тельмессус очень цепкий краб, быстро реагирующий на малейшие перемены, возникающие вокруг. Правда, это отмечает почти всех других крабов, но тельмессус – по-особенному боевит, в нём угадывается какая-то первозданная дикость, непреклонное стремление позариться на какую угодно добычу, и отстоять её.

Стоит протянуть к этому неповоротливому на вид подводному пауку руку, как он тотчас преображается.словно привстав на цыпочки и ощерившись, краб прытко бросается в сторону, прижимается задом к какому-либо камню и угрожающе раскрывает свои клешни, попеременно поводя ими перед собой, как боксёр в боевой стойке. Демонстрируя, таким образом, свою неприступность, краб не допускает для себя ни единой возможности ретироваться, как будто заявляя: отступаю я лишь на время, чтобы в любой момент напасть!

Эта непреклонность краба хорошо выражена и в его имени - коротком, ёмком, стремящемся завладеть даже тем, что ему не принадлежит: «краб»! «Краб» - это отсутствие всякой боязни, совершенно чёткая определённость и желание только брать, «крабить». И в тоже время - крабу присуща лёгкость, способность не замыкаться на одной добыче, что по какой-то причине ему не досталась. Тогда он тотчас переключается на другую, если с предыдущей жертвой у него что-то не сложилось: краб, действительно лёгок, подвижен,

но и не упустит своего... Мы-то им за это и восхищаемся, почти ничего не зная – как на самом деле складывается его подводное существование!

Угрожающе растопырив клешни и встав на дыбы, краб пугает всем своим видом, и от его решительного настроения ты невольно улыбаешься. Надо отдать ему должное, ведь ты намного крупнее краба, но он не боится твоих размеров и выглядит очень отчаянным. Впрочем, это его привычная защитная поза: кроме неё и устрашающих клешней в арсенале краба ничего не остаётся. Даже когда поднимаешь краба на поверхность, он продолжает грозно пощёлкивать ими, вызывая звук, напоминающий клёпку стальных листов на судостроительном заводе.

Краб просто передвигается по дну в поисках добычи, но во всём его облике просматривается неукоснительный нахрап, даже некоторая наглость. Краб не предполагает в своём поведении каких-либо прелюдий, и очень чётко и быстро даёт понять, что не собирается ни с кем церемониться. Он – сама жёсткость, стремительный напор, каким его можно допустить для подводного обитателя. Краб, только ненадолго замерев, всегда нацеливается как на устрашающий выпад, так и на то, чтобы по-быстрому ретироваться. В нём, похоже, не присутствуют какие-либо переживания по поводу вынужденного отступления, поскольку это лишь часть его будущего решительного наскока. Браво!

Свои манёвры любой краб осуществляет мгновенно, свободно передвигаясь и разворачиваясь на заострённых конечностях, как на хорошо смазанных шарнирах. Со стороны все эти перемещения схожи с беспрерывно разматывающейся кинолентой: вы не теряете краба из поля зрения, но он, тем не менее, остаётся недостижим. Что-то завораживающее, в своей безрезультативности, есть в этой погоне, и вы никак не можете оторваться от краба, от его неожиданных выпадов и молниеносных перемещений. Наблюдать за ним - увлекательное зрелище! Наконец, вы оставляете краба в покое, а он ещё какое-то время продолжает свой кособокий бег в прохладных сумерках, пока не остаётся совсем один...

Имея надёжную броню из хитина – рогообразного органического вещества, которое крабы извлекают из океана, и мощные клешни, они обеспечивают себе относительно спокойное существование, умея и нападать, и обороняться. Один из крабов, обитающий в тропиках, даже так и называется – краб-боксёр. Но вот среди крабов, обитающих на литорали дальневосточных морей, самым боевитым признаётся тельмессус...

Весь его облик - именно бойцовский, поскольку краб имеет плотно сбитое тело – прочный головогрудный щит и мощные подбористые ноги. Правда, в отличие от внутреннего скелета позвоночных, внешний скелет краба не может расти вместе с ним, и краб должен время от времени линять, то есть сбрасывать свою оболочку, когда она становится слишком тесной. Это - естественное действие, без которого был бы невозможен рост краба, и после каждой линьки краб вырастает и прибавляет в весе, поэтому линька происходит более часто в молодом возрасте, а также при обилии пищи.

Такова судьба не только тельмессуса, но и всех остальных ракообразных, обитающих в дальневосточных водах: литодеса, или, как его ещё называют местные жители, королевского, японского стригуна, загадочного дориппе, и самого крупного – камчатского...

У омаров и креветок, например, панцирь трескается сверху, и животное, пятась, вылезает из своей «одежки», у краба же панцирь лопаётся посередине, и животное с мягким телом выходит наружу, вытаскивая поочерёдно ноги. Наблюдая этот процесс, поневоле удивляешься, как крабам удаётся протащить свои мясистые клешни сквозь сочленения в несколько раз уже. Перед линькой из клешней отливает кровь, и они как бы ссыхаются, затем известь, находящаяся в сочленениях, растворяется, и они становятся мягкими, что облегчает крабам задачу.

Лишившись своей брони, крабы становятся особенно уязвимыми. Зачастую они прячутся в каком-нибудь убежище до тех пор, пока мягкая, сморщенная кожа не затвердеет, превратившись в защитную оболочку. В такой период они нередко поедают свой собственный панцирь, чтобы получить в себе материал для нового.

Вообще, крабы всеядны... Они поедают всё, что попадает на их пути, и живое, и мёртвое, и даже умирающее существо. Каннибалы по природе, крабы даже пожирают своих более слабых сородичей. Но подолгу на одном месте не задерживаются: крабы – извечные путешественники.

Все обитатели океана, в том числе - и крабы, непрерывно мигрируют. Так устроена их жизнедеятельность, и если размножаются они в одном месте, то линьку проводят совсем в другом, а питаются и вовсе - в третьем. Даже появившиеся на свет мальки увлекаются морскими течениями за сотни миль от родных берегов, так что невозможно с полной уверенностью сказать - возвратятся ли они обратно. Как недавно выяснилось, мальки обитают там, где нет взрослых крабов, и это раздельное существование детей и родителей, конечно, расширяет границы крабьей территории, предполагая огромные морские пространства.

Всю свою достаточно долгую для моря жизнь, а крабы живут порядка двадцати пяти-тридцати лет, они проводят в странствиях, совершая пешком по морскому дну значительные переходы. Не зря крабы имеют такие развитые ноги, потому и съедобной частью тела является только двигательная мускулатура, заключённая в них. Правда, скорость передвижения краба по прямой линии составляет 1 милю в час, но так как краб бежит и ходит зигзагообразно, то фактически он в течение суток продвигается вперёд 10-12 км. Общее же протяжение миграционных перемещений крабов в год достигает 100 миль!

А начинается всё с зимовки крабов, располагающейся далеко от берега, на глубине до 200 метров. Дело в том, что в местах зимовок наиболее высокие температуры воды наблюдаются, как ни странно, именно зимой – в ноябре-январе. Это происходит вследствие очень интересного явления – запаздывания «гидрологического лета», когда волна летнего нагрева воды до

этих глубин достигает только в указанные зимние месяцы. В это же время на местах летних миграционных полей температура воды понижается до минус 0,5 градуса, а на поверхности появляется лёд. Уход крабов на зимовку как раз и обуславливается постепенным перемещением оптимальных температур от мелководья на глубины.

Весной же наблюдается обратное явление. Когда прибрежные участки моря вскрываются ото льда и заливы очищаются, температура воды начинает повышаться. Теперь уже «гидрологическая зима» к этому времени доходит до зимовок краба, и вода здесь становится холодной, достигая 0 градусов. Холод гонит крабов к берегу.

Крабы любят жить на морском дне в одиночестве, но даже когда у них начинается пора спариванья, они направляются на мелководье отдельно: отдельно самки, отдельно самцы. Очень часто первыми у берегов оказываются самки, иногда особи обоих полов подходят одновременно, но всегда разными путями. Будучи ещё на довольно большой глубине, приблизительно, на половине пути к берегу, самки освобождаются от икры, которую вынашивали с прошлой весны 11 месяцев! Это намного дольше, чем у рыб, большинства наземных животных и даже у человека.

Из икринок сразу вылупляются крохотные стеклянные мушки – зоэа, скорее, похожие на креветок, чем на крабов, и с этого момента зоэа предоставлены самим себе. Только к началу четвёртого месяца они обзаводятся всеми положенными крабам по штату конечностями и колючим панцирем шириной всего в 2 миллиметра. Но как долго им ещё предстоит расти! Если крабикам повезёт, то только через год их панцирный щит увеличится до 8 миллиметров, а потом понадобится ещё десять лет, чтобы краб достиг 10 сантиметров.

И вот, наконец, и самцы и самки встречаются на мелководье, и в преддверии своего скорого таинства, на короткое время замирают: что-то происходит там, под водой? Однажды мне привелось увидеть такое крабовое столпотворение, только это были не тельмессусы, и не камчатские крабы, а колючий литодес... Колючий краб литодес водится в Японском море, на больших глубинах, но весной, и в начале лета передвигается на литораль, поближе к берегу, где между крабами и происходит спариванье.

Литодес, кстати, не настоящий краб, а всего лишь крабоид, как принято, в науке, называть ракообразных, или – рак мягкохвостый. У настоящих крабов четыре пары ходильных ножек, пятая пара – клешни. Литодес же имеет только три пары ходильных ножек, а задняя пара скрыта под панцирем и приспособлена для очистки жабр от грязи. Камчатские крабы, между прочим, их ближайшие родственники, они также относятся к отряду мягкохвостых раков.

В самом начале лета мы пробирались на стареньком «трумэне» по юго-западному побережью Сахалина к мысу Крильон, и по пути останавливались там, где нас заставала ночь. В тот раз мы заночевали у перевала Кузнецова, в устье речки Шистама, и утром решили искупаться, поскольку день выдался

тёплый и солнечный, что летом в здешних местах большая редкость из-за постоянных туманов.

К тому времени, как солнце поднялось к своему зениту, налетел лёгкий ветерок, принеся ощущение открытости и свободы. Морские запахи и тишина были приятны и не сбивали с толку, убегающие за спиной нежно-салатного цвета склоны сопок лишь немного кружили голову, и море, бесконечно близкое и пустынное, не отягощало своей беспредельностью.

Солнце сияло, море ослепительно синело, и, забредя по пояс в воду, я, к своему удивлению, обнаружил на дне какие-то странные расплывчатые пятна. Вернувшись на берег, взял с собой подводную маску, а когда опустил голову в воду, то пятна сразу начали приобретать более чёткие контуры, и ещё через мгновение я понял, что перед моим взглядом возникают сотни и тысячи крабов, которые, раскинув в стороны ноги, тихо сидели на песчаном дне. В основном это были крабы с диаметром панциря, примерно, в 15 сантиметров. Все крабы сгруппировались в отдельные живые лепёшки, достигающие в окружности пяти-шести метров. Можно даже сказать, что это были целые кучи, в которых крабы сидели вплотную один к другому, причём, в несколько слоёв, кажется, совершенно друг другу не мешая, и таких скопищ было очень много, а располагались они на глубине не более полутора-двух метров.

Вглядываясь в преломляющуюся прозрачность воды, я с необъяснимым чувством восхищения приближался к затаившимся крабовым нагромождениям, стараясь не волновать водную поверхность. Крабы же сидели, не двигаясь, только изредка какой-нибудь из них начинал медленно шевелиться, неуклюже запинаясь о колючки своих собратьев. Это – не какое-то сонное умопомрачение, а вынужденная природная потребность на время затаиться, чтобы потом ещё более украсить наш мир.

Присмотревшись лучше, я вдруг заметил, что не все крабы одинакового цвета. Те из них, которые находились в самом низу, имели нежно-розовый, с матовым отблеском оттенок спинки, они, видимо, только что сбросили старые панцири, а новые ещё достаточно не окрепли. Панцири были мягкими, свободно продавливались под пальцами, и от этой крабьей оголённости - у самого на коже начинали появляться неприятные мурашки.

Свою незащищённость крабы прятали под ещё не сброшенными панцирями тех, кто находился наверху. Как могли, они оберегали друг друга от подстерегающей под водой опасности, и именно с этой целью перемещались с глубин поближе к берегу.

Но избавив себя от одной угрозы, крабы в тоже время подвергали себя прямой вероятности побывать в кипящем котле. Несколько заторможенные в период смены своего хитинового покрова, и, потому, легкодоступные, крабы почти не сопротивлялись, вяло потягивая ослабевшими ножками, когда я подцеплял их крючком, изготовленным тут же на берегу, из проволоки. Клешни их утеряли свою коварную цепкость, не заострившиеся колючки лишь мягко покалывали ладошку, и крабы безропотно падали один за другим

в плывущую за моей спиной капроновую корзину, тотчас переворачиваясь в ней навзничь.

Помню, как приятно было быть сопричастным происходящему: ты шёл, освещённый солнцем, по пояс в воде, и собирал в корзину ни в чём не повинных крабов. Скоро они зарумянятся в кипящем казане, сытный горячий дух разнесётся по всему берегу, а день по-прежнему будет стоять такой же ясный и солнечный...

Несколько крабов, отваренных целиком, мы закопали в порядке нагретый на солнце песок, и пока чистили остальных в дорогу, они превратились в настоящие погремушки, совершенно высохнув в тех позах, которые им изначально придали. Это были дорогие сердцу экспонаты, драгоценные дары, без которых мы никак не могли обойтись, работая в море. Тем более, что ранее таких крабовых скоплений нам встречать не приходилось, а поймать красивого большого краба удаётся не всегда.

Так вот, прежде, чем крабам спариться, самки обязательно линяют, а перед линькой в крабовых взаимоотношениях происходит так называемое «рукопожатие» или некие «любовные объятия», напоминающие, к тому же, неповоротливый подводный танец. Найдя самку, самец схватывает её клешнями за клешни и удерживает так в течение недели, дожидаясь, когда она слиняет. Видимо, охваченный важностью происходящего, самец начинает чуть-чуть раскачиваться, словно пританцовывая, и когда я впервые увидел это, то подумал, что самцы дерутся между собой из-за самок.

Правда, меня насторожила замедленность поведения крабов, они будто находились во сне, и лишь изредка оживали, воинственно поднимая перед собой клешни, вскоре лениво и безучастно опуская их. Я никак не мог объяснить подобного поведения, а оказалось, что это – крабовые свадьбы, происходящие уж как-то очень необычно, даже загадочно до величественности, и замедленность их определяется, наверное, опять же, очень необычным характером этих животных, которые когда-то, всё же, должны на время успокоиться и отдохнуть. И почему бы им для этого не воспользоваться периодом линьки и спариванья, чтобы стать ещё крепче для своей подводной жизни?!

Я ещё с большим интересом стал относиться к крабам, когда обнаружил, что сразу после линьки самки, самец отбрасывает её пустой хитиновый панцирь – экзувий, очень по-хозяйски готовясь к серьёзному для него прохождению процесса оплодотворения, и вскоре спаривается с ней. При этом он прикрепляет к брюшным ножкам самки свою сперму, и оплодотворённая икра, которая, кстати, имеет фиолетовый цвет, опять вынашивается 11 месяцев. Вылупление маленьких крабиков произойдёт следующей весной, когда самки направятся к берегу для размножения, и всё повторится вновь.

Чуть позднее происходит линька и у самцов... Они как-то оживают после того, как оплодотворили самку, и начинают перемещаться в более

глубокие места, где и приступают к линьке. Самки же продолжают всё лето бродить у берега.

Самцы сбрасывают свой панцирь там, где им ничто не мешает. Ведь чтобы выбраться из старых хитиновых оков, нужно приложить достаточно усилий, и краб проделывает это на открытой площадке, так как малейшее препятствие при судорожных движениях может привести к защемлению в старом покрове конечности и к потере её или даже гибели всего животного. В момент линьки хитин лопается поперечной щелью на спине между головогрудью и брюшком, и через образовавшееся отверстие вылезает краб, уже облечённый новым хитиновым панцирем. Пустая шкурка, положенная рядом с перелинявшим крабом, примерно на четверть меньше животного. Наблюдая за линькой, невозможно понять, как это такой большой краб прежде помещался в маленьком панцире...

Размеры слинявшего краба по сравнению с оставленной скорлупой, действительно, резко увеличиваются. Набухшие ткани освобождаются от давившего на них панциря, и краб сразу на глазах вырастает. Сбрасывание старого панциря продолжается минут пятнадцать, но ещё в течение трёх дней хитин остаётся мягким. Этим никогда не преминут воспользоваться осьминоги – главные враги крабов. Головоногие загодя выбирают в места линьки крабов, и просто пируют.

Что поделатъ: линька имеет своим последствием значительное ослабление мускулатуры и накопление жидкости в теле, почему мясо краба становится дряблым. Таких крабов называют «пустыми», и для консервного производства они, конечно, не годны. Происходит это вследствие сильного ослабления организма краба из-за потери энергии во время трудного процесса линьки, а также за счёт всасывания воды тканями тела.

Крабы сильно оголодали, сразу после линьки они начинают кочёвку в поисках пищи, и тут подходит косяками треска, с удовольствием поедающая крабов в их беспомощном состоянии. Ещё в течение двух недель крабы остаются мягкими, так, что бёдра их ног легко сдавливаются пальцами. Хищные рыбы обламывают крабам ноги, отдирают панцири и поедают внутренности, а вслед им двигаются полчища кеты и горбуши, подбирая сладкие останки. Как крабам себя обезопасить?

Крабы в этот период своей жизни вынуждены быть беззащитными... Они бы и желали верховодить, да природа определила им ретироваться куда подальше: в каменные россыпи, скалистые ущелья, или они напозают друг на друга в несколько слоёв и лежат неподвижно, совершенно сливаясь со скалой и илом, и только на песке, в солнечный день, можно хорошо различить эти крабовые нагромождения, в которых, между тем, ощущается замершая жизнь. Нередко эти скопления напоминают какое-то гигантское кладбище ракообразных, и от этого становится не по себе... Но чаще же всего крабы уползают на большие глубины, где их никто уже не сможет тронуть, а сами они вскоре будут вооружены затвердевшими клешнями,

панцирем и шипами. Крабы опять станут самими собой, возмужают, и их укрепившаяся разноцветная скорлупа украсит подводное царство.

Доспехи крабов всегда вызывали у меня молчаливое уважение, а при виде того, как эти доспехи меняются, постепенно преобразуясь из мягкого хитинового покрова в крепкую броню, и вовсе восхищали. Тайна крабовых скоплений долгое время занимала меня, несмотря на завораживающее разнообразие окружающей сахалинской природы, что каждый миг присутствовала повсюду, и я так проникся этой подводной сосредоточенностью крабов, что впредь стал воспринимать их как родных, относясь к ним по-особенному. Мне хотелось быть близким со всем, что меня окружало под водой, и главными возбудителями моего воображения с некоторых пор стали именно крабы.

Как чудесно было сознавать, что крабы есть, и ты можешь их увидеть, если очень захотеть. Непохожие ни на кого животные, с такими непоколебимыми амбициями, красивыми клешнями и изощрёнными повадками просто завораживали моё внимание. Запах крабов, выброшенных в шторм, их формы панциря, какие могли принадлежать только морю, - всё это придавало им какую-то очень привлекательную особенность. Хотелось брать их в руки и рассматривать, угадывая в них что-то неведомое, принадлежащее только им, а через понимание крабовой сути – может быть, попытаться понять и само море. Крабы были его маленькими стражниками, которых оно, впрочем, оберегало.

Маленькие крабы напоминали древние монетки, оказавшиеся на дне моря, куда их когда-то кто-то обронил... Более крупные - походили на причудливые пряники, выпеченные в неведомой морской кухне. Румяные, будто облитые разноцветной глазурью, крабы выглядели очень привлекательно. Хотелось потрогать их пальцем, посмотреть, как они прореагируют на прикосновение: затаятся, убегут или ошестинятся... А может быть, предпримут что-нибудь совсем неожиданное, и ещё более озадачат?

Иногда крабы, поднятые из-под воды, воспринимались так, будто они были уже сварены. Такой аппетитный дух от них исходил, заваренный на аромате морской воды и пряных водорослях. Но как только какой-нибудь краб начинал шевелить клешнями, он сразу весь преображался, излучая жизнь каждым бугорком и шипом.

Зачастую в крабах обнаруживается даже некоторое озорство, присущая им некая весёлость, и, то, что краб изобретателен, хорошо угадывается в его повадках. Когда крабу требуется выесть внутренность какой-нибудь раковины – устрицы, гребешка, либо мидии, он сначала искусно вставляет в её створки маленький камешек... Возможно ли совершить подобное без особенного лукавства, и разве это не маленькое морское чудо, которое, даже при частом столкновении с ним, никогда не надоедает?!

Про хитроумных крабов, что будто бы вставляют в створку раковины камешек, чтобы искусно выесть вкусное и сочное мясо устрицы, я уже слышал, и почему-то сей факт из морской науки не заставил в нём

усомниться, а лишь подтвердил ум и находчивость морских обитателей. Я сам, очень отчётливо, будто сам подобное уже видел, представил, как краб это лёгкое действие совершает, наслаждаясь от продельваемого им фокуса. Воображение моё рисовало краба так отчётливо, что я даже разглядел на панцире краба довольную улыбку, когда он одной клешней раздвинул створки, а другой – закатил внутрь ракушки камешек.

До чего же умные эти ракообразные, подумал я тогда, и, конечно, не сомневался, что так оно и есть на самом деле. Море дарит много диковинных историй, если относиться к нему с большим вниманием, уважительно, и ты не раз восхишься сокрытыми в его глубинах тайнами.

Этот хитроумный краб долго не выходил из моей головы... Я представлял его, взгромоздившегося на большой морской камень, на глубине, во всей своей красе – с залихватски вздетыми клешнями, будто он играет на кастаньетах. Широко расставленные циркули ног острые и быстрые, готовые с лёгкостью переносить краба по дну в любом направлении, шарики глаз чутко вращаются вокруг своей оси на тонюсеньких ниточках, но от этого они только более подвижны. Ничего не минует их цепкого внимания, а шипы по всему его телу воинственно нацелены на окружающее краба водное пространство, всем своим видом показывая: глазами гляди, но руками меня трогать не смей!

Краб бывает ещё очень занимателен, когда, усердно орудуя клешнями, насаживает себе на спину камешки, раковинки, кусочки полипов или губки... Не сразу разберёшь – для чего он это делает: может быть играет, пытается замаскироваться или устраивает кладовую с запасом пищи на несколько дней? В любом случае такая странная привычка выказывает в нём очень забавное существо, что, как будто, всё время пытается что-либо изобретать.

И на берегу, у самого прибоя, и на воздухе краб чувствует себя так же хорошо, как и в воде. Это ещё одна из его любопытных особенностей. Будучи лишён лёгочного дыхания, он дышит с помощью жабр или мышечного покрова, выбрасывая через него углекислый газ. Краб вылезает из воды и не задыхается благодаря тому, что жабры его остаются влажными и продолжают усваивать содержащийся в воде кислород. Некоторые виды крабов углубляются далеко в сушу, и даже забираются на деревья!

Одно из самых изысканных блюд жителей островов Фиджи в Тихом океане приготавливается именно из такого краба, называемого пальмовым вором. Размах клешней этого гигантского кокосового краба иногда достигает более полуметра, а сами клешни, усеянные острыми шипами, вполне способны отхватить у человека палец. Самые крупные экземпляры имеют более тридцати см в длину и достигают трёх килограмм весом.

Сзади у этого краба имеется круглая пластинка величиной с кулак, и островитяне пропускают под неё лиану, подвешивая краба к потолку хижины, где он ожидает своей участи. Повиснув головой вниз, краб становится совершенно беспомощным. Живёт кокосовый краб вблизи кокосовых пальм, питаясь упавшими с них орехами, и даже, говорят,

умудряется забираться на деревья, перегрызая ветви и сбрасывая орехи наземь. Впрочем, это, скорее, слухи. Обнаруженные под пальмами орехи краб очищает от кожуры, а особенно крепкие ухитряется разбить, после чего высасывает молоко и поедает сочную мякоть.

Сначала животное освобождает орех от волокон, причём, начиная, всегда, с основания ореха, где находится зародышевое отверстие. Это зародышевое отверстие протыкается коготковым члеником ноги, и орех вращается на нём до тех пор, пока образовавшееся отверстие не станет достаточным для того, чтобы разломать скорлупу большой клешнёй. Затем животное размельчает ядро ореха и подносит его кусочки ко рту маленькой правой клешнёй, тогда как большой крепко держит сам орех.

Сила большой клешни этого краба поразительна. Ведь он легко раскусывает орех, который только с большим трудом можно разбить молотком. А ещё перерезает ветки деревьев в 2-3 см в диаметре и разрывает проволочную сетку клетки. Описан случай, когда крупный кокосовый краб ушёл из клетки, проделав клешнёй большое отверстие в деревянной стенке толщиной в несколько сантиметров. Местные жители уверяют, что пальмовый вор может, защищаясь, схватить клешнёй ногу ребёнка и ампутировать её, что очень возможно, так как он весьма активно отражает нападения врага, если застигнут им вдали от своего убежища.

Ловля пальмового вора производится следующим образом. Привязанный к длинной нити кокосовый орех опускают в расщелину или норку, в которой сидит краб. Краб хватается орех клешнями и держит его так крепко, что его вытягивают осторожно за нитку и овладевают им. Такая ловля практикуется с незапамятных времён и производится безлунной ночью, при свете факелов.

Жители некоторых островов в качестве приманки употребляют поджаренные кусочки кокосового ореха, которые привязываются к кольшку, крепко вбиваемому в землю возле норки пальмового вора. Ночью крабы выходят из убежищ – и объедают приманку на месте, не будучи в силах унести её. Тут их внезапно освещают факелами и быстро хватают.

Пальмовый вор издавна ценится как лакомое блюдо. Белого мяса такого гигантского краба вполне достаточно, чтобы накормить трёх здоровых мужчин. Оно гораздо вкуснее, чем мясо омара. Островитяне обычно жарят этого краба на горячих углях, своеобразный же «мешочек», расположенный у краба сзади, содержит острый сок, который служит превосходной приправой к мягкому сладковатому мясу.

Кроме вкусного мяса ног, клешней и брюшка, пальмовый вор даёт ценный прозрачный жир. Из крупного краба вытапливают до 1,5 л жира. Промышляется пальмовый вор почти на всех островах, где он имеется, кроме некоторых мелких необитаемых островов и немногих местностей, где его не едят из-за религиозных предрассудков. Так, в Амбоне магометане считают грехом есть животное, которое «подносит пищу ко рту руками, подобно человеку». Стоит задуматься...

Жители многих островов содержат крабов-разбойников в больших количествах в клетках и откармливают их кокосовыми орехами, от которых они сильно жиреют. В неволе краб ест так же белый хлеб, размельчённый в кокосовом масле, бананы и рис. Откормленные крабы поступают на рынки, куда в прежние времена они привозились в живом виде по морю нередко из очень отдалённых мест.

Я так тщательно описал повадки пальмового вора и торговлю им только потому, что ему нет равных среди всех наших дальневосточных крабов. Крабы, а это могут быть и литодес, и волосатый краб тельмессус, конечно, выбираются на сушу, но недалеко: они чувствуют, что море может надолго уйти, оставив их без спасительной влаги, и держатся поблизости прибойной полосы, совершая лишь редкие вылазки.

Однажды, я застал такого краба за поеданием останков полуразложившейся нерпы... Жалко было упускать возможность проследить за происходящим, тогда как крабу не хотелось прекращать своего пиршества, и он взобрался на её бок, выставив вперёд свои клешни. Я не стал ему мешать...

У народов северной части Тихого океана краб вообще считался священным морским животным. Обнаружив в сетях живого краба, люди немедленно выпускали его обратно, а если вылавливали краба мёртвым или его выбрасывало в шторм море, то предавали прах животного земле и оплакивали, «как одного из своих». Иногда из панциря такого краба изготавливали ритуальные маски...

Подобное отношение, в большей степени, было связано с довольно редким крабиком дориппе, обитающим в водах Японского моря, чаще – среди островов Японского архипелага, а порой встречающегося и в Приморье, даже у берегов Сахалина. Замечателен этот краб тем, что имеет на спине своеобразный рисунок, напоминающий рассерженное лицо самурая. По крайней мере, природный узор его очень схож с чертами сурового японского облика, которые краб всегда усердно прячет в зарослях травы. Многие находят эти черты даже свирепыми, а оттого, что краб стыдливо хоронится от чужих взоров, его ещё прозвали «стыдливым крабом»...

Конечно, краб не скрывает свою маску на панцире, схожую с изображением самурая на старинных японских гравюрах, и скорее всего он именно прячется в зарослях зостеры и филлоспадикса от врагов. Но люди привыкли находить самые невероятные объяснения удивительному своеобразию природы, и сколько бы я ни общался с этими людьми - ни от кого из них я так и не получил убедительного ответа: случайное ли это сходство, прихотливая игра многообразной природы, либо этот узор крабу дориппе на самом деле зачем-то нужен?

На деле, какая разница для самого краба – разрисована ли его спина каким-либо узором или он вынужден просто прятать свой серовато-лиловый панцирь? У неповторимой природы на этот вопрос, наверное, невозможно

найти ответа, поскольку тщета его вполне очевидна, но крабы не перестают удивлять нас.

Когда величественный ритуал спаривания и линьки у крабов завершается, они рассеиваются по обширным морским пространствам. Теперь их уже не встретишь у берега, и отыскать их оказывается почти невозможным. Точно так же, как движимые неведомым инстинктом крабы собирались недавно в огромные популяции, теперь они дружно покинули мелководье, чтобы, преодолевая неисчислимые трудности морского пути, через год там опять появиться.

Но как крабы определяют эти места, умудрившись не затеряться в бескрайних океанских просторах? Способность ориентироваться – ещё одна загадка существования подводных отшельников, и эта проблема разрешена у многих крабов очень оригинальным способом: краб вставляет себе в ухо песчинку, которая действует как жидкость в каналах человеческого уха. Эта песчинка помогает крабу ориентироваться в вертикальной плоскости. Когда краб во время линьки сбрасывает панцирь, песчинка теряется, но потом немедленно восстанавливается. В значении этой песчинки для ориентировки можно легко убедиться, поместив краба в аквариум. Если заменить песок железными опилками, то одна из них после линьки краба обязательно окажется у него в ухе. Если затем на аквариум положить сильный магнит, краб будет вести «перевернутый» образ жизни.

Само море помогает крабам в способности находить верные пути, предоставляя им в пользование свою крохотную частицу, и эта их особенность лишь подтверждает истину, что разнятся они в мелочах, тогда как в основном очень схожи. А создать окончательный портрет этих великолепных животных лучше всего, наверное, по самому заметному из тех, что обитают в дальневосточных морях, - камчатскому. Помимо того, что всё тело краба усыпано многочисленными острыми шипами, оно ещё одето в очень твёрдый хитиновый покров.

Крепость наружного панциря краба, в свою очередь, обусловлена пропитывающей его известью. Подобно всем членистоногим, наружный скелет защищает животное и одновременно служит опорой для мускулатуры. Внутренний скелет сведён только к сухожильным пластинкам и решётке внутренних перегородок, расположенной в основании ног. Кроме того, хитиновый покров выстилает пищевод и желудок, но эта внутренняя часть хитинового покрова лишена извести, она мягкая и гибкая. Однако внутри желудка имеются твёрдые образования – зубы, приспособленные для перетирания пищи.

Под щитом у краба находятся жабры, желудок, сердце с окологердечной сумкой, а так же – печень и выделительные органы. Брюхо краба всегда подоткнуто под грудь и на своей наружной поверхности, обращённой к грунту, покрыто многочисленными пластинками: у самцов оно

– треугольное, а у самок – округлое. Под брюхом краба скрыты половые органы. Ценное же мясо, представляющее двигательную мускулатуру краба, располагается лишь в лапках.

Из пяти пар ног передняя снабжена клешнями: правая крупнее левой и служит для раздавливания раковин моллюсков и скелета морских ежей, а левой краб разрезает добычу. Три пары ног приспособлены к бегу, задние же спрятаны под щитом. Каждая нога краба состоит из шести члеников и заключает в себе два мускула, один из которых сгибает, а другой разгибает следующий членик. При беге, быстро перебирая ногами, краб подтягивает своё тело вперёд или в сторону. Работа производится при сгибании, холостой ход – при разгибании конечностей, поэтому мускул-сгибатель во много раз крупнее мускула-разгибателя.

По сухопутным меркам обитатели подводных глубин – крабы, считаются животными благородных кровей, поскольку кровь у них ... голубая. Соединения меди обуславливают такой цвет крови крабов, точно так же как соединения железа обуславливают красный цвет крови позвоночных. Именно соединения меди у краба связывают кислород, когда кровь ракообразного проходит через жабры, и отдают его всем омываемым кровью частям тела.

Господствуя на морском дне, крабы не остановились в своей непохожести на других представителей животного мира, подтверждая это ещё и необычными свойствами печени... Дело в том, что пищеварительный фермент печени краба обладает большой разрушительной силой, и даже после смерти краба переваривает стенки печени и начинает действовать на мускулатуру. Если пойманного краба положить спиной кверху, пищеварительный фермент проникнет по панцирному покрову ног как по трубкам к ходильной мускулатуре и переварит её. Такое самопереваривание называется в промысловой практике «вытеканием» краба, и чтобы этого не происходило, пойманных крабов укладывают спиной стороной вниз и пищеварительный фермент стекает в опрокинутый панцирный щит, как в блюде. Пищеварительный фермент краба до такой степени сильный, что попадая на руки человека, разъедает их, отчего обработка краба всегда производится в перчатках.

Крабов добывают сотнями сетей, которые попеременно спускают с моторных ботов, выставляя их одну за другой, в линию, на пути движения крабовых косяков. Встречая при своём движении сетное полотно, крабы стараются перелезть через него как через забор, проваливаются в ячейки сети и запутываются ногами в её нитях. Для того, чтобы не истреблять большого количества молодых крабов, сети вяжутся с очень крупной ячейкой – 24 см от узла до узла. Через сутки или двое, а иногда и более, боты разыскивают сети в море по прикрепленным к ним вешкам, поднимают и доставляют на плавбазу – плавучий крабоконсервный завод, где и выполняются все операции от выпутывания крабов из сетей до закатывания крабьего мяса в широко известные всем белые или синие с красным баночки.

Когда мы добывали минтай у западного побережья Камчатки, нам часто попадали в трал большущие камчатские крабы. Запутавшись колючими ногами в ячейх, они отрешённо повисали в медленно ползущем по слипу трале, и меня всегда трогала эта их вынужденная обречённость. А ещё более задевала бездушность, вернее, то равнодушие, с которым рыбаки, как заведённые, выпутывали крабов, и с таким же безразличием отбрасывали их в сторону. Затем, упёршись одной ногой в тело краба и, прижав его к палубе, обеими руками, с хрустом, отрывали клешни и лапы, смывая за борт ненужные им теперь фиолетово-красные панцири.

Я, конечно, понимал, что лов рыбы и морепродуктов, из-за присущего ему высокого напряжения сил, имеет своей особенностью некоторую монотонность, со стороны обычно воспринимаемую несведущими в этом деле людьми как бездушность... Понимал, что без этой оправданной при промысле жёсткости не обойтись, но никак не мог избавиться от неприятного ощущения в душе, наблюдая каждый раз за этими отрешёнными, кажется, совершенно безучастными действиями рыбаков. Точно так же меня задевал в лесу вид охотников, устало и как-то равнодушно бредущих в болотных сапогах со своими ружьями и рюкзаками, тяжело свисающих за спиной. Их красные лица казались даже растерянными, не осознающими до конца – зачем они это делают: идут в лес, мучают себя бессонными ночами и изнурительно долгой ходьбой, убивают птиц и зверей...

Так вот, производство крабов – увлекательный и непростой процесс. Какой путь проходит крабье мясо, прежде чем попасть в аккуратную жестяную баночку с вложенным в неё розоватым пергаментом? Начинается всё с обыкновенного распутывания...

Когда катера доставляют крабов на плавучий крабозавод, их клешни и ноги оказываются так запутаны, что не различишь – где какой. Тут никакая машина не поможет, и крабов приходится расцеплять вручную. Затем у крабов просто отрывают ноги от щита и брюха вместе с жабрами и решёткой внутренних перегородок, на специальных рочатках стаскивают панцири и варят, отправляя в охладитель. Щит с оставшимися на нём желудком и сердцем, а так же брюхо идут на приготовление тука. Крабовый тук – прекрасное удобрение, и изготавливаемый из щита состав для цементации стали считается одним из самых удобных в небольших производствах.

Следующая операция - разбивка ножек и клешней, причём, в работу идёт только правая клешня, а левая мелка, и не обрабатывается... Рубщица ножом отделяет членики, взрезает их ножницами и вытряхивает мясо. Поскольку крабятина делится на несколько видов, то в консервные банки мясо укладывается по сортам: в одну – только клешни, рядом – коленица, затем – тонкое и толстое мясо, отдельно – «розочка», мускулатура ближайшего к туловищу членика ноги, и, наконец, разная мелочь – «лапша».

Ещё крабятина очень боится трёх вещей: солнца, ветра и пресной воды. От солнца и ветра её приходится прятать, мыть же обязательно в морской воде. Воду насосы качают прямо из моря, а чтобы наборы мяса получились

одного и того же веса, ими заняты наборщицы и весовщицы. Тут в дело идёт резка пергамента, так как мясо не должно соприкасаться с жостью.

Жость и пергамент тоже нужны особые: пергамент – без запаха и без красящих веществ, а жость – покрытая специальным лаком. От простой жести и простой бумаги крабы чернеют. В цехе, куда поступают банки, называемому почему-то портомойкой, они выстилаются нарезанным пергаментом и в них укладывается мясо, после чего банки закупориваются герметически, то есть – с прекращением доступа воздуха, и направляются в автоклав на стерилизацию, чтобы высокой температурой убить попавшие в банки бактерии. Именно это и предохраняет консервированное мясо от порчи.

Но и на этом консервация крабов не заканчивается... После автоклава и охлаждающей ванны почти готовые баночки поступают на разного рода проверки: браковщики выстукивают банки на звук, смотрят, не вздулись ли донца банок, слушают, нет ли бульканья, проверяют их на вес. Ещё одно испытание – термостатная камера, где банки держат десять дней, как в инкубаторе, при температуре тридцать пять-сорок градусов. Всё дело не в мясе, а в бактериях, которые могли случайно уцелеть после прогревания банки в автоклаве, и тридцать пять-сорок градусов – лучший климат для их размножения. Если только бактерия выжила, она очнётся, размножится, пойдёт порча мяса и банка вспучится. В случае, когда банка и за десять дней не вздулась, бактерий она не имеет и только такой товар отправляется на рынок. Производство крабового мяса завершено...

Стоит добавить, что в последние годы краболовные суда ведут добычу крабов в основном при помощи ловушек различных типов с приманкой внутри, обычно – это ящик с рыбой. Поиск промысловых скоплений осуществляется контрольной постановкой ловушек. Суда-постановщики ловушек ежедневно расставляют их по несколько десятков на расстоянии 300-400 метров между ними, и отмечает их положение буйками. На борт поднимается улов за предыдущий день. Из поднятых ловушек крабов перекадывают в корзины, при этом самок и маломерных особей живыми сбрасывают за борт.

Кстати, самцы камчатских крабов – очень крупные особи, и консервы изготавливаются в основном из них. Сросшиеся у крабов голова и грудь образуют тело, покрытое твёрдым панцирем, ширина которого у наиболее внушительных по размерам экземпляров достигает 25 см, размах ног – 1,5 метра и вес 7 кг. Средняя же масса самца, добываемого в Охотском море, значительно меньше – всего 2 кг, при ширине панциря 17-18 см.

Известно только два краба, значительно крупнее камчатского. Один из них водится у берегов Австралии, в лагуне Большого барьерного рифа, и обладает самым большим щитом, ширина которого доходит до 60 см. Другой вид распространён вдоль Тихоокеанского побережья Японии от Токийского залива до острова Кю-Сю, он уступает австралийскому размером туловища, достигая лишь тридцати пяти сантиметров, но вот размах его ног имеет

наибольшую величину, какую бы встречающуюся у крабов, - три метра. Однако оба эти гиганта являются редкими животными, добываются только для музеев и не образуют плотных скоплений, пригодных для промышленного лова.

Если вы живёте на Сахалине или Курилах, неподалёку от моря, и вам захотелось вдруг отведать свежих крабов, то наловить их очень просто. Для этого используется обычная рачня – металлический обруч, затянутый обрывком рыболовной сети. В середине рачни привязывают кусок протухшей рыбы или мяса, и оставляют ловушку в море на время прилива. Крабы непременно соберутся к приманке, запутавшись колючими конечностями в сетке, а когда в отлив вода уйдёт, вы обнаружите у приманки добрую дюжину крабов.

Вытащив рачню на берег, вы не спеша выпутаете крабов из сетки, и, осторожно прихватывая их за колючий панцирь, опускаете в кипящую воду. Лёгкий ветерок порывами задувает над песчаной косой, но день продолжает быть ясным и солнечным. Рядом, прямо на берегу, жарко дымит в костре выбеленный плавник, в котле бурлит круто засоленная природой морская вода, и сладкий запах крабьего мяса дурманит вам голову, выжимая во рту липкую слюну. Всё так просто и хорошо, что ни о чём не хочется говорить и думать, а только вдыхать приятный солёный дымок, переживая радостную связь с дорогими сердцу крабами и морем.

«МЕДУЗЫ»

Качающиеся на волнах медузы всегда необыкновенно завораживают обывателей. Во-первых, тем, что пришли из неведомой глубины, куда – как ни старайся, не заглянешь, и это - и ужасает, и зачаровывает... Во-вторых, жемчужные купола медуз, отливающие перламутром, повергают в какой-то тихий восторженный гипноз, присущий, несомненно, только морю.

Нежные края куполов плавно колышутся, щупальца медленно развеваются, - медузы, вроде бы, и не живые, но очень восприимчивые, чуткие. Они прибиваются к берегу как будто только за тем, чтобы именно очаровывать и завлекать, обращая взор человека в притягательные морские глубины. Но приходят медузы к берегу, причём, в большом количестве, как правило, после шторма.

После шторма медузы собираются у береговой полосы, и как будто радуются этому событию, играют, если можно так о них сказать. Происходит это у медуз, конечно, очень своеобразно, и поначалу подумаешь, что они просто безвольно отдаются на волю мерно набегающего прибоя, где их только и можно видеть, наслаждаясь неземной красотой. Но постепенно замечаешь, как медузы подстраиваются под лёгкую качку на волнах, словно пританцовывают, а когда волнение совсем успокаивается – возвращаются в морскую пучину, в своё тёмно-синее, фиолетовое или чёрное одиночество, становясь опять холодными, равнодушными и немножко величавыми. Попробуй, извлеки их теперь на поверхность! Это подвластно только могучему шторму.

Похоже, именно шторм выносит из морских глубин необыкновенную аурелию – одну из самых необычных дальневосточных медуз. К тому же, она самая безобидная из всего медузового сообщества: при её касании можно лишь иногда почувствовать лёгкое жжение. У неё большой, мощный зонтик, который всегда хочется потрогать, полюбоваться им. Он вздувается и сокращается, создавая впечатление равномерного дыхания, отчего напоминает существующее само по себе «морское лёгкое», которое, кажется, вырвалось из глубины моря на волю и не знает, куда себя деть.

А если попытаться поиграть с этим «морским лёгким», то можно ускорить ритм его дыхания: достаточно тихонько коснуться края голубовато-белого зонтика. Тогда медуза наклоняется и начинает раскрываться и закрываться, ускоряя своё движение. Вскоре оно превращается в однообразную пульсацию, и медуза быстро перемещается. Как только период возбуждения проходит, движения медузы замедляются, на мгновение и вовсе останавливаются, а затем возвращается её обычный ритм.

Медуза эта очень чувствительна, она – маленькое отражение бесконечно чувственного моря: оно - то открывается, то замыкается в себе, как и пульсирующая медуза, и, наверное, не воображает, что может жить иначе. С помощью подобного чувствительного восприятия медуза, вероятно,

получает информацию о своём положении в толще воды, то есть – равновесии, о том, кто к ней приближается, о различных запахах и степени освещённости. Всё это помогает аурелии выжить, сделав её пребывание под водой во всех отношениях приятным.

Радостно видеть аурелию, которая ни чуть не менее волшебна, чем цианея, корнерот или ризостома... Встретить её, вроде бы, не редкость, но всегда приятно. Причём, она попадается и в северных морях, и в Тихом океане, и даже в Чёрном море.

Если присмотреться внимательнее, то по краю диска медузы видны восемь бугорков, или ропалий, - краевых телец. Они-то и являются органами чувств, которые воспринимают свет, анализируя свойства воды, управляют равновесием и ритмом сокращения купола. Эти органы воспринимают также колебания воды, которые возникают при воздействии ветра на поверхности моря и его глубинное волнение.

Аурелия... Слово совершенно необыкновенное, присущее только медузе, происходящее, кажется, от такого же непередаваемого по своей таинственности морского ветерка, лёгкого дуновения, именуемого в древности «аурой»... Слегка голубоватая, дымчато-прозрачная, она напоминает одинокую льдинку, что отрешённо и загадочно продвигается у поверхности воды. Подхватишь такую «льдинку» в руку и, кажется, она тотчас переломится, истает, и ничего от неё не останется. Может быть, только еле уловимое воспоминание, - такое же лёгкое, невесомое, вскоре забывающееся.

И всё равно, медузы – необыкновенно свободные существа! Медленно, почти незаметно перемещаются они в бесконечной морской толще, кажется, куда угодно и безо всякой цели, но никому и ничем их не остановить. Медузам зачем-то надлежит быть здесь, насыщать собой необъятную плоть моря, и ты даже не задумаешься об этом свойстве нежных морских существ – находиться там, где им хочется, не испытывая каких-либо препятствий...

Медузы – удивительные создания, у них даже нет крови. Нужный для дыхания кислород они получают прямо из морской воды: она омывает их снаружи и проникает внутрь тела через многочисленные поры, наполняя все ткани. Оттого медуза и выглядит такой водянистой и прозрачной: она «налита» водой... Море омывает её, наполняет, и от этого медуза, кажется, только ещё более преобразается.

Медузу не определишь в музей, как коралл, морскую раковину или звезду, и можно только самому видеть и наслаждаться её красотой. Медуза хороша в своей родной стихии, и человек должен добиваться её расположения, чтобы овладеть счастьем нахождения рядом. Что напоминает нам медузу в нашей обыкновенной жизни? Конечно, ничего. Нужно прийти к ней, обрадоваться встрече и проникнуться местом её обитания, даже если медуза обожжёт тебя своим загадочным морским прикосновением.

Мне с детства нравились медузы, и я их почему-то никогда не боялся. Я даже любил играть с ними, дотрагиваться до них, чуть подталкивая, но

стараясь особо не докучать. Так, раз-другой ткнёшь пальцем, посмотришь, как медуза взволнуется вся, затрепещет, и оставишь её в покое. Но из поля зрения не выпускаешь: что-то связывает тебя с нежными морскими существами, за которыми хочется наблюдать, пока не появилось нечто более завораживающее твоё внимание.

Прозрачно-студенистые медузы всегда привлекают своим таинственным существованием, несомненно, разумным и даже пытливым, но вызывающим у всех купальщиков больше раздражение и опаску, нежели интерес. Без медуз невозможно представить себе морское побережье, так же как невозможно представить его без тошнотворного запаха перепрелых на солнце водорослей, резко ударяющей в нос морской свежести и затаенного предвкушения чего-то несбыточного, витающего только у моря, но которое, верится, обязательно сбудется, если будешь делать всё правильно в отношении себя и окружающих. Море, ты просто убеждён, не обделит тебя своей тайной, а голубовато-нежные, совсем безобидные на вид медузы лишь дополняют ощущение прекрасной загадки, порождаемой морской стихией.

Медленно плывут по воле волн маленькие голубоватые зонтики, напоминающие шляпки неведомых грибов, время от времени сокращаются и будто отталкиваются от воды. На первый взгляд, кажется, что медузы отрешены от всего, ничего не замечают и подчиняются какому-то неведомому для них самих инстинкту, во имя которого медленно путешествуют по морю, не ведая его границ. Но безразличие медузы обманчиво...

Когда мимо неё проплывает то, что она способна посчитать своей добычей, поведение медузы резко изменяется. Движения медузы ускоряются и она мгновенно направляется в сторону того объекта, который возбудил её интерес. Обычно замечаешь медузу, когда она уже приблизилась, а попытавшись оторваться – только убыстряешь момент соприкосновения: медуза уже задела руку, и ожог, вызванный множеством стрекательных клеток, поразил кожу. А ведь можно было вовремя поостеречься и предупредить эту встречу, после которой в течение дня возникает сильная лихорадка, повышение температуры и общее недомогание.

Наиболее страшная медуза – херонекс, часто называемая «морской осой», обитает в южных морях и имеет купол величиной с голову ребёнка, от которого отходят толстые и достаточно длинные щупальца. Это прозрачное создание, по-видимому, самое ядовитое животное, обитающее в океане. Водится она у берегов Северной Австралии. Соприкосновение с её щупальцами оставляет страшные рубцы и может быстро привести к смерти. Особенно эти медузы опасны тем, что их очень трудно заметить в мутной воде, а ведь именно в такой воде после шторма, пригнавшего их к берегу, наиболее вероятна встреча с этими существами.

Интересно, что стрекательные капсулы медуз обладают «автономностью». Из-за этого можно получить тяжёлые ожоги во взмученной штормом воде, соприкоснувшись с носимыми волнами

обрывками щупалец. Опасны и мёртвые медузы. Этой «автономностью» стрекательных капсул пользуются некоторые животные. Например, голожаберные моллюски, которые, закусив медузой, «присваивают» её грозное оружие: стрекательные клетки попадают в кожу нового хозяина и исправно служат ему для защиты от врагов.

От медузы «морская оса» погибло больше людей, чем от акул. «Морской осой» её назвали именно за очень тяжёлые и часто смертельные ожоги. Содержащийся в её щупальцах яд по составу аналогичен яду кобры, а инъекция её яда, разбавленного в пропорции 1:10000, убивает лабораторное животное через несколько секунд. Действие яда заключается в разрушении кровяных телец, в результате чего наступает смерть от удушья.

У Франко Проспери в одной из книг о подводном мире Коморских островов описывается, как они с приятелем, увлечшись подводной охотой, угодили в скопище физалий – одной из гигантских тропических медуз, чьи щупальца достигают иногда 30 метров в длину. Физалии – самые большие медузы в мире, тоже обладают смертоносным оружием – ядовитой жидкостью, которой они оглушают или убивают свою добычу. Потрясённые увиденным зрелищем, ныряльщики забыли об осторожности, тогда как плавали без гидрокостюмов...

За красоту и парусность физалий, моряки называют их «португальскими кораблями», которые целыми флотилиями уносят в моря сильные и смелые течения... Надувной пузырь-мантия у физалий бывает прекрасного голубого, пурпурного или лимонного цвета, увенчанный гребешком. Когда невидимый «подводный ветер» наполняет этот «парус», медуза мчится, словно быстрокрылый чудесный корабль.

Под «килем» у «кораблика» развеваются множество щупалец, отсвечивающих всеми цветами радуги, и вот именно они и очаровали подводных охотников, так что они забыли об опасности, а когда медузы окружили их, то было уже поздно. Туловища студенистых созданий были настолько непрочными, что когда незадачливые подводники пытались оттолкнуть их ружьём, они тут же разваливались на куски... Вода кишела обрывками медузых щупальцев и жгучее вещество расплывалось по воде, усиливая болезненные ощущения. Постепенно пощипывание по всему телу становилось всё сильнее, а в паху и под мышками сделалось просто невыносимым. Вот где бы пригодился неопреновый гидрокостюм, но ныряльщики оставались нагишом наедине с жалящими медузами, и только благодаря самообладанию им удалось покинуть опасную зону. Ныряльщики попытались поднырнуть под медуз, минуя их глубиной, и это им благополучно удалось.

Юрий Сенкевич в своей книге «На Ра через Атлантику» также описывает знакомство с физалией, которое закончилось для него мало приятными ощущениями. Он потрошил на корме кур, когда увидел, как вдоль борта движется фиолетовый пузырь, прямо ему в руки, и, недолго думая, схватил его, тотчас взыв от боли. Причём, липкая слизь долго не

отставала, когда он пытался смыть её морской водой. Руки горели и ныли, пальцы сгибались с трудом. Пульверизатор с анестезирующим средством утолил боль лишь на короткий период, руки вообще вскоре отказывались двигаться, в области сердца появилась боль, самочувствие ухудшалось. Только приняв анальгин, валидол и пирамидон, он попытался успокоиться, лёг, укутавшись в тепло, и ему постепенно полегчало. Полное выздоровление наступило лишь через пять часов.

Яд, выделяемый физалией, относится к нейропаралитическому и можно себе представить, каково попасть в её лапы маленькой рыбёшке!

Так вот, Юрий Сенкевич, пострадав от ожога физалии, упоминает, что Тур Хейердал, пытаясь помочь ему, вспомнил, что от ожогов этой медузы хорошо помогает аммиачный раствор, которого на борту «Ра», конечно, не имелось, но его можно было восполнить мочой, что и было сделано... По свидетельству Сенкевича, смачивая ватку в таком естественном снадобье, и протирая места ожогов, можно скоро добиться улучшения. Вывод, сделанный врачом, был таков: в плавание следует брать с собой нашатырный спирт, а фабричный аммиак, по его мнению, должен действовать ещё лучше.

Кстати, мы часто пользовались мочой при подводных работах, как радикальным средством против разного рода кожных раздражений, и это очень помогало.

У нас на Дальнем Востоке у берегов Японского моря иногда в большом количестве появляется маленькая медуза – гонионемус, величина которой 2-3 сантиметра в поперечнике. Вызываемые ею ожоги, особенно при повторном действии, способны вызвать даже смерть. Яд гонионемуса парализует дыхательные мышцы грудной клетки, и человек может погибнуть от удушья.

Люди, постоянно связанные с морем, привыкли называть этих опасных медуз крестовичками. Такое народное название связано с крестообразным расположением на их зонтике четырёх тёмных пищеварительных каналов. Вдоль них тянутся четыре, тоже тёмных, но более широких половых железы. Крест хорошо виден на полупрозрачно-зеленоватом фоне зонтика, по краям которого расположено до 80 тонких щупалец, каждое с присоской посередине. Щупальца густо усажены поясками стрекательных клеток – грозного оружия крестовичка.

Медузы эти живут на мелководных участках пляжей в зарослях морских трав зостеры и филлоспадикса, а также среди водорослей саргассум. Они повисают на растениях, прикрепившись к ним своими присосками. Так крестовички обычно подстерегают добычу.

Главную пищу крестовичков составляют маленькие рачки, которых они ловят из-за засады, распустив и вытянув часть своих смертоносных щупалец. Едва рачок случайно коснётся одного из щупалец, как хищник протягивает к нему все остальные. Захваченная и умерщвлённая добыча препровождается в широко раскрытый рот.

Реакция крестовичка на всякое прикосновение, в общем, одинакова. Достаточно купающемуся человеку задеть щупальца медузы, как она

устремляется вперёд и пытается прикрепиться при помощи присосок. В этот момент купальщик ощущает сильный «ожог». Через несколько минут кожа на этом месте краснеет и покрывается волдырями, а затем появляются признаки общего отравления – слабость, затруднение дыхания, боли в пояснице, обмороки.

В массовых количествах крестовички появляются далеко не каждый год. В дождливые годы они почти не встречаются, зато в конце жаркого засушливого лета их оказывается очень много, и опасность поражения ими увеличивается. Дело в том, что крестовичок чрезвычайно чувствителен к понижению солёности и при самом незначительном опреснении воды, например, в результате дождей, погибает.

Часто эти медузы собираются такими значительными скопищами, что море кажется похожим на стёганное одеяло из атласа самых нежных тонов, и тогда крестовички начинают восприниматься чуть ли ни божественными существами, настолько они покойны и прекрасны. Словно мысли моря, размеренно движутся они в невесомой толще воды, время от времени замирают, порой – куда-то и вовсе теряются, и трудно заподозрить в них какую-либо злонамеренность. Беззаботно и доброжелательно, по воздушному легко несут они в себе глубинную морскую тайну, которая, между тем, не так уж сложна.

Полупрозрачные зонтики, медленно дрейфующие у поверхности воды, каждый хотя бы раз в жизни видел, если бывал на море. Тело медузы состоит из двух слоёв – наружного и внутреннего, соединённых студенистой прослойкой. Постепенно разрастаясь, она и образует куполообразный зонтик, на нижней стороне которого расположено ротовое отверстие, ведущее в пищеварительную полость. Многочисленные каналы, расходясь от неё, пронизывают весь зонтик.

У медуз, обладающих внушительными размерами, пищеварительные каналы многократно ветвятся, а поскольку ротовой стебелёк у них изначально короткий, то края рта вытягиваются в длинные, хорошо заметные ротовые лопасти, унизанные стрекательными клетками, – универсальным оружием защиты и нападения многих кишечнополостных. Каждая такая клетка наполнена сильно действующим ядом, и внутри неё находится спирально свёрнутая нить. Стоит коснуться такой клетки, как нить распрямляется, прорывает оболочку и как отравленная стрела вонзается в тело. Бесчисленное множество таких стрел убивает или парализует жертву медузы – мелких животных, но иногда ими может быть повергнут и человек, причём, со смертельным исходом.

Как-то так происходило, что судьба миловала меня от столкновения с медузой-крестовичком, и мало того, я даже не подозревал – какая она ядовитая. Мы всегда работали в неопреновых костюмах, полностью изолирующих тело от соприкосновения с водой, и медуза никак не могла коснуться голой руки или ноги, они были надёжно закрыты перчатками и

носками, лицо же спасала маска. Но однажды я всё-таки поплатился за своё незнание, причём, в совершенно безобидной ситуации.

Обследуя один из прибрежных районов юго-западного побережья Сахалина на предмет нахождения там зарослей морской капусты, я увлёкся этими маленькими голубоватыми медузками, которые привлекли меня своим крестообразным рисунком, и осторожно пожонглировал одной из них на ладошке, после чего поправил маску и поплыл дальше. Этого прикосновения оказалось достаточно для того, чтобы вскоре я почувствовал на щеке сильное жжение, а поднявшись на поверхность, ребята обнаружили на моём лице красный рубец, который не сходил пару дней. В подобных случаях рекомендуется поражённое место протереть нашатырным спиртом, но его у нас не оказалось, и мне пришлось в полной мере переболеть очень неприятными ощущениями: сначала я почувствовал сильное головокружение, слабость, а затем подступила тошнота. Плохое самочувствие не покидало меня два дня, а ведь всего лишь одно лёгкое прикосновение! Что же может случиться с человеком, попавшим в окружение этих медуз обнажённым?!

И что ещё интересно, иммунитет после столкновения с медузой-крестовичком не приобретается, и повторное поражение, наоборот, бывает тяжелее и нередко приводит к смерти. Больше уж я не заигрывал с медузами, предпочитая держаться от них подальше.

Способна доставить неприятные ощущения и ещё одна дальневосточная медуза – цианея, которая вызывает своим прикосновением сильное жжение, возвращающее тебя в детство, когда ты оказывался в окружении зарослей крапивы, что нещадно жалила, доводя до слёз. Лучше не сталкиваться с такой странной, чаще плавающей на поверхности воды шевелюрой, напоминающей львиную! Зато зонтик этой красивой, крупной медузы окрашен в ярко-жёлтый, синий и даже пурпурный цвета.

Когда смотришь на цианею, то невольно приходит сравнение с чудесным огромным цветком, ведь в диаметре эта медуза достигает порой полутора-двух метров. Сходство с цветком усиливается не только благодаря яркой окраске, но и разнообразным отросткам, отходящим от тела медузы и напоминающим кружевные лепестки... «Цветок-великан» и плывёт торжественно, на десятки метров распустив в воде багряно-фиолетовые щупальца.

Редко когда увидишь, что медуза висит в воде неподвижно, а чаще всего движется толчками, сокращая края купола, словно гигантская бабочка. За ней тянутся гирлянды щупалец, которые образуют как бы ядовитую сеть, ведь щупальца её действительно достигают в длину более десяти метров, беззвучно шарящих в глубине в поисках добычи. Эти щупальца усеяны ядовитыми стрекательными клетками, они улавливают мелких рыбёшек и рачков, а иногда маленькие рыбки сами забираются в гущу этих ядовитых щупалец и умело лавируют там, чтобы спрятаться от охотящихся за ними хищников.

Цианея, кажется, даже не подозревает о существовании таких соседей, и, не теряя своей величественности, плывёт размеренно, то сжимая, то разжимая края купола. Даже подраненная, попавшая под винт корабля, она сохраняет достоинство, если о ней можно так сказать, ведёт себя так, как будто с ней ничего не случилось, уверенно продолжая своё горделивое, неспешное движение. Глядя однажды на такую подраненную медузу, я вдруг вспомнил где-то прочитанное о циане: о её необыкновенной выносливости, что будто бы она оживает после того, как вмёрзнув в лёд, пробудет там в течение нескольких часов... Такая нежная, плоть из плоти – одна вода, но обладающая невероятной силой! Медуза цианея – истинное украшение моря, его непревзойдённая краса, встречающаяся далеко не каждому.

Медузы – цветы моря, но названы по имени одной из трёх мифических горгон – крылатых женщин-чудовищ, взгляд которых превращал всё живое в камень. Трудно представить, что на подобное способны полупрозрачные студенистые существа, кажется, совершенно безвольно парящие в необъятном водном пространстве. Когда медузе надоедает передвигаться толчками в толще воды, она пристраивается в подводное течение и путешествует по морям на большие расстояния. Невольно позавидуешь ей за эту способность к странствиям, для которой она, вроде бы, ничего не предпринимает: плывёт тихонько, отдавшись на волю волн.

Радостно наблюдать медуз у самого берега, что предвещает спокойное море. Они очень чутко улавливают приближение шторма, и в его преддверие уходят на глубину. В тихую же погоду медузы держатся у берега, привлекая к себе внимание даже нелюбознательного человека. Медузы порхают в воде, будто осязая её всеми органами чувств, очень гармонично поддерживая равновесие и ритм сокращений купола. Смотришь на эти голубые, зелёные и белоснежные создания, и душу охватывает какое-то непередаваемое возбуждение: будто вспоминаешь про себя что-то давнее-давнее, связанное с морем...

На Дальнем Востоке уже давно практикуется прогноз погоды «по медузе», и это не шутка. Кто мог предупредить о шторме рыбаков, промысляющих сахалинскую сельдь ставными неводами у берега? А предупредить надо, ибо сельдь подходила к берегам Южного Сахалина всегда почти перед самым штормом, и связь с районным центром у рыбаков, как правило, отсутствовала. Вот и приходилось порой использовать, что называется – «подручные» средства, наблюдая за поведением медузы. По ней можно было предсказать шторм почти за 12 часов, а иногда и больше: чувствуя приближение непогоды, медузы начинали прятаться за скалы, чтобы не быть выброшенными на берег, если не успели уйти подальше в море.

Гуляя по берегу моря, нетрудно встретить выброшенных приливом медуз. Сначала заметишь поблескивающее влажное пятно и поначалу примешь его за небольшую лужицу, но подойдя поближе – обнаружишь уже порядком расплывшуюся по песку зеленовато-голубую, с фиолетовыми

отсветами, медузу. Имея несколько десятков сантиметров в диаметре, медуза действительно напоминает задержавшуюся на берегу воду, или ещё примешь её за переливающийся жирным боком лохматый кусок морской капусты, а то и в самом деле натолкнёшься на небольшое углубление, заполненное изумрудной пеной...

Но нет, это – медуза-ризостома, она уже не движется, не открывает и не закрывает свой прозрачный зонтик, и лежит неподвижно, будто маленькое зеркальце, обращённое в неизвестность, у самого моря... Что-то привидится там, если пристально в него заглянуть? Взглянув же в посверкивающую выпуклость медузового бока, разглядишь лишь мелкие разноцветные камешки, затаенно покоящиеся под ним. Медуза абсолютно прозрачна...

Когда день выдаётся пасмурным, и солнце сокрыто за низкими серыми облаками, медузы не выдают своего вынужденного присутствия на пустынном берегу, потому как их просто не видно. Слившись с серовато-лиловым песком, они будто всасываются в него, постепенно растворяясь, и ты не заметишь, как наступишь на слизкую медузу, отчего на душе сразу становится как-то неопрятно, будто сам погубил беззащитное животное, хотя бы и по неосторожности. А всего-то – состоящая из одной воды медуза, пусть и очень красивая!

Кстати, тело тихоокеанских медуз почти на 99 % состоит из воды... Но вот их выловили, высушили, спрессовали в таблетки, и получился экстракт, содержащий комплекс витаминов, благоприятно действующих на нервную систему. По мнению японских врачей, людям, живущим в суеде больших городов, полезно принимать пилюли, приготовленные из этих прозрачных существ, о которых большинство людей даже не помышляют. Как это всё-таки символично!

В водах дальневосточных морей крупная медуза ризостома – одна из самых известных. Её голубовато-зелёный «колокол» иногда достигает в диаметре, как уже говорилось, семидесяти-восемидесяти сантиметров. Медленно передвигается медуза: сожмёт свой зонтик-колокол – вода из-под него выйдет и медуза переместится вперёд. Распустит зонтик – вода войдёт в него, и медуза остановит движение. Снова сожмёт – опять продвинется. Конечно, далеко медузе не уплыть, таким образом, и чаще её двигает волна или течение.

Своими щупальцами ризостома не ловит добычу, как, допустим, тот же крестовичок. Они имеют другое назначение – медуза выпускает через них жидкость. Этой жидкости боятся даже крупные хищники. Мелкие рыбки, спасаясь от преследования врагов, прячутся под зонтик медузы, как это происходит и у цианеи. Ризостома, таким образом, непроизвольно является защитницей многих маленьких подводных обитателей.

А ещё ризостому называют «съедобной медузой», потому что пойманная сачками – она идёт в переработку. В пищу используют зонтик-колокол, а иногда и мясистые части тела, расположенные около рта. Чего я

никогда не пробовал на Дальнем Востоке – так это медузу! Даже не знал, что из неё можно приготовить необычное и очень изысканное блюдо.

Именно эту медузу издавна добывали для употребления в пищу китайцы. Сушёная медуза, оказывается, вкусное лакомство, и готовят её, используя метод солнечной сушки. У медузы при помощи ножа отделяют приротовые придатки и тщательно промывают колокол в морской воде для полного удаления слизи и загрязнений. Затем колокол медузы укладывают на плотные циновки или даже на чистую гальку наружной стороной вниз. Сушку производят в ясные солнечные дни и следят за тем, чтобы медуза не присыхала к подстилочному материалу, для чего её время от времени переворачивают, подставляя действию солнечных лучей внешнюю и внутреннюю сторону, добиваясь равномерной просушки.

Высушенную медузу иногда обжаривают, и в таком виде её тонкие «стружки» напоминают лук и одновременно мягкий мясной хрящ. В каждый большой отлив к морю для сбора медуз выходит много людей с плетёными корзинами. Промысел и медуз, и ракушек привлекателен и доступен даже детям. На Дальнем Востоке он всегда практиковался как у нас сбор грибов.

Но чаще всего медуз употребляют, всё же, в солёном виде, ибо, учитывая влажный дальневосточный климат, таким способом можно заготавливать их впрок. Сперва, медуз погружают на 10 часов в пресную воду, затем, промыв, пересыпают солью с квасцами. Иногда их перекладывают распаренными дубовыми листьями и держат под лёгким прессом. В результате получается пищевой продукт, несколько напоминающий солёные огурцы. Перед приготовлением блюда, медузы полчаса вымачиваются в воде и затем, после хорошей промывки, нарезаются на кусочки и сдабриваются пряностями.

Даже некоторые рыбки лакомятся медузами, откусывая кусочки с их купола, а в Тихом океане медуз поедает громадная луна-рыба. Кстати, китайцы и японцы, в отличие от арабов, сравнивающих медуз с морскими фонарями, называют их не иначе как «морская луна», что, несомненно, более поэтично и ближе к истине.

Свободно и легко передвигаются медузы по бескрайним просторам океана... Какие-то сверхутончённые существа, не имеющие веса, можно даже сказать – безтелесные, хотя это и не так, и всё же медузы – удивительно воздушные животные, вернее – совершенно невесомые, на которые смотришь – и сам становишься невесомым, готовым лететь, плыть, парить таким же утончённым, изящным существом, позабывшим в этом волшебном полёте себя самого. Медузы, действительно, волшебны, они - неподражаемо чудесны, словно танцовщицы, позабывшие себя на неопределённое время и наслаждающиеся этим невесомым танцем. Парят в глубине до самозабвения, будто ничего не воспринимая кроме этого парения, и ни к чему не стремятся, застигая добычу лишь от случая к случаю...

А потом опять куда-то устремляются, неизвестно для чего существующие, но такие привлекательные, притягивающие этим своим

волшебным существованием под водой... Они – повисшие в прозрачной толще моря разноцветные хрустальные колокола, будто издающие под водой чистый мелодичный звон. Восхитительные балерины, которым не суждено никогда приземлиться, а только плыть, парить, лететь, будто во сне. Медузы – и сами сны: голубые, изумрудные, оранжевые и фиолетовые, и мы любим их за непередаваемую грацию и изящество, незаметно создающие собой ещё одну удивительную подводную сказку.

«ГУБКИ»

Когда я впервые увидел губки, которыми был усеян нескончаемый песчаный пляж курильского острова Уруп, я был ошарашен открывшимся мне незабываемым зрелищем... Докуда можно было дотянуться взору, вдоль всей береговой полосы, простирался белый ослепительный песок, а по нему рассыпаны ярко-красные перчатки, или даже – варежки, будто разбросанные непослушными, озорными детьми, что, вот, только-только бегали у самого моря, играли и вдруг куда-то исчезли. Впечатление было ещё такое, что это алеют неизвестно откуда взявшиеся здесь настенные подушечки для иголок, воздушно покоящиеся на груди необитаемого острова... В конце концов, их можно было принять за пурпурные губки для мытья, в обилии покрывающие укатанный гигантскими волнами берег. А рядом – бушующий, тёмно-синий океан...

В сильный шторм губки оказываются выброшенными на песок, и, глядя на них, создаётся ощущение, будто это – подарок океана людям, подтверждающий его великую мощь и щедрость. Но редко кому удаётся увидеть такую непередаваемую картину, тем более – ходить по плотному, упругому песку, брать понравившиеся губки в руки, с интересом разглядывать их, любоваться. Губки, несомненно, стоят того, чтобы посвятить им хотя бы маленький рассказ.

У большинства людей при слове «губка», скорее всего, возникает в памяти именно поролоновая подушечка, которой моются в бане, такая она мягкая, да и само название её ассоциируется с чем-то приятным. Кстати, в образовании скелета губки принимает участие органическое вещество спонгин, а *spongia* с латинского означает не иначе как ... «губка», - вот и простое объяснение названия, о происхождении которого я долгое время и не догадывался, впрочем, не особо и желая допытаться сути. Губка – и губка, к тому же, наибольшее количество представителей этого вида были действительно очень схожи с хорошо известными всем губками, используемыми для наведения туалета.

Те губки, что обладают мягким органическим скелетом, вылавливают в огромном количестве именно для мытья. Они хорошо впитывают влагу, поскольку пронизаны пустотами-порами, что и роднит их с привычными банными «губками». А так как в остове тела губки содержится йод, во время мытья она оказывает ещё и обеззараживающее действие.

Кстати, система пор у губки выстроена таким образом, что, захватывая с водным потоком всё мало-мальски съедобное, ей достаточно небольшого течения, чтобы она заработала, выстреливая очищенную воду подальше вверх. Иначе одна и та же вода будет попадать в губку снова и снова, оставляя её голодной. Если не можешь добраться до пищи, остаётся ждать, пока она приплывёт сама.

Не все губки, обитающие на дне моря, конечно, мягкие: так называемые «банные» или «туалетные» губки можно встретить лишь в Средиземном море. Губки же, попадающиеся в дальневосточных морях, не годятся для мытья. Дело в том, что почти у всех у них имеется внутренний скелет, состоящий из микроскопических кремнеземных или, реже, известковых игл.

Но глядя на губки, всегда хочется взять какую-нибудь наиболее симпатичную в руки и помять, хотя бы просто погладить, подержав за воздушный бочок. Невозможно миновать под водой разноцветную колонию губок, не заглядевшись на них. Не мокра бы красочная губка, была бы добрая шубка!

Учёные долгое время оставались в недоумении, не зная, к кому отнести губок – растениям или животным? Тому, кто брал впервые в руки высушенную губку – трудно было представить, что это животное. Но совсем другое впечатление производила губка в родной среде, под водой, когда она была полна жизни, привлекая внимание своей формой и цветом. Вполне естественно также было принять губку за какое-то необыкновенное, чуть ли не волшебное растение!

Что же на самом деле представляет из себя губка? У неё нет ни мозга, ни нервов, ни глаз, ни ушей, ни лёгких, ни желудка, ни крови, а есть только студенистое тело, обрамлённое в пористый яркий скелет... Любая губка состоит из живой ткани, окружающей полость, стенки же её образуют три слоя: внешний – защитные клетки, внутренний – захватывающие пищу, а между ними, как в сэндвиче, помещается то самое студенистое вещество.

Все губки живут на дне моря колониями, обычно прочно прикрепляясь к подводным камням или раковинам, поражая восприятие наблюдателя цветом и размерами. Одни из них столь малы, что поместятся в ракушке улитки, а другие так велики, что могут служить креслом. В водах, омывающих Антарктиду, на глубине в несколько десятков метров, «стоят» губки в рост человека, похожие на громадные пунцовые кувшины. Вообще, существует великое множество губок, отличающихся и по цвету и по форме: серые грушевидные массы или просто наросты на камнях и раковинах; жёлто-оранжевые ветви, похожие на олени рога; иные напоминают идеально круглые золотистые апельсины; встречаются и бледно-зелёные, тонкие, как бумага; есть ярко-пунцовые, мохнатые, представляющие из себя «красные бороды»; некоторые губки имеют чёрный цвет и бывают размером с корову... А ещё губки, помимо кувшинов, напоминают бочонки и чаши, бокалы и вазы, трубки, блюдечки и самые обыкновенные, чуть выгнутые плоски, которыми пользовались и пользуются простолюдины до сих пор... Может быть, действительно, без губок человеку со своими житейскими заботами и не обойтись?

Бытующее мнение, что губки – организмы примитивные, преобладало давно, чаще всего их принимали за растения, но уже Аристотель относил губок к животному царству, правда, очень необычному. У них нет органов

чувств, а взрослые губки помимо того лишены умения передвигаться. К тому же, это единственный вид многоклеточных животных, не имеющий ротового отверстия: губки процеживают морскую воду, проникающую в поры, каналы и лабиринты, которыми испещрены их жёсткие тела, и извлекают из неё органические вещества. Ко всему прочему они практически неуязвимы: губку можно разорвать на кусочки - и частицы её потом снова соберутся в новое жизнеспособное тело. Многие губки не подвержены болезням, потому как химическая защита их организма справляется с любыми носителями заболеваний. Словом, губки представляются поистине бессмертными существами!

К необычности губок можно добавить и то, что они обладают неприятным запахом и, по-видимому, содержат и выводят в воду какие-то ядовитые вещества. Это обстоятельство, а также скелет из известковых игл делают губок весьма непривлекательной добычей для хищников, поэтому врагов у них почти нет. Весьма значительна их роль, как очистителей воды от распадающихся органических веществ. Установлено, что известковая губка около 7 см высотой за сутки процеживает 22,5 литра воды, а в среднем губки пропускают за сутки около 5 л воды на 1гр массы тела.

Известно, что губками пользовались ещё с древности. Пропитанные пресной водой, они заменяли римским солдатам фляги. Их употребляли и ныряльщики. Погружаясь в море, они держали во рту губки, пропитанные маслом. Под водой ныряльщики надавливали на них зубами, чтобы масло, всплыв на поверхность, уменьшило волнение и, тем самым, прекратило танец солнечных бликов, которые мешали разглядеть жемчужины, так же тускло поблескивающие на дне.

Промысел же самих губок был известен издревле, ещё Гомер в «Илиаде» и «Одиссее» упоминает об их употреблении для мытья тела. Из Древней Греции обычай пользоваться туалетными губками проник в Египет. Широкое использование они имели и в Древнем Риме.

Добывались губки ловцами-ныряльщиками, тело которых обвязывалось верёвкой. Ловец в одной руке держал груз, облегчавший погружение на дно, а в другой – кривой нож для срезания губок. Оставаясь под водой до двух-трёх минут, ныряльщик стремился набрать наибольшее количество губок, а вся добыча складывалась в мешок, подвешенный на плечо.

Когда ныряльщик чувствовал, что уже не может больше оставаться на дне, то он дёргал верёвку, привязанную к камню, и его вытаскивали из воды. Совершенно истощённый ныряльщик, наверное, еле цеплялся за борт барки, и товарищи вытаскивали его на палубу. Нередко изо рта, носа и ушей такого ловца лилась вода, смешанная с кровью, и бедняга падал в изнеможении на дно барки. Но через какое-то время ему вновь приходилось идти на погружение...

С тех пор как появились маска и акваланг, позволяющие человеку дышать под водой и всё достаточно ясно видеть, труд ныряльщиков стал

намного легче и эффективнее. Опустившись на дно, где растут губки, ныряльщик срывает их столько, сколько сможет. Потом, живыми, губки поднимаются на судно, где с них снимают верхнюю оболочку, и при помощи специального пресса удаляют под давлением студенистое вещество, пронизывающее внутреннюю часть губки – её основу. Если этого не осуществить немедленно, губки затвердевают и оказываются испорченными. Затем губки развешивают на мачтах, где они сушатся на солнце. При окончательной обработке губку последовательно пропускают через ряд ванночек, наполненных серной кислотой и марганцовокислым калием, пока она не станет достаточно чистой, мягкой и белой, чтобы соблазнить любого покупателя.

Раньше, в отсутствие каких-либо механизмов и химикатов, обработка губок представляла ещё более простую процедуру: прямо на палубе судна их топтали ногами, промывали водой, а затем нанизывали на верёвку и вывешивали на день на солнце. После чего снова мяли, ещё раз промывали водой и окончательно высушивали. В результате такой обработки живые ткани губки разрушались, смывались водой, и оставался только органический скелет красивого золотистого или алого цвета.

Благодаря своему примитивному строению губки обладают чрезвычайной способностью к восстановлению: из мельчайших их частиц может вырасти крупная губка. Такое свойство издавна было подмечено, и этим стали пользоваться водолазы – ловцы губок. Искрошив губки на мелкие кусочки, они рассеивают их в местах, удобных для роста этих животных. Если губки нарезать на части, нанизать на проволоку, а затем эти гирлянды натянуть между шестами на дне моря, то губки тоже вырастают, и когда достигают большого размера – их поднимают на поверхность. Подобным образом восстанавливаются и расширяются запасы промысловых губок.

Находя довольно широкое применение как туалетные, губки употреблялись и для мытья стен, полов, статуй и посуды, а также для промокания письма на папирусе и пергаменте и, наконец, для процеживания различных жидкостей. В средние века губки получили распространение главным образом в медицине для остановки кровотечений или, напиваясь соками растений мака, мандрагоры и цикуты, их использовали как средство для усыпления и анестезии. Пережжённые губки принимались внутрь как средство против зоба, что не лишено некоторых оснований, так как они содержат йод.

Из губок делают фильтры, через которые пропускается вода. Они используются для тепловой изоляции, а в некоторых армиях солдатские шлемы имеют прокладки из губок. Сплошь и рядом губки употребляют в ювелирном и зеркальном производстве, ими очищают винные и пивные бочки, увлажняют табачные листья для выдерживания табака. Ещё губки служат прекрасным набивочным материалом при производстве подушек, матрацев, кукол и сидений в автобусах.

В царской России высушенные и размельчённые в порошок губки, так называемые – бадяги, добываемые в пресной воде, издавна употреблялись народом как средство для массажа тела, а женщины пользовались губкой для получения искусственного багрянца. Народная медицина применяла прежде порошок бадяги, как втирание против ревматизма, при ушибах, при глазных болезнях и внутрь как средство против лёгочных болезней и холеры. В русских аптеках бадяги были в обиходе для составления мазей. Обычно на Руси губки собирали в августе, при низкой воде, а затем высушивали, размельчали в порошок и употребляли по назначению.

На Дальнем Востоке, в частности – в Японии, некоторые губки служат для изготовления украшений и безделушек. Формы этих губок необычайно разнообразны, они отличаются красотой и причудливостью. Наиболее богаты ими океанские глубины, где на глубине до 1000 метров встречаются такие же гигантские тела губок длиной до 1-2 метров, но встречаются губки в дальневосточных морях и на более мелких местах, вплоть до 10-15 метров. Эти губки предпочитают мягкие, илистые и песчаные грунты.

Чаще мелководные губки достигают 30 см, стенки их покрыты правильно расположенными отверстиями, на нижнем конце имеется густой пучок игл, которыми губка укрепляется в мягком грунте, а в противоположном конце расположена тонкая сеточка, защищающая губку от попадания внутрь крупных мёртвых животных, что попадая – разлагаются, и могут отравить губку. Но, однако, это незначительное природное «сито» и неприятный запах губки не в силах обезопасить её от мелких беспозвоночных, например, креветок, что обычно забираются в губку ещё в состоянии личинок и находят приют в её полостях.

Тихонько передвигаясь по её зловонным тоннелям, животные эти соскабливают с их стенок пищу. В одной губке величиной с лохань было обнаружено около 2000 мелких креветок, всюю там орудовавших. Отдельные креветки, проникнув во внутреннюю полость губки, вырастают там и становятся настолько большими и жирными, что уже не могут выбраться наружу.

В Японии скелет такой губки издавна является традиционным украшением, которое используют в торжественных народных церемониях, когда жених берёт себе в дом невесту. Поводом служит не только красота и изящество самого скелета губки, но и постоянное наличие внутри неё парочки креветок. По этой причине у японцев такая губка считается символом высокой и постоянной любви. Название её по-японски означает – «вместе стать старыми, вместе быть похороненными». Такие губки продаются повсюду в японских лавочках украшений и пользуются большим спросом, имея, ко всему прочему, красивый ярко-красный цвет. Иностранцы же покупают эти губки просто как память о посещении Японии. Употребляются эти губки и просто как комнатные украшения наряду с причудливыми раковинами.

Кстати, помимо креветок, губка может сожительствовать с раком-отшельником, это интересное явление я нередко наблюдал в Тихом океане. Сама по себе губка ведёт неподвижный образ жизни, но вот один из её видов – пробковая, имеющая ярко-красный или оранжевый окрас, является исключением. Часто можно видеть, как эта красивая губка бежит по дну, а иногда и выбирается на берег. Виной тому оказывается именно рак-отшельник...

Всем известно, что этот рак обычно обитает в спирально закрученной раковине, и когда на неё селится губка, она постепенно разрастается, охватывает раковину и растворяет её полностью. Если такую губку разрезать, то в центре её будет виден точный отпечаток раковины со всеми её завитками. В этой полости и живёт рак-отшельник. Разрастаясь дальше, губка продолжает сохранять спиральную форму внутренней полости, являясь для рака домиком, и благодаря ему ещё и путешествует.

Как-то так получалось, что за время моей работы на Дальнем Востоке, губки попадались мне только под водой, я знал о них многое, но никак мне не удавалось обнаружить их на берегу, чтобы подержать в руках. И вот, только раз в жизни, желание это осуществилось. Ярко-красные губки, во множестве покрывающие береговую полосу острова Уруп, были совершенно доступны, и я поднимал их, разглядывал, дивясь красочной простоте неведомых ранее подводных существ, а затем оставлял на песке, и устремлял своё внимание к другим, почти таким же, но всё-таки иным, содержащим в себе какую-то глубинную тайну, которую хотелось разгадать. И я её разгадывал, не только тайну губок, но и самого моря, которое было для меня тогда роднее самых близких людей.

«ОСЬМИНОГ»

Впервые я познакомился с осьминогами в свой первый морской рейс, когда отправился на полгода в штормовое зимнее море, на добычу минтая. Порой в медленно тянувшийся в толще воды донный трал, помимо крабов и рыбы, заплывали и любопытные осьминоги. Запутавшись в сетях, они сразу поникали, и их мешковидные тела свисали, уже не оказывая никакого сопротивления...

... Надсадно гудит лебёдка, натянутые, как струны, ваера, вздрагивая прозрачными хрусталиками ломающейся на солнце воды, неторопливо вытягивают за собой неподвижные гирлянды глубинных обитателей. Пурпурные от бессильной натуги, уже безвольно поникшие и одрябшие, осьминоги безропотно плывут над мокрой палубой. Но в их видимой покорности – затаенная жизненная сила.

Отлучённые от родной стихии, осьминоги вынуждены смириться, но как только их щупальца будут высвобождены из накрепко сковывающей сети, а сами они будут предоставлены, хотя бы на короткий отрезок времени, самим себе, от них неминуемо следует ждать каких-либо сюрпризов. Моллюски безошибочно определяют присутствие поблизости воды, и при первой возможности стараются удрать. Даже отнесённые на камбуз и помещённые в глубокие оцинкованные ванны под посуду – осьминоги не оставляют попыток к бегству.

Однажды я застал совершенно пустой бачок, из которого неугомный головоногий успел в моё отсутствие, каким-то образом, выбраться, лихо преодолел по кафельному полу полдюжины метров и, взобравшись на стол, прилепился несколькими щупальцами к переборке. До распахнутого иллюминатора ему оставалось проползти какой-нибудь метр... Осьминогу, наверное, очень не хотелось быть съеденным.

Осьминоги очень безобидны, если их понапрасну не тревожить. Распластанные по палубе и бочком, незаметно подбирающиеся поближе к бортам, они вызывают необъяснимое чувство жалости. Но больше всего в осьминогах поражают их печальные глаза... Кажется, будто давно-давно злой волшебник превратил чей-то людской род в морских чудищ, и с тех пор они обречены на подводное обитание.

Неприкаянно скитаются осьминоги по морскому дну в поисках чего-то несуществующего и, не обретая его, останавливают свой печальный взор на небольших укромных пещерках. В них осьминоги переживают свою тоску, прячась от вездесущих, надоедливых рыб. Никто не в силах помочь им, и животные это понимают...

В дальнейшем, наблюдая за осьминогами уже во время своих погружений под воду, меня поражала, в первую очередь, их экзотическая внешность в отличие от других подводных обитателей. Рядом с маленькими серебристыми рыбками, устрицами, многочисленными морскими звёздами,

любопытными нерпами существовало и такое неповторимое, казалось бы, совсем не похожее на подводного жителя животное с множеством щупалец и очень выразительными глазами.

Ещё с раннего детства, при рассматривании иллюстраций к любимому Жюль Верну, запомнился ужасающих размеров спрут с холодным глубинным взглядом выпученных глаз, обхвативший щупальцами рубку судна. В неосознанности своего случайного пребывания вне привычной среды, он, кажется, был способен в мгновение расправиться с любым возникшим препятствием. И вот увлекала именно эта невообразимая мощь и невероятность существования такого морского чудовища, против его воли поднятого из жутких неведомых глубин, которые, по своей тайне, представлялись ещё более невероятными... Темнота этих неизведанных глубин никак не поддавалась воображению.

Образ могущественного животного, запечатлённый в сознании с детства, сохранился, но не вязался с увиденным во время нашей работы под водой, на добыче морских ежей, ламинарии и трепанга... Восемь больших щупалец, снабжённых присосками, морщинистое студенистое тело, остановившийся неживой взгляд – всё это присутствовало в осьминоге на самом деле, и в тоже время в нём не было устрашающей необъяснимости. Осьминога можно было потрогать, слегка потянуть за щупальце, испытав на себе силу его многочисленных присосок, просто поиграть с ним.

Правда, не всегда осьминог поддерживал такое отношение к себе. Скорее всего, он не испытывал подобного желания вовсе, и допускал какие-либо вольности, лишь находясь в благодушном настроении. В этом случае нельзя было оставаться слишком назойливым, можно было, лишь слегка подзадоривая животное, стараться понаблюдать за ним подольше, стараясь ничем ему не докучать.

Чаще всего осьминог забирался в какой-нибудь каменный грот или расщелину и, выставив кончики щупалец, недовольно шевелил ими, вздымая со дна песочные облачка. Если поблизости от его убежища находились мелкие камни, осьминог прихватывал их, ловко подволакивая к входу, и тогда я убеждался, как точно устроено его восприятие, сложность ответных реакций и поведения. Не было никакой возможности извлечь осьминога из его укрытия, и требовалось приложить немало усилий, чтобы расшевелить безобидное животное, вынуждая довериться тебе.

Однажды я долго не мог выманить осьминога из его каменного убежища, куда он с удивительной ловкостью спрятался от меня. Вроде бы, отверстие в груде камней было небольшое, да и сама куча, находящаяся, как ни странно, посреди голого песчаного дна, не превышала в диаметре 60-70 см, но метровый осьминог, спасаясь бегством, удивительно легко и быстро проник в неё, выставив наружу кончики двух щупалец, явно выказывая своё недовольство. Как он там мог поместиться?

Осторожно ухватившись за эти извивающиеся щупальца, я попытался вызволить осьминога на белый свет, но у меня ничего не получилось:

осьминог накрепко прилип всем телом к внутренним стенкам пещерки, и вытащить его не представлялось никакой возможности. Тогда я решил разобрать каменную горку, и это мне вскоре удалось, тогда как осьминог, почувствовав, что я до него добираюсь, мгновенно выскочил наружу. Вытянувшись в струнку и, раздув мантию и выпустив через воронку струю воды, он плавными толчками устремился от меня, чуть шевеля кончиками щупалец, будто подправляя ими курс своего подводного парения. Не знаю, уж, как так получилось, но я неожиданно для самого себя тоже устремился за ним, успев ухватиться за щупальца осьминога, как за вожжи, и к своему большому удивлению ощутил, что осьминог меня тихо буксирует. Я попробовал не подгрести лапами, и опять отчего-то с радостью обнаружил, что осьминог вполне справляется с моим весом.

Правда, вскоре осьминог всё же «выдохся», мантийная щель его открывалась вовсю ширь, с силой втягивая воду, и было видно, что долгое напряжение ему не под силу. Преодолели мы с ним метров двадцать, осьминог как-то весь сжался и выбросил небольшое чернильное облако, а когда я его отпустил, он тотчас прильнул ко дну, обессилено распластавшись на нём, и, полежав несколько секунд, медленно пополз к берегу, то и дело, меня окрас. Явно, он был недоволен всем произошедшим, но сил сопротивляться, это было хорошо видно, у него совсем не осталось. Мне даже стало жаль осьминога, и я подплыл к нему и слегка погладил неопреновой перчаткой по самой макушке, отчего осьминог зажмурился, щупальца его заиграли, вздыбливаясь колесом, и он весь покраснел... Я, наконец, оставил осьминога в покое.

Что же касается быстрой утомляемости осьминогов, то учёные единодушно дают этому простое объяснение: у осьминогов нет в крови гемоглобина, а перенос кислорода по телу осуществляет пигмент, содержащий медь, - гемоцианин. Он, как оказалось, не справляется с подобной задачей, и хотя у осьминога имеется мощная кровеносная система с дополнительными сердцами, способная работать крайне экономно, при длительной нагрузке кислорода обычно не хватает. Да осьминогу и не нужно длительное напряжение, так как его вполне удовлетворяют короткие перемещения, в течение которых он успевает и поохотиться, и поменять своё месторасположение. Осьминога, по природе его, удовлетворяет размеренный образ жизни, поскольку больше всего он предпочитает уединение и покой.

И между тем, осьминог является хищником. Питается он главным образом ракообразными и моллюсками, которых разрывает ротовыми челюстями, по форме напоминающими клюв попугая. Подстерегая добычу или спасаясь от врагов, осьминог способен быстро менять окраску и фон его мешковидного тела варьируется обычно от светло-серого до коричневатопурпурного.

Обычно не составляло большого труда отыскать осьминогов, поскольку все они придерживались более или менее определённой территории, и мы, работая в одном и том же районе, заранее знали, где их

встретим. Даже в мутноватой зелёной воде, когда и камни, и песок тоже казались зелёными, можно было разглядеть распластавшихся на дне осьминогов, если не торопиться и быть внимательнее.

Как только руки дотрагивались до осьминога, тело его вздымалось тугими буграми, из бледно-розового он окрашивался в интенсивный багровый цвет, и щупальца начинали сердито извиваться, стараясь за что-нибудь ухватиться. Как правило, таким предметом оказывалась маска или трубка лёгочного автомата, что, само по себе, было не безопасным. Только оторванный от дна и поднятый на поверхность осьминог выглядел совершенно безвольным, вялым.

Когда мы извлекали осьминога из морской среды, почему-то всегда не покидало ощущение, что именно его не следует лишать своего дома. Что-то живое, трепетное и тайное было заключено в нём, словно осьминог сам не понимал, в силу чего он оказался пленником этой зелёной тишины, в тоже время ставшей для него родной. Однажды мне даже показалось, что осьминог чувствует и понимает всё не хуже человека, но по какой-то неведомой ошибке природы вынужден в одиночестве переживать своё никому не нужное знание.

Но может быть, природа вовсе не ошиблась, а только собрала в мире тишины всех тех, кто не смог быть удостоен лучшей участи на земле. Она благоволила к нашим меньшим братьям, уготовив им более достойную долю. Там, в морской глубине, вместе с китами, тюленями и дельфинами, осьминоги должны были обрести для себя покой. Правда - временный, ибо деликатесное мясо животных всегда пользовалось у людей спросом.

Мясо осьминога очень необычно на вкус, и к нему непременно нужно привыкнуть. По моему мнению, оно отдалённо напоминает сочную нежность телятины, не имеющей, конечно, присущего осьминогу своеобразного привкуса, не похожего ни на какие другие. Осьминог, во всех отношениях, особенное произведение морской стихии, и относиться к нему следует с таким же особенным почтением.

Гурманы античного мира, например, разрезали щупальца осьминога на части, голову начиняли специями и запекали в больших пирогах. Такие мастера были эти повара, что, приготовляя блюдо из осьминога, они употребляли вместо ножей бамбуковые палочки, так как железные ножи придают тонкому кушанью другой привкус. Излюбленным блюдом у них был тушёный осьминог с молодым картофелем, к которому добавляли чеснок, гвоздику и лавровый лист. Блюдо это подавалось с белым вином.

Осьминог, действительно, очень хорош с картошкой, особенно – с пюре. Но чтобы сделать мясо осьминога особенно нежным, считают завзятые гастрономы, нужно поднять пойманного животного над головой, потрясти им и бить его о каменный пол так, чтобы щупальца распластывались и ударялись о каменный настил сочным шлепком. Отбивают осьминога ещё для того, чтобы избежать долгой варки.

После такой операции осьминога ненадолго бросают в кипяток, и потом минут пятнадцать держат над паром. Бульон при этом окрашивается в тёмно-красный цвет, и в него рекомендуется добавить пучок сельдерея и побольше перца. Затем с отпаренного осьминога снимается мягкая розоватая плёночка, и очищенная тушка нарезается на небольшие кусочки, которые можно потушить ещё минут десять-пятнадцать в масле, выжав в него лимонного сока и добавив чуточку острого соуса. Приготовленный по этому рецепту, осьминог обладает нежным вкусом, сравнимым с омаром, отдалённо – с приморским гребешком. Мясо его нарезается на дольки, в каждую дольку вставляется зубочистка – и всё это кушанье можно подавать в качестве закуски вместе с чашкой горячего бульона из осьминога.

Для японцев, например, нет более вкусного и лакомого кушанья, чем поджаренные в масле на углях ломтики осьминога. Зная повадку осьминогов охотиться ночью, а днём прятаться под камнями и в пещерках, японские рыбаки придумали особую снасть. Она состоит из верёвки с привязанными через определённые промежутки глиняными горшками и кринками, в которые осьминоги забираются днём. Рыбаки ежедневно поднимают эту снасть в лодку, и из горшков-капканов извлекают осьминогов. Когда добыча упирается и не хочет вылезать из ловушки, рыбак бросает в ловушку щепотку соли, и тогда упрямый моллюск немедленно покидает убежище.

На Кубе для ловли осьминогов, или, как их там называют, пульпо, на дно моря опускают связанные верёвкой раковины улитки стромбуса. За день примерно половина раковин становится жилищем осьминогов. Жители побережья Средиземного моря с давних пор на мелководьях, во время отлива, бьют осьминогов острой, а из глубоких мест выманивают их яркими кусками материи.

Во Франции молодые осьминоги всегда славились лакомым кушаньем не только для высших слоёв населения, но составляли стол и простолюдинам. На набережной Ниццы, в прекрасные летние вечера, по утверждениям очевидцев, часто можно было увидеть нищих, на нехитрую снасть вылавливающих осьминогов, а производится эта ловля следующим образом: к бечёвке со свинцовым грузом прикрепляется кусок пробки, утыканный множеством крючков и сверху покрытый растрёпанным кусочком красного сукна. Бечёвку забрасывают, как можно дальше, и затем спокойно тянут к берегу. Осьминог бросается на сукно, и тогда бечёвку быстро дёргают, вследствие чего животное крепче насаживается на приманку. Такая охота не только очень добычлива, но и составляет одно из любимых развлечений обитателей всего морского побережья. Так как осьминог очень увёртлив и легко может ускользнуть из рук врага, то из предосторожности надо убивать пойманное животное тут же, на месте, и обыкновенные бродяги, якобы, сами прокусывают голову мелким осьминогам, а крупных убивают ножом.

Полинезийцы сушёных осьминогов вываривают в кокосовом молоке или пекут в листьях торо в земляной печи. А в Японии даже жарят на

сковородке глаза и присоски осьминогов, и затем едят вместо орехов. Говорят, что по вкусу они и на самом деле похожи на орех.

В. К. Арсеньев, путешествуя по дальневосточному краю, попробовал однажды приготовленного китайцами жареного осьминога и нашёл, что вкусом он напоминает белые грибы. А вот Тур Хейердал, командор бессмертного «Кон-Тики», пишет, что головоногий моллюск по вкусу похож на помесь омара с резиной. Один специалист по кулинарным шедеврам рекомендовал даже класть осьминога на серебряное блюдо, полить бренди и зажечь, отчего головоногий становится непередаваемо вкусным!

У многих известных подводников в их книгах описывается охота на осьминогов с помощью ружья и гарпуна, даже ножа, но на деле опытные ныряльщики не пытаются убивать осьминогов, они не стреляют в них, а вылавливают голыми руками. Зная повадки осьминога и места его обитания, можно достаточно успешно действовать под водой, если соблюдены все меры предосторожности. Следует также не бояться осьминогов, воспринимая себя в их среде таким же подводным обитателем, способным даже поиграть с ними, затем ловко и уверенно хватая осьминога за колпачок, который прикрывает хрящевой череп, легко поддающийся разрыву. Можно ухватить осьминога и за щупальцу, когда он небольшой и глубина позволяет быстро подняться вместе с ним на поверхность. Наверху, в боте, товарищи помогут тебе отделить прилепившиеся к костюму присоски, правда, не без определённых усилий. Опасно связываться с осьминогом на глубине, с каменистым, насыщенным гротами грунтом, куда защищающийся осьминог способен затянуть своего обидчика, сорвать с него маску или вырвать изо рта загубник с лёгочным автоматом. Осьминог тогда превращается в «живой мешок», способный засосать в себя самого опытного ныряльщика.

Освободиться от прилипшего осьминога бесполезно, если пытаться хватать его за щупальца и мантию беспорядочно: сил для этого всё равно не хватит. Но если осторожно ухватиться за самый кончик щупальца и медленно потянуть в противоположную сторону, то можно легко его отодрать. Присоски в этом случае отделяются поочерёдно, одна за другой.

Одно из самых слабых мест осьминога – колпачок между глазами, за который можно сразу ухватиться одной рукой и тем самым на короткое время несколько обезоружить осьминога, другой при этом лучше всего удерживаться за какие-нибудь камни или выступы. Но всё это возможно проделывать при условии, что осьминог не крупный, не более полутора метров в длину вместе со щупальцами, в противном случае подводный пловец рискует быть захваченным осьминогом надолго, тогда как воздух в его баллонах может закончиться.

Есть и ещё очень простой способ освободиться от хватки осьминога и даже лишиться жизни после того, как вы подняли его на поверхность... Нащупав в нижней части живота осьминога сумку, где находятся его внутренние органы, следует неожиданно рвануть осьминога на себя - и животное, скорее всего, подастся, а это уже шанс, что вы успеете оторвать

его щупальца от камня или вашего тела. Затем, если вам удалось оторвать осьминога, и вы устремились с ним наверх, ловким движением нужно быстро проникнуть несколькими пальцами в отверстие сумки и резким рывком вывернуть органы наружу, стараясь оторвать их напроць. При этом необходимо обязательно убедиться, что вы захватили и жёсткий чернильный мешок, расположенный близ отверстия. Не следует забывать и о том, что даже когда осьминог потерял все действующие органы, щупальца его ещё долгое время продолжают действовать, намертво присасываясь ко всему, что им подворачивается.

Один знаменитый ныряльщик с островов Пилау охотился на осьминогов в гротах. Воткнув в животное гарпун, он его никогда не выдёргивал, так как осьминог цепляется щупальцами за стенки грота, и вытащить его невозможно. Ныряльщик обычно брал кусок коралла и начинал стучать по древку гарпуна. Колебание древка разрушает нервные узлы осьминога, его мускулы расслабляются, и он вялым комком отваливается от стены.

А вот какой хитроумный способ добывания со дна моря предметов искусства был изобретён японцами более ста лет назад с помощью осьминогов. В то время в Японском море затонула открытая лодка, нагруженная драгоценными вазами – собственностью императора, и он приказал водолазам спасти их. Ныряльщики, не имевшие никакого водолазного снаряжения, не могли добраться до лодки. Однако, боясь прогневать своего владыку, они стали думать, что же всё-таки можно сделать, и, в конце концов, нашли выход. Они поймали несколько осьминогов, привязали их к верёвке и спустили в затонувшую лодку. Эти головоногие, которые, как кошки, любят уютные места, конечно, забирались в вазы. Моряки дёргали верёвки, осьминоги расправляли щупальца, ещё более присасываясь к внутренним стенкам ваз, и после этого их вместе с вазами вытягивали на поверхность.

Не догадываясь о том, как использовали осьминогов японцы, или как ловили осьминогов китайцы, опуская под воду глиняные горшки, мы сами пришли к идее охотиться на осьминогов подобным образом, и употребили в качестве орудия лова ... отрезок трубы. Привычка осьминогов забираться в разного рода пустые полости была подмечена нами после того, как однажды, из обнаруженной на дне автомобильной покрышки, мы извлекли на свет двух небольших осьминожков. А отрезок трубы, с помещёнными в ней в качестве приманки раздавленными морскими ежами, мы опускали на фале, неподалёку от берега, наверху устанавливая цветной буй, по которому легко было отыскать на следующий день место охоты на осьминогов. Любопытные головоногие, обычно, не заставляли себя долго ждать, и наш повар никогда не оставался без дела.

У Кусто в «Мире безмолвия» описан необычный способ добычи осьминогов на оливковую ветку и шест. Инициатором его оказался араб-рыбак, который срезал на берегу ветку с оливкового дерева и привязал её на

конец длинной жерди. Затем он прошёл на пристань, опустил это устройство в воду и принялся крутить серебристые листья перед расщелиной в каменном устье. Засевший там осьминог принял листья за рыбок и схватил ветку своими длинными щупальцами. Араб выждал, когда спрут окончательно запутается, и вытянул его на пристань. Таким способом он выловил за двадцать минут тройку маленьких осьминогов.

На островах Гилберта, в Микронезии, местные жители охотятся на осьминогов с помощью человека-приманки. Охота у островитян ведётся вдвоём: один служит живой приманкой, другой должен в решающий момент убить осьминога, когда тот намертво присасывается к его приятелю. Эта мёртвая хватка подводного обитателя и становится, в конце концов, причиной его гибели.

Обнаружив животное, один из островитян ныряет со скалы в воду и подплывает к норе, где прячется осьминог. Иногда осьминог никак на это не реагирует, но чаще всего он сразу же выбрасывает щупальца, стараясь захватить добычу.

В то время, когда осьминог начинает подтаскивать жертву к скале, всё крепче сжимая её в смертельных объятиях, второй охотник тоже ныряет в воду, хватая сзади своего товарища и с силой отрывает его от скалы, а с ними осьминога. Осьминог ещё крепко обвивает свою жертву, но человек-приманка резким толчком ноги всплывает на поверхность и старается лечь на спину. Его приятель хватая сзади мягкую голову осьминога, рывком поворачивает её к себе и впивается зубами в межглазье. Смерть наступает молниеносно. Присоски постепенно отпускают жертву, щупальца опадают, и охотники беспрепятственно подплывают с добычей к берегу, водружают её на шест и отправляются на поиски следующего осьминога.

Вообще, львиная доля историй о том, что осьминоги представляют серьёзную опасность для ныряльщика – во многом весьма преувеличены. Не всегда, даже проплывая мимо осьминога, можно догадаться о его близком нахождении, потому, что обитатель скалистых мест умело прячется в камнях, используя под водой самые незначительные скалистые нагромождения. Большинство осьминогов, которых нам доводилось встречать под водой, не превышали четырёх-пяти футов в длину от макушки до кончиков щупалец, и они не могли оказать серьёзного сопротивления при их ловле. Как правило, всё поведение осьминога сводилось к тому, чтобы как можно меньше показываться подводному пловцу на глаза и быстрее укрыться в какой-нибудь щели. На худой конец – прилепиться к скале, поменяв окрас и притворившись безжизненным. Словом, всем своим поведением осьминог стремится убедить вас, что он не стоит внимания и готов убраться куда угодно, лишь бы его не беспокоили.

При непосредственном соприкосновении с осьминогом, он, конечно, постарается вас отпугнуть, но будет осуществлять свои действия миролюбиво. Меняясь в окраске, осьминог попытается придать себе грозный вид и начнёт извиваться, то и дело, раздувая своё тело. Стремясь показаться

огромным, он будет то сжимать, сокращая свои щупальца, то выбрасывать их в стороны, как будто намеревается напасть. Его большие, округлые глаза при этом становятся ещё более округлыми и выпуклыми, в них, кажется, не умещается ничего кроме холодного кровожадного ужаса...

Два пустотелых отростка на его брюхе тоже раздуваются, вместе со всем телом, и меняются в окрасе. Глядя на них, становится ясно, что осьминог дошёл до точки, и вот-вот сорвётся с насиженного места, что делать ему вовсе не хочется. Может быть, осьминог только пообедал, а вы его потревожили, тогда, как он приготовился вздремнуть. Последнее, на что способен потревоженный в своей подводной обители осьминог, это – обдать вас чернильной струёй и с невероятной быстротой исчезнуть.

Подводные охотники Средиземноморья, например, вооружаются при добыче осьминога длинным древком, с прочно укреплённой на его конце столовой вилкой, но часто встречаясь при своей работе под водой с такими замечательными животными, и по-своему полюбив их, мне всегда как-то неловко было доставлять им боль и длительные мучения. Интереснее было выманить осьминога из его укрытия, перехитрить, и уже без особых трудностей для себя и самого осьминога поднять его на поверхность. Достаточно обладать терпением и знанием повадок этого животного.

Занятно просто играть с осьминогом, слегка поддразнивая его и не особо докучая, соблюдая при этом все меры предосторожности, и тогда тебя не покидает ощущение, что ты как будто поздоровался с ним за руку, ни в чём не уступая этому прекрасному животному и считая себя равным с ним в подводном мире.

Где лучше искать осьминога? Добывая по весне морского ежа и ламинарию вдоль юго-западного побережья Сахалина, легко было встретить этих занятных животных на небольших глубинах, неподалёку от берега. Осьминоги попадались порой прямо на чистом песчаном дне, свободном от каких-либо каменных нагромождений, и очень просто можно было догнать удирающего от тебя осьминога, когда ему некуда спрятаться.

Малейшее неосторожное движение с вашей стороны обычно вынуждает осьминога тотчас ретироваться, но иногда он проявляет удивительное спокойствие и невозмутимость, несмотря на то, что давно вас заметил. Порой мне даже начинало казаться, будто осьминог сам приглашает тебя к активным действиям, после чего, правда, он быстро возбуждался и стремился спрятаться или всё же поскорее улизнуть.

Когда осьминог смотрит на вас из-под нависшего скалистого уступа, кажется, будто он всё давно про тебя знает и ничего не предпринимает, надеясь, что ты всё же не доставишь ему хлопот и оставишь в покое. Кончики его щупальцев мягко выкручиваются, вздымают маленькие облачка песка, но сам осьминог остаётся недвижим.

Мы ничуть не боялись ловить осьминогов руками, охотясь за ними во время своей подводной работы по добыче морских продуктов. Может быть, кому-то это занятие покажется неприятным, когда он представит себе

слизкое, изгибающееся тело и щупальца осьминога с множеством присосок, но мы совершенно не обращали на это внимание. Осьминоги казались нам очень милыми и безобидными существами, несмотря на то, что были способны причинить назойливому ныряльщику вынужденный вред.

Если всё же случилось так, что осьминог оплёл вас своими хваткими щупальцами, а вы не желаете причинять ему боли – лучше какое-то время ничего не предпринимать и дать ему немножко успокоиться. Пытаться сразу отделаться от осьминога бесполезно, потому что хватка у него – каменная. Присоски, как живые кнопки на музыкальном инструменте, постепенно расширяются, бегут и прилепляются так мгновенно и плотно, что даже не пытаешься от них освободиться. В первую очередь, поражает сила, с какой осьминог это делает. К голому телу осьминог присасывается так крепко, что отдирая присоски, подводный пловец рискует приобрести значительные шрамы...

Лучше охотиться на осьминога вдвоём, потому, что если ему удалось намертво обхватить вашу руку щупальцами, а у вас при этом осталось мало воздуха в баллонах, - одному справиться с сильным животным бывает не под силу. Никогда не стоит относиться к осьминогу с пренебрежением или презрительным превосходством: он этого не заслуживает. Осьминог имеет право на то, чтобы к нему относились с уважением, но что вызывает в вас уважение к этому необыкновенному головоногому?

В первую очередь, замечательно то, что осьминог не равнодушен к камням и ущельям, в которых может прятаться часами, так что ты его и не заметишь, и только по останкам добычи у входа в его обиталище без ошибки можно определить – где скрывается загадочный отшельник... Как правило, это – кучи раковин моллюсков, расколотые скелеты морских ежей или панцири крабов с разорванными клешнями, хотя в собственном домике осьминог – признанный чистюля.

Его склонность забираться в скалистые гроты и использовать камни для постройки своего домика заметили ещё Кусто с Дюма, когда обнаружили, что осьминог не только собирал стройматериал, но и соорудил каменную плиту на подпорках в качестве дверей. Трудно сказать, зачем он это делает, если можно найти пещерку в камнях... Вероятно, домики эти – временные, где осьминог находит для себя достаточно корма. Например, скопления моллюсков, которые осьминог очень любит.

Кажется, осьминога не зря называют царём подводной акватории, где он безнаказанно совершает набеги на мидиевые и устричные банки, парит свободно в своём сумрачном царстве и никто ему не помеха. На самом же деле осьминог совсем не является владыкой глубин, и выглядит скорее осторожным животным, обычно предпочитая небольшие подводные терраски, где и устраивает свои домики, представляющие из себя нагромождение камней, которые он тщательно стаскивает со всей округи. К тому же, владелец домика всегда принимает надлежащие меры для

спокойного пребывания в нём и камуфлируется так, что его совершенно не видно.

Осьминоги – большие хитрецы... Запасшись терпением и камнями, они подолгу дежурят у закрытой раковины, ожидая – когда она раскроется, после чего тотчас бросают внутрь камень... Створки уже не могут сомкнуться и осьминог без труда съедает моллюска. Эти действия осьминога, конечно, служат свидетельством его удивительной сообразительности.

Океанический аквариум в Брайтоне, например, приобрёл известность благодаря именно своей коллекции осьминогов, даже, скорее, в результате произошедшего с ними несчастного случая... Однажды ночью один из осьминогов отвернул клапан, выпустил всю воду, и к утру почти все осьминоги ... погибли. Итог, конечно, плачевный, но это ли не доказательство ума необычного животного, его изобретательности?!

Ко всему прочему осьминоги и любопытны... Работая на добыче морского ежа у юго-западного побережья Сахалина, мы по две-три недели обследовали отдельные участки, посещая их каждый день, и осьминоги, обитающие здесь на мелководье, похоже, к нам привыкли. Завидев тебя, они уже не прятались в своё каменное укрытие, а даже приближались... Сначала неуверенно, потом всё смелее, подплывая зачастую вплотную, и осторожно протягивали щупальца, шевеля их кончиками, будто приветствуя.

Кстати, вкус пищи осьминоги распознают, в первую очередь, «руками», то есть – щупальцами... Вся внутренняя поверхность щупалец и каждая присоска участвуют в дегустации блюда. Чтобы узнать, соответствует ли его вкусу встреченный им на дне продукт, осьминог пробует его кончиками щупалец на ощупь, что со стороны выглядит очень изящно, словно осьминог прикасается к клавишам неведомого музыкального инструмента, ожидая услышать нечто чарующее...

Прячась в камнях, осьминог любит выставлять наружу одно-два щупальца, но не с целью оценить ситуацию, а будто только ради забавы, свидетельствующей о его доброжелательном расположении духа, и именно эти-то щупальца, бывает, часто подвергаются нападению хищников, или человек, завидя скрывающегося в укрытии осьминога, пытается вытащить его, ухватившись за них... Но осьминог, помимо всех своих заслуг, обладает ещё и искусством автотомии. Мышцы попавшего в плен щупальца мгновенно начинают сокращаться, и происходит это с такой силой, что оно само себя разрывает: щупальце отваливается и остаётся у хищника в качестве выкупа осьминогу за свою жизнь. Осьминог способен отбрасывать большую часть своей «руки», причём, может оторвать щупальце в любом месте, рана на вторые сутки полностью заживает и вместо утерянного начинает расти новое щупальце, через два-три месяца достигая первоначального размера.

Когда осьминог спокоен, он полностью сливается с окружающими камнями и водорослями, даже когда находится в движении. Если же его напугать, он бледнеет, а затем быстро покрывается багровыми пятнами, которые волной распространяются по всему его телу. Неотрывно наблюдая

за переменами, которые происходят с осьминогом, постепенно начинает казаться, что это под его эластичной кожей играют мышцы.

Бывает, потревоженному осьминогу некуда скрыться и он распластывается на грунте, прижимаясь к нему так плотно, словно стремится в него внедриться. Глаза осьминога закрываются, видны только две щелочки, а сам он, будто в нерешительности, замирает. В таком положении животное подпускает к себе очень близко, и его можно, вы не поверите, погладить.

Осторожно поднеся руку к осьминогу, с некоторым недоверием взираешь на расслабленное и вялое тело, но чуть прикоснувшись, сразу ощутишь, как мощно сокращаются и распрямляются мышцы. Щупальца начинают загибаться, незлобиво виться вокруг твоей руки, и почему-то захочется почесать животное между глазами. Широко раскрыв их, осьминог, будто от удовольствия, опять зажмурится и на мгновение впадёт в прострацию, но тотчас встрепенётся, уже более настороженно ощупывая ладонь, запястье и, наконец, всю руку. В его движениях ещё присутствует некая нерешительность, он лишь осторожно обследует, изучает, чтобы в следующее мгновение со всею силою припасть к жертве своими присосками, скрутить её и может быть пустить в ход мощный клюв, расположенный над ротовым отверстием между восемью щупальцами. Всё дружелюбие осьминога молниеносно улетучивается, и теперь перед тобой – комок переливающейся энергии и силы.

Но, несмотря на эту силу, чаще всего, осьминогу удобнее ретироваться, совершив своё бегство эффектно, с резкими сокращениями мантии, являющей собой в этот момент подводные крылья. Осьминог мощно выталкивает воду из сифона и движется как ракета, какой-то идеальный морской снаряд, способный покрывать под водой любые расстояния, при этом неожиданно выбрасывая чернильное облако, повергающее противника в полную растерянность. Умение пускать «чернила» в глаза – одно из замечательных достижений природы, которым овладели осьминоги. В минуту крайней опасности из воронки осьминога вдруг вылетает струя чёрной жидкости, расплывающейся в воде густым облаком, и под прикрытием этой «чернильной завесы» моллюск уходит от погони, оставляя сбитого с толку врага в вынужденных потёмках. Причём, осьминог способен пользоваться своим оружием несколько раз подряд, а через полчаса уже полностью восстанавливает весь израсходованный запас чернил, как их очень точно называют.

И вот ещё что интересно: наблюдения учёных показали, что выброшенные осьминогами чернила растворяются не сразу, они несколько секунд висят в воде компактной тёмной каплей, пока на что-нибудь не наткнутся. Но самое поразительное, что форма капли напоминает очертания выбросившего её животного! Хищник, вместо убегающей жертвы, хватает эту каплю – и сразу его окутывает тёмное облако, а осьминог, очень умело пользуясь этим, молниеносно растворяется в зарослях разнообразных водорослей, либо исчезает в первой попавшейся ему на пути скалистой

расщелине. Даже заприметив место, где осьминог спрятался, будет уже очень нелегко выманить его оттуда.

Осьминоги, предпочитающие жить в одиночестве, плохо переносят общество даже своих сородичей. Встретившись, они нередко вступают между собой в ожесточённые схватки, сердито выбрасывая щупальца и стараясь нанести сопернику жестокую травму своим мощным клювом. Как будто осьминоги знают о себе какую-то страшную тайну, не переносят её при виде соплеменников, которые о ней своим появлением напоминают, и стараются поскорее забыться, устраняя их с пути. Победённый осьминог, если ему удаётся вырваться, часто лишаются одного, а то и нескольких щупалец, тело его покрывают многочисленные раны, и может быть, поэтому животные и предпочитают уединение, находя в нём истинную отраду.

Так, спрятавшись в какой-нибудь пещерке, среди камней, осьминог проводит большую часть жизни в полном довольствии, лишь изредка выбираясь из своего укрытия на охоту. Порой ему достаточно высунуть краешек светлого щупальца с чуть вздрагивающими присосками, и проплывающая мимо рыбка становится его лёгкой добычей. Рыбка трепещет, извивается, не в силах отлепиться, а осьминог хладнокровно взирает на неё остановившимися глазами яблоками с горизонтальными зрачками, в нём нет и тени беспокойства, и за маленьким эпизодом охоты следует мгновенное пиршество, после которого остатки лакомства выкидываются из логовища и хищник вновь устраивается в засаде.

Осязание для осьминога играет, наверное, наиважнейшую роль в его подводном существовании. Мало того, осьминог способен распознать с помощью него различные формы, а значит – склонен ориентироваться в любом лабиринте, быстро приобретая опыт и уже не совершая в дальнейшем ошибок. Осьминог нигде не пропадёт, в какой бы непредсказуемой ситуации он не оказался.

Ну, и уж всем хорошо известно, что осьминоги удивительно быстро и гармонично окрашиваются под цвет окружающей их местности. Цветовые оттенки могут быть самые разнообразные. Здесь уместно будет ещё раз вспомнить книгу английского писателя Джеймса Олдриджа «Подводная охота», где он описывает случай с пойманным им осьминогом, которого он положил на газетный лист для разделки: осьминог моментально изменил окраску, сделавшись полосатым, в белую и чёрную полосу!

По всему кожному покрову осьминога рассеяны звездообразные ячейки, содержащие мельчайшие сумочки с пигментом. В каждой ячейке заключён пигмент одного цвета – красный, синий, желтый, чёрный или белый. Осьминог по желанию может наполнять свои клетки окраской, снимать её, так что тело становится почти невидимым, или непрерывно менять цвет, подобно тому, как мерцают в небе весной цветные волны зарницы.

Такая замечательная защитная окраска у осьминогов управляется их сложной нервной системой, имеющей ответвления, ведущей к каждой

клеточке. Эта нервная система в сочетании с глазом, развитым не хуже человеческого, позволяет осьминогу мгновенно приспособливаться к цвету дна, над которым он проплывает. Более того, она реагирует на настроение, переживаемое осьминогом, и может изменяться в мгновение, превращаясь из пурпурно-коричневого в чёрный, либо из белого в зелёный. Всё зависит от того – что ощущает в данный момент чуткое животное, и если осьминог спокоен, то он, наверняка, имеет серый невзрачный цвет.

Смена окраса – одна из самых замечательных способностей осьминога. Маскироваться и шокировать этим врагов, а за одно - и свою добычу, он настоящий мастак. Вдобавок, осьминог не только меняет окраску, но и структуру кожи, превращая её в колючую, например, как панцирь у краба, в точности воспроизводя его шипы... Распластается рядом с крабом, превратив часть своего тела в такого же ракообразного, и тихонько подобраться щупальцами – схватит его и затянет в мантийную полость, в мгновение раздавив крепким клювом. Словом, осьминог – мастер мгновенных перевоплощений, способный затеряться на любом фоне.

Известно, что осьминог убивает и больших камчатских крабов, достигающих в диаметре, вместе с ногами, метра и более. Взгромоздившись им на панцирь, осьминог прокусывает его и впрыскивает туда яд. Вероятно, такой приём входит в боевой арсенал осьминога. Учитывая силу щупалец осьминога, ему, видимо, легче вскрывать панцирь краба как крышку, подцепив её снизу, самому находясь наверху. К тому же, сверху ему удобнее напасть на краба неожиданно, когда тот не успеет встать вертикально, выставив вперёд свои грозные клешни.

Наблюдая за тем, как осьминог лакомится мелкими крабами, невольно подумаешь о нём как о существе весьма деликатном, потому как совершает он свои действия степенно, не спеша отрывая одну за другой ножки у пойманного краба, чтобы выудить из них мясо. Другой бы морской хищник, наверное, не жеманничал подобным образом, не обставлял свой обед с такой основательной неторопливостью, а вмиг бы разодрал краба на части. Но осьминог иначе просто не может себя вести и, кажется, получает от этой неспешности удовольствие.

Правда, ночью, когда плотные слои планктона поднимаются к поверхности, чтобы поглотить свою порцию микроорганизмов, они привлекают за собой множество глубинных обитателей, в том числе – и осьминогов, превращая поверхностный слой в своеобразный морской суп, в котором животные просто преображаются. Тур Хейердал в середине своего путешествия на «Кон-Тики» через Тихий океан обратил внимание, что каждую ночь на палубу плота стали падать ... осьминоги. Они выбрасывались из воды, словно реактивные снаряды, видимо, охотясь за планктоном. Долго эта картина стояла у меня перед глазами, и я никак не мог себе представить довольно миролюбивых и спокойных животных летающими над водой, пусть даже в порыве охоты...

Поразительно и то, что у осьминога три сердца: одно гонит кровь по телу, а два других проталкивают её через жабры. Главное сердце бьётся 30-35 раз в минуту. У осьминога и кровь необычная, как уже упоминалось выше - она у головоногих голубая, ибо вместо гемоглобина, дающего красный цвет в сочетании с железом, она содержит гемоцианин, с медью в качестве металла. Медь и придаёт крови осьминога синеватый или голубоватый оттенок.

Ещё один интересный факт: глаза человека и осьминога очень похожи. Единственное небольшое отличие в том, что роговица у осьминога не сплошная, а с широким отверстием в центре, и установка зрения на разные дистанции у человека достигается изменением кривизны хрусталика, а у осьминога – удалением или приближением его к сетчатке. И ещё веки осьминога снабжены кольцевой мускулатурой и, закрывая глаз, они затягивают его словно занавеской.

Кстати, у гигантского спрута глаза величиной с небольшое колесо – сорок сантиметров в диаметре! Но спрутом, вероятнее всего, называют гигантского кальмара, обитающего на значительных глубинах, а никак ни осьминога. Хотя, по утверждениям опытных водолазов, долгое время проработавших в Японском море, им порой попадались внушительные экземпляры, достигающие в длину пяти метров... Это были гигантские осьминоги, вид – наиболее распространённый в водах Приморья, Южного Сахалина и Японии. Обычный его представитель – длиной до метра, весит около пяти килограммов, полутораметровый – где-то восемь-девять, а двухметровый тянет на все двадцать. И всё же: какова реальность существования очень крупных осьминогов, настоящих подводных чудищ, способных повергнуть одним своим видом?!

Описанная в «Тружениках моря» Виктором Гюго сцена борьбы осьминога с зашедшим в воду по пояс человеком, конечно, неправдоподобна, но иное дело – возможность встречи осьминога с водолазом, который неожиданно натолкнулся на большого осьминога, потревожив его без злого умысла, и тот обхватил его всеми щупальцами, которые очень жёсткие и мускулистые. Здесь недалеко и до паники, если человек внутренне не подготовлен к подобному столкновению, а ещё хуже, когда своими огромными щупальцами осьминог повреждает дыхательные шланги скафандра водолаза, находящегося на значительной глубине. Несомненно, такое единоборство может оказаться не в пользу человека, ведь осьминог в пылу защитной реакции способен причинить ему большие проблемы. Водолазу в этой ситуации следует оставаться удивительно хладнокровным, чтобы сохранить себе жизнь.

При работах по подъёму затонувших судов или ремонту портовых сооружений водолазы иногда действительно встречаются с осьминогами в их временных жилищах. Необходимость завести трос или просверлить железо в том месте, где сидит осьминог, приводит водолаза к столкновению с ним. Осьминог, естественно, вступает в борьбу, думая, что его притесняют, и в

такие моменты может быть очень агрессивным. Так может ли он на деле быть огромным, ну, хотя бы, очень большим?!

Истоки известности об удивительных животных-осьминогах уходят в глубокое прошлое. Не зря они обросли легендами одна другой ужасней, в которых описывались леденящие душу сцены, в которых осьминоги хватили зазевавшихся водолазов и высасывали присосками из них кровь. Бытовало и утверждение, что осьминоги нападают на шлюпки, а наиболее кровожадные даже выползают на берег, преследуя человека... Ясное дело, подобного рода страсти слагались из-за незнания, но были и не далеки от истины.

Достоверно известны добытые в Приморье осьминоги весом до 50 кг и длиной, как уже говорилось, до пяти метров. По словам же очевидцев, как правило - водолазов, они достигают 100 кг и более. Так, в 1986 году в заливе Петра Великого поймали гиганта, которого с трудом затолкали в водолазную рубашку – «трёхболтовку». А вот известный канадский водолаз Джок Мак Лин зарегистрировал осьминога весом около трёхсот килограммов и длиной порядка девяти метров. Что это: пустые вымыслы людей, пожелавших приукрасить специфику подводной работы и заодно набить себе цену?

Тут необходимо заметить, что гигантский осьминог отнюдь не эндемик вод Японии, то есть – животное, распространённое только в определённом географическом районе. Ареал этого вида, точнее – зона его обитания, тянется дальше на северо-восток вдоль Курильских островов, захватывая Восточную Камчатку, Командоры и Алеуты, и затем спускается на юг, охватывая побережье Северной Америки от Аляски до Калифорнии. Именно там вышеупомянутый Джок Мак Лин и натолкнулся на своего гигантского осьминога...

Дело в том, что большие осьминоги, конечно, предпочитают значительные глубины, и увидеть их неподалёку от берега, где в основном и производятся все водолазные работы, маловероятно, но два раза в год они подходят к берегу на глубины до 20-50 метров и способны образовывать там промысловые скопления. Происходит это в апреле-июне и в ноябре-январе. Во время второй миграции осуществляется спаривание, а через несколько месяцев, в мае-июле, самки нерестятся в прибрежных районах, самцы же держатся неподалёку. Вот когда, возможно, создаются те условия, при которых гигантский осьминог и человек сталкиваются нос к носу, и для обеих эта встреча, как правило, оказывается неожиданной.

Но всё-таки агрессивность гигантских осьминогов сильно преувеличена. В этом убеждены те, кто достаточно часто с ними встречался. Да и мне самому не раз приходилось быть свидетелем того, что животные всегда избегают конфликтов с человеком, стараясь благообразно ретироваться. Правда, это были небольшие осьминоги, но вряд ли и у гигантских экземпляров со временем портится характер. Всё, что нужно осьминогам – у них под боком, и они живут неизвестно сколько лет отшельниками в какой-нибудь пещере, постепенно превращаясь в многопудовые чудовища.

Только откровенно враждебные или очень неосторожные действия в отношении осьминогов могут вызвать неадекватную реакцию с их стороны. Но даже если осьминог, скорее – защищаясь, всё же, опутал вас своими щупальцами и вы почувствовали на себе их мощь, то самое разумное – не сопротивляться, и уж ни в коем случае не нападать! Лучше всего – замереть, попытавшись восстановить ровное дыхание, и осьминог вскоре ослабит хватку, ещё через какое-то время и вовсе потеряв к вам интерес. Надо помнить, что осьминог – очень сильное животное, и порой, сам того не желая, может стать опасным, удерживая человека под водой. Как бы вы ни старались, вам всё равно не сравниться с ним по мощи!

А есть среди осьминогов и карлики, помещающиеся в спичечном коробке. Обитающий в водах Индийского океана и у австралийского побережья осьминог из рода хапалохлена свободно может разместиться на ладони ребёнка, а весит он всего около 50 граммов. Тем не менее, рыбаки, ныряльщики и просто купающиеся в этих местах боятся этого малыша не меньше огромных хищных акул. Дело в том, что крохотный осьминог обладает весьма страшным оружием – сильнодействующим ядом, который пускает в ход в минуты опасности. Особенно страшно, что укус этого, пожалуй, единственного головоногого, способного убить человека своим ядом, почти не ощущается.

Вначале у жертвы начинается сильное головокружение, затем яд парализует нервную систему, и, наконец, наступает паралич органов дыхания. Только немедленное медицинское вмешательство может предотвратить беду. Правда, осьминог этот никогда не нападает первым и при опасности старается удрать.

Интересно, почему в нём тогда так много яда, когда сам он довольно маленький и не нападает первым? Да ещё и предпочитает побыстрее удрать... Наверное, этот осьминог – напоминание всем, как нужно ценить малое. Если ты не будешь этого понимать, жизнь обязательно напомнит о себе, однажды неожиданно тебя наказав.

Своеобразен осьминог и в продолжении рода... Во время размножения самец одним из щупалец достаёт из мантийной полости упакованную в трубочки сперму и осторожно переносит её в мантию самки. Точнее, струи воды выносят эти трубочки через воронку наружу, осьминог подхватывает их одной из своих «рук» и преподносит осьминожихе... Сплошное подводное благородство и участие!

Самка осьминога – очень заботливая мать! Высиживая яйца, напоминающие сочные гроздья винограда, она в течение многих недель голодает. Обычно самка ничего не ест и месяц, и два, и более, пока длится насиживание. Аскетизм этот вызван стремлением предохранить яйца от загрязнения, так как пищевые остатки могут привнести гнилостные бактерии, способные оказаться губительными для икры. Мало того, самка непрерывно, через небольшие интервалы, обдаёт икру струёй чистой воды, выпускаемой

через воронку: благодаря этому личинки получают достаточное количество кислорода.

После икротетания и ухода за икринками, преодолев напряжение всех сил по продлению потомства, самки осьминогов погибают... Живут они всего один-два года, что очень немного для таких продвинутых подводных обитателей, которые способны решать сложные задачи. Наблюдая долгое время за осьминогами, я уверил себя в том, что для них не существует предела в совершенствовании!

Всё у осьминогов происходит как-то необычно, даже для подводного мира, и если уж их созревшие икринки напоминают благодатные виноградные лозы, вернее – кисти, подвешенные осьминожкой под сводами какого-нибудь таинственного подводного грота, то только что народившаяся икра представляется белоснежными тюльпанчиками, ласково покачивающимися на тоненьких стебельках, прикрепленным к камням. Осьминожка бережно их охраняет, стережёт свой подводный сад, ни на минуту его не покидая. Вообще, осьминоги, действительно, очень умные существа, и потому, наверное, очень заботливые родители, отдающие на дань процветания удивительного мира природы свои не менее чудесные жизни.

Само строение тела осьминога идеально приспособлено к условиям его подводного существования, оно необыкновенно рационально, несмотря на видимую бесформенность и неловкость, которую он обретает на поверхности. Стоит осьминогу соскользнуть в водную толщу, как он мгновенно преобразуется, превратившись из безвольного существа в необычайно гармоничное и ловкое. Осьминог очень чутко реагирует на любое изменение рядом со своим обтекаемым телом, кажется, приобретая текучесть самой воды.

Осьминогов, конечно, трудно назвать красавцами... У этих головоногих - обрюзгшее тело, бугристая дряблая кожа, до которой далеко не каждый даже решится дотронуться, и нет, кажется, ничего, что бы соответствовало человеческому представлению о красоте, на какую способна, скажем, голубая улитка, изящная рыбка, воинственный краб или утончённый морской конёк, скрывающийся в подводных зарослях. И всё же, осьминог чаще всего вызывает именно симпатию, а когда понаблюдаешь за ним длительное время, достаточно хорошо познакомишься с его образом жизни, то и вовсе проникнешься его обаянием. В чём причина этого?

Наверное, в восприимчивости осьминога, в его умении быстро принимать решения и верно реагировать на создающуюся ситуацию, в тонкости восприятия непростой подводной жизни, отчего он, должно быть, и ведёт по большей части отшельнический образ существования. Притягательна именно эта завораживающая замкнутость, и возможность осьминога перевоплощаться, и особенная способность быть ни на кого не похожим, заключая в себе эту обаятельную тайну необыкновенного подводного жителя, призванного ещё и по-хорошему обескураживать.

Осьминог – неподражаем, он удивительно гармоничен в своём самозабвенном нахождении в этом отрешённом царстве тишины и покоя.

Неторопливо, и в тоже время очень легко планирует осьминог над самым дном, чуть касаясь его кончиками щупалец, будто пританцовывая на цыпочках. Тело его очень гибко, оно послушно отзывается на малейшие изменения вокруг, и всё же, продвигаясь короткими, еле приметными толчками, осьминог, на первый взгляд, воспринимается неповоротливым животным. Глаза его неподвижны, и только зрачки открываются, округлившись, или суживаются до тонкой чёрной полоски. Со стороны осьминог представляется каким-то отрешённым существом, позабывшим причину своего нахождения в таком же отрешённом подводном царстве, но оно ему, кажется, уже давно по нутру, и он ничего не желает менять в своей полной загадок жизни. Так бы и плыл за осьминогом, зачарованный его плавными движениями, в надежде обрести вместе с ним великую тайну моря.

«ЗУБАТКА»

В повестях о подводном мире тропиков настоящим пиратом глубин всегда выступает мурена, в наших же дальневосточных водах её успешно заменяет зубатка. Люди, связанные с морем, неслучайно прозвали эту рыбу «волко-рыба», «морской волк» или просто – «рыба-собака», а среди подводников она именуется не иначе, как «мурена северных морей», и это не лишено основания. Зубатка – настоящий хищник!

Зубатка почти не отличается от своей широко известной хозяйки подводных глубин в тропиках, ибо повадки её сродни своей южной соплеменнице: зубатка, как будто, действительно стоит на страже каких-то неведомых подводных кладов. Всегда прячется в водорослях, и появляется так же неожиданно, как и исчезает, а оказавшись пойманной – хватается своими страшными челюстями всё без разбора. Не разобрать: защитная ли это реакция или агрессивность?! Зубатка в приступе ярости способна перехватить зубами хорошее прочное весло, и что уж при этом говорить о человеческой руке!

Но не одни лишь страшные зубы обеспечили этому «морскому волку» его грозное имя. Рыбаки издревле причисляли этой рыбе ещё и отчаянное бешенство, глаза её, по их утверждению, всегда, якобы, выражают нечто коварное, и будучи поймана, она остервенело мечется в сетях, стараясь разорвать их, кусает всякий предмет, который держат перед нею, словом, проявляет необыкновенное буйство. Рыбаки остерегаются брать её руками, но замечая, что злобное животное попало в сеть, тотчас хватаются за весло, чтобы поскорее заколотить её до смерти. В противном случае зубатка ещё полдня бьётся на дне лодки, так как она без особого вреда для себя может долгое время жить вне воды, сохраняя свою удивительную свирепость.

Среди подводных обитателей, как и среди людей, встречаются такие, которые часто проявляют боязливость, беспокойство, даже непоседливость, и именно эти качества делают их порой агрессивными, но порой сама природа, кажется, производит такое существо, один вид которого уже предназначен устрашать, не говоря про характер. Вот и внешность этой рыбы очень необычна, она и на рыбу-то не похожа – длинное, мягкое, колышущееся тело, впрочем, часто очень красиво окрашенное, имеет змеиную головку с оскаленными зубами и крохотными злобными глазками, а во всём облике – какая-то необъяснимая непредсказуемость, даже – затаенная угроза. Зубатка таится в укрытии, и неожиданно нападает, как только выдаётся случай. Кажется, вся её сущность нацелена на нападение: главное её оружие – решительный быстрый выпад, призванный именно повергнуть!

Не раз наблюдая эту рыбу, у меня сложилось мнение, что нападая, зубатка не подвержена панике, даже находясь в непосредственной близости от человека, но ей трудно отказаться в подозрительности. Ощущая свою силу, зубатка будто призвана природой постоянно её проявлять, кого бы это ни

касалось. Перед человеком у зубатки определённо нет страха, поскольку она считает себя в своей среде неуязвимой. Мало того, зубатка, видимо, любит нападать, и её ничто при этом не пугает.

Обычно зубатка хоронится в густых зарослях водорослей, это – её излюбленное место. Всем своим существом она призвана к стремительному броску и сложно миновать её зубов, если ты, хотя бы и случайно, потревожил её в своём убежище. Зубатка, кажется, спит и видит, чтобы в кого-нибудь или во что-нибудь вцепиться, не взирая на размеры того, кто её потревожил. Но на самом деле зубатка, как и её тропическая соплеменница – мурена, редко нападает первой, если только её не потревожить. Раненная или чем-либо разъярённая – она смело атакует своего врага, и тогда её крепкие челюсти наносят подводному пловцу жестокие раны.

Если всё-таки зубатка вцепилась вам в руку, нужно попытаться нанести ей удар по голове, выше глаз, где у неё расположен мозг, и лучше это сделать ножом. Что же касается ядовитости зубов этого подводного хищника, то исследования не обнаружили у зубатки желез, выделяющих яд. Просто зубы этих рыб покрыты слоем грязи и слизи, содержащих болезнетворные микробы, к тому же, раны от укуса зубатки, сами по себе рваные, долго не заживают.

Словом, зубатка опасна, скорее всего, только в обороне. Убедившись в этом на практике, быстро привыкаешь к её присутствию рядом и не обращаешь особого внимания. Однако постоянно помнишь о силе её челюстей.

К слову сказать, мурены не так страшны, как принято о них думать. Известные австралийские фотографы-маринисты супруги Валери и Рон Тэйлоры, неутомимые исследователи подводного мира, в течение многих лет наблюдавшие за муренами, утверждают, что это довольно миролюбивые и совершенно беззлобные существа, склонные к играм, а если и атакуют, то только когда их к этому спровоцировали или напугали. Но ведь так поступает любое существо и на суше и под водой.

Зубатка же отличается именно кровожадностью, каким-то порой остервенелым поведением. Её жуткие корявые зубы не идут ни в какое сравнение с пастью мурены, которая хотя и держит её постоянно открытой, но не потому, что готова кого-нибудь ухватить, а просто – это её способ дышать. Зубатка – настоящее подводное чудовище!

В Австралии существует клуб укушенных акулами... Как только в печати сообщается о нападении акулы на человека, клуб посылает жертве приглашение вступить в члены клуба, если, конечно, она осталась жива. Существой на Сахалине клуб укушенных зубатками, я бы непременно стал его полноправным членом, ибо до сих пор ношу на себе следы её укуса.

Однажды зубатка вцепилась в мою руку, резко и быстро встряхивая её, будто это была тряпичная кукла, и словно разбудила от той задумчивой сосредоточенности, с которой я осуществлял подводную работу. Это прозвучит странно, но я почему-то не почувствовал тогда боли, ощущая

лишь онемение, и только позже, оказавшись наверху, осознал серьёзность раны: на левой руке, ниже локтевого сустава, обильно кровоточила рваная, величиной чуть ли не с кулак рана...

Известно, что начиная с июля до самой осени, у зубаток происходит нерест, вблизи берега. Самки откладывают икру в виде крупных шаров в какой-нибудь пещерке или зарослях водорослей, а самцы охраняют её. Период развития икринок длится два-три месяца, и всё это время самцы зубатки дежурят у них, не в силах покинуть. Видимо, именно на такого самца, находящегося на страже своего потомства, и натолкнулся я при добыче морской капусты, которую мы тогда добывали у берегов Южного Сахалина, и он бесстрашно ринулся на меня, невзирая на моё превосходство в размерах. За что же мне на него было сердиться?!

Оказавшись в густых зарослях капусты, немудрено было встретиться там с хищником, обитающим именно в таких местах. Я неоднократно наблюдал под водой, прямо перед собой, змеевидное, серовато-белое тело зубатки, покрытое чёрными полосами, и всегда удачно избегал с ней столкновения, замечая её заранее, но в этот раз всё-таки не разглядел спрятавшуюся в траве рыбу, за что поплатился изуродованной рукой и порванным неопреновым костюмом. Теперь я каждый день гляжу на шрам, и невольно вспоминаю море, Сахалин и свою зубатку, испытывая к ней за это благодарность.

Каких максимальных размеров достигает этот подводный хищник, сказать трудно, но, видимо, метровая длина для него далеко не предел. Однажды, при выборе трала на одном из научно-исследовательских судов, когда мы работали у острова Монерон, в улове была обнаружена зубатка, которую я держал на вытянутых вверх руках, а хвост её касался палубы. Я хорошо тогда рассмотрел пасть этого хищника, и помню, как поразили меня его зубы: грязноватые, неровные, с очень острыми краями, благодаря которым эта рыба и получила, вероятно, своё название.

Забравшись в самую гущу водорослей и высывая наружу одну голову, поджидает зубатка свою жертву. Круглые, подёрнутые холодной голубой поволокой глаза её вглядываются во что-то пристально, даже злобно. Жаберные отверстия напряжённо пульсируют, изредка вздрагивают: всё в этой рыбе свидетельствует о стремлении напасть, причём, из засады, неожиданно, а усугубляет мрачный облик зубатки её мощная голова грязновато-серого цвета.

Зубатка привержена осёдлому образу жизни, она – домоседка, и редко покидает место своего обычного пребывания. Предпочитая скалистые расщелины или густые островки ламинарии вперемешку с ульвой и фукусами, зубатка, наверное, наслаждается своим неприметным образом жизни, в любой момент готовая кого-либо ухватить. Редко увидишь всё её змеевидное мощное тело, а когда неожиданно обнаружишь перед собой, поразишься, как она ловко передвигается волнообразными сильными движениями. Сливаясь своей неопределённой окраской с такой же неясной

подводной средой, зубатка всё время таится и зловещей морской тенью бесследно исчезает, чтобы появиться там, где её совсем не ждут.

«БЫЧОК»

Бычки – существа весьма миролюбивые. Во всяком случае, по отношению к нам, аквалангистам, они не проявляли какой-либо агрессии, когда мы постоянно сталкивались при работе с этими медлительными обитателями морского дна, хотя и приветливости с любопытством от них тоже не исходило. Скорее всего, им было глубоко всё равно наше близкое присутствие, и они, как можно долго, терпели его, но уж если мы переступали всякие допустимые границы, бычки с неудовольствием срывались с лёжки, впрочем, чаще всего, не отплывая и двух-трёх метров. С рук они у нас не ели, как этого можно добиться от многих рыб, но я сохранил о бычках самые трогательные воспоминания, изредка за ними наблюдал и даже забавлялся, играя.

Вся забава сводилась к одному: подплыв к какому-нибудь задремавшему бычку как можно ближе – щёлкнуть ему слегка по носу, или, наоборот, проявить неназойливое внимание, выражающееся, как правило, в нежном поглаживании лба или пощипывании плавников. Бычок почти всегда реагировал однозначно – страшно пугался и в мгновение исчезал, или грузно шлёпался в ил неподалёку, поднимая облако мути. Причём, происходило это очень смешно, что, собственно, нас и забавляло, и лишь в крайних случаях бычок отчего-то оставался на месте, настороженно или даже вопросительно взирая на тебя в ожидании твоих последующих действий.

Напуганный бычок обычно широко раскрывал свою пасть и страшно тарасил круглые глаза. Такой его испуганный и, видимо, крайне недовольный вид никогда не пугал, несмотря на то, что некоторые бычки достигали в длину более метра, а наоборот – веселил. Бычок, таким образом, наверное, желал казаться более внушительным, и всем своим видом как бы говорил: «Это возмутительно!» Но такое поведение бычка всегда вызывало только улыбку.

Бычок, по своей натуре склонный к сладостной послеобеденной дреме, видел в нас нарушителей своего спокойствия, мы были чужаками на его территории, но по миролюбивости характера он не предпринимал против нас никаких агрессивных действий. Однако его мощные челюсти и внушительных размеров пасть всё же порой изрядно смущали. Всё время не покидала мысль: а вдруг бычок, несмотря ни на что, возьмёт и заглотит твою руку? Даже, если эту пасть не украшали жуткие зубы, и она служила бычку только для того, чтобы удержать добычу в глотке, пока она не проглочена, всё-таки полной уверенности в своей безопасности у тебя не было. Но это и побуждало, как ни странно, завязать с ним игру...

А между тем, бычки не проявляют ни любопытства, ни дружелюбия. Они ведут под водой замкнутый образ жизни и, наверное, не желают выказывать какое-либо внимание или неудовольствие по отношению ко всему, что их окружает. Кроме объекта для своей охоты, коими являются

мелкие рыбёшки, рачки с червями и водоросли. Поохотившись, бычок обычно выбирает себе убежище, удобно устраивается в нём, и оставляет его, только достаточно проголодавшись. Лишь голод и более сильный обитатель морского дна могут вынудить бычка покинуть свои владения.

Иногда, если сильно досадить отдыхающему бычку, он, что случается увидеть крайне редко, не спешит ретироваться, наоборот – пытается утратить нарушителя спокойствия! Причём, не своими внушительными размерами, которых порой достигает, ни страшно выпученными глазами или раскрытой пастью, а неожиданно выпущенным изо рта пузырьком воздуха! Бычок прибегает к такому приёму явно осознанно, видно, как он готовится к этому, будто всем видом вразумляя противника удалиться.

Сначала по телу бычка пробегает мелкая дрожь, будто его охватывает лихорадка. Затем колыхание тела учащается, вздрагивание становится отрывистым, резким и завершается судорогой, сопровождающейся так же лихорадочно растворяемой пастью, из которой вдруг вырывается звук-пузырь: «Блюм-уокк-к!» В подводной тишине – это почти взрыв, устрашающе воздействующий на нападающего, своеобразное подводное оружие для рыбы, не способной иными способами прогнать недоброжелателя.

Завораживает в этом приёме сложность совершаемого действия: ведь легче было бы просто, взмахнув хвостом, исчезнуть! Но бычок, собравшись с духом, долго тужится, копит в себе напряжение и, на тебе, рывкнет! Именно так можно охарактеризовать совершаемое им действие. Глаза бычка при этом наливаются кровью, соловеют, затягиваясь плёнкой необычайно отрешённого возбуждения, и будто готовы вот-вот лопнуть!

Увидев хотя бы однажды перед самым лицом такую устрашающую рожу, почему-то сразу осознаёшь, что это не вспышка гнева, а именно оружие, не раз, видимо, опробованное и воспринимаемое самим бычком как нечто естественное, даже беззлобное. И ты вдруг понимаешь, что с бычком, будь для этого больше времени и собственного терпения, вполне возможно было бы найти общий язык, довольно легко убедив рыбу в своих добрых намерениях. Бычок уже не кажется таким тупым, каким ты привык воспринимать его во время постоянных погружений, и тебе хочется установить с ним приятельские отношения.

Однажды, находясь в добром расположении духа, я решил поиграть с одним бычком, который привлёк меня своим умиротворённым состоянием и внушительными размерами. Такого огромного бычка я ещё никогда не встречал! Бычок лежал прямо на открытом дне, слегка зарывшись в песок, и солнечные лучи, пронизывающие толщу воды, мягко освещали его тёмно-синюю мощную голову, толстые сизые губы и остановившиеся бледно-голубые глаза. Бычок уставился ими в одну точку, будто задумался или уснул, и я, проплывая мимо, захотел расшевелить его и понаблюдать – что бычок после этого предпримет?

Приблизившись к бычку вплотную, стараясь двигаться плавно, я осторожно протянул к нему руку - и погладил пальцем его лоб. Бычок даже ни шелохнулся. Может, не почувствовал моего прикосновения, а скорее всего - притворился, что ничего не замечает, выжидая – что последует дальше.

Обычно потревоженный чем-либо бычок, которого впору назвать быком из-за его неуклюжих и очень внушительных габаритов, на мгновение, как будто, уходит в себя, сжимается, иногда даже начинает казаться, что он зажмуривается, но в следующий миг - широко раскрывает пасть, глаза его мутнеют и, обернувшись вокруг себя, он молниеносно исчезает, подняв огромное облако взбаламученной донной смеси... Но мой бычок лежал смирно: хоть и торчат во все стороны иголки, обтянутые кожей, и губищи толстенные очерчивают огромный хищный рот, и глаза выкачены так жутко, будто на самом деле он тебя пугает, а не боишься этого подводного чудища!

Вскоре, осмелев, я стал уже поглаживать лоб бычка всей ладонью, и вдруг обнаружил, что бычку это нравится. Настороженно раскрытые глаза его медленно прикрываются, и я принимаюсь тихонечко щекотать его вздутые массивные щёки: бычок никак не реагирует. Тогда я пробую осторожно обхватить морду бычка обеими ладошками, и бычок принимается помахивать хвостом, а два его плавника по бокам переливаются мелкой дрожью.

И тут мне приходит в голову мысль покататься на бычке: пристроиться над ним сзади, как можно не навязчивее, но крепко ухватившись за его крепко сбитое туловище, и чтобы он непременно потянул за собой, как это обычно делают дельфины, когда возят на себе взрослых и детей. Стараясь не потревожить бычка, я заплыл к нему с обратной стороны, обхватил руками и, прижавшись грудью к его спине, сразу погрузился в непроницаемую тьму: бычок зарылся в грунт, а затем принялся судорожно изгибаться, поднимая тучи песка. Всё поплыло перед глазами, сначала ничего не было видно, но вот мы двинулись, и постепенно вокруг прорисовались очертания небольших островков зостеры, тёмно-коричневые трепанги на белом песке и, наконец, вздрагивающее тело самого бычка. Он, видимо, не понимал – что с ним происходит, отчего движения его были хаотичными, какими-то кривообразными, и я отцепился от бычка, после чего он мгновенно растворился в зеленовато-голубой водяной толще. Как-то сразу стало ясно, что бычок, несмотря на то, что он такой большущий, дельфина заменить не в силах, и я отступился, внутренне пожелав бычку долгой подводной жизни.

Бычки часто встречались нам во время проведения подводных работ по добыче морских продуктов, особенно много их попадалось в заливе Буссе, и всегда они вели себя очень доброжелательно, даже мило. Плывёшь над самым дном, собирая трепанг, и вдруг натыкаешься взглядом на чьи-то застывшие в подводных сумерках глаза, вызывающие интерес своей отрешённостью от всего. Бычки будто находятся в забытии, когда мирно покоятся на дне, часто зарываясь по самые глаза в песок. Вид, вроде бы,

рассеянный, но в тоже время настороженный. Если же бычка потревожить, он, кажется, уплывает - сам не зная куда, чтобы, наверное, в скорости опять зарыться в грунт или улечься в какую-нибудь ямку, прикрытую водорослями.

Крупному бычку присуща некоторая леность, и объясняется она отсутствием врагов на небольшой глубине, обилием пищи и достаточно прогретой водой, видимо, располагающей бычков к сладостной дрёме. Такого бычка трудно согнать с облюбованного им места, для этого следовало приложить немалые усилия, но вот бычки поменьше, вспугнутые подводным пловцом, сильно взбаламучивали воду, тем самым сбивая нас с залежей трепанга, и приходилось порой длительное время кружить в поисках утерянной полянки с голотуриями, проклиная про себя этих непутёвых рыб. Все бычки воспринимались именно непутёвыми, будто позабывшими – для чего они существуют. Весь вид бычка чаще всего отображает в нём необъяснимое раздумье, в которое он надолго впадает.

Взгляд бычка также выражает некую заторможенность, пронизывающую тебя своим отрешённым холодом. Но вскоре до тебя доходит, что бычок не следит за тобой, а просто застывает в одном положении, причём, движения руки перед самым его носом даже не выводят бычка из странного оцепенения. Только дотронувшись до бычка, иной раз это необходимо сделать неоднократно, можно его расшевелить, после чего бычок очумело бросается в сторону и исчезает. Но надолго ли?

В скором времени ты натыкаешься точно на такого же бычка, может быть, даже на того самого, и в этом нет ничего необычного. Бычок вряд ли уплывает далеко, скорее всего, залегая где-нибудь неподалёку: у него нет причин беспокоиться, и он только сменяет место, чтобы избавиться от чьего-либо надоедливого присутствия. Скорее всего, бычок даже не понимает – что его потревожило, и в скором времени опять погружается в своё сладостное забытье, ничего и никого толком не воспринимая.

Да ему того и не надо, ибо нет, кажется, среди рыб более покойного обитателя, чем бычок. Он не вносит в жизнь подводного царства никакого смятения, если только его опять же конкретно не потревожить. Порой даже начинает казаться, что бычки с каким-то определённым намерением изображают из себя довольно покладистых актёров, в чём тоже сказывается их незлобивость, некое природное обаяние.

И всё-таки один бычок меня как-то сильно напугал... Морда его сразу показалась мне подозрительной, вернее, она выражала необъяснимые чувства. Первое впечатление, особенно в непривычной для тебя среде, обычно самое верное, но я не прислушался к внутреннему голосу. Холодный, остановившийся взгляд бледно-голубоватых глаз, выпяченная толстая нижняя губа, надувшиеся щёки могли смутить любое хладнокровие, если вы столкнулись с подобным чудищем нос к носу, да ещё впервые, но я уже имел достаточный опыт работы под водой, и грозный вид бычка меня не устрасил. Мало того, я решил поиграть с ним, и только потянулся к нему, чтобы погладить его большущий лоб, как бычок изогнулся, молниеносно,

чего раньше за ним не наблюдалось, разинул пасть, и проглотил руку чуть ли ни целиком, прихватив толстыми губами выше локтя...

Хотя рука моя и была облачена в толстую неопределённую перчатку, я тотчас испытал неприятное чувство от шероховатых внутренностей бычка. Рука будто очутилась в капкане, и я сразу ощутил тщётность собственных усилий, поскольку глотка бычка представляла настоящий наждак, где мелкие заострённые шипы располагались, как и зубы у щуки, под углом, вглубь его объёмной утробы. К тому же, бычок очень сильно сжал своими челюстями моё предплечье и, попытавшись высвободиться, я понял, что попал: такой мощи от обычно миролюбивого бычка я не ожидал. А бычок, как обезумевший, начал мотать головой, и не думая выпускать руку, поднимая огромное облако ила, и эта борьба грозила сбить мне дыхание, чего никак нельзя было допустить. И тогда я свободной рукой изо всех сил ударил бычка по широкому скользкому лбу, после чего пасть неожиданно открылась. Больше уж я не допускал никаких вольностей по отношению к этим занятным рыбам, которые, конечно, не заслуживали подобного обращения.

Так ведут себя, в основном, крупные бычки, достигающие порой метра в длину при толщине туловища в хорошее дерево. Но вот маленькие бычки, которые ещё не достигли внушительных размеров и не обрели некую монументальную леность, очень вездесущи, и то и дело снуют над самым дном, чертят в воде невидимые зигзаги, а завидев в скалистом грунте укромные пещерки или расщелины, стремглав бросаются к ним и, совершив крутой поворот, влезают в них хвостом вперёд, так что из отверстия торчит только пучеглазая головка. Из своего укрытия бычки внимательно наблюдают за каждой проплывающей мимо рыбкой или движением аквалангиста, их зоркие, хотя и неподвижные глаза не упускают ни единой мелочи, а чуть что – они мгновенно исчезают, как будто их и не было. Совсем маленькие и юркие напоминают в такой момент кукушку в стенных часах, что беспрестанно выскакивает из своей норки-домика и прячется обратно, вместо призывной песенки выпуская в воду несколько серебристых пузырьков...

Не составляет труда поймать бычка на лесу, намотав её на палец. Не нужно никакого грузила и поплавка. Насадишь кусочек рыбьего мяса на крючок и закидывай в заросли колышущейся у берега морской капусты: мгновенно следует поклёвка! Может, конечно, попасться терпуг, камбала или краснопёрка, но чаще всего приманку хватает именно бычок: не успеешь закинуть – уже дёргает!

Ловля бычков не отличается сложностью потому, что бычок всеяден и не брезгует ничем: он легко и бесхитростно идёт на любую приманку, попадает в тралы и сети, плетёные корчажки, его без особого труда вылавливают даже руками, когда бычок покидает убежище под камнями...

Один из представителей этого рыбьего рода – бычок-подкаменщик, именно так и делает: он держится преимущественно на каменистом грунте,

часто на значительной глубине, где и лежит неподвижно на камнях или под ними, прижавшись всем телом и подкарауливая добычу. Когда добыча приблизится, бычок, быстро ударяя своими сильными круглыми плавниками, не слишком стремительно, но ловко подплывает к ней снизу и, открыв свою чудовищную пасть, погребает в ней животное почти такой же величины, как он сам. Прожорливость бычка удивительна, он проглатывает буквально всё съедобное: рыб, крабов, раковины, червей, и кроме того – всякие отбросы с кораблей.

Словом, бычок вездесущ и неприхотлив, отчего, наверное, все и воспринимают его за простофилю. Простое дело, конечно, не мудрёное, без затей, всякому оно доступно, и хотя никто и нигде собственно не охотится за этой ненавистой многим рыболовам добычей, бычок, однако, попадает в большом количестве помимо воли рыбаков, чем кого-то из них, порою, наверное, и радуется. Мясо бычка нигде не считается вкусным, но вот печень ценится высоко, и потому эта невзрачная рыба употребляется в пищу знатоками морской кухни, которые не нахвалятся её целебной силой. Ко всему прочему, из печени бычка добывается превосходный жир...

Что же касается размеров головы этой необычной рыбы, составляющей самую значительную её часть, то причину этого следует искать опять же в ненасытности бычка, хватающего в свой широкий рот что попало... Для чего рыбе, не отличающейся ценностью мяса, такая большая голова, ко всему прочему украшенная многочисленными шипами? Разве ей стоит кого-то так бояться?!

Вероятно, только в большой голове может располагаться внушительная пасть, призванная хватать и глотать, не пропуская ни единой живности. Некоторые исследователи даже утверждают, что бычки не только пожирают всевозможную пищу, но и себе подобных: большие – меньших... Вот и называют бычков часто «головёшками» не из-за того, что они и длиной и окрасом напоминают потухшие в печи или костре головни, а потому что голова у них необычайно велика. Лежи себе в полусонном состоянии, разинув рот, да без особого труда хватай проплывающих мимо морских обитателей! При лености бычка огромная пасть для него – истинное спасение!

И ничего, что бычок не ценится в продаже и употребляется, скорее, как приманка на удочках: замечательно уже то, что он есть. Вроде бы, и не благородных кровей рыба, но значительна своим внешним видом и обаятельным поведением. Бытует даже мнение, что простой народ в России употреблял этих рыбок как хорошее противоядие от укусов гадюки, а высушенную голову бычка носили на шее как талисман. И головастый бычок, и губастый, и глядит косо исподлобья, и весь в колючих шипах и иголках, но как без него было бы скучно! Поживёшь, как говорится, на морском веку – поклонись и бычку!

«МАСЛЮК»

В дальневосточных морях нередко попадаетея непохожий на других рыб маслюк, тело которого очень вытянуто, приплюснуто с боков, и более напоминает змею, нежели рыбу. Тем он, в первую очередь, и обращает на себя внимание. Держится маслюк по весне и в начале лета в прибрежных водах, преимущественно – в зостере или филлоспадиксе, иногда – в зарослях морской капусты, но предпочитает каменистые грунты, с расщелинами.

Маслюк ловок, быстр и, кажется, очень смышлён, ибо во всём его облике угадывается спокойная настороженность ничего не боящегося, но находящегося всегда настороже животного. Гладкой змейкой скользит он в толще воды, замирая там, где ему того захочется, либо когда подкрадывается к добыче. Плавные движения его гибкого тела завораживают, маслюк, будто, убаюкивает сознание, а затем молниеносно исчезает.

Но что странно, изредка он позволяет с собой поиграть, при этом – не прячется, не убегает, а ровно отдаётся на твою волю, стелясь под рукой изгибающимся вёртким телом и выделявая самые неопишуемые колена. Чуть коснёшься его гладкой спинки, и он даже не вздрогнет, будто подластится под твою руку, ожидая внимания, и ты уже более уверенно проведёшь ей по его масляной коже, норовя украдкой обхватить маслюка плотнее, пропустив его в сжатой ладони от головы до хвоста. Если маслюк позволяет подобное обращение, он вытягивается в струнку, но придя в себя – мгновенно собирается в пружинистый гладкий комочек и, распрямившись, тотчас исчезает в траве, правда, ненадолго...

При общей длине в тридцать-сорок сантиметров, под водой маслюк воспринимается чуть ли ни метровой рыбой, даже, скорее, змеей, и когда неожиданно столкнёшься в зарослях водорослей с его изгибающимся длинным телом, то сначала напугаешься. Хотя полное имя этой рыбы и звучит как «маслюк обыкновенный», но несомненно, что правильнее было бы именовать её как «маслюк необыкновенный». При красивом ловком теле, своеобразном передвижении и повадках, маслюк, ко всему прочему, обладает замечательным окрасом, представляющим смешение ярко-красного, даже пурпурного цвета с жёлто-бурым, чёрным и белым. Когда маслюк изгибается и перекручивается вокруг себя, то переливается всеми цветами радуги, приобретая чудесную по тонам радужную облачность. Вдобавок, вдоль всей спины маслюка тянется плавник, включающий в себя несколько десятков лучей, которые окаймляют опаловые пятна... Маслюк не только необыкновенный, он – удивительный!

Несмотря на гибкое тело и неуловимость маслюка, его преследуют многие хищные рыбы, птицы и звери. Один из самых опасных врагов – зубатка, что обитает там же, где и маслюк, и весьма мало церемонится с ним; бакланы, которые держатся обычно на прибрежных камнях, ловко выхватывают маслюка из воды во время отлива; чайки не пропустят

возможности полакомиться доступной в эту пору рыбкой; песцы и лисы выбрасывают в малую воду извивающихся маслюков на берег, поедая их в большом количестве.

Человек же почти не употребляет маслюка в пищу, ибо рыба не велика в размерах, да и держится особняком, так что ловить её специально никто не будет, хотя мясо его и недурно на вкус. Если только маслюк попадётся случайно в трал, сеть или какое-либо прибрежное орудие лова, рассчитанное, скажем, на крабов... Рыбаки обычно пользуются маслюком, когда не находят лучшей приманки для больших рыб.

Легче всего поймать маслюков, когда отлив только начинается. Интересно наблюдать за ними в эту пору: все рыбы и другие подводные обитатели, за исключением многочисленных моллюсков и мелких крабиков, норовят ускользнуть на глубину, чего не сказать о маслюках. Течение в сторону моря усиливается, оно способно сбить с ног даже человека, а вёрткие рыбки изо всех сил рвутся на мелководье... Эти их устремления на первый взгляд покажутся странными, если не знать о любви маслюков скользить на беловатом брюхе по таким же, как и они, разноцветным камешкам, выхватывая из под них между делом попадающихся рачков и червей. По мере приближения прилива – выходи на берег, и обязательно увидишь красивых, с поблескивающими спинками рыбок, воспринимаемых как очередной маленький сюрприз моря.

Что ещё можно написать о маслюках? За время сильного отлива нередко случается увидеть, как маслюки, чаще, всё-таки, это небольшие рыбки, не только устремляются к берегу, но и затаиваются в маленьких лужицах, под камнями, по-видимому, не без удовольствия ожидая прилива. И могут находиться в таком положении довольно долго: маслюки легко переносят продолжительное отсутствие воды, хотя и не подвергают себя открытому сухому воздуху, стараясь добыть необходимую влагу. Имея скользкое, маслянистое тело, за что маслюк и получил своё название, его очень сложно поймать, даже когда он оказывается почти оголённым, на виду. Но даже если вы изловчились и всё-таки прихватили маслюка, удержать его в руках невероятно трудно. Маслюк рано или поздно всё равно вырвется, оставив на ладонях и одежде изрядную порцию слизи.

Извиваясь, скользят по каменистому и песчаному дну маслюки, напоминающие небольших змеек – полозов. У полоза и окраска очень схожая с такой же вёрткой подводной рыбкой, и повадки, и длина. Смотришь на маслюка, а вспоминается наш уральский лес, каменистые взгорья и россыпи, где в обилии обитают эти змеи...

И всё-таки, в отличие от таких же неповторимых змей, маслюк более подвижен, красив, можно даже сказать – элегантен. Его гибкое тело позволяет ему легко скрываться среди камней и слоёвищ морской капусты, так что порой и не отличишь: где пёстрая увёртливая рыбка, а где колышущийся пучок филлоспадикса или зостеры. Даже свою икру маслюк

норовит припрятать в пустые раковины двустворчатых моллюсков, и самка с самцом вместе её охраняют.

Не часто можно увидеть под водой маслока... Скорее попадётся желтовато-пурпурная цианея с длинным шлейфом тонких фиолетовых щупалец, маленький шустрый осьминожек или стая голубовато-прозрачных медуз-крестовичков. В серо-зелёной дымке выплывают перед тобой красновато-бурые трепанги, тёмно-синие, с алыми пятнышками патирии, сиреневые амурские звёзды, и бог весть, что ещё приведётся встретить тебе под водой, пока вдруг не покажется между камней радужно окрашенный, изящно извивающийся маслок...

И что любопытно: маслок совершенно лишён страха. Подпустит близко, но не уплывает, а уляжется на камнях, свернувшись колечком, и приподнимет голову, как бесстрашная змейка. Можно взять его в руки, правда, он всё равно выскользнет: удержать маслока сложно.

Сразу приходит на ум вопрос: в чём причина такой особенности маслока, как гладкость? Вблизи дна северных морей всегда преобладают рыбы со змеевидным телом, имеющие мелкую чешую или лишённые её совсем, а всё дело в том, что чешуя рыб защищает их кожу от грибковых организмов и мелких паразитов. В тёплых водах опасность таких заражений велика, так как там на дне изобилуют подобные организмы, в холодных же водах количество их резко уменьшается и поэтому надобность в твёрдом покрытии у рыб снижается. Но вот почему маслокам, имеющим достаточно врагов, не присуща осторожность, - для меня остаётся загадкой. Может быть, именно благодаря своей маслянистости?!

Однажды я коснулся такого маслока голой рукой и очень удивился, что тело его не прохладно: оно было тёплое! И захотелось ещё дотронуться до рыбы, и я опять прикоснулся к её спинке, и мне это сошло гладко: маслок только принялся играть, извиваться, прятаясь в камнях, будто выглядывая на меня из-за них. Отчего маслок так гладок в отличие от других рыб, так маслянист, думал я? Ведь живёт в одной и той же с ними среде, однако, до невероятности скользкий, юркий, хотя и не скажешь, что он достаточно быстр. Масляная рыбка, а для чего – неизвестно.

Видать, маслоку надобно там проскользнуть, куда другой морской обитатель и не сунется. Где же это? И почему, всё-таки, тело у него маслянистое, неухватное, готовое в любой момент выскользнуть, просочиться, словом, всех обойти, от любого хищника удрать, а появиться там, где его никто и не ожидает. Маслок-маслок, от чего ты масляный такой?

Так или иначе, а быть масляным, да ловким маслоку на руку. Гладок, как змея, но не гадок. Бог морской его таковым создал и дарованной рыбе маслянистостью её от чего-то, и кого-то оберёг. Чего тут скажешь, кроме того, что маслоку судьба быть гладким и увёртливым?! Скользок маслок, вёрток как счастье, не ухватишь, но как говорится – жить вёртко, да помирать терпко.

«МОРСКОЙ КОНЁК»

У песчаных берегов живёт маленькая занятная рыбка – морской конёк, и его невозможно не узнать сразу. Держится конёк только там, где роскошная прибрежная растительность покрывает морское дно, так как между водорослями он отыскивает себе пищу, и, обернув свой цепкий хвост вокруг листьев зостеры, похож на задремавшую на привязи маленькую лошадку. Заросли морской травы – излюбленное место обитания этой необычной рыбки.

Мордочка у конька относительно короткая, маленький рот несколько открыт посередине, голова украшена бородачатым хрящевидным отростком, а хвост усажен по краям иглами. Изогнутое туловище покрывают широкие щиточки, хвост – четыре плоских колечка и пучки нитей, и всё это – при общей пепельно-бурой окраске, которая при известном отражении света слегка отливает синим, зеленовато-жёлтым и красным цветом. В спинном плавнике конька насчитывается два десятка лучей, в грудном – чуть меньше, длина же тела колеблется между пятнадцатью и двадцатью сантиметрами: крохотная морская «лошадка»...

Помню первое впечатление, когда мне попался на глаза морской конёк. Он валялся неподалёку от прибойной полосы в камнях, уже порядком подсох и пах морем. Я очень удивился его будто выточенной фигурке: что-то шахматное угадывалось в нём, он был, как красивый деревянный конёк, загадочно замерший на игровой доске для того, чтобы в скором времени разгромить своих противников, но и присутствовало в нём нечто особенное, только морское. Изящно вздёрнутая головка, гордо выпяченная грудь, а лёгкие грациозные линии спинки и хвостика только добавляли ему изящества. Трудно сразу вообразить, что такая игрушечная морская «лошадка» способна ужиться в отчаянно бушующей водной стихии. Наверное, ей удаётся это из-за какой-то неведомой никому волшебной ловкости, даже прыткости, с которой она преодолевает буруны и волны.

И ведь что интересно – морской конёк удивительно напоминает сухопутное, всеми любимое животное, вместо быстрых ног обладающего упругим хвостиком, юрко передвигаясь с помощью него в совершенно непроницаемой толще водорослей. Чаще всего конёк встречается в комке водорослей, оказавшегося после шторма на берегу, в котором он застревает высохшим, ярко-золотистым силуэтом. Иногда попадаются коньки тёмно-красного, жёлтого и даже чёрного цвета, но всегда, любого из них, хочется взять в руки...

В море нет более странного существа, чем морской конёк. По внешнему виду и по образу действий он похож на что угодно, но только не на рыбу, а морской конёк – именно рыба! Голова конька напоминает лошадиную, волосики на макушке – гриву, вечно колышущиеся плавнички по обе стороны головы можно принять за уши, гибкий и цепкий хвост –

словно маленький хобот слона, мордочка и вытянутый носик с утолщением на конце – какая-то замысловатая морская дудочка, через которую волшебный стеклодув выдувает сказочно красивые сосуды, вращающиеся независимо друг от друга глаза – как драгоценные камешки... И всё это умещается в маленьком морском существе, которое ещё носит молодых коньков в сумке под хвостом!

Морской конёк поражает своими формами человека, только начавшего открывать для себя тайны подводного царства. И уж тем более эта странная рыбка радует детей, которые находят её на песчаном берегу, присаживаются рядом и с любопытством разглядывают. Тот, кто в первый раз увидит морского конька, непременно станет в тупик, не зная - куда причислить это странное животное, совершенно непохожее на рыбу.

Отсутствие хвостового плавника, как у других рыб, конечно, лишает конька быстрого передвижения, он почти недвижимо сидит в водорослях, зацепившись за них крючкообразным хвостом и высматривая добычу, которая, главным образом, состоит из маленьких, незаметных для невооружённого глаза ракообразных, но если ему приходится передвигаться, конёк, тем не менее, проявляет необыкновенную прыткость. С замечательным проворством бросается он на свою добычу, а овладев ей, опять замирает, быстро обмотавшись хвостом вокруг водоросли.

При плавании морской конёк всегда держится отвесно, чаще всё же проявляя медлительность. Благодаря своеобразному виду и заманчивости своей окраски, а также какой-то присущей ему торжественности движений, морской конёк служит украшением ... аквариумов. Никакой другой пользы он, кажется, не приносит.

На первый взгляд морской конёк и сам не ведаёт – для чего он существует, такой маленький и неприметный в необъятных океанских просторах, но понаблюдав за ним – понимаешь: он – как намагниченная стрелочка компаса, повиснув в тёмно-синей водной толще, неспешно обозначает для подводных обитателей какие-то только им ведомые направления, и что удивительно – сознавая своё неприметное, но нужное назначение... Это хорошо видно по его чёткому, вернее даже – очень взвешенному поведению. При этом конёк не преисполнен какой-либо важности, он при всей своей горделивой и независимой «конной» осанке, в самом названии обозначенной, обаятелен и скромнен, лишь неприхотливо исполняя природную миссию: удивлять и радовать, порой – совершенно зачаровывая.

Впрочем, в старину бытовало мнение, что если повесить морского конька на шею, то развивается ... похоть. Кроме того, высушенное и истолчённое в порошок мясо его употребляли как лекарство против разных болезней, в том числе – от укусов бешеной собаки. Пепел этого животного, смешанный с лежалым салом и селитрою или с крепким уксусом, составляет хорошую мазь для лысых или для тех, у кого лезут волосы. Порошком высушенного морского конька можно ещё успокоить боль в боку или

покалывания, а употребление внутрь помогает тем, кто страдает недержанием мочи. Чего только не причислишь бесконечной на чудесные тайны морской стихии!

Кстати, в водах Австралии попадает вид, очень напоминающий морского конька, так называемый тряпичник, отличающийся от него лишь необыкновенным обилием разных отростков и придатков, которые болтаются по сторонам тела своеобразной рыбы точно лоскутья от платья, некоей неведомой морской одежды. Благодаря этим болтающимся придаткам, животное издали необыкновенным образом напоминает морские растения, среди которых, в основном, и держится. Только постановка тела у тряпичника в воде не отвесная, как у конька, а наклонённая вперёд. В этой наклонённой позе тряпичник и есть настоящая морская «лошадка», постоянно развевающимися лоскутками создающая впечатление устремлённости её вперёд, к каким-то неведомым подводным целям. Но и конёк, и тряпичник в своём движении всё равно загадочно задумчивы.

Обычно встречаешь под водой только одного конька, зацепившегося хвостом за стебель морской травы и плавно покачивающегося в такт колышущимся зарослям водорослей, и отчего-то воспринимаешь коньков как одиноких, никогда не общающихся между собой животных. Да и на берегу тебе всегда попадает какой-нибудь одиноко завалившийся в песке или запутавшийся в траве конёк... От всего этого подумаешь о коньках как о замкнутых в себе, таинственных существах, встречающихся, к тому же, реже других морских обитателей. Конёк, решаешь ты, предоставлен только самому себе, и отчего-то даже пожалеешь его.

Но однажды, проплывая вдоль самого края целого луга из филлоспадикса, я отчего-то поднял голову и на фоне светлеющей поверхности заметил, как два морских конька предаются замысловатому ухаживанию в виде танца, во время которого, по-видимому, это были самец и самка, кружили один вокруг другого, причём, совершая это попеременно. Они кружились вокруг друг друга и одновременно вокруг себя, чуть пританцовывая на месте, и выглядело это очень завораживающе, как какое-то подводное колдовство или заклинание, не несущее в себе ничего плохого.

Зачастую коньки перевиваются друг с другом хвостами, после чего принимаются дёргать и тянуть, чтобы распутаться. При этом они прикрепляются подбородком к водоросли, стараясь держаться как можно крепче. Глаза их двигаются, как у хамелеона, независимо друг от друга, и эта особенность их, вместе с изменчивостью цвета, сильно привлекает к ним внимание.

В завершение такого танца самка обычно откладывает несколько сотен кирпично-красных икринок в сумку самца, и он заботится о них до тех пор, пока они не проклюнутся. Сумка, в сущности, представляет собой матку, и икринки получают питание из крови самца. И именно отец должен испытывать «родовые муки». Так необычно происходят у морских коньков свадьбы, медовый месяц и переживание счастливых во всех отношениях

брачных уз, в которых конёк – мама, а его любимая «лошадка» - папа. Чудные морские существа – славные гонцы моря, радостно разносящие повсюду его глубинные вести и нестигаемую удаль!

И что ещё удивительно: в каком положении морской конёк находится в течение всей своей жизни, в таком – и умирает, долгое время не теряя загадочной привлекательности и не поддаваясь гниению. Поистине – морской василиск, в которого морской бог вдохнул частицу своего волшебства, призванного очаровывать и по-хорошему покорять.

Положишь такого конька на ладошку, и любишься сходством неподражаемого морского мира с удивительной сушей. А ещё дивишься необыкновенной лёгкости конька, вернее – его невесомости, в тоже время заключающей в себе какую-то морскую необузданность, обаяние моря, которое оно зачем-то вложило в маленькую морскую «лошадку». Конёк, действительно, как будто скачет, играет в глубине моря, и любим мы его за то, что он напоминает нам любимого с детства сказочного «конька-горбунка»... У каждого, как говорится, свой конёк, а у меня – морской!

«КАМБАЛА»

Кто не знает камбалу?!

Камбала, пожалуй, чаще других рыб попадается аквалангисту под водой, и когда она неожиданно срывается со дна, на фоне которого была совершенно не отличима, то напоминает вспугнутую птицу: бесполезно пытаться её догнать... «Полёт» камбалы, вроде бы, не скорый, рыба будто преодолевает в себе какие-то сдерживающие её силы, изгибаясь всем телом и трепеща боковыми плавниками, и ты сначала попытаешься догнать рыбку, имеющую необычную форму, чтобы поиграть с ней. Рыбка начнёт ещё более извиваться, как змейка, и вдруг неожиданно устремится, продолжая парить надо дном невесомой мозаичной лепёшкой, и ты поймёшь, что камбалу тебе не достичь. В видимой доступности рыбы, её неповоротливости, скрыта необыкновенная лёгкость: кажется, что камбала не имеет веса.

Но самое привычное для себя пристанище камбала обнаруживает на дне, где с головой зарывается в песок. Бывает, на поверхности всё же торчат её настороженные глаза, да только разве разглядишь их среди разного рода осадочных отложений? Если камбалу слегка потревожить, и она ещё не ощущает особой опасности, то рыба только чуть обозначает свой силуэт, беспокойно поводя концами плавников, расположенных по краям своего округлого тела.

Камбала лежит, чутко улавливая любое движение вокруг, и как только опасность приближается, неожиданно срывается и лёгкими взмахами, амплитуда которых постепенно увеличивается, перемещается на несколько метров, окутанная облаком осадочных пород. Камбала никогда не поднимается высоко, а приземляется немного поодаль и потом снова удирает. Так, небольшими скачками, она может передвигаться достаточно долго, пока не обретает покой, и тогда вновь закапывается в донный грунт. Камбала – донная рыба и её невозможно представить парящей в толще воды, как селёдку или терпуга.

Пёстрое дно благоприятствует маскировке этой рыбы и, чаще всего, камбалу невозможно разглядеть, когда она находится в засаде или просто желает вздремнуть. Свой защитный камуфляж она обретает в зависимости от цвета дна и окружающей её обстановки, принимая окраску ила, песка или скал, облепленных моллюсками. Порой камбала сама способна менять расцветку, и встречаются такие красивые виды, что их начинаешь воспринимать как удачно раскрашенные тарелки или даже блюда.

Когда, в часы отлива море отступает от кромки берега, в лужицах, между камней, остаются маленькие плоские камбалы, которые не успели улизнуть. Для маскировки они немного заиливаются и закапываются в песочек, так что виден лишь бугорок в воде. Даже на берег выбираются, а назад вернуться не могут. Чем это вызвано? Трудно сказать...

В этих лужицах камбалы оказываются для всех лёгкой добычей. Мы ходили в отлив с палочками, на конце с гвоздём, и накалывали их, бросая в сумку, висящую на плече. Если камбала пыталась удрать – можно было слегка наступить на неё ногой, чуточку попридержав, а когда ты брал изгибающуюся рыбку в руки, она неожиданно замирала, будто теряя в себе жизнь. Но стоило бросить её в отливающую от берега воду, и камбала тотчас оживала, мгновенно прижимаясь к оголяющемуся дну и принимая его окраску.

Совсем малюсенькие камбалы напоминали при этом живые разноцветные монетки, имеющие разную ценность, но, тем не менее, каждая сохраняла свою бесценность. Сделаешь шаг, и брызнут в стороны будто рассыпавшиеся весёлые денежки, составляющие богатство моря... Залюбуешься им, конечно, неизвестно чему обрадуешься, и опять подумаешь о своём неслучайном пребывании рядом с родной стихией, дарящей тебе силы, знания и счастье.

Японцы, не представляющие своей жизни без моря, ловят камбал без всяких приспособлений... В лунные ночи, когда рыба, как замороженная, выбирается на мелководье, крестьяне с корзинами забредают по колено в воду, и время от времени приподнимаются на цыпочках: какая-нибудь мелкая камбалка обязательно сунется под пятки, видимо, привлекаемая образовавшейся тенью, и следует только быстро опуститься на все ступни, прижав рыбу ко дну, после чего она летит в корзину. За ночь можно наполнить её рыбой почти с верхом, а камбала всё подлазит и подлазит под пятки, приятно щекоча их своими трепетными крылышками.

Камбала необычна во всём: в своём поведении – то игривом, то отрешённо затаивающимся; в форме постоянно изгибающегося тела, за которое рыбаки называют её «морским языком»; в том, как камбала умело меняет окраску, и, наконец, в расположении глаз. Многие считают, что камбалы – одноглазые, но это не так: камбалы, как и все рыбы, имеют два глаза...

Дело в том, что молодые камбалы плавают прямо и имеют, как обыкновенные рыбы, по глазу с каждой стороны головы. Однако вскоре они начинают наклоняться в ту или другую сторону. Одновременно глаз, упирающийся в дно, перемещается с одной части головы на другую, пока не оказывается возле второго глаза. Рыба всё больше времени находится на одном боку, плавательный пузырь у неё исчезает, и она совсем опускается на дно. Лишённая теперь глаз нижняя сторона становится бледной, и верхняя приобретает окраску в тон грунту, на котором лежит рыба. Все эти превращения происходят в течение первых 6-12 недель жизни, когда камбала не достигает в длину и трёх сантиметров. Повторяется порядок изменений, которые претерпевали предки камбалы во время эволюционного развития, длившегося миллионы лет.

Но, несмотря на сдвинутые глаза, тело у камбалы удивительно симметрично, оно не нарушено никакими искривлениями, сужениями или

утолщениями. Камбала обладает идеальной ромбовидной формой, призванной свободно пронизывать водную толщу, паря в ней. Вот-вот, кажется, сольётся с водой, перетекая в неё трепещущим серо-голубым облачком, совершенно растворившись. Также неуловимо камбала и ускользает от тебя под водой, стоит только к ней приблизиться: заструится нежным невесомым островком, и – будто её и не было. Плавая при помощи колебательных движений своих длинных боковых плавников, камбала – как сама морская волна, плавно набегающая на берег и стекающая с него.

Работая под водой, никогда не упустишь случая поиграть с этой симпатичной рыбкой. Плывёшь над каким-нибудь песчаным участком дна, где чаще всего встречается камбала, и то там, то здесь поднимаются мутноватые вихри песка: это плоские рыбки, совершая волнообразные движения плавниками, выбиваются из грунта. Точно так же, подрагивая всем телом и боковыми плавниками, обрамляющими их овальное тело, они и закапываются, забрасывая себя сверху песком. На поверхности остаются только глаза и рот рыбы, так что различишь камбалу, лишь, когда подплывёшь к ней чуть ли не вплотную...

Камбала очень чутко улавливает малейшее колебание воды, и не всегда тебе удаётся дотронуться до её спинки. Но иногда она как будто засыпает, ничего не воспринимая, и ты можешь погладить её, после чего камбала только переметнётся на небольшое расстояние и опять уляжется на песок, чуть подрагивая хвостом. Ухватив рыбку обеими руками, слегка зажав между ладоней, переворачиваешь её вверх белоснежным гладким животом, белизна которого неожиданно поразит своей нежностью, и подбрасываешь: камбала, как птица, затрепещет всем телом, замечется в поисках спасительного дна, а обнаружив его – стремительно бросается прочь, стараясь по пути свернуть в густые заросли водорослей, или скрыться между камнями... Смотришь ей вслед - и сердце, как и рыбка, радостно затрепещет в груди, так что отчего-то забудешь: где ты и чем здесь занят...

... Всё поглотит собой слияние с удивительной стихией, где всякому её обитателю найдётся необходимое для жизни пространство. Даже – человеку, с его неугасимым желанием превращать мечты в реальность, после чего свет совершенства рано или поздно озарит его, и все морские обитатели станут для него по-настоящему родными.